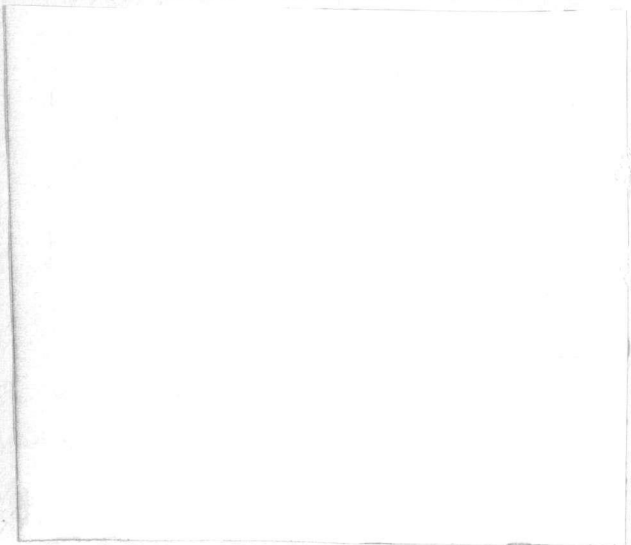
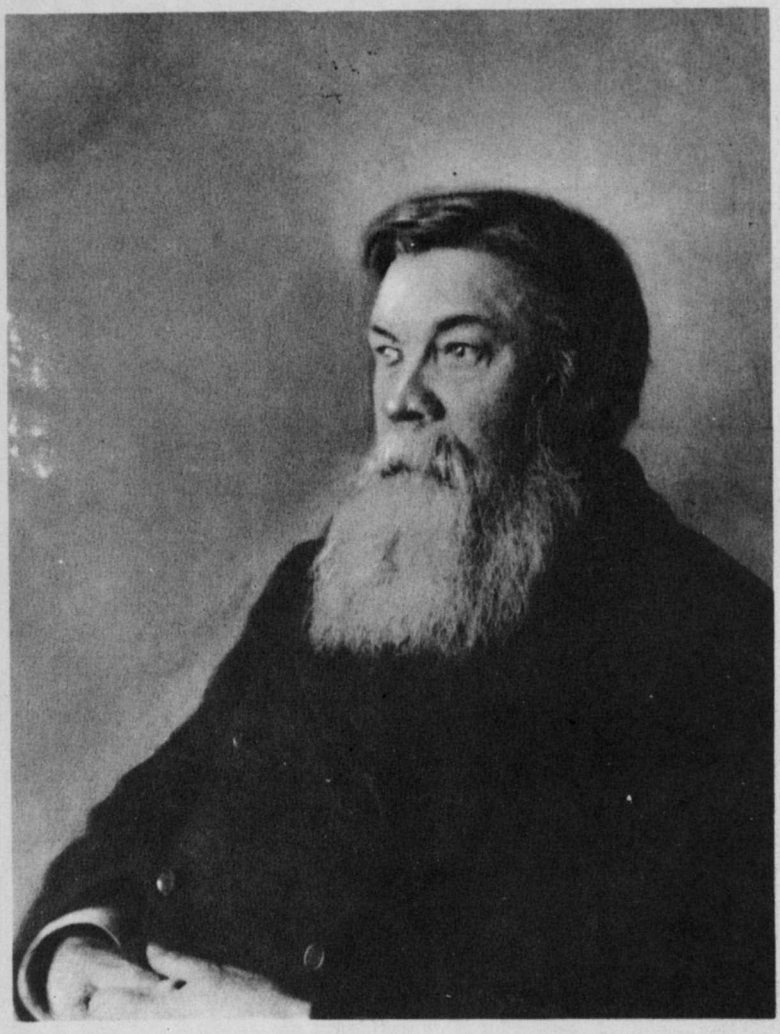
Б 74.03
К 78
24430-К

Н.Г. КРАСНОВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЧУВАШСКИЙ ПЕДАГОГ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Национальная библиотека ЧР
k-024430

Н.Г. КРАСНОВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЧУВАШСКИЙ ПЕДАГОГ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
1992

ББК 74. 03(2)
К 78

Краснов Н. Г.
К 78 Выдающийся чувашский педагог-просветитель.—Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992.—416 с., ил.

ISBN 5-7670-0627-X

В настоящей книге всесторонне освещена жизнь и деятельность выдающегося чувашского педагога-просветителя И. Я. Яковлева. Обобщено и показано значение его научного наследия в современных условиях.

Книга содержит много новых материалов, извлеченных из различных библиотек и архивов СССР и ряда зарубежных стран.

Адресована широкому кругу читателей.

ББК 74.03 (2)

К $\frac{4301000000-24}{М\ 136(03)-92}$ 78—92

24430-К

Николай Герасимович КРАСНОВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЧУВАШСКИЙ ПЕДАГОГ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Редактор Н. П. Герасимова
Художник **М. Д. Давлетшин**
Художественный редактор Г. С. Самсонова
Технический редактор В. П. Окина
Корректоры Р. П. Кудряшова, Н. П. Печникова

ИБ 2679

Сдано в набор 27.05.91 г. Подписано к печати 11.02.92. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,57. Учетно-изд. л. 26,72. Тираж 2000 экз. Заказ № 1323. Изд. № 78. Цена «С» 5.

Чувашское книжное издательство, 428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4. Типография № 1 Государственного комитета Чувашской Республики по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 15.

© Чувашское книжное издательство, 1992

Чувашская республиканская библиотека

ПРОВЕРЕНО 2015

ВВЕДЕНИЕ

Иван Яковлевич Яковлев (1848—1930) относится к числу выдающихся деятелей культуры и просвещения дореволюционной России во второй половине XIX и начале XX веков. Все его творчество явилось продолжением замечательных традиций русского просветительства, заложенных лучшими представителями интеллигенции нашего Отечества. Чувашский педагог-просветитель распространял и умножал эти традиции среди народов Поволжья путем создания широкой сети сельских школ и культурно-просветительских обществ.

И. Я. Яковлев был сеятелем на ниву народную, организатором комплекса учебных заведений в г. Симбирске, в которых учились чуваши, русские, мордва, марийцы, татары, украинцы, отдельные представители других народов России. Преподавательский состав в них был также многонационален. В комплекс учебных заведений входили: мужская учительская школа и женские педагогические курсы, начальные мужские и женские училища, которые к 1917 году выпустили более 1200 учителей, работавших во многих уголках многонациональной России. Один из симбирских историков в свое время справедливо заметил, что имя И. Я. Яковлева «как пионера в деле просвещения инородцев останется памятным в Поволжском крае»[1].

И. Я. Яковлев избрал себе не обычную торную дорогу, а тернистый путь служения народу. Еще будучи гимназистом он организовал частную школу для подготовки сельских учителей, а в годы учебы в университете создал новые ныне используемый чувашский алфавит, первые буквари, учебники и учебные пособия для народной школы. Центральное место в его многогранной жизни занимала Симбирская чу-

[1] **Агринский А. С.** Симбирская гимназия (1809—1909): Историческая записка.—Симбирск, 1909. С. 145.

вашская школа, которая, по словам А. В. Луначарского, являлась «источником возрождения всей чувашской культуры»[1]. В царской России она была первой национальной школой чувашского народа, а в годы Советской власти стала первым чувашским вузом.

С первых же дней своего существования Симбирская чувашская школа нашла поддержку и сочувствие со стороны просвещенных симбирян, благодаря чему и стала постепенно расширяться. В добывании средств для ее содержания И. Я. Яковлев проявлял необыкновенную энергию и находчивость. Его настойчивые хлопоты и неустанная забота о школе вскоре привели к признанию школы сначала местным учебным начальством, земством и только потом Министерством народного просвещения. Со временем в Симбирске возник целый школьный городок, в котором протекала особая, оригинальная жизнь, совершенно не похожая на жизнь других учебных заведений губернского центра. Сюда съезжались крестьяне с разных губерний. Условия жизни оставались крестьянские. Учащиеся ходили в крестьянской одежде, сами себя обслуживали, но одновременно изучали науку, на ферме школы собирали неплохие урожаи, содержали скот, а в учебных мастерских изготовляли приличную мебель.

Забота И. Я. Яковлева о народе не ограничивалась лишь сферой образования. Ему всегда были близки и его хозяйственно-экономические потребности. К нему в Симбирск являлись ходоки сельских обществ, плохо знавшие русский язык и не опытные в ведении финансовых дел. Он давал им указания и советы, а затем сам, как человек большого практического ума, отправлялся хлопотать за них перед администрацией Крестьянского банка, уездных и губернских земств. Его кипучая деятельность на пользу народа продолжалась более полувека (1864—1922).

Симбиряне обычно называли И. Я. Яковлева «чувашским богом». В этом уважительном прозвище заключалась значительная доля правды. Он был, действительно, для чувашей богом — создателем национального самосознания, их народной интеллигенции, культуры и т. д. Чувашский народ всегда гордится его именем. В свое время в Симбирской губернии была сложена народная песня «Иван Яковлевич — чуваш».

Лучшей наградой за подвиг его жизни было то, что в итоге он увидел свой народ свободным, образовавшим Чу-

[1] Известия ВЦИК. 1928. 16 октября.

вашскую автономную область. Осуществилась его заветная мечта — видеть родной народ в государственном строе в составе России. Несомненно, это было радостным событием в жизни просветителя. Для грядущих поколений он оставил завещание, в котором так современно и пророчески звучат его слова: «Верьте в Россию, любите ее, и она будет вам матерью.[1]»

И. Я. Яковлев был личностью российского масштаба. Его общественно-просветительная деятельность как крупного специалиста по так называемому инородческому вопросу была известна в высших правительственных сферах царской России. Он переписывался с обер-прокурорами Святейшего Синода Д. А. Толстым, К. П. Победоносцевым, В. К. Саблером и другими высокопоставленными чиновниками правительства по вопросам организации школ, церковных приходов, издания книг. И. Я. Яковлев встречался также с императором Николаем II, в октябре 1912 г. подарил ему только что переведенное на чувашский язык Евангелие.

И в годы Советской власти авторитет И. Я. Яковлева, несмотря на его старость, был непререкаем. В трудные дни он обращался за помощью к главе Советского правительства, В. И. Ленину, который по Симбирску лично знал чувашского просветителя и его дело. В 1918—1919 гг. В. И. Ленин послал в Симбирск строгие телеграммы в его защиту. По указанию же Ленина в 1920 г. СНК установил И. Я. Яковлеву государственную пенсию, а в Симбирске в том же году был организован первый чувашский вуз. Семейная дружба, заложенная И. Н. Ульяновым и И. Я. Яковлевым более 100 лет тому назад, поныне развивается их внуками.

Имя И. Я. Яковлева известно далеко за пределами нашей страны, о чем свидетельствуют документальные данные и литературные, архивные источники, содержащиеся в последнем разделе настоящей книги. Еще предстоит кропотливая работа по извлечению его рукописей, писем из архивов Кембриджского, Берлинского университетов, Академий наук Венгрии, Франции и других зарубежных стран.

Еще будучи студентом университета И. Я. Яковлев встречался с учеными ряда стран, приезжавшими в Казань, Симбирск, установил с ними творческие связи. Позднее, с целью изучения опыта зарубежных педагогов, он дважды выезжал в западноевропейские страны, да и к нему не раз приезжали ученые Венгрии, Англии, США, Германии. С на-

[1] См.: Приложение № 1.

чала 900-х годов он состоял почетным членом Британского и Иностранного Библейского Общества в Лондоне.

В современной зарубежной и отечественной научной литературе И. Я. Яковлев рассматривается как новатор педагогической науки, теоретик и практик начального образования в двуязычной национальной школе дореволюционной России. Исследование его наследия имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Разработанная им система подготовки сельских учителей широкого профиля применяется в профессиональной подготовке современных учителей. В Чувашском государственном педагогическом институте им. И. Я. Яковлева будущие учителя по своему желанию изучают садоводство, огородничество, цветоводство, пчеловодство, что помогает им адаптироваться в любой сельской местности, навсегда связать свою судьбу с деревней. В институте стало традицией проведение читательских конференций студентов по книгам И. Я. Яковлева: «Воспоминания», «Письма», «Из переписки» как заключительный этап в изучении всего курса педагогической науки. Кроме того, многолетний опыт работы И. Я. Яковлева с сельскими школами используется в экономическом, экологическом воспитании школьников, в создании подсобного хозяйства при сельских школах для укрепления их материальной базы, организации разумного культурного досуга, бесплатного питания, оказания материальной помощи детям. В этом отношении больших успехов добились сельские школы Янтиковского и Козловского районов Чувашии. Так, коллективом учащихся и учителей Ивановской неполной средней школы Янтиковского района за 25 лет успешного применения опыта и идей И. Я. Яковлева «сэкономлено государственных средств и создана материальная ценность на сумму более 1 млн. рублей. При этом учащиеся получили трудовые навыки по многим видам производства, учителя — ряд рабочих специальностей»[1].

Отсюда ясно, какое значение имеет пропаганда научно-педагогического наследия И. Я. Яковлева. Оно принадлежит не только истории, но и является средством решения многих современных проблем воспитания молодого поколения. Поэтому его наследие должно стать достоянием всего учительства, работников народного образования. Настоящая книга является естественным дополнением ко всем

[1] Педагогическое наследие И. Я. Яковлева и его использование в современной школе.—Чебоксары, 1988. С. 172—173.

другим изданиям, посвященным выдающемуся чувашскому педагогу-просветителю.

* * *

В книге содержится много новых, до сих пор не известных материалов, выявленных в архивах и библиотеках СССР и ряда зарубежных стран, а также родственников И. Я. Яковлева и его окружения. При расшифровке неопубликованных материалов были трудности. Ввиду давности некоторые утратили свой вид и малопригодны для чтения, не все слова в черновых вариантах рукописей поддались расшифровке. Такие места и недостающие слова обозначены многоточием в квадратных скобках [...] Во всем остальном точность цитирования оригиналов соблюдена. Сокращенные слова восстановлены полностью в скобках. Документы, печатная литература на иностранных языках даны в переводах на русский язык, а источники в сносках — на тех же языках. Публикуемые в пятой главе — «И. Я. Яковлев за рубежом» материалы библиотеки Кембриджского университета (Великобритания) любезно предоставлены в наше распоряжение сотрудником библиотеки, доктором Аланом Джессоном, за что мы выражаем ему глубокую благодарность.

Глава I

ДЕТСТВО И ПЕРВЫЕ УЧЕНИЧЕСКИЕ ГОДЫ

Я начинаю себя помнить
с 8-летнего возраста...

И. Я. ЯКОВЛЕВ

Детство

О детстве чувашского просветителя И. Я. Яковлева сохранилось исключительно мало документальных материалов. За тридцатилетний период исследования его наследия по настоящий день нам удалось обнаружить лишь несколько рукописей самого Яковлева, в которых им довольно подробно описаны отдельные жизненные эпизоды. Они относятся ко времени учебы в гимназии и службы в Симбирской чувашской учительской школе.

Часть личных документов И. Я. Яковлева — метрическая выпись, свидетельства об окончании начального училища, землемеро-таксаторских классов, аттестат гимназии — в годы Великой Отечественной войны были уничтожены при подготовке архива Казанского университета к эвакуации.

Скудные сведения сохранились о родителях и родственниках — удельных крестьянах Симбирской губернии. В последнее время вышло несколько книг, предваряющих издание собрания сочинений И. Я. Яковлева. В процессе их подготовки удалось выявить немало ценных, до сих пор неизвестных материалов, и на их основе уточнить дату рождения просветителя, время поступления и продолжительность учебы в Симбирском уездном училище и т. д.

И. Я. Яковлев родился 13 (25) апреля 1848 года в чувашской деревне Кошки-Новотимбаево Бюргановского приказа, Жуковского прихода, Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Тетюшский район Татарской ССР). Кошки-Новотимбаево — поселение, выделившееся из другой, со-

седней, деревни. В 1848 г. на родине Яковлева насчитывалось около 60 дворов. Недалеко от этой деревни несколько веков назад возникло болгарское городище Хулаш. Как известно, в 1236 г. раннефеодальное государство Волжская Болгария была покорена монголо-татарами и ее территория вошла в состав Золотой Орды. Многие города, в том числе Хулаш, были разрушены и преданы огню. По сей день приезжающие на родину И. Я. Яковлева туристы увозят отсюда на память обломки камней болгарского городища. По словам известного чувашского писателя И. И. Иванова (1845—1883), собирателя фольклорных памятников своего народа, богачи Хулаша совершали паломничество в исторический центр ислама — город Мекку[1].

Деревню Кошки-Новотимбаево издавна окружали мордовские, татарские и русские поселения. Родители Яковлева были ее коренными жителями. Его материнский род прослеживается с начала XIX в. Родная мать Яковлева умерла в 1848 г. В черновике автобиографии гимназист Иван Яковлев 26 августа 1868 г. записал: «Я родился 13 апреля 1848 г. День моего рождения... считается самым счастливейшим. Это был третий день пасхи в том году. По другим известиям моих родичей, я родился 18 апреля... Но это, мне кажется, положительно неправда. Я тут полагаюсь на показания моих родных. Моя мать (Настасья Васильевна Макарова.—*Н. Г.*) скончалась спустя три дня после моего рождения, я был виновником ее смерти.

Хотя по поверью чуваш время моего рождения считается самым счастливым, но меня судьба начала преследовать почти со дня рождения. Я был излишний в семействе, за мной некому было присмотреть, сестра была слишком молода.

Семейство, в котором я родился, некогда богатое, первое в деревне, было в самом плачевном состоянии, старшему брату было 10, а сестре 8 лет. Трудно было растить ребенка без матери, без женщины в семействе.

Моя мать была, по отзыву всех ее знающих, чрезвычайно умная женщина, одаренная замечательной красотой между чувашами. Она в течение восьмилетнего вдовства отлично правила домом, который был одним из первых домов моей деревни как по зажиточности, так и по значению; на ее руках, кроме ее собственных детей — десятилетнего сына и восьмилетней дочери, оставшихся после мужа, были малолетние дети ее деверя. Она исполняла сама все крестьян-

[1] См.: Родная Волга. 1988. № 4. С. 42 (на чув. яз.).

ские работы, сама пахала, сама ездила на базар в город продавать хлеб и прочее, умела отлично отделаться, когда один из ее родственников хотел завладеть домом, и держаться...»[1]

К сожалению, в этой записке Яковлев ничего не пишет о своем отце. Мы тоже пока не обнаружили о нем никаких документально подтвержденных сведений. Обычно Яковлев не любил говорить о своем происхождении, но на вопросы отвечал так: «Мой отец был удельный крестьянин»[2]. Прожил он 69 лет.

В крепостной России зависимые крестьяне делились на удельных, государственных и помещичьих. Первые несли государственные повинности, платили оброк для содержания царской семьи. В 1797 г. для учета удельных земель, селений, рекрутских наборов был создан Департамент уделов, куда входили так называемые удельные экспедиции. В Среднем Поволжье функционировала Казанская удельная экспедиция (1797—1808 гг.), ведавшая удельными землями на территории Казанской, Симбирской, Пензенской и Нижегородской губерний. Позднее, в 1826 г., Департамент уделов вошел в состав Министерства императорского двора.

В 1808 г. вместо удельных экспедиций появились удельные конторы, в России их было всего 21. Симбирская удельная контора включала в себя Алатырскую, Сызранскую и Самарскую. В 1866 г. Алатырская и Сызранская конторы были упразднены. В удельных имениях конторы организовали приказы (для исполнения, в основном, полицейских функций). На сходах удельные крестьяне сами избирали старосту, сотских и десятских, которые контролировали прежде всего выполнение оброка, повинностей.

После смерти родной матери Яковлева усыновил удельный крестьянин той же деревни Кошки-Новотимбаево Пахом Кириллов. В 1837 г. от холеры умерли его сыновья Ефрем и Александр. Иван Яковлев стал третьим сыном в этой семье после Андрея и Филиппа (см. выписку из 9-й ревизской сказки по дер. Кошки-Новотимбаево). За младенцем особенно усердно ухаживала дочь Андрея, 8-летняя Настенька.

В 1904 г. семью Андрея, старшего сына Пахома Кирил-

---

[1] Далее страница вырвана. Отдел рукописей музея И. Я. Яковлева в Чувашском гос. пед. ин-те. Ф. Кондакова А. И. Папка № 1. Л. 6.

[2] Там же. Протоколы допросов. Л. 12.

ВЫПИСКА

из девятой ревизской сказки по дер. Кошки-Новотимбаево Бургановского приказа Буинского уезда Симбирской губернии 29 июля 1850 года[1]

№№ пп	Семья мужского пола	По последней ревизии	Из того числа выбыло. Куда именно	Ныне лета	Женский пол	лета
59	Пахом Кириллов	34		50	Пахома Кириллова жена Авдотья Васильевна	51
	Пахома Кириллова сыновья:					
	Андрей	11		27	Андрея Пахомова жена Анна Васильевна	23
					его же дочь Настасья	8
	Филипп	7	Отдан в рекруты в 1849 г.			
	Ефрем	4	Умер в 1837 г.			
	Александр	2	Умер в 1837 г.			
	Пахома Кириллова приемыш от вдовы Настасьи Макаровой незаконнорожденный сын Иван по крестному отцу Яковлев					

лова, посетила известная публицистка С. В. Чичерина (сестра Г. В. Чичерина), в годы реакции смело защищавшая И. Я. Яковлева и его школу в Симбирске от всевозможных нападок. Для изучения состояния просвещения нерусских народов Среднего Поволжья и Приуралья она путешествовала по многим губерниям, встречалась с сельскими учителями, священниками и даже крестьянами. В ее дневнике читаем: «Я навестила ту семью, в которой Иван Яковлевич воспитывался в детстве. Слепая старушка, сидевшая на нарах, рассказала, что она главным образом о нем заботилась. Эта семья живет очень хорошо, изба у них большая и чистая, в несколько комнат, и они, видимо, гордятся, что из их дома вышел человек, пользующийся такой большой из-

[1] ГАУО. Ф. 156. Оп. 2. Д. 387. Л. 34—35.

вестностью»[1]. Слепая старушка, с которой беседовала Чичерина, это жена Андрея Кириллова, а жена Пахома Кириллова Авдотья Васильевна (сестра родной матери И. Я. Яковлева) к этому времени умерла. Отметим, что упомянутый в дневнике Чичериной большой и светлый дом Кирилловым помог построить И. Я. Яковлев.

Трудно жилось удельным крестьянам, обязанным выполнять тяжелые урочные (барщинные) работы в пользу удела. О тяжести «уроков» можно судить хотя бы потому, что во время уборки картофеля одна женщина за день должна была выкопать и собрать его с площади 683 кв. м.[2] Тяжелые условия жизни пагубно отражались на здоровье крестьян. Многие лишались зрения, рано умирали. В Буинском уезде часто вспыхивали эпидемии холеры, уносившие немало человеческих жизней. Маленький Иван Яковлев был спасен от этого лишь благодаря заботливости семьи Кирилловых, а также вниманию других матерей деревни, жалевших сироту.

Семью Кирилловых часто посещало несчастье. В 1849 г. забрали в рекруты второго сына Пахома — Филиппа. Это было большим горем для семьи. Рекрутскую повинность чуваши считали хуже смерти. Филипп не вернулся домой: погиб во время Крымской войны 1853—1856 гг. В ней погибло много чувашей. Не случайно впоследствии в народе долго бытовала печальная рекрутская песня о Севастополе[3]. Ее записал И. Я. Яковлев в первые годы учебы в университете.

В доме, где воспитывался Иван Яковлев, жили две семьи: Пахома Кириллова и его сына Андрея. У последнего в 1856 г. родился сын Петр, о воспитании и образовании которого позднее проявил большую заботу гимназист Яковлев. В доме Кирилловых маленький Иван не был чужим. Его окружали дружелюбие и ласка. Членов большой семьи сплачивал коллективный труд. О жизни в этой семье Яковлев писал: «Меня не обижали, относились как к родному ребенку. Я долго не знал о том, что Пахомовы мне чужие, хотя кое по каким признакам догадывался об этом. Пахомовы мне о моем происхождении не говорили. Только когда мне исполнилось лет 17, т. е. когда я уже учился в

---

[1] **Чичерина С. В.** У приволжских инородцев: Путевые заметки.—СПб., 1905. С. 344.

[2] Симбирские губернские ведомости. 1861. № 25.

[3] Отдел рукописей музея И. Я. Яковлева в Чувашском гос. пед. ин-те. Ф. Кондакова А. И. Папка 1. Л. 3.

гимназии, увидев свою метрику о рождении и крещении, я узнал, что эта не родная моя семья»[1].

До поступления в школу Яковлев пастушил в родной деревне вместе с татарином Хакимом, который обучал его татарскому языку, игре на флейте, искусству красиво вить кнут, плести лапти. Во время обеда, когда стадо отдыхало, подпасок Иван стирал рубахи, развешивал их на ветках старых ив, под которыми протекала янтарно чистая река Кильна, где Иван часто ловил рыбу. Бывало, забыв о пастушеских обязанностях, он так увлекался рыбалкой, что приходилось вмешиваться Хакиму. Беззаботное детство продолжалось недолго: в 1856 г. Ивана забрали в удельное училище, находившееся в Буинском уезде.

В удельном училище

Симбирская губерния находилась в ведении Департамента уделов. Для управления местностями и сбора налогов с крестьян требовались грамотные люди: писари, головы приказов, землемеры и т. д. Устав Главных сельских удельных училищ 1828 г. предписывал открывать по одному приходскому училищу при каждом сельском приказе удельного ведомства. Для содержания этих учебных заведений с крестьян собирали по 93 коп. с души. Учителями в училищах были, как правило, священнослужители. Прием учеников ежегодно производили приказной голова вместе с приходским священником, которые, составляя список, заносили в него большее количество детей, чем требовалось. Крестьяне считали для себя тяжелой обязанностью посылать детей в ученье и откупались, т. е. давали взятки. Обычно после набора учащихся приказной голова со священником возвращались домой из сел и деревень в сопровождении нескольких подвод, наполненных разными хозяйственными припасами, и с достаточной суммой денег[2]. Учителя-священники не считали для себя зазорным заниматься вымогательством. Обучение детей поэтому весьма дорого обходилось их родителям, которые должны были еще и подыскать квартиру, так как училища находились только в приходских селениях и не имели собственного жилья. Кроме того, устав удельных училищ требовал, чтобы родители обеспечи-

---

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. 2-е изд. доп. Чебоксары, 1983. С. 23. В дальнейшем ссылки на это издание.

[2] Русская школа. 1890. № 10. С. 22.

вали своих детей приличной одеждой и обувью, а учителя еще добивались, чтобы учащиеся ходили в школу не в лаптях, а в сапогах. Правда, Департамент уделов разрешал приказам на содержание мальчиков в удельном училище включать в сметы определенные суммы из мирских средств на выдачу денежных пособий, размер которых колебался между 4 и 30 рублями, в зависимости от обеспеченности родителей учащихся. Однако головы приказов выделяли на эти цели мизерные суммы, и почти все расходы, связанные с обучением детей в училище, ложились на плечи удельных крестьян. Запись детей на учебу для них была равносильна рекрутскому набору. Состоятельные родители старались откупиться, а бедным это не удавалось.

Летом 1856 г. заведующий Бурундукским удельным училищем священник А. Баратынский приехал в деревню Кошки-Новотимбаево для набора учеников на новый учебный год. Старосте деревни Питнову он приказал набрать восемь мальчиков, хотя столько и не требовалось, для чего был составлен список кандидатов. Однако их родителям удалось откупиться. Священник записал лишь одного, по имени Иван Яковлев, который по требованию Баратынского был доставлен прямо с поля. Баратынский приказал старосте привезти мальчика к началу учебного года в Бурундуки. Крестьяне, собравшиеся на сход по случаю записи в школу, были довольны: священник оставил их в покое, а Ивану, говорили они, все равно, у него нет родителей, пусть он выручит наших детей и успокоит матерей.

Суровое, принудительное обучение в школе отвращало детей от учебы. Родителей же оно лишало рабочей силы и вводило в дополнительные расходы по содержанию детей на квартирах. Приезд головы приказа, священника в деревню для набора детей был настоящим бедствием крестьян.

Без согласия на то опекунов Иван Яковлев был взят в удельное училище. Для семьи Кирилловых это был большой удар, особенно для слепого Пахома, которому Иван служил поводырем, верным помощником в хозяйстве. Теперь Пахому не с кем было ходить на пасеку, в лес. Несколько раз Кирилловы пытались освободить своего приемного сына, но безуспешно. Яковлев вспоминал: «Так как моя отправка в Бурундукское училище была не по душе слепцу, дедушке Пахому, лишавшемуся с моим уходом опытного, привыкшего к нему поводыря, то старик сделал попытку подкупить священника Баратынского, отвезя ему в виде взятки фунт цветочного чаю, купленного в Тетюшах за 1 р. 50 коп. или 1 р. 20 коп., с тем, чтобы тот уволил

меня из училища, тем более что в первый год моего пребывания в последнем занятия мои, благодаря моим болезням (оспа, ушиб головы), шли малоуспешно. Баратынский, конечно, взятки не принял и ходатайства не удовлетворил»[1].

По всей вероятности, Баратынский оставил Ивана Яковлева в училище не из гуманных побуждений, а потому, что Кирилловы предложили ему слишком незначительный выкуп. Как уже говорилось, священники, ездившие по селам, набирали в училище детей в количестве, значительно превышавшем нужное, и преимущественно из состоятельных семей. Затем родители начинали хлопотать: голова отсылал их к учителю, тот — к священнику, последний — обратно к голове и так до тех пор, пока сумма выкупа не достигала 10—25 руб. Причем этот средний размер выкупа за одного ученика стал даже общепризнанным среди учителей удельных училищ Симбирской губернии, охотно принимавших вместе с тем и всевозможные подарки от родителей. Разумеется, Кирилловы не в состоянии были заплатить за своего Ваню, как его называли в семье, такой большой выкуп, и он стал учеником Бурундукского удельного училища, которое объективно сыграло положительную роль в его судьбе — оно положило начало широкому образованию будущего просветителя-педагога.

Что из себя представляли Старые Бурундуки и училище, где Яковлеву предстояло учиться четыре года? Расположено село на берегу реки Свияги. Некогда оно считалось чувашским. После дворянско-монастырской колонизации Поволжья туда переселились русские. В Бурундуках в 1771 г. была построена церковь, а удельные училища появились в 1841 г. Государственная политика христианизации и обрусения нерусских заставляла чувашей покидать насиженные места, их священные территории с учук-юби (столбы, вокруг которых совершались языческие обряды и жертвоприношения) разорялись, что вызывало резкое недовольство местного населения и толкало их на открытые выступления. Выступления крестьян-язычников за свои права порою были настолько массовыми, что властям приходилось вызывать войска. Так, в 1861 году в Буинском уезде в подавлении крестьянских волнений пять раз участвовала вооруженная сила в количестве 1—2 рот.

Процесс обучения в удельном училище осуществлялся на русском языке, и поэтому был тягостным для нерусских детей, не знавших его. Здесь к тому же господствовал Белл-

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 38—39.

Ланкастерский метод взаимного обучения, заключавшийся в том, что старшие дети, проинструктированные учителем, должны были обучить младших. Эта система отрицательно влияла на учебную и воспитательную работу, почти полностью освобождала учителя от выполнения им своих прямых обязанностей. Он редко занимался даже со старшими учениками, которые обязаны были передавать младшим знания, полученные под руководством учителя.

Программа удельного училища включала закон божий, краткий катехизис и священную историю, чтение по книгам церковной и гражданской печати, рукописей, чистописание, четыре правила арифметики. Учащиеся, особенно те, кто не знал русского языка, зубрили предметы. Зубрежка тоже была следствием метода взаимного обучения и типична для всех школ России того времени.

Удельные училища испытывали нехватку учителей, учебников и учебных пособий. В 1829 г. удельное ведомство организовало в Москве Главное удельное училище, призванное готовить учителей для начальных школ. Однако и эта мера не помогла. «Выручал» уже упомянутый Белл-Ланкастерский метод обучения. Основными учебниками долгое время служили книги известного русского педагога В. А. Золотова (1804—1882): «Арифметика», «Русская азбука» и др.

Особенно широко использовался учебник «Нравоучительные разговоры для воспитания удельных училищ» (СПб., 1845). В нем учебный материал изложен в виде вопросов и ответов. Например:

«— Для чего мы должны приобретать познания?

— Для того, что познания доставляют нам весьма многие выгоды и жизнь нашу делают приятнее для нас самих и полезнее для других».

Устав училищ 1828 г., который появился после либерального устава 1804 г., допускал применение телесных наказаний. «Как, несмотря на все старания,—подчеркивается в нем,—иногда нельзя обходиться без строгих и даже телесных наказаний, то учитель может в случае нужды употреблять и сии меры исправления». Обычно, как говорил известный земский деятель В. Н. Назарьев, было три повода к сечению питомцев: «...когда ученик плохо учится, когда учитель напьется пьяный, и, наконец, когда розги являлись средством к достижению материальных целей»[1].

Такой процесс воспитания и обучения в удельном учили-

[1] Вестник Европы. 1876. № 3. С. 285.

ще как по форме, так и по содержанию вредил детской природе. Учебники и методика преподавания школьных дисциплин были трудны для восприятия детей. Вся атмосфера школьного образования, игнорирование родного языка учащихся при обучении не способствовали их духовному развитию и сознательному усвоению учебных программ, как бы элементарны они ни были.

В Бурундукском училище существовала обстановка вражды и национальной розни, которая как бы в миниатюре отражала царившую в России атмосферу великодержавного шовинизма. Разумеется, это не могло отрицательно не отразиться на учебно-воспитательном процессе. Позднее Яковлев с горечью рассказывал о времени пребывания в училище и о том положении, в каком «находились там малолетние воспитанники, отданные на полный произвол безнравственных, некультурных старших». Заведующий училищем священник А. И. Баратынский не заботился об организации обучения и нравственном воспитании учащихся, часто они были предоставлены сами себе. На время отсутствия заведующего из взрослых оставался сторож, которого старшие ученики, по обыкновению, отсылали под каким-нибудь предлогом, чтобы чинить произвол над младшими. Яковлев вспоминает: «Священник Баратынский появлялся в училище официально лишь в известные часы, хорошо изученные учениками, и то ненадолго, обходил наскоро заведение, присутствовал на некоторых уроках, читал в училище книги, газеты. Только изредка появлялся он в неурочное время. Для того чтобы он не мог натолкнуться на беспорядки, вроде истязаний, сечений и т. п., старшие воспитанники ставили по очереди двух особых часовых-караульщиков у ворот, ведших во двор училища, и на высоком крыльце, откуда далеко было видно. При этом была изобретена даже особая сигнализация»[1]. В отсутствие заведующего старшие, особенно по понедельникам, беспощадно били младших, устраивали дикие пытки (вставляли, например, ржавые перья в ногти), требуя от беззащитных малышей сладостей и подарков. Младшие боялись жаловаться Баратынскому: ведь последствия могли быть еще страшнее. Баратынский одновременно был и учителем, и заведующим училища.

О своей педагогике он любил писать в центральных газетах и журналах, при этом часто ссылался на высказыва-

[1] Яковлев И. Я. Воспоминания. С. 46—47.

24430-К
Чувашская республиканская библиотека им. М. Горького

ния западных философов и педагогов[1]. За пышной фразой скрывалась истинная, бесчеловечная сущность приемов воспитания и обучения, проповедовавшихся Баратынским и не раз подвергавшихся критике передовых педагогов того времени. Его часто критиковал редактор «Симбирских губернских ведомостей» М. В. Арнольдов за отрицание роли родного языка в школьном обучении нерусских детей. Баратынский не признавал дидактических правил и принципов, разработанных еще великим чешским педагогом Я. А. Коменским в XVII в. Известно, что процесс школьного обучения должен идти от известного к неизвестному. У Баратынского — наоборот: «... в первый год незнающие или плохо знающие по-русски чувашлята должны, между прочим, выучить повседневные молитвы с голоса, символ веры и 10 заповедей по книге наизусть, когда они еще не умеют читать»[2].

В годы учения в Бурундуках Иван Яковлев дважды тяжело болел, а весной 1859 г. его жизнь висела на волоске. Но молодость взяла свое, помогла ему справиться с недугом. Все это им подробно описано 18 апреля 1867 г. в черновой рукописи под названием «19 лет»: «Мне сегодня исполнилось 19 лет, по этому случаю я намерен здесь описать главные факты и случаи, бывшие в моей 19-летней жизни. Я родился на пасху в 1848 г. Я начинаю себя помнить с 8-летнего возраста. Как теперь помню А[лексея] И[вановича], вступившего в брак с Ан[ной] Алексеевной. Впрочем, как праздновали (свадьбу), теряется в моей памяти, но только хорошо (помню) следующий случай, относящийся до этого брака. Вскоре затем, до отпразднования брака, к нам приехали родные молодой супруги А(лексея) И(вановича) и помню, как меня она ласкала. К 10 [годам] я начал ходить в школу священника А[лексея] Б[аратынского], где оставался до июня 1860 г. В то время я испытал на себе две тяжкие болезни. Только было начал с большим усердием заниматься, как я заболел оспою и пролежал три месяца. Второй год начал также с большим усердием занятия, чтобы догнать моих товарищей. Тут опять надо мною разразилось большое несчастье. Это было так: меня одного

---

[1] См.: Педагогические заметки // Духовный вестник. 1863. Июнь. С. 254; О народном образовании в Буинском уезде // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ноябрь. С. 94—110. И др.

[2] Журнал Буинского земского собрания. Отношение редакции к журналу // Симбирские губернские ведомости. 1867. 21 июня. № 64. См. также: **Износков И.** Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии.—М., 1909. С. 44. И др.

ночью укладывали спать на полати, которые от пола были довольно высоко. Между полатями и печкой оставалось пустое пространство. Я ложился спать всегда раньше всех.

Однажды я крепко спал, вдруг, переворачиваясь с одной стороны на другую, упал с полатей. Какое было удивление у всех, когда увидели меня лежащего на полу совершенно без признаков жизни и испачканного кровью. Положение было опасное, все считали меня если не умершим, то близким к смерти.

Упав с полатей, я разбил себе голову и сделал рану до мозга величиной в старинный грош. Кроме этой раны, сильно ушиблось было правое плечо. В первый момент при виде почти мертвого трупа, как я сказал, все стояли в оцепенении. Солдат первым решил, что нужно взять в руки, в руках солдата в таком страшном положении я оставался до утра, как говорят, только к утру, к 6 часам, у меня появились признаки жизни, но я этого ничего не помню. Утром к 9 часам сам пришел Алексей Иванович. Тут распорядился (он) послать за фельдшером в деревню Бюрганы. Докторов близко не было. Часу к 12 пришел фельдшер. Я не знаю уж, ушел ли Алексей Иванович. Помню только, как ко мне подошел фельдшер и начал осматривать рану. Я, опомнясь, увидел толпу народа, жену Алексея Ивановича и других. Старухи охали, вздыхая при виде меня. Алексей Иванович был очень грустен.

Я все это совершенно точно не помню (только туманно): мне было холодно, и меня перенесли на печку. Боли я особенно не чувствовал, но двигаться не мог и все же хотел подняться и хватил рукой за голову. В это время я как-то задел случайно рану. Было опять ужасно больно, даже смертельно. Что со мной около печки сделалось, все так и никогда не мог припомнить и понять, что это такое.

Тут стали меня мыть и надевать другое белье. Фельдшер вскоре остановил кровь, или, быть может, она сама остановилась, начал прижигать (рану), но не знаю чем. От этой болезни я поправился лишь в июле месяце 1859 г.

Представьте себе, какое страшное [горе] меня постигло. В жаркое летнее время очень надобно было постоянно мыть рану, а то она могла начинать гнить... Я как теперь помню, как фельдшер часто у нас бывал, и я знаю благодаря ему вылечили меня... 3-й год в школе Алексея Ивановича был для меня счастливым годом. Я занимался со свойственным мне усердием и в половине зимы в науке догнал моих товарищей, к весне я уже был самый первый ученик. Тут уже подходил обычный годовой экзамен, и мы ждали

на наши экзамены Н. А. Плотникова и еще кого-то, которые были приглашены Алексеем Ивановичем. В это время меня сильно занимал вопрос моей будущности, т. к. обстоятельство изменилось. Я после сдачи экзаменов был почти предоставлен самому себе, впрочем, Алексей Иванович принимал еще участие. Экзамены окончились, и я был объявлен первым, что меня утешало, но еще больше заставило беспокоиться. Целых два месяца я ходил убитый (горем) и постоянно задавал себе вопрос: куда я поденусь и что я буду делать? Я хотел учиться, но не было никаких средств. Помню теперь, как однажды беседовал с Алексеем Ивановичем в кругу его семейства. Он выслушал мое горе[...] и сочувственным тоном начал говорить: «Да бедность. Я бы очень желал тебе попасть в гимназию, и тебе бы тут дорога открылась, (отсутствие) средств остановить это не может».

Я не могу описать мое тогдашнее горе. Я был в отчаянии и понимал свое положение...

Алексей Иванович в это время хлопотал о помещении меня в школу земельных работ при Симбирской мужской гимназии мерщиков[...] на казенный счет. В августе 1860 г. П. А. Плотников дал знать из Буинска Алексею Ивановичу, чтобы меня свезли в Симбирск... Так и сделали. В Симбирск на другой (день) по приезде нашем мы отправились к Белокрысенко. Белокрысенко нас к себе не пустил»[1].

Далее Яковлев пишет, что из удельной конторы он, очевидно, с возчиком, вернулся домой, а в начале сентября снова прибыл в Симбирск для продолжения образования.

Эта рукопись проясняет многие стороны жизни ученика удельного училища. В смысле вооружения знаниями подобное учебное заведение давало очень мало, лишь исходные начала духовной жизни. Однако пытливый Иван Яковлев многое постиг сам. Около двух лет он жил в семье Мушкеевых. Один из ее членов был участником Крымской войны 1853—1855 гг., вернулся домой весною 1859 г. Этот солдат также принимал участие в спасении жизни раненого Яковлева.

В семье Мушкеевых Яковлев получил истинно русское православное воспитание, она заронила в его душу семена любви и уважения к русскому народу, к его культуре. О главе семьи Г. И. Мушкееве позднее Яковлев рассказывал: «Он остался в памяти моей как необыкновенно трудолюби-

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 320 (полностью публикуется впервые).

вый, энергичный, не любивший, прямо не могший даже жить без дела, быстро работавший, с разносторонними талантами, русский крестьянин. Казалось, не существовало какой-либо отрасли труда, которая оказалась бы не по силам, не по способностям этого человека. У него не было, например, пчел. Он решил их завести, изучил пчеловодство и скоро у него имелся образцово устроенный пчельник»[1]. Иван Яковлев не был безучастен ко всем хозяйственным работам семьи Мушкеевых как полноправный ее член. Они же научили его делать несложные орудия труда, инструменты. Все это отнюдь не мешало ему учиться в удельном училище.

В последнем учебном году Иван Яковлев по успеваемости был самым первым. Поэтому А. И. Баратынский назначил его старостой класса, и с этого времени в младших классах прекратились беспорядки и издевательства старших над младшими учениками. Баратынский часто приглашал его к себе домой и даже познакомил с высокопоставленными чиновниками Симбирской удельной конторы.

Летом 1860 г. Яковлев блестяще окончил удельное училище. Вообще сильные ученики программу курса проходили за 4 года, а слабые — за 5—10 лет. «Мне лично известен,—писал по этому поводу земский деятель Симбирской губернии В. Н. Назарьев,—один молодой парень, высидевший в удельной школе 9 лет подряд, а другой, женившийся осенью по выходе из школы и поступивший в нее ребенком»[2].

Яковлев, благодаря своему трудолюбию и незаурядной памяти, успешно осваивал учебный материал, хотя и не все понимал. О таких учениках журнал «Русская школа», разделявший взгляды господствовавшего класса на образование нерусских народностей, писал: «На экзаменах ревизоры удивлялись памяти чувашских мальчиков, которые оказывались в состоянии заучить несколько учебников без всякого понимания»[3]. Такое бессмысленное заучивание без понимания было следствием применения того же Белл-Ланкастерского метода обучения детей, которым не приходилось слышать живой речи учителя, кроме выпевания и монотонного повторения старшими мальчиками одних и тех же слов. Яковлев вспоминал: «При выходе из Бурундукского училища я плохо усвоил русский язык, будучи

---

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 49.
[2] Вестник Европы. 1876. № 3. С. 286.
[3] Русская школа. 1890. № 10. С. 29.

в состоянии вести по-русски лишь самый простой, несложный разговор. Книги же я стал читать свободно по-русски позднее, лишь в 1864 году. Тем не менее при выпуске моем из училища меня заставили декламировать басню Крылова «Стрекоза и Муравей», хотя много мне в ней было совершенно не понятным. Катехизис Филарета я, как и другие воспитанники училища, чуваши, знал наизусть, почти безошибочно пересказывая его на уроках и на экзамене. Но из этого катехизиса я ровно ничего не понимал»[1].

В уездном училище и землемеро-таксаторских классах

5 сентября 1860 г. Симбирская удельная контора препроводила в уездное училище отношение, в котором просила проэкзаменовать 18 мальчиков, собранных со всей губернии. Здесь насчитывалось 28 начальных удельных училищ. В тот же день состоялись приемные экзамены. Сохранилась ведомость по результатам вступительных экзаменов в первый класс Симбирского уездного училища. Под номером 8 в ней стояла фамилия «...Бюргановского приказа д. Кошки-Новотимбаево Ивана Яковлева (из чуваш), 11 1/2 лет» со следующими оценками: священная история 4, катехизис 4, арифметика 2, счетоводство 2, чтение гражданской печати 4, чтение славянской печати 4, чистописание 3, письмо под диктовку 2. «Средний балл +3, принять»[2]. (По существовавшим тогда нормам «2» означало посредственную оценку.)

Среди принятых, кроме Яковлева, оказалось еще три чувашских мальчика из удельных крестьян: Афанасий Тихонов, Степан Федоров, Константин Андриянов. Самым молодым из них был Иван Яковлев. Все принятые готовились стать учителями сельских начальных училищ. Однако обстоятельства сложились иначе. Осенью 1860 г. Государственный Совет решил организовать при Симбирской мужской гимназии землемеро-таксаторские классы. 12 ноября 1860 г. «Симбирские губернские ведомости» опубликовали объявление о предстоящем открытии этих классов (см. приложение № 2). Но поскольку учебный год уже начался, то укомплектование классов затянулось. Дирекция гимназии решила пополнить контингент учащихся набранными

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 43.
[2] ГАУО. Ф. 128. Оп. 2. Д. 30. Л. 12.

мальчиками 1 класса уездного училища, которое тоже находилось в ее ведении. Так, неожиданно для себя, Яковлев оказался в землемеро-таксаторских классах, хотя возраст еще не позволял ему быть их учеником. И здесь чувствуется влияние А. И. Баратынского на Плотникова. Открытие этих классов было вызвано предстоящей крестьянской реформой — отменой крепостного права в России (1861 г.).

Классы готовили таксаторов, сельских мерщиков и чертежников. В их функции входило: составление карт имений, планировка участков, межевание земель. Учащиеся изучали следующие предметы: топографию, нивелировку, черчение, иллюминовку, надписывание и накладку планов, планиметрию, таксацию, естественные науки, межевые законы. Кроме того, ежегодно в течение двух летних месяцев они должны были проходить практику на полях. Все расходы, связанные с содержанием и обучением в этих классах, ложились на плечи крестьян в виде особой повинности — по 6 коп. в год с души.

Состав учащихся был разнообразным как по сословной, так и по национальной принадлежности. Здесь обучались дети крестьян, ремесленников и мелких чиновников. Вместе с Яковлевым в следующем году после первого набора училось немало чувашских мальчиков. Его близкими друзьями были Афанасий Никитин, Прохор Акимов, Александр Егоров. Здесь же учился симбирский крестьянин Ф. И. Альдин, с которым Яковлев совершенствовал свои навыки русской разговорной речи.

К лету 1861 г. в землемеро-таксаторских классах обучалось 34 ученика, в 1862 г.—23, в 1863 г.—20. Весь учебно-воспитательный процесс осуществлялся на русском языке. Не всем он был понятен. И это являлось основной причиной отсева учащихся. Но Яковлев не собирался покидать учебное заведение. Наоборот, по совету Баратынского летом 1861 г. он все свободное время использовал для совершенствования навыков разговорной русской речи: разговаривал сам с собой по-русски, на том же языке думал, молился.

По воспоминаниям самого Яковлева, обстановка в землемеро-таксаторских классах была лучше, чем в удельном училище. Иногда, правда, возникали споры, грубые шутки, столкновения учащихся на почве национальных различий, но «до кулаков» дело не доходило. Трения такого рода заставляли чувашских учащихся сплачиваться и поддерживать друг друга.

В это время Яковлев случайно познакомился с отставным полковником С. Д. Раевским (из исторически извест-

ного рода Раевских[1]), который проявил большой интерес к одаренному чувашскому мальчику и позднее не раз делал пожертвования на содержание Яковлева и его учеников.

Семья Раевских оказала значительное влияние на Яковлева, пробудила в нем интерес к русской культуре. Очень много волнующих рассказов об А. С. Пушкине услышал от них юноша. С помощью Раевских Яковлев начал глубже изучать русский язык и литературу, поняв их важное значение в жизни. Впоследствии с большой теплотой вспоминал он об этой семье, всегда подчеркивая ее благотворное влияние на свою судьбу. В документах и отчетах, представляемых в Казанский учебный округ, в Министерство народного просвещения, он сообщал о себе: «Я происхожу из удельных крестьян Симбирской губернии, чувашенин по происхождению, но воспитан в русской семье, прошел русскую школу». Несомненно, он имел в виду семьи Мушкеевых и Раевских.

В апреле 1864 г. Яковлев успешно окончил землемерно-таксаторские классы и получил свидетельство на звание частного землемера и таксатора. По успеваемости и прилежанию он был в числе лучших. Все выпускники, получившие свидетельства, в течение двух лет обязаны были стажироваться в качестве межевых учеников под руководством опытных мерщиков. Удельная контора ежеквартально представляла в Департамент уделов подробный отчет о работе учеников и их руководителей. По данным этих отчетов известно, что Яковлев проявил себя весьма даровитым стажером. Вместо двух лет он практиковался всего лишь несколько месяцев: в губернии не хватало кадров и поэтому наиболее способных выпускников досрочно переводили в мерщики. В числе таких оказался Яковлев. 16 мая 1864 г. он был утвержден Департаментом уделов сельским мерщиком с жалованьем 120 рублей в год и направлен в Сызрань. Сюда он прибыл 5 июня 1864 г. вместе со своим другом, мордвином Григорием Александровым, и поступил в распоряжение местной удельной конторы.

Сельский мерщик, кроме землемерной работы на полях, обязан был регулярно заполнять дневные журналы, составлять ежемесячные отчеты и ведомости. Составление подобных отчетов требовало много времени и отвлекало внимание землемеров от практической работы. Все эти отчеты и ведомости в любое время мог проверить главный мер-

[1] Подробнее: Род Раевских герба Лебедь (сост. Б. Л. Модзалевский).—СПб., 1908.

щик губернии капитан Сегедий. Жалоб на Яковлева не было за все время его службы. Воспитанный с детства в труде, он привык добросовестно выполнять любое порученное ему дело. Управляющий межевым корпусом, начальник отряда и мерщик-инспектор постоянно отмечали в своих отчетах его честность и трудолюбие. За верную службу И. Яковлев и его друг Александров неоднократно награждались денежными премиями. Например, начальник Сызранской удельной конторы А. А. Панчулидзев 27 января 1865 г. написал ходатайство в Департамент уделов о денежном вознаграждении группы мерщиков, «...заслуживающих особого внимания по трудам своим». Под номером 10 в списке значился Иван Яковлев, сельский мерщик. В результате ходатайства Панчулидзева Иван Яковлев получил 20 рублей[1]. В том же году Департамент уделов приказом от 30 марта разрешил выдать из поступающих в контору удельных доходов «в награду за усердную и полезную службу и похвальное поведение» Ивану Яковлеву сорок, Григорию Александрову двадцать пять рублей»[2].

В землемеро-таксаторских классах Яковлев уже свободно читал и говорил по-русски. Читал русские книги, журналы, газеты, которые позднее сам выписывал из разных городов России. Для покупки книг нужно было иметь немало денег, а жалованья не хватало: сельский мерщик получал ежемесячно по 10 рублей, в летнее время к ним добавлялось только три рубля за увеличение объема работы. Яковлев стал прирабатывать частными заказами.

Ежегодно с ранней весны и до поздней осени по делам службы он ездил по разным уездам и подолгу жил среди русских, чувашей, татар, мордвы. Многое ему пришлось увидеть и пережить, встретиться с произволом, несправедливостью и жестокостью. Всякий раз, сталкиваясь со страданиями других, он в меру своих сил оказывал помощь и содействие, о чем позднее вспоминал: «Я вообще с малых лет не мог спокойно видеть бедствий, страданий людей без того, чтобы не постараться для них что-либо сделать. А тут в Панышино* пришел старый солдат с несколькими Георгиевскими крестами на груди, едва передвигавший ноги, которого вел, поддерживая, мальчик. Не помню теперь, сколько я дал бедняку-инвалиду, но зато помню, что меня возмутило подобное положение солдата, проливавшего кровь

[1] ГАУО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 1014. Л. 8.
[2] Там же. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1368. Л. 104.
* Деревня Сызранского уезда, где И. Я. Яковлев работал мерщиком.

за Отечество. Как, думалось мне, может быть такое отношение к героям?»[1]

Среди сослуживцев Яковлев прослыл «нигилистом», «фантазером» из-за своих откровенных высказываний. Монотонная, однообразная служба не могла удовлетворить растущих духовных запросов молодого Яковлева. Он постоянно искал вокруг себя культурных и образованных людей. Его тянуло в Симбирск. В своей просьбе разрешить ему переехать из Сызрани в Симбирск он сослался на давнюю болезнь, которую хотел бы полечить в губернской больнице у опытных врачей. (В 1862 г. во время полевой практики он вывихнул ногу, которая из-за несвоевременного лечения так и осталась больной на всю жизнь.) Просьбу его уважили, и в конце 1865 г. Яковлев переехал из Сызрани в Симбирск и вновь стал служить мерщиком. Здесь он возобновил свои посещения дома Раевских и здесь же приблизился к осуществлению своей давней мечты — поступить в гимназию.

В начале марта 1866 г. он обращается в Симбирскую удельную контору с просьбой уволить его со службы, умалчивая, однако, о своем намерении. Но управляющий конторой А. Ф. Белокрысенко и слышать об этом не хотел. 2 марта Яковлев послал в Петербург на имя председателя Совета Департамента уделов графа Ю. Н. Стенбока прошение и медицинскую справку о состоянии своего здоровья. Из Петербурга последовал ответ генерала Ананьева, члена совета Департамента уделов Министерства императорского двора. Ананьев потребовал представления всех необходимых документов для увольнения «Ивана Яковлева от службы по болезни»[2]. Удельная контора скрыла этот ответ от Яковлева. Оказывается, Белокрысенко не мог простить ему, что он без ведома управляющего обратился в высшую инстанцию. Свое молчание оправдывал отъездом.

Прошло почти четыре месяца, и Яковлев, не дождавшись ответа, еще раз обратился в Петербург, к министру императорского двора В. Ф. Адлербергу. 6 июля 1866 г. оттуда снова затребовали надлежащего ответа.

Каждый запрос генерала раздражал Белокрысенко, и, чтобы отвязаться от Яковлева, он распорядился о переводе мерщика из Симбирска в Алатырскую удельную контору. Это был коварный ход: контора вот-вот должна была закрыться, и Яковлев мог остаться без работы.

---

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 59.
[2] ГАУО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1368. Л. 102.

В начале декабря 1866 г., когда Белокрысенко сам приехал в Алатырь, Яковлев снова заговорил с ним об увольнении, сообщив на этот раз, что хочет поступить в гимназию. Вместо поддержки управляющий заявил: «Ты никогда не будешь в гимназии!» Несмотря на отрицательную реакцию своего управляющего, Яковлев неоднократно обращался к Раевскому и Баратынскому, которые хлопотали за него перед удельной конторой и даже перед губернатором. В одном из своих писем Яковлев сообщал Баратынскому о Белокрысенко: «Он мне грозно дал понять, что вовсе не намерен увольнять, если же и уволит, то едва ли честным образом, и что в гимназию меня не примут. Надобно понимать, что г. Белокрысенко меня хочет уволить не за что иное, как за дурное поведение»[1]. На это Баратынский ответил: «По просьбе твоей я написал докладную записку г. губернатору, тут же послал ... к нему г. Головинского, может, что он убедит управляющего уволить тебя из мерщиков для поступления в гимназию»[2].

По рекомендации Баратынского Яковлев навестил симбирского губернатора барона Велио. «Барон принял меня любезно, но из этого ничего не вышло. Он сообщил мне, что говорил с Белокрысенко и тот заявил, что ни за что меня не отпустит»[3]. По словам Яковлева, его попытка освободиться от удельного ведомства совпала со временем, когда мерщики бежали с казенной работы на частную практику по отводу земли крестьянам после отмены крепостного права. Такая работа оплачивалась гораздо лучше. Настойчивость Яковлева вызвала у Белокрысенко подозрение. Все же молодой мерщик добился своего.

С. Д. Раевский, имевший большие связи в столице, лично встречался с генералом Ананьевым, которому дал ясно понять, что Иван Яковлев вовсе не симулирует болезнь в расчете получить более выгодную должность, как думали Белокрысенко и его коллеги, а действительно собирается поступить в гимназию. Генерал Ананьев 24 октября 1866 г. в третий раз потребовал от Симбирской удельной конторы представления ответа на запрос о Яковлеве, на что землемер-депутат Брюханов наложил резолюцию: «Донести, чтобы управляющий в настоящее время его не задерживал»[4].

---

[1] **Яковлев И. Я.** Из переписки.— Чебоксары. 1989. С. 24.

[2] Ученые записки Владимирского пединститута. Вып. 4. 1958. С. 264.

[3] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 63.

[4] ГАУО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1313. Л. 229.

Но и после этого Яковлева не отпустили. И только в декабре, т. е. через девять месяцев с момента его первого прошения, он был освобожден от службы. Это произошло согласно распоряжению генерала Ананьева от 2 декабря 1866 г., окончательное же увольнение состоялось лишь в конце месяца. В декабре 1866 г. на имя управляющего Симбирской удельной конторой поступил такой ответ: «Департамент уделов определением своим, состоявшимся в декабре сего года, постановил: сельского мерщика вверенного Вашему Высокородию Ивана Яковлева уволить от службы согласно с представлением Вашим, о чем Департамент уделов поставляет Вас в известность для надлежащего исполнения, на рапорт Ваш от 12 ноября сего года за № 9842.

Член Совета Департамента
генерал-майор Ананьев»[1].

Оказалось, что от Яковлева скрывали официальную переписку. И все же в ноябре ему удалось узнать от знакомых о предстоящем освобождении от службы, о чем свидетельствует его недатированное письмо Баратынскому: «Письмо Ваше от 18 ноября я имел счастье получить 24 ноября... Спешу уведомить Вас, что г. Белокрысенко согласился уволить меня. Как я рад этому — Вам понятно. О таком радостном известии мне сообщил из Симбирска племянник С. Д. Раевского в письме от 16 ноября»[2].

Яковлев ошибочно полагает, что именно Белокрысенко помог ему освободиться от службы. Его заблуждение проясняет письмо Н. Д. Куприянова, родственника Раевских, который разъясняет, как все было на самом деле: «Вы пишете о Белокрысенко, что не ожидали от него такого благородного сердца, но Вы в этом немного ошибаетесь. Это было сделано совсем не Белокрысенко. Департамент удела сделал запрос, почему удельная контора не может уволить Вас. Белокрысенко в это время не было в Симбирске. Тогда его помощник сейчас же отослал бумаги об увольнении Вас, а когда Белокрысенко возвратился, то уже бумаги были усланы в Департамент. Итак, этот господин остался с большим носом»[3]. Напомним, что в 1866 г. помощником Белокрысенко был вышеупомянутый Н. А. Плотни-

[1] ГАУО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1313. Л. 229 (публикуется впервые).
[2] **Яковлев И. Я.** Из переписки. С. 24.
[3] **Василенко М. Д.** Педагогическая деятельность И. Я. Яковлева. Канд. дисс.—Магнитогорск, 1951. С. 88.

ков, который лично знал Яковлева еще в годы его учебы в удельном училище в с. Бурундуки.

Таким образом, Яковлев уволился. Причем безо всякого выкупа, тогда как по законам удельного ведомства он должен был прослужить 10 лет, а в случае досрочного освобождения — компенсировать все расходы, связанные с обучением в учебном заведении удельного ведомства. Яковлев на такой случай даже приготовил 200 рублей, добытых выполнением частных заказов. К счастью, на сей раз сбережения не пригодились.

И. Я. Яковлев, стремясь к образованию, не забывал, однако, о судьбе родного народа. Несомненную роль в формировании его личности сыграло развернувшееся в эти годы общественно-педагогическое движение. Под влиянием просветительских идей он постепенно пришел к выводу, что народ можно вывести из темноты и невежества путем просвещения. Яковлев считал, что чуваши, как и их соседи, должны учиться у русских, знать их язык, чтобы приобщиться к великой русской и передовой мировой культуре, духовно объединиться вокруг русского народа. Эта мысль помогла ему найти решение вопроса: у кого учиться и как учиться? «Любя Россию и веруя в ее великую будущность,—писал Яковлев в 1870 году,—я от души желал бы, чтобы чуваши были просвещены светом Евангелия и слились в одно целое с великим русским народом»[1].

Яковлев не только понял историческую необходимость духовного слияния и культурного сближения чувашей с русскими, но и начал искать пути осуществления такого слияния. Средством приобщения чувашей к русской культуре должны были стать, по его мнению, родной язык, национальная письменность и школа родного языка.

Эта идея Яковлева нашла поддержку либерально настроенного поляка, помещика О. Л. Косинского, с которым чувашскому юноше пришлось встретиться во время болезни в селе Винновка в 1865 г.; Косинский увез больного к себе, где тот находился до выздоровления.

Пребывание в доме Косинских имело важное значение для формирования мировоззрения Яковлева. Если семья Кирилловых дала ему путевку в жизнь, а Мушкеевы и Раевские приобщили к русской культуре, то Косинские пробудили в будущем просветителе чувство национального самосознания.

---

[1] **Яковлев И. Я.** Материалы к истории Симбирской чувашской школы.—Симбирск, 1915. С. 5.

Польская семья Косинских восходила к старинному дворянскому роду, представители которого еще в XVI в. поселились на Украине, затем в Поволжье. Приток поляков в Поволжье особенно усилился после подавления польского восстания 1863 г., когда Симбирская губерния стала местом ссылки многих его участников. Косинские собирали средства для ссыльных. «Помню,—рассказывал Яковлев,—как во время моего пребывания в имении Косинских делались сборы на поддержку восстания для отсылки кому-то в Самару».

Косинский рассказывал семнадцатилетнему Яковлеву об истории своего народа, его культуре и борьбе против колониальной политики русского царизма, за свободу и независимость. Каждый народ, говорил он, в том числе и малочисленный, должен бороться за сохранение и развитие своей культуры. Он поддерживал стремление Яковлева к созданию чувашской письменности и обещал помочь, если понадобится.

Свои планы, переживания Яковлев охотно поверял своему первому учителю Баратынскому, с которым регулярно переписывался.

Баратынский изо всех сил старался сделать из ученика последователя своих идей, такого же миссионера, каким был сам. Он знал о дружественных связях Яковлева и Косинского и тайно следил за развитием этой дружбы.

В 1863 г. в Польше произошло крупное национально-освободительное восстание, охватившее Литву, Белоруссию и часть Украины. Основным требованием восставших было восстановление национальной независимости Польши. Баратынский опасался распространения идей свободомыслия в Среднем Поволжье. В 1867 г. он сообщил в Министерство народного просвещения: «Самые попытки дать письменность, некоторое литературное развитие чувашскому наречию и возвести на степень языка церкви и школы напоминают оттенки польской идеи. Два года тому назад один поляк на берегу Волги, встретившись случайно с здешним грамотным и развитым чувашенином, убеждал его дорожить своей национальностью, своими племенными особенностями и для сохранения их предлагал свои услуги—составить чувашскую азбуку и письменность»[1]. Несмотря ни на что, Яковлев продолжал переписку с Баратынским. В ноябре 1866 г. он писал ему из Алатыря: «С 9 ноября

[1] Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев.—СПб., 1869. С. 232.

начал брать уроки у здешнего смотрителя уездных училищ по всем предметам по программе 4 класса гимназии, как говорят, с азбуки и единицы»[1].

Яковлев намеревался поступить в пятый класс гимназии. Претендовать на поступление в более высокий класс он не мог. Землемеро-таксаторские классы приравнивались к четырем классам гимназии и назывались низшими. Чтобы поступить в один из высших, необходимо было сдать вступительные экзамены, в том числе и по иностранным языкам, которыми он не владел, так как они не входили в программу землемеро-таксаторских классов. В свободное от службы время он усиленно изучал русский, немецкий, французский и латинский языки, математику и историю. Ему помогали учителя Алатырского уездного училища, в частности штатный смотритель Ф. А. Иванов. Бесплатные уроки по математике он получал от бывшего учителя А. А. Мукосеева, исключенного из Нижегородского дворянского института за «нигилизм».

Яковлев продолжал квартировать у Раевских, где в то время один из родственников готовился к экзаменам в высшее учебное заведение и брал частные уроки. Яковлеву разрешали присутствовать на них. Ему позволено было также посещать уроки в гимназии. По русской словесности его готовил М. В. Арнольдов, редактор неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей».

Для поступления в гимназию, кроме прошения на имя директора, требовался еще один документ — свидетельство о звании. Яковлев состоял членом крестьянской общины деревни. Чтобы поступить в гимназию, необходимо было выйти из общины. 23 марта 1867 г. Бюргановское волостное правление выдало ему увольнительное свидетельство за № 185. Теперь поступление в гимназию зависело от самого Яковлева.

31 марта 1867 г. он представил директору гимназии прошение: «Представляя при сем Вашему высокородию 1) увольнительное свидетельство, выданное мне вследствие приговора общества дер. Кошки-Новотимбаево Бюргановским волостным правлением на право поступления в учебные заведения, 2) метрическое свидетельство о моем рождении и крещении, честь имею покорнейше просить Ваше высокородие дозволить мне держать установленный экзамен для поступления в 5 класс Симбирской гимназии. Вместе с тем считаю необходимым утруждать Ваше высокородие

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

покорнейшей просьбой — не соблаговолите ли ходатайствовать перед господином попечителем округа об избавлении меня от платы за обучение»[1].

Директор гимназии И. В. Вишневский, ознакомившись с личными документами Яковлева, 5 апреля 1867 г. направил официальное письмо попечителю Казанского учебного округа: «Буинского уезда, Бюргановского волостного правления, деревни Кошки-Новотимбаево крестьянин-собственник Иван Яковлев обратился ко мне с просьбой о допущении его к испытанию на право поступления в V класс вверенной мне гимназии. По рассмотрении документов Яковлева оказалось, что он имеет в настоящее время отроду 19 лет. Иван Яковлев, как мне известно, родом из чуваш, по искреннему желанию к образованию выучившись сам читать, писать и арифметике по службе на должности мерщика, в которой состоял несколько лет. Но несмотря на хорошее содержание, он оставил эту должность для того, чтобы продолжать свое образование.

Таким образом, Яковлев истинно желает учиться, даже не останавливаться на гимназии. Такое влечение к образованию в чувашенине, по моему мнению, важно тем, что обучившись, он может иметь большое влияние на однородцев своих и тем, может быть, подвигнул бы их к образованию, которого они до сего времени чуждаются.

В настоящее время в Буинском уездном училище учатся трое детей из чуваш, и я полагаю, что и эти чувашлята, смотря на однородца своего Яковлева, могли бы идти дальше к образованию»[2].

24 апреля 1867 г. попечитель учебного округа П. Д. Шестаков сообщил директору: «Я разрешаю принять по экзамену в пятый класс вверенной Вам гимназии крестьянина-собственника Ивана Яковлева, о чем и представляю Вам сделать должное распоряжение»[3].

Яковлев в тот же день ознакомился с содержанием письма. Необходимо было рационально использовать оставшееся время. Впереди его ждало семнадцать экзаменов. И. В. Вишневский поддерживал его стремление продолжать образование, консультировал по всем вопросам. Он даже ходатайствовал за то, чтобы Яковлева приняли в пятый класс без экзаменов, но учебный округ не разрешил этого. Только после сдачи экзаменов за предыдущие классы гимназии он мог быть принят в нее. Но не было уверенности, что

[1] ГАУО. Ф. 932. Оп. 2. Д. 123. Л. 31 (публикуется впервые).
[2] Там же. Л. 32.
[3] Там же. Л. 36.

Яковлев все их выдержит. В случае провала Вишневский рассчитывал взять его вольнослушателем с разрешения учебного округа. Об этом мы узнали из письма Яковлева своему польскому другу от 7 июля 1867 г.: «Я в настоящее время хожу после обеда в гимназию для слушания уроков в землемеро-таксаторских классах. Но мысль получить фундаментальное образование я не оставляю и сейчас все время на это только употребляю. Недавно г. директор здешней гимназии мне сказал: «Я хочу ходатайствовать у попечителя о допущении Вас в пятый класс гимназии без экзаменов на правах вольнослушателя, чему я очень рад»[1].

В разгар подготовки к экзаменам, летом 1867 г., О. Л. Косинский предложил юноше картографировать имение принца Александра Гессенского (20 тыс. десятин), обещая уплатить за работу 6 тыс. рублей. Однако Иван Яковлев отказался от выполнения такого заказа: ведь это отняло бы слишком много времени и могло сорвать его планы.

Яковлев занимался много и усиленно, но, к несчастью, заболел тифом. 6 августа 1867 г. он сообщил С. Д. Раевскому: «С трудом пишу это письмо, вот уже три дня как я болен горячкой, или так называемым тифом. Весь вчерашний день, с утра до вечера, я находился в бреду, со мной необыкновенный жар и сильная головная боль, которая тоже происходит от жары»[2].

К счастью, ко времени сдачи испытаний он успел выздороветь. Но болезнь не могла не отразиться на результатах экзаменов. К тому же юноша слабо знал грамматику русского языка. Учитывая его семейное положение, директор условно зачислил Яковлева в список гимназистов V класса. Это вдохновило его, и вскоре он успешно сдал и остальные экзамены: «Спешу уведомить Вас, Алексей Иванович, что я с первого сентября поступил в V класс гимназии, впрочем, окончательно только сегодняшний день. При приемном экзамене не выдержал из истории, закона божия и географии, а из других 12 предметов сдал удовлетворительно и хорошо; в настоящее время я сдал и эти пять и принят совсем.

Отметки по текущим, полученные мною, не понижаются ниже трех. (Они имеют для меня важность.) По малости времени и по множеству предметов в настоящее время мне заниматься довольно трудно; главное затруднение в языках французском и немецком, что я по ним подго-

---

[1] Ученые записки Владимирского пединститута. Вып. 4. С. 264.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

товлен плохо, да и теперь нет достаточного времени, чтобы ими заниматься успешнее, впрочем, тут один немного поделаешь, надобно учителя» (из письма А. И. Баратынскому от 23 сентября)[1].

Так Яковлев оказался в стенах Симбирской мужской гимназии, о которой мечтал давно.

Начало публицистической деятельности

Готовясь к вступительным экзаменам, Яковлев находил время изучать «инородческий вопрос». Статьями на эту тему пестрела вся печать Симбирской губернии. Одни авторы писали о культуре народа без учета этнографических и исторических условий его жизни и быта. Другие открыто защищали национальную политику царизма и призывали не тратить средств на обучение грамоте «инородцев», недалеко ушедших от животного мира. В этом отношении характерны были статьи священника В. Комарова, считавшего, например, чувашей «полудикими овцами»[2].

Яковлев с глубоким возмущением относился к таким невежественным писаниям, в которых умышленно искажалась действительность и совершенно не учитывались объективные условия жизни народа, исторические пути его развития. 28 марта 1867 г. «Симбирские губернские ведомости» (№ 33) опубликовали статью, написанную Яковлевым и М. В. Арнольдовым — «Учук». Учук — это жертвоприношение, сопровождаемое общественным молением. В статье описаны духовная жизнь народа, его мифология, трудовые традиции, которые Яковлев и Арнольдов, в отличие от других авторов, рассматривают не как объект насмешек, а как предмет глубокого изучения, необходимого для правильного понимания самобытной культуры, традиций, верований и истории народа.

Появление статей столь различного характера объяснялось тем, что в 60-х годах XIX в. в Казанском учебном округе, в Министерстве народного просвещения шли оживленные дискуссии о способах обучения нерусских народов Поволжья. Дискуссии затрагивали вопросы политики христианизации и русификации нерусских народов Поволжья, направленной, по замыслу их организаторов, на сближение инородцев с русским народом. Фактически такая политика

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

[2] Справочный листок города Казани. 1867. № 121.

приводила к отчуждению их от русской культуры, что создало благоприятные условия для усиления мусульманской пропаганды. К началу 60-х годов XIX века некоторые деревни и даже целые волости Поволжья оказались мусульманизированными. Чувашские крестьяне официально просили разрешить им исповедовать ислам. 8 апреля 1866 г. священник с. Енбулатово М. Лебедев сообщал симбирскому епископу: «Прихожане с. Чепкас-Никольского, старокрещеные чуваши крестьяне-собственники дер. Ильметово... (всего 9 человек) объявили, что они подали прошение на имя Государя-Императора о принятии их с семействами в магометанство»[1].

О степени распространения христианства среди нерусских народов говорят такие данные.

В 1866 г. Святейший Синод и правительство содержали сотни приходов и церковных школ. В Казанской епархии церквей —451, церковных школ —271, православных жителей —1056745; в Симбирской епархии соответственно —611, 405, 1048782[2].

Тем не менее процесс шел медленно, что объяснялось отрицанием значения родного языка национальных меньшинств в школьном обучении и церковной проповеди и не приводило к ожидаемым результатам. Для выяснения причин слабого воздействия христианства на население царское правительство образовало специальную комиссию во главе с министром народного просвещения и обер-прокурором Святейшего Синода Д. А. Толстым, который в августе и сентябре 1866 года осмотрел школы Казанского учебного округа. В Казани Толстой проявил большой интерес к крещенотатарской школе Н. И. Ильминского, к его педагогической системе вообще. В этой школе с 70 учащимися весь учебно-воспитательный процесс осуществлялся на татарском языке. Правительство намеревалось организовать подобную же школу для чувашей в Симбирске. Местному духовенству и учебному округу было поручено подобрать соответствующую кандидатуру из числа образованных чувашей, способных руководить просвещением своих сородичей. В 1867 г. Д. А. Толстому сообщили, что таковым намечен учащийся Самарского духовного училища (В. В. Васильев)[3].

---

[1] ГАУО. Ф. 932. Оп. 7. Д. 134. Л. 23 (публикуется впервые).

[2] Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода Д. Толстого за 1867 год.— СПб., 1868. С. 16—18.

[3] Там же. С. 47.

Пытаясь решить «инородческий вопрос», правительство и духовное ведомство совместно разработали широкий план действий для продолжения политики русификации и христианизации инородцев, допустив родной язык инородцев в школу и церковь. В 1867 г. для распространения русско-православного просвещения среди нерусских народов Поволжья в Казани открыли братство святителя Гурия. На средства этого братства в дальнейшем начали открывать начальные школы с обучением на родном языке. Для братских школ издавались учебные книги и пособия. На чувашском языке их составлял назначенный в январе 1867 г. инспектором чувашских школ Казанского учебного округа Н. И. Золотницкий. Увеличился прием нерусских учащихся в духовные учебные заведения. Все эти меры широко обсуждались в местных провинциальных газетах и журналах, которые Яковлев регулярно читал в Карамзинской библиотеке в Симбирске.

Особенно много интересных сведений о чувашах публиковал «Справочный листок города Казани». Из него Яковлев узнал о деятельности Н. И. Золотницкого, автора «Чуваш кнеге» и «Солдалык кнеге» («Календарь»). Обе книги вышли в 1867 г.

Педагог-миссионер Н. И. Золотницкий писал о необходимости обрусения «инородцев» и оправдывал это отсутствием у многих из них своей письменности. «Мы думаем,— писал он в 1867 г.,— что отсутствие у чуваш собственной литературы... поможет русско-православным деятелям скорее просветить и обрусить этих инородцев: чуваши сами для себя не могли создать книг, направленных к этим целям. Мы, по очевидной нужде, стараемся дать им ради вернейшего ускорения в них православия и легчайшего ознакомления их с русской грамотой, первоначальные учебники на их народных наречиях (писанные русскими буквами), но мы же первые восстанем против кого бы то ни было, кто вздумает для тех же инородцев создавать их народную литературу, и во что бы ни стало будем препятствовать подобному предприятию»[1].

Эти слова принадлежат человеку, который стоял во главе всех чувашских школ Казанского учебного округа и непосредственно руководил деятельностью их учителей. Вместо того чтобы призывать деятелей просвещения к усовершенствованию чувашского алфавита, к созданию учебников, учебных пособий, он, заняв должность инспектора,

[1] Справочный листок города Казани. 1867. № 143.

поспешил выступить с открытой угрозой в адрес тех, кто пытался создавать чувашскую литературу. Общественно-политическая позиция Золотницкого отражалась и в его учебниках. Недостатки их отмечал академик Ф. И. Видеман. По его словам, «Чуваш кнеге» Н. И. Золотницкого «не представляет научного значения, кроме упражнений в складах оно заключает только переводы некоторых молитв, символа веры, 10 заповедей и повествований из библейской истории и не содержит в себе самостоятельных чувашских текстов... Сочинения г. Золотницкого, вероятно, легче достигло бы своей цели — научить грамоте, если бы не выражали один и тот же звук разным образом, а с другой стороны не употребляли бы один и тот же знак для разных звуков»[1].

Яковлев тоже выступил с официальной статьей-рецензией, в которой довольно остро критиковал Золотницкого. «Подобные книги, как «Солдалык кнеге»,— писал он,— могут больше принести пользы чувашенину, если они написаны не на русском, а на чувашском языке. К сожалению, нельзя не высказать, что «Солдалык кнеге» далеко не может, по моему мнению, принести той пользы, какой ожидал ее автор... В «Солдалык кнеге» встречаются обороты, вовсе не свойственные чувашскому языку. В иных случаях г. автор не находит даже слов для выражения известных понятий и не знает названия некоторых предметов, оттого в «Солдалык кнеге» встречаются места, даже вовсе не понятные чувашенину; в других местах через это совершенно извращается смысл рассказа»[2].

Автор книги не знал живого разговорного языка. Составленный Золотницким чувашский алфавит не отражал звуковых особенностей языка. «Я полагаю,— писал Яковлев,— что для выражения чувашских звуков необходимо составить некоторые условные знаки, без которых нельзя обойтись при выражении чувашских звуков, заменяя их русскими буквами. Правда, г. автор употребляет некоторые условные знаки, но оставляет их без объяснения, отчего эти знаки не могут быть поняты чувашенином»[3].

Несмотря на недостатки, учебные книги Золотницкого в свое время в известной мере объективно сыграли положительную роль в распространении грамотности среди чувашей. Они побуждали народных учителей искать наиболее доступные приемы и методы обучения на родном язы-

[1] Ученые записки ЧНИИ. Вып. 52. С. 235.
[2] Симбирские губернские ведомости. 1867. 13 апреля.
[3] Там же.

ке. Яковлев приветствовал появление книг Золотницкого, в то же время продолжал выступать в печати против тех, кто игнорировал родной язык в «инородческих» школах.

Статьи Яковлева по вопросам просвещения чувашей были его первыми выступлениями в периодической печати. Они не прекращались и в годы учебы в гимназии, университете и в течение всей педагогической деятельности. Яковлев не переставал думать о создании доступного народу алфавита, школьных учебников на родном языке. Но для этого сначала самому надо было получить соответствующее образование, опыт и профессиональную подготовку.

В гимназии

Годы учения Яковлева в гимназии совпали с освободительным движением в России, под влиянием которого царское правительство вынуждено было провести ряд либеральных реформ. Они коснулись и системы образования.

19 ноября 1864 г. был принят новый устав гимназий. По нему устанавливалось два типа гимназий: классическая — с преподаванием двух древних языков (латинского и греческого) и реальная — без изучения древних языков. Все гимназии формально объявлялись бессословными учебными заведениями, в них могли учиться дети всех сословий и народностей. Бессословность была лишь на бумаге, фактически же гимназии оставались недоступными для детей простонародия и постепенно превращались в сословно-классовые учебные заведения, что видно, в частности, из размера оплаты за обучение. До 1864 г. плата за обучение в Симбирской гимназии взималась в размере 10 руб. в год, а по новому уставу — 20 руб. Устав гимназии 1864 г. отменил телесные наказания, введенные в 1828 г. Под влиянием общественности, особенно сторонников видного деятеля либерально-демократического движения Н. И. Пирогова, были расширены функции и права педагогических советов гимназий. По новому уставу директор не имел права отменять решение педагогического совета, он мог лишь обжаловать его перед попечителем учебного округа. На основе нового устава Министерство народного просвещения 27 сентября 1865 г. разработало общее расписание: продолжительность урока 60 минут, занятия велись с 9 часов утра до 15 часов 15 минут; перерывы между уроками составляли 15 минут, а после третьего урока — тридцать ми-

нут (12.30—13) на обед. В день проводилось 5 уроков[1].

Однако каждое учебное заведение, в том числе и Симбирская мужская гимназия, открытая в 1809 г., имело свои особенности и традиции. По уставу 1864 г. в классической гимназии должны были изучаться греческий и латинский языки. Но в Симбирской греческий вводился постепенно, по мере подготовки учителей, в то же время значительно сокращались программы по естествоведению. Поскольку в течение 1864—1870 годов в гимназии не было преподавателей греческого языка, изучался лишь латинский. Но при этом учащиеся обязаны были изучать два новых — немецкий и французский. В этом заключалась одна из особенностей Симбирской мужской гимназии. Следующей было то, что учащиеся обучались основам законов Российской империи, хотя в программу курс законоведения не входил.

В 1867 г. при гимназии открыли двухгодичный приготовительный класс с оплатой за обучение 20 руб. в год. Для гимназистов была установлена особая форма одежды. Вот тогда-то и пригодились Яковлеву накопленные им за время службы деньги.

При гимназии существовал пансион с оплатой 180 руб. в год, но Яковлев не воспользовался им, а продолжал жить у Раевских вплоть до осени 1868 г.

На основании «Правил приема и содержания учеников Симбирской гимназии» учащиеся, успешно выдержавшие экзамены, обязаны были «вносить плату за обучение полугодно вперед, в течение двух первых месяцев каждого полугодия. Не внесшие платы в означенные сроки считаются выбывшими из заведения, но по внесении платы могут быть вновь приняты»[2]. Яковлев имел все основания быть освобожденным от платы по бедности, о чем представил особый документ, но, несмотря на это, за первое полугодие 1867/68 учебного года он вынужден был платить, так как вступительные экзамены за V класс сдал несвоевременно.

В программу пятого класса гимназии входили следующие предметы: закон божий, русский язык, латинский, французский, немецкий языки, алгебра, геометрия, история и физика. Несомненно, в языковом отношении учеба в гимназии нерусской молодежи давалась труднее, чем русским. Тем не менее Министерство народного просвещения не предоставляло инородцам Среднего Поволжья никаких

[1] **Рождественский С. В.** Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902.— СПб., 1902. С. 443.

[2] Памятная книжка Симбирской губернии на 1868 год.—Симбирск, 1868. С. 31.

льгот. Между тем 21 октября 1866 г. то же министерство приняло решение об освобождении калмыцких учеников Астраханской гимназии от обязательного изучения церковно-славянского и немецкого языков, разрешило изучать вместо них калмыцкий или татарский язык[1].

Яковлев особенно увлекался математическими дисциплинами, а также историей, но с трудом давались ему иностранные языки. В первые же месяцы учебы преподаватели гимназии заметили его трудолюбие. Он был первым из чувашей, кто поступил в гимназию. Особенно благосклонно относился к нему преподаватель русского языка А. И. Виноградов, который даже организовал для гимназиста дополнительные занятия и задавал индивидуальные письменные работы. Благодаря его щедрой помощи в изучении русского языка Яковлев за короткий срок достиг значительных успехов, был даже отмечен подарком — книгой на немецком языке с дарственной надписью учителя А. И. Виноградова*.

Обучаясь в гимназии, Яковлев не забывает о своих сородичах, родных и близких. 23 сентября 1867 г. он писал А. И. Баратынскому: «Я имею в виду в недалеком будущем прислать моим родным денег около 10 руб., разумеется, это делаю больше затем, чтоб мальчик, о котором я Вам говорил, был отдан в училище; если это еще не сделано, то я Вас, Алексей Иванович, покорнейше прошу оказать содействие в этом важном деле»[2]. Речь идет о Петре Андрееве, с которым Яковлев воспитывался в одной семье. Баратынский выполнил просьбу своего ученика. Он же нашел для Яковлева преподавателя латинского языка, который давал ему частные уроки.

Бесплатные частные уроки Яковлев брал и по другим предметам, прежде всего по иностранным языкам. Первое полугодие V класса он завершил успешно и во втором полугодии за успехи в учебе был освобожден от платы. В протоколе педагогического совета гимназии 4 марта 1868 г. по этому поводу записано: «...освободить от платы за ученика V класса Яковлева Ивана, отличавшегося при бед-

---

[1] Сборник постановлений Министерства народного просвещения. Т. IV. 1865—1870.— СПб., 1871. С. 352—353.

* Автор книги — Эменмейер К. А. Религиозная философия нации. Часть I. Тюбинген. 1818. На обложке книги надпись: «Ивану Яковлеву на память от учителя словесности А. И. Виноградова». В настоящее время эта книга хранится в Чувашском республиканском краеведческом музее.

[2] **Яковлев И. Я.** Из переписки. С. 26.

ности отличными успехами и поведением, исправностью в отношении посещения уроков»[1].

Иван Яковлев завершил V класс гимназии, ничуть не отстав от юношей из семей имущих сословий. Он и другие учащиеся-«инородцы» своим прилежанием и способностями доказали, что дети нерусских народов Поволжья могут так же успешно учиться, как и русские. Такие факты не проходили мимо внимания общественности. Местная газета в 1868 г. отмечала: «Так, назад тому года 2 или 3 в Симбирской гимназии окончил курс с золотой медалью мордвин, а в настоящее время блистательно проходит курс учения в той же гимназии природный чувашенин»[2], т. е. И. Я. Яковлев. Видя успехи гимназистов-«инородцев», директор гимназии И. В. Вишневский убедился в способностях нерусских детей учиться не только в училищах, но и в гимназиях. Он даже предложил в 1868 г. организовать при уездном училище особый подготовительный класс для нерусских детей.

Яковлев зажегся идеей учить нерусских детей. Толчком ее к практическому осуществлению стала опубликованная 11 мая 1868 г. в «Симбирских губернских ведомостях» заметка о марийских мальчиках, изъявивших желание по окончании сельского училища продолжить образование в городе. Газета сообщала, что в Уфу привезли 10 мальчиков из миссионерских училищ, на содержание их выделено 200 руб. В июне 1868 г. Яковлев выехал в Симбирский и Буинский уезды, чтобы набрать учеников, но удалось уговорить лишь одного. Это был Алексей Рекеев, ставший первым учеником Яковлева. Итак, обучаясь в гимназии, Иван Яковлевич Яковлев становится одновременно и учителем. Ему помогали обучать Рекеева одноклассники А. Л. Панаев и Н. П. Соколов.

В эти годы Иван Яковлев близко познакомился с Глазовым, с их сыном Михаилом он вместе учился. В их доме Яковлев встречался с представителями городской интеллигенции, организовавшими в начале 60-х годов в Симбирске первую во всей губернии воскресную школу. В доме Глазовых ставились спектакли, дискутировались злободневные вопросы жизни, читались произведения русской классики. Душой молодежного общества была А. А. Глазова, в совершенстве владевшая многими европейскими языками. Она хорошо знала произведения русских револю-

[1] ГАУО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 28. Л. 56.
[2] Симбирские губернские ведомости. 1868. 11 июня.

ционных демократов Белинского, Герцена, Писарева, Чернышевского, Добролюбова, хотя, как говорил Яковлев, не совсем разделяла их взгляды. Она горячо поддерживала идею просвещения «инородцев». И. Я. Яковлев вспоминал: «Лично я мало участвовал в спектаклях и других увеселениях, устраивавшихся в доме Глазовых. Зато мне приходилось делиться с Александрой Глазовой моими тогда еще неясными мечтаниями о просвещении родного мне чувашского племени, надо думать, встречая сочувствие»[1].

На второй год учебы в гимназии Яковлев считал себя вполне подготовленным к организации частной школы.

В то же время он продолжал изучать русскую демократическую литературу, сочинения классиков русской и зарубежной педагогики. В мае 1868 г. он просил С. Д. Раевского прислать ему из Петербурга несколько книг. К письму приложил «реестр книг, которые нужно купить в С.-Петербурге: 1) сочинения Белинского в 12 томах, в 5 томах, 2) сочинения Добролюбова в двух томах, все тома, 3) «Новая русская литература» Водовозова, 4) «Словесность в образцах»... Водовозова»[2].

Хотя гимназистам запрещалось чтение произведений революционных демократов, но Яковлев осмеливался не только читать, но и приобретать их книги для своей библиотеки. «Для лучшего усвоения русского языка, будучи в гимназии,— вспоминал он,— я много читал газет и книг, хотя много не усваивал. С восторгом я прочел роман «Война и мир» Толстого. Читал Белинского, к слову сказать, его критические статьи нам, ученикам, почему-то запрещалось читать. Это не мешало мне читать не только Белинского, но и Писарева, Добролюбова, которых можно было достать в Карамзинской библиотеке»[3]. В архиве хранится список прочитанных гимназистом произведений классиков зарубежной литературы, где значатся «Новая Элоиза» и «Эмиль, или О воспитании» Ж. Ж. Руссо, «Зимняя сказка» Г. Гейне и т. д.[4]. Книги вооружали его новыми знаниями, вызывали интерес к основательному изучению общественных наук.

«Систематический алфавитный каталог книгам Карамзинской общественной библиотеки» (Симбирск, 1867) сообщает, что в этой библиотеке в 1867 г. хранились: книги — 2501 экземпляр, периодические журналы, справочники и

---

[1] **Яковлев И. Я.** Отд. врем. хран. —НА ЧНИИ. Д. 361. Л. 116.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.
[3] **Яковлев И. Я.** Отд. врем. хран. НА ЧНИИ. Д. 361. Л. 126.
[4] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

словари — 106 экземпляров. В отделе «Теория словесности, история литературы» за № 175 значился: Н. А. Добролюбов. Сочинения. Т. 4. СПб, 1862.

Во втором полугодии 1868/69 учебного года Яковлев за отличную учебу и поведение снова был освобожден от платы за учение, а по результатам экзаменов награжден Похвальным листом и книгой: «Педагогический совет Симбирской гимназии, уважая отличные успехи, прилежание и похвальное поведение ученика VI класса Ивана Яковлева, наградил его сим похвальным листом на торжественном акте в Симбирске июня 22 дня 1869 года»[1]. Пока установить не удалось, какую книгу ему подарили. К тому времени он был не только учеником гимназии, но и репетитором в семье купца Левашова и И. А. Горбунова: «Вообще же живу я хуже, чем в доме покойного Самсона Дмитриевича, мне и больше труда и забот, но я знаю, всем исключительно обязан себе. У меня есть теперь урок на 15 руб. в месяц и больше не нужно» (из письма Арнольдову).

После неожиданной смерти С. Д. Раевского в начале ноября 1868 г. Яковлев вынужден был часто менять квартиру, претерпевая всякие неудобства и лишения. 25 марта 1869 г. в «Симбирских губернских ведомостях» он опубликовал объявление: «Холостой человек желает нанять квартиру, если можно, с мебелью». 18 августа 1869 г. дирекция гимназии выдала ему официальный документ — свидетельство на преподавание в частных домах, для чего нужно было выдержать особое испытание с разрешения попечителя учебного округа[2].

Осенью 1869 г. Яковлев перешел в последний класс, но к этому времени ему уже было ясно, что будет учиться дальше: он собирался поступить в университет, о чем писал 2 марта 1869 г. Арнольдову: «Белокрысенко выхлопотал у Департамента уделов для меня 120 рублей, за получением которых я был недавно приглашен в удельную контору... он высказал, что найдет для меня средства продолжать образование в университете, вероятно, на казенный счет».

Управляющий Симбирской удельной конторой Белокрысенко понял, наконец, в чем заключалась истинная причина стремления Яковлева освободиться от службы и, убедившись в его способностях и трудолюбии, выхлопотал ему

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 7. Д. 8. Л. 31 (печатается впервые).
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

120 рублей. Обучаясь в гимназии, Яковлев одновременно готовился к учебе в университете: работал над совершенствованием своих знаний, не ограничивался изучением одних только учебников. Постепенно мечта служить просвещению сородичей из абстрактной идеи превращалась для него в программу действий, в цель жизни. Слова Белинского: «Дыши для счастия других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага»,— стали девизом гимназиста.

Изучение русской общественно-политической мысли, знакомство с жизнью формировало взгляды и убеждения. Уже невозможно было равнодушно относиться к бюрократизму и консерватизму некоторых преподавателей. В письме Баратынскому (1869 г.) читаем: «Вы знаете, что занятия мои в гимназии до сих пор идут успешно, и знаете также, что гимназическое начальство было мною довольно, но в последнее время такое отношение ко мне, к некоторым учителям гимназии у меня рушилось. Не скажу, чтобы это произошло по моей вине, я занимался учебными предметами, как и прежде, если только не больше, в последнее время. Но дело в том, что для этих людей настолько же кажется маловажно и легко унизить и, если можно, даже стоптать человека, как его возвысить...

Между прочим, надо сказать, что недавно один бедный ученик VII класса, которому до окончания курса осталось почти два месяца, должен был уйти из гимназии. Я, впрочем, до сих пор не попадался, но при нынешних обстоятельствах в Симбирской гимназии от этого застраховаться трудно, потому что тут полный произвол»[1].

В Симбирской гимназии Яковлев надеялся увидеть больше порядка и справедливости, чем в удельном ведомстве. Его постигло разочарование. Для многих преподавателей гимназии лесть и угодничество были важнее бескорыстного служения делу. «Как трудно, Алексей Иванович,— писал он Баратынскому 8 ноября 1869 г.,— сознавая все это, в мои годы уживаться при таких условиях; надо для каждого Барсова характер и понятия сообразовать с его наклонностями... Нынче остается без обеда один из лучших учеников 7 класса за то только, что он пропустил несколько уроков, как он говорил, по болезни, о чем даже представил медицинское свидетельство, погрозили ему исключением.

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

Другого моего товарища тоже по этой причине исключили или заставили оставить гимназию»[1].

Кстати о Барсове, который упоминается в письме. Барсов сменил А. И. Виноградова. Однажды он задал классное сочинение на тему об открытии Америки Колумбом и о том, какое значение оно имело в связи с другими современными событиями на земном шаре. И. Я. Яковлев возразил, сказав, что между частями темы нет связи. Барсов предложил гимназисту письменно изложить свое несогласие с формулировкой темы, что Яковлевым и было сделано. Преподаватель представил возражение ученика инспектору Ауновскому, последний вызвал Яковлева к себе лишь за 2—3 месяца до окончания гимназии, указав на неуместность занятий подобными «глупостями».

Учащиеся по-разному реагировали на столкновение гимназиста с преподавателем. Большинство было на стороне Яковлева. Конфликт с Барсовым завершился, однако, без особых последствий для гимназиста. Но он заставил его подумать о переходе в другую гимназию, например, московскую. Однако до выпускных экзаменов оставалось лишь несколько месяцев, поэтому мысль о переходе в другой город была оставлена. На этом же настаивал Баратынский: «Какова бы ни была причина твоего намерения оставить Симбирскую гимназию и перейти в Москву или куда-нибудь в другую гимназию, намерения твоего я по многим и многим причинам вообще одобрять не могу... Даже неблагодарно с твоей стороны оставить гимназию, которая сначала тебя приютила»[2].

В Симбирске в это время уже росло детище Яковлева — частная школа, которая вскоре должна была стать важным рычагом в культурном подъеме чувашского народа и ради этого он готов был забыть личные обиды.

Несмотря на занятость делами частной школы, Яковлев учился отлично и потому в 1869/70 учебном году снова был освобожден от платы за обучение. В гимназии он не забывал своих бывших друзей-мерщиков, с которыми постоянно переписывался. В последний год учебы приток писем участился. Григорий Александров, например, писал: «Пять лет тому назад мы смеялись над Вами, а теперь осуществляете свою заветную мечту, тянете за собой народ»[3]. В другом письме от 8 января тот же Александров

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.
[2] ГАУО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3. Л. 158.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1, Д. 34. Л. 3.

пишет: «Я весьма рад Вашим прекрасным и настойчивым стремлениям, как возвысят Вас в глазах знающих людей. Настоящее Ваше положение в материальном отношении, быть может, не совсем завидно, но зато будущее смотрит на Вас поприветливее, чем на тех людей, которые когда-то смеялись над Вашими стремлениями и теперь уже удивляются...

Весьма благодарен за совет, который Вы мне даете, учиться. Прочитал все те произведения, которые Вы мне рекомендовали»[1]. Так писали мерщики гимназисту, ставшему теперь для них добрым советчиком и консультантом по различным вопросам. 20 января 1870 г. И. Я. Яковлев сообщал другу по службе в удельном ведомстве Г. Александрову, мордвину по национальности: «Скажу про себя, что испытал достаточно внешних бурь и внутренней борьбы. Натура была всегда впечатлительной. Поэтому я никогда ни к чему не мог относиться хладнокровно...

Верно, Бог меня хранит и теперь для будущего, ту же чистую, честную и детскую душу имею я, какую получил от природы. Не испортила меня жизнь, богатая соблазнами и глупостями прочими.

Как я уволился и какие были у меня цели, кроме поступления в гимназию? Прошедшее вспоминать неприятно.

По требованию гимназического начальства, вследствие желания попечителя Казанского учебного округа П. Д. Шестакова и окружного инспектора Сахарова, написал автобиографию. Многое нашли оскорбительным для господ и удельного начальства, перечеркали и дали мне опять написать. Это меня чрезвычайно огорчило, не исполнить требование начальства нельзя. В исправленном виде эта автобиография занимает пять листов, и в таком виде она отправлена попечителю. В автобиографии все написано кратко, многое пропущено, мои думы и стремления вовсе не изложены, есть лишь перечень лет и внешних событий, впрочем, все правдиво. Я живу настоящим и будущим, которые в руке божьей, его оставим в покое. Это область фантазий.

Четыре года я занимаюсь науками, их до 18 наименований, в том числе три иностранных языка. Усвоить достаточно эти науки нет возможности, можно разве гению и лет 6 времени. Я никак не причисляю себя к гению и потому многие науки знаю поверхностно. Другие знаю хорошо, так как с моей стороны употреблено много труда и

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 114. Л. 1.

времени, то успехи в этих науках составляют предмет моей внутренней гордости...»[1]

Сразу отметим, что к этому времени учебный округ знал о содержании Яковлевым на свои средства нескольких чувашских мальчиков и подготовке их к учительской деятельности. Этим объясняется интерес попечителя к жизни и учебе гимназиста Ивана Яковлева. Несомненно, учебный округ относился к его дальнейшей судьбе неравнодушно. Ведь он своими деяниями во многом опережал планы местного учебного начальства. Еще в 1868 г. учебный округ и братство святителя Гурия решили организовать «в Казани центральную чувашско-черемисскую школу по образцу существующей центральной татарской школы Ильминского»[2]. Однако это решение осталось лишь на бумаге.

И. Я. Яковлев был необычным гимназистом. Он не только блестяще учился, но одновременно руководил созданной им же самим школой. С каждым годом расширялась его учебно-педагогическая деятельность, возрастал интерес к наукам.

В последних классах гимназии Яковлев изучал основы законов Российской империи как обязательный учебный предмет. Судя по письмам, он проявлял к нему большой интерес. В те же годы он живо заинтересовался философией и другими общественными науками, изучению их посвятил свои гимназические сочинения «О предрассудках и суевериях», «О влиянии театра» и др.

Обратили внимание на гимназиста Яковлева и представители местного духовенства, в частности симбирский архиепископ Евгений: «Он экзаменовал меня по закону божию и ввиду моих хороших ответов убеждал меня, в присутствии директора Вишневского и других преподавателей гимназии, поступить в духовную академию. В то время занимались инородцами ввиду отпадания их в магометанство из православия, я думаю, что на меня, как на способного чуваша, кем-либо было обращено внимание архиерея»[3].

В июне 1870 г. Яковлев окончил гимназию первым учеником. 4 июля директор опубликовал отчет об очередном выпуске: «Отличнейшими по ответам на окончательных

---

[1] Отдел рукописей музея И. Я. Яковлева в Чувашском гос. пед. ин-те, Ф. Кондакова А. И. Тетрадь 1. Л. 37 (публикуется впервые).

[2] Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1868 год.— СПб., 1869. С. 95.

[3] **Яковлев И. Я.** Моя жизнь.—НА ЧНИИ. Отдел временного хранения. Д. 361. Л. 153.

испытаниях оказались следующие ученики: Яковлев Иван Рачинский Порфирий, Панаев Александр и Артизанов Павел.

...Педагогический Совет определил: Яковлева Ивана, который при отличном поведении показал весьма удовлетворительные успехи из всех предметов гимназического курса, удостоить награждения золотой медалью. Рачинского Порфирия, Панаева Александра и Артизанова Павла...— серебряной медалью. Из них Рачинский — сын дворянина, Артизанов — сын чиновника, Панаев — сын мещанина и Яковлев — сын крестьянина из чуваш»[1].

25 июня состоялось торжественное вручение аттестатов и медалей. В этот день выпускники гимназии по установившейся традиции сфотографировались вместе с преподавателями. К сожалению, не сохранился до наших дней этот снимок, но дошел в полной сохранности другой вариант — групповой портрет гимназистов.

Итак, гимназия позади, впереди новые высоты — университет.

И. Я. Яковлев первым из чувашей получил гимназическое образование. До сих пор не найдено никаких свидетельств о том, что до того времени кто-нибудь из его сородичей обучался в гимназиях, существовавших в Среднем Поволжье более ста лет. В 1758 г. в Казани была открыта первая гимназия, она считалась второй во всей Российской империи. По данным статистики Министерства народного просвещения, в 1870 г. в Казанском учебном округе, куда входило 8 губерний, в гимназиях обучалось 3032 учащихся, из них детей сельских сословий — 172, солдатских — 18[2]. Среди них, кроме И. Я. Яковлева, других чувашей не было.

В университете

Окончив гимназию и получив аттестат, Яковлев, по воспоминаниям Рекеева, вместе со своими друзьями Панаевым и Соколовым съездил в Казань, чтобы лично узнать об условиях приема в университет. Условия были несложны: в то время в Казанский университет принимали без экзаменов. Приехав из Казани 5 июля 1870 г., в тот же день он написал заявление на имя директора училищ Симбирской губернии И. В. Вишневского: «Желая поступить в импера-

[1] Симбирские губернские ведомости. 1870. 4 июля. № 50.

[2] Журнал Министерства народного просвещения. 1871, апрель. С. 5.

торский Казанский университет студентом по филологическому факультету и не имея средств вносить плату за право слушания лекций и содержать себя в городе Казани, я покорнейше прошу Ваше превосходительство исходатайствовать мне Карамзинскую стипендию и освобождение от платы за право слушания лекций»[1].

Еще в гимназии Яковлев увлекся переводами древней классики. А до поступления в это учебное заведение он задумался о создании нового чувашского алфавита, доступного народу. Этим объясняется выбор филологического факультета. Несомненно, бывшему землемеру математические науки были нужнее, но забота о судьбе народа взяла верх.

И. В. Вишневский официально вошел в ходатайство перед попечителем Казанского учебного округа об удовлетворении просьбы своего бывшего ученика. 21 июля 1870 г. он сообщил попечителю Казанского учебного округа: «Бывший удельный крестьянин Симбирской губернии, служивший по уделу мерщиком, из чуваш Иван Яковлев, приготовивший дома с помощью благодетельствовавших ему лиц, в 1867 г. поступил прямо в пятый класс вверенной мне гимназии. Во все время Яковлев занимался очень хорошо и вел себя отлично. Ныне он, выдержав экзамены по всем предметам весьма удовлетворительно, окончил курс наук в гимназии и при выпуске награжден золотой медалью.

5 июля Иван Яковлев подал мне прошение, в котором объяснил, что он желает поступить в императорский Казанский университет студентом по филологическому факультету, но не имеет средств вносить плату за право слушания лекций и содержать себя в г. Казани, почему и просит меня исходатайствовать ему стипендию и, если можно, стипендию Карамзинскую.

Такое ходатайство Ивана Яковлева считаю долгом довести до сведения Вашего превосходительства и с своей стороны покорнейше просить о пособии ему в университете как достойнейшему и как инородцу, достигшему собственными силами гимназического образования, для поощрения к этому других»[2].

Несомненно, в управлении Казанского учебного округа имя И. Я. Яковлева было известно. По просьбе его попечителя в январе 1870 г. гимназист Яковлев составил свою автобиографию для представления в округ. Тут ничего неожиданного не было. Директор гимназии И. В. Вишневский

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 285. Л. 7.
[2] ЦГА ТССР Ф. 92. Оп. 1. Д. 9847. Л. 1 (публикуется впервые).

руководствовался циркуляром Министерства народного просвещения от 21 июля 1861 г., по которому «удостаивать права освобождения от платы за учение в университете может каждая гимназия на основании произведенных в ней испытаний лицам, желающим поступить в университет, имеющихся сведений о нравственности и состоянии удостаиваемого сказанного права, но число таких удостаиваемых не должно быть более двух»[1].

Попечитель округа П. Д. Шестаков 29 июля направил официальное письмо в Совет университета, в котором особо подчеркнул: «Я со своей стороны долгом считаю рекомендовать Совету университета чувашенина Яковлева, очень прошу сообщить истфилфаку и остаюсь в полной уверенности, что Совет и факультет с сочувствием отнесутся к этому молодому человеку и предоставят ему возможность поступить в университет»[2]. Такая возможность была предоставлена, и Яковлев стал студентом университета.

Письмо попечителя ускорило оформление документов для освобождения от платы за обучение и назначения стипендии. 12 августа 1870 г. Яковлев представил последний документ — свидетельство о семейном положении. Только теперь он был зачислен в число студентов историко-филологического факультета. С этого дня в архиве университета завели личное дело студента И. Я. Яковлева за № 28115 с крайними датами: 12 августа 1870—21 июля 1875 года. К сожалению, папка с его личным делом была уничтожена в годы Великой Отечественной войны. В папке было 10 листов. Из документов сохранилась лишь автобиография, написанная Яковлевым по окончании гимназии для представления в университет.

Все российские университеты того периода в своей деятельности руководствовались уставом 1863 г., который считался наиболее прогрессивным из всех университетских уставов дореволюционной России. До принятия этого устава, например, лишали права поступления в университет тех, кто не имел юридических доказательств о своем происхождении, т. е. незаконнорожденных, каким был И. Я. Яковлев.

Царское правительство под влиянием демократического общественного движения вынуждено было пойти на уступки, предоставив учебным заведениям некоторую автономию. По уставу 1863 года университетский Совет становился

[1] Оплата за учение в учебных заведениях Министерства народного просвещения.— СПб., 1861. С. 44.

[2] ЦГА ТССР. Ф. 977. Оп. физмата. Д. 523. Л. 24.

главным органом его управления. С утверждения министра просвещения он выбирал ректора, деканов, проректора, или инспектора, и профессоров, мог делить факультеты на отделения, заменять одни кафедры другими, командировать молодых ученых за границу, распределять предметы по факультетам и т. д. Однако, как и прежде, этот устав не допускал женщин в университет, запрещал студентам носить национальную одежду. Положение студенчества также мало изменилось, напротив, повысилась плата за обучение: 50 руб. в столичном, 40— в других университетах, усилилась слежка, для чего даже была учреждена особая должность инспектора студентов. За малейшее нарушение правил провинившихся судил университетский суд, возглавлявшийся тремя профессорами.

Казанский университет имел свои особенности. Царская администрация формально стремилась приспособить его к потребностям населения Поволжья: он рассматривался как связующее звено между «инородцами» и великорусским населением. С этой целью были определены некоторые льготы для нерусских студентов. С 1863 г. разрешалось принимать в Казанский университет магометан, прошедших полный курс гимназии, а также башкирских юношей, обучавшихся при Оренбургском батальоне военных кантонистов. К 70-м годам в университете было учреждено около 50 казенных стипендий с целью привлечения молодежи, чтобы готовить из нее учителей и врачей для сибирских губерний. Несмотря на введение таких льгот, из «инородцев» в университете почти никто не учился. По признанию попечителя Казанского учебного округа, в 1870 г. здесь не было ни одного студента из татар[1]. Высокая плата за обучение, плохие материальные условия затрудняли поступление в университет молодым людям нерусской национальности. Из чувашей, например, за более чем 60-летнее существование Казанского университета (с 1804 г.) первым в него поступил в 1870 г. Яковлев Иван Яковлевич.

Поступать в университет «инородцам»-христианам разрешалось, но на них не распространялись те льготы, которые были установлены для «инородцев»-магометан. Поэтому чуваш Яковлев должен был обучаться на общих основаниях, наравне с другими студентами. То же касалось и платы за обучение. Согласно § 109 Правил для студентов Казанского университета студент был «...обязан за посе-

[1] **Корбут М. К.** Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1.— Казань. 1930. С. 135.

щение им университетских лекций вносить казначею университета ежегодно 40 руб. в два срока: 1 сентября и 1 февраля. В случае невнесения денег, в течение 6 недель после назначенного срока, он исключается из списков университета. Если затем внесет деньги в течение семестра, то может быть снова принят в университет»[1]. Как сирота Яковлев имел право быть освобожденным от платы за обучение, но на это требовалось особое разрешение.

3 сентября 1870 г. он представил прошение в правление университета: «Не имея средств внести деньги за право слушания лекций в первое полугодие, я покорнейше прошу правление императорского Казанского университета отсрочить мне взнос означенных денег до 15 октября 1870 г.»[2]. Вопросы о назначении стипендий, об освобождении от платы решались окончательно по результатам коллоквиумов.

На филологическом факультете, согласно уставу университетов Российской империи 1863 г., студенты обязаны были изучать в течение четырех лет следующие предметы: философию, логику, психологию, историю философии, греческую словесность, греческий язык и толкование авторов, историю греческой литературы, греческие древности, римскую словесность, латинский язык и толкование авторов, историю римской литературы, римские древности, сравнительную грамматику индоевропейских языков, историю русского языка и литературы, историю всеобщей литературы, славянскую филологию, славянские наречия, историю славянской литературы, славянские древности, всеобщую историю, церковную историю, теорию и историю искусств[3].

Как видно, в программе значительное место занимали иностранные языки, к изучению которых И. Я. Яковлев приступил не с начальных классов гимназии, а лишь с пятого. Настораживал его греческий язык. Ведь на нем предстояло изучать множество предметов: историю греческой литературы, греческие древности, толкование авторов и др. По этому вопросу он посоветовался с директором Симбирской гимназии. «Испытание это вообще было очень строгое, да к тому же я нисколько не был к нему подготовлен,

---

[1] Правила для студентов и посторонних слушателей Казанского императорского университета.— Казань, 1871. С. 18.

[2] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 285. Л. 8.

[3] Высочайше утвержденные 18 июня 1863 года учреждения Министерства народного просвещения и общий устав императорских университетов.— М., 1871. С. 19.

не потому, что ленился, а потому, что некогда было, правило общее,— на испытание положено было два дня, потому я отвечал по старой памяти... Я колеблюсь на филологическом факультете и думаю перейти на математический, имея много причин быть недовольным избранным факультетом»[1].

Отрицательные оценки на коллоквиуме получили наряду с Яковлевым и другие симбирцы — друзья Яковлева, окончившие гимназию с медалями: А. Панаев — двойку по римской словесности, не лучше обстояло дело и у Н. Соколова. Им тоже отказали в стипендии. Теперь они хлопотали об освобождении от платы за обучение. Яковлев представил свидетельство о бедности, на основании которого правление университета 24 сентября 1870 г. просило «историко-филологический факультет поставить свое заключение: может ли студент Яковлев на основании 45 § правил для студентов быть освобожденным от взноса платы за слушание лекций»[2]. На полях этого запроса декан факультета наложил резолюцию: «На коллоквиуме Яковлев получил средний вывод 3 $^1/_2$, следовательно, факультет просит освободить».

Такие же документы представил сирота А. Панаев, но резолюция декана гласит: «Получил средний вывод 3 $^1/_3$, по римской словесности 2, факультет не вправе просить освободить»[3]. Так существовавшие барьеры — плата за обучение, организация коллоквиумов, отсутствие общежитий и т. д.— тормозили детям трудящихся получение высшего образования. Если отдельным представителям и удавалось поступить в университет, то им постоянно угрожала опасность быть исключенными. А. Панаев, например, еще в октябре 1870 г. был исключен за невзнос платы за обучение. Что ожидало Яковлева — оставалось пока неясным. О своих переживаниях он писал в Симбирск А. А. Глазовой: «Между прочим, я стою на историко-филологическом факультете теперь не твердо, колеблюсь. Через две недели решу: быть или не быть филологом. Три еще факультета: медицинский, юридический и математический, на которых останавливаются мои желания»[4].

29 сентября 1870 г. на имя ректора университета Яковлев представил заявление с просьбой перевести его «с ис-

---

[1] Ученые записки Владимирского пединститута. Вып. 4. С. 274.
[2] ЦГА ТССР. Ф. 977. Оп. истфилфака. Д. 35. Л. 71.
[3] Там же. Л. 15.
[4] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.

торико-филологического факультета на физико-математический по разряду математических наук».

О своем решении перейти на другой факультет он рассказал в письме преподавателю Симбирской гимназии И. Я. Христофорову: «Стипендии нет на первом курсе, потому что в нынешнем году число стипендий значительно сокращено, а сумма каждой стипендии увеличена до 300 рублей. На Карамзинские стипендии претендовало несколько студентов, но главные кандидаты Лекгер и Зобнин, которые на втором курсе и имеют по всем предметам отличные отметки. Поэтому за них хлопочет совет факультета... Я перешел на математический факультет»[1].

За освобождение Ивана Яковлева от платы за обучение ходатайствовал декан физико-математического факультета, профессор И. А. Больцани, ученик выдающегося математика Н. И. Лобачевского. В своем выступлении на совете он охарактеризовал Яковлева как достойнейшего студента. 20 октября 1870 г. правление университета, наконец, вынесло решение в его пользу. Освобождение от платы за обучение явилось значительной материальной поддержкой как для самого Яковлева, так и для его школы. К этому времени в ней обучалось четыре человека. С той поры и до конца обучения в университете он ежегодно освобождался от платы за обучение. В этом отношении он считался единственным студентом университета в 1870—1875 годах[2].

Вскоре благополучно был решен и другой важный вопрос. 12 октября 1870 г. попечитель П. Д. Шестаков представил в Министерство народного просвещения ходатайство о возможности назначения студенту Яковлеву стипендии, которая рассматривалась как поощрение его просветительско-миссионерской деятельности. 31 декабря того же года министр просвещения Д. А. Толстой ответил: «Я признал возможным назначить студенту Казанского университета чувашу Яковлеву стипендию по 200 рублей в год из сумм министерства впредь до окончания им в университете курса и предложил Департаменту народного просвещения сделать распоряжение о переводе в ведение правления Казанского университета ста рублей серебром для производства означенному Яковлеву стипендии в текущем полугодии установленным порядком»[2]. Интересно отметить, что в 1873 г. Толстой назначил такую же стипендию татарскому студенту Ш. Ахмерову, который по окончании университета ра-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
[2] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9847. Л. 3.

ботал инспектором татарской учительской школы в Казани.

Назначение стипендии бесконечно обрадовало Яковлева: ведь теперь ежемесячно, кроме двух летних месяцев, он получал по 20 руб. Но то не был подарок царского министра. Назначение ему министерской стипендии преследовало, как уже говорилось, определенную цель. К тому же она выдавалась установленным порядком, т. е. в случае несвоевременной сдачи экзаменов или получения неудовлетворительных оценок Яковлева, как и других, могли лишить ее, а за каждую удовлетворительную оценку ежемесячно удерживали определенную сумму в процентах от общего количества оценок. По существовавшим условиям, стипендия выдавалась лишь тому, кто на экзаменах набирал в среднем более трех баллов. Однако сумму среднего балла постоянно повышали. Так, предложением учебного округа от 30 мая 1873 г. студент лишался стипендии «если при переводных или проверочных испытаниях в каком-либо курсе получит средним числом менее четырех баллов»[1]. Заметим, что студенты-инородцы из среды народов Востока России находились тогда на строгом учете Министерства народного просвещения. Для них устанавливали отдельные категории стипендий на основании решений 1836, 1863, 1873 гг.

Яковлеву назначил стипендию министр народного просвещения Д. А. Толстой по положению 1863 г., по которому студенты-инородцы получали 200 руб. в год. Позднее это положение изменилось. Студенты-инородцы, обучавшиеся в Казанском университете, гимназиях — Казанской первой, Оренбургской, Уфимской,—получали больше. 15 мая 1873 г. «Государственный Совет мнением положил, что обучающимся в Казани с 1 июля 1873 г. отпускать по 250 рублей, а остальным по 200 рублей в год»[2]. Это положение касалось не только студентов-магометан, но и христиан-инородцев. Тем не менее И. Я. Яковлев и в 1873—1874 и в последующих учебных годах продолжал получать 200 рублей в год. Попутно отметим, что по данным Министерства народного просвещения среди чувашей первым гимназистом и студентом университета был И. Я. Яковлев. Несмотря на ряд ограничений, для него в университете создались достаточно благоприятные условия не только для

[1] Ученые записки Казанского университета за 1874 год. № 4. С. 469.

[2] Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. V.— СПб., 1877. С. 2120.

учебы, но и общественно-просветительской деятельности.

Главного внимания, разумеется, требовала учеба. По плану 1870/71 учебного года за 1 курс студенты физико-математического факультета в мае обязаны были сдавать экзамены по шести предметам. Яковлев работал с большим напряжением сил: регулярное посещение лекций, постоянная переписка с учениками своей школы в Симбирске, опыты филологических исследований требовали от Яковлева огромных усилий. Ко всему этому в феврале 1871 г. добавилось еще одно переживание: забрали в рекруты А. Рекеева. Чтобы освободить своего верного друга и помощника от рекрутского набора, студенту приходилось часто ездить в Симбирск, писать письма во все инстанции. Колоссальное нервное напряжение, бесчисленные хлопоты из-за материальной нужды школы привели к тому, что в период подготовки к экзаменам, в апреле, он заболел и вынужден был лечиться в университетской клинике. Он обратился к проректору с просьбой разрешить ему отсрочить экзамены по причине болезни. 30 апреля 1871 г. проректор университета, проф. римского права Н. А. Кремлев препроводил в деканат физико-математического факультета такое отношение: «Студент курса физико-математического факультета и разряда Иван Яковлев просит о дозволении ему держать переводное испытание в августе месяце по причине болезни, в удостоверение которой представил медицинское свидетельство, выданное проф. Субботиным в том, что студент Яковлев страдает головными болезнями и ревматическими болями грудных мышц»[1].

Декан факультета И. А. Больцани разрешил Яковлеву сдать экзамены за 1 курс в августе. Оправившись от болезни, Яковлев решил использовать отсрочку и в начале мая выехал в Симбирск, чтоб еще раз попытаться освободить А. Рекеева. Перед отъездом он навестил своих научных консультантов по составлению чувашского алфавита, профессоров Н. И. Ильминского, Н. Н. Булича, Г. С. Саблукова, чтобы получить от них задание на летние каникулы по сбору материалов для чувашского букваря. Ученые советовали ему серьезно отнестись к предстоящим экзаменам.

Нагрузившись учебниками и различными пособиями, Яковлев выехал на пароходе в г. Тетюши, оттуда добрался до родной деревни, затем приехал в Симбирск. Всю дорогу он искал добровольца («охотника»), который за деньги по-

[1] ЦГА ТССР. Ф. 977. Оп. физматфака. Д. 540. Л. 13.

желал бы служить в царской армии вместо А. Рекеева, что в то время разрешалось официально. Бедные крестьяне служили за богатых за плату деньгами, натурой (мясом, зерном и т. д.); таких случаев по Буинскому уезду в 1868 г. было свыше 200[1]. Еще 23 апреля 1871 г. Яковлев сообщил своему первому ученику: «На днях я хочу отсюда уехать, так что экзамен держать буду после вакаций, в августе; я поеду сначала в нашу деревню, а потом — в Симбирск. Одна из главных причин, что экзамен я теперь не держу, это то, что я хочу поскорее похлопотать о твоем возвращении посредством найма за тебя охотника. Заеду в деревню для двоякой цели: приискать денег и охотника»[2].

Поиски не привели к желаемым результатам. Не удалось найти ни денег, ни «охотника». Поэтому Яковлев быстро вернулся в Симбирск. Вечером 3 мая 1871 г. его уже встречали ученики.

Во время каникул (вакаций) он занялся сбором материалов устного народного творчества для букваря. Дальнейшее расширение Симбирской чувашской школы, начало строительства училища в Кошках, работа по изданию букваря совершенно исключали возможность сочетать изучение физико-математических наук с филологическими исследованиями. Тщательно взвесив все трудности предстоящей работы, Яковлев задумал возвратиться на историко-филологический факультет. «Я, Николай Иванович,— писал он Ильминскому 24 июня,— решил переменить факультет, хочу опять на филологический, очень жалко и очень грустно, что год у меня прошел даром, вовсе непроизводительно для себя, но ничего не сделаешь. Я в выборе факультета совершенно раздвоился. Скажу Буличу, что он меня убедил перейти. Однако мне очень желательно бы знать Ваше мнение, Николай Иванович, относительно перемены мною факультета»[3].

2 июля 1871 г. Ильминский написал ему ответное письмо со всевозможными советами на будущее. Поскольку Яковлев летние каникулы стремился использовать для составления букваря и расширения чувашской школы в Симбирске, то Ильминский посоветовал ему «запастись медицинским свидетельством, что Вы нездоровы, после чего Вы можете не являться к экзамену с уважительной причиной...

---

[1] Подробнее см.: Памятная книжка Симбирской губернии за 1868 год. С. 328.

[2] ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Инв. № 9903/6. С. 16.

[3] И. Я. Яковлев Н. И. Ильминскому.— Научный архив ЧНИИ. Отд. 2. Д. 518. С. 12. Приводится в сокращении.

лучше бы выдержать экзамен и перейти во второй курс, но ведь Вы постоянно озабочены судьбой то того, то другого из близких Вашему сердцу чувашей. А на историко-филологический факультет переходить едва ли будет ладно: много предметов, которые придется долбить в зубрежку»[1].

Но вернувшись после каникул в Казань, Яковлев сразу же в начале 1871/72 учебного года начал хлопотать о переводе на историко-филологический факультет, представив все необходимые документы. Лишь в октябре вопрос был решен окончательно. 8 октября ректор университета профессор Е. Г. Осокин (юрист) подписал приказ о переводе студента И. Я. Яковлева с физико-математического факультета на историко-филологический. Но сам студент начал посещать занятия на этом факультете с первых же дней сентября.

Яковлев занимался исключительно упорно. Пришлось много внимания уделить прежде всего греческому языку. Труд, старание привели к тому, что к концу второго учебного года чувашский студент догнал своих товарищей в изучении греческого языка, о чем свидетельствуют результаты курсовых экзаменов за первый курс: греческая словесность 3, русская словесность 5, история русской литературы 5, славянская филология 4, латинский язык 5, всеобщая история 4, русская история 5, выход 4 $^{2}/_{7}$. Репетиция (зачет) им была сдана на 4 $^{1}/_{7}$ балла[2].

В протоколе Совета историко-филологического факультета от 22 мая 1872 г. записано: Яковлева Ивана перевести на второй курс. В этом учебном году он давал частные уроки трем татарским мальчикам, готовил их к поступлению в гимназию. Когда Яковлев уезжал в Симбирск, вместо него уроки давали его друзья по учебе в университете В. А. Белилин и В. Ф. Батемиров (он же Ионин).

Факультетская программа постепенно усложнялась. В нее входили все новые и новые предметы. В 1872/73 учебном году студенты II курса историко-филологического факультета изучали богословие, психологию, философию, историю русского языка и литературы, всеобщую историю, русскую литературу, церковную историю, французский, итальянский, английский, греческий, латинский и немецкий языки. Кроме того, начиная со II курса, студенты ежегодно обязаны были представлять свои сочинения по избранной теме. В 1872/73 учебном году Яковлев написал кур-

[1] Подлинник хранится у автора книги.
[2] ЦГА ТССР. Ф. 977. Оп. истфилфака. Д. 990. Л. 63.

совое сочинение на тему: «Предисловие Лаврентия Бонинконтрия Миниатского» в объеме 80 страниц. 14 марта 1873 г. проф. Н. А. Осокин (историк) прорецензировал эту работу и поставил оценку «5». Она была отмечена и в отчете ректора за 1873 календарный год: «Особое внимание факультета было обращено на самостоятельные занятия студентов, которые проявлялись в письменных работах, обязательно представляемых студентами II—IV курсов...

Историко-филологический факультет считает долгом указать на те, которые выдавались по своим достоинствам. К числу таких надо отнести работу студента II курса Ивана Яковлева «Предисловие Лаврентия Бонинконтрия Миниатского»[1].

Для написания указанной работы Яковлеву самому пришлось перевести на русский язык итальянскую рукопись эпохи Возрождения «Хроника, или анналы Лаврентия Бонинконтрия Миниатского». Проф. Н. А. Осокин 19 мая 1873 г. представил проректору, проф. Н. Фирсову, список шести студентов, написавших курсовые сочинения по всеобщей истории. Из них только Яковлев получил оценку «отлично»[2]. На историко-филологическом факультете всех российских университетов обязательно изучали четыре иностранных языка: немецкий, французский, английский и итальянский, а так называемые «мертвые языки» — латинский и греческий — являлись средством изучения истории древней Греции, Рима и средних веков. Знание латинского и французского языков помогло Яковлеву в переводе не только указанной итальянской рукописи, но и в изучении в подлинниках многих первоисточников по истории средних веков. Одновременно, как и раньше, И. Я. Яковлев продолжал работать как частный учитель. В 1872/73 учебном году он давал уроки русского языка дочери инспектора татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ Казанского учебного округа В. В. Радлова, ставшего впоследствии ученым с мировым именем. Радлов и его жена были немцы и потому в семье нужен был учитель русского языка.

Большую часть своего времени студент Яковлев тратил на изучение наук С целью развития самостоятельности и любознательности студентов в Казанском университете ежегодно объявлялись темы по различным предметам на

---

[1] Ученые записки Казанского университета за 1874 г. № 6. С. 416.

[2] ЦГА ТССР. Ф. 977. Оп. истфилфака. Д. 1010. Л. 10.

соискание наград. Так, на 1872/73 академический год историко-филологического факультета была объявлена тема: «Философия в эпоху Возрождения», а на 1873/74—по греческому языку: «Подробное изложение особенностей беотийского наречия по дошедшим до нашего времени литературным произведениям». Свои сочинения студенты, пожелавшие принять участие в конкурсе, обязаны были представить весной, а итоги подводились в конце учебного года. Лучшие работы награждались золотой и серебряной медалями. Яковлев в этих конкурсах не участвовал: в 1872/73 учебном году он выпустил чувашский букварь в трех изданиях, не ослаблял он своего внимания и к Симбирской чувашской школе, где к этому времени обучалось уже 45 учащихся, с которыми он постоянно переписывался, давал советы, указания, служившие его ученикам руководством к действию и учебе.

На втором курсе Яковлев написал сочинение по психологии на тему: «Физиологические основы представления». Оно оценено как зачетная работа, которая была защищена 18 мая на «хорошо». Его автор дал глубокий анализ темы, подробно остановился на характеристике крупных открытий в данной области.

В начале мая 1873 г. он успешно сдал экзамены по всем предметам и перешел на III курс. Всего им было сдано 9 экзаменов: богословие —4, греческий язык —3, латинский язык —5, история русской словесности —4, история всеобщей литературы —3, всеобщая история —5, русская история —5, церковная история —5, средний вывод — $4^2/_9$ балла[1]. На III курсе прибавилось факультативное занятие — педагогическая практика в гимназиях. Студенты, желавшие посвятить себя педагогической деятельности, еженедельно в течение полугодия, на последних двух курсах сами проводили уроки в старших классах гимназий под руководством опытного профессора Н. А. Фирсова. Яковлев был освобожден от особого экзамена по практике: ведь к этому времени он имел уже пятилетний стаж педагогической деятельности.

В предпоследнем 1873/74 учебном году Яковлев готовится к написанию работы и поэтому большое внимание уделяет выбору темы, пишет курсовые сочинения, обобщает собранные им в течение ряда лет материалы по устному творчеству чувашского народа. За этот год он написал сочинения: 1) «Борьба жирондистов и якобинцев» (науч-

[1] ЦГА ТССР. Ф. 977. Оп. истфилфака. Д. 1010. Л. 112.

ный руководитель проф. Н. Осокин), 2) «Ян Гус» (научный руководитель проф. И. Добротворский), 3) «Несколько памятников устной чувашской словесности» (руководитель проф. Н. А. Фирсов).

Первые две работы были оценены на «хорошо». По ним можно судить об отношении автора к освободительному движению и национальному вопросу. И. Я. Яковлев особенно симпатизировал чешскому патриоту Яну Гусу, создателю литературного языка для чехов, борцу против немецкого засилья в Парижском университете. Он подробно описывает жизненный путь Гуса, называя его поборником чешской национальной культуры.

Работа «Несколько памятников устной чувашской словесности» вызвала большой интерес ученых-словесников и прежде всего научного руководителя, рекомендовавшего ее к печати. Она представляла из себя собрание сказаний о жизни чувашей и их соседей в XIV—XIX вв. «Работа эта по оригинальности содержания,— писал Н. А. Фирсов в своей рецензии,— заслуживает полного внимания. Я позволю себе просить факультет напечатать этот сборник, когда составитель его дополнит новыми материалами, которых у него в распоряжении имеется довольно»[1].

Следует особо отметить, что научный руководитель Н. А. Фирсов (1831—1896) всячески поддерживал энтузиазм и стремление Яковлева к науке и просвещению родного народа. Сам Фирсов окончил Петербургский Главный педагогический институт, в студенческие годы был связан с Н. А. Добролюбовым и его кружком, а в Казанском университете тесно общался с известным историком-демократом А. П. Щаповым[2].

Не без поддержки Н. А. Фирсова Совет факультета постановил напечатать сочинения Яковлева в «Ученых записках» университета, что было поддержано и ректором, проф. Н. А. Кремлевым. Однако сам автор ввиду исключительной занятости не смог представить его в редакцию «Ученых записок». Создание учебно-педагогической литературы для чувашских школ Яковлев считал более важным делом, чем опубликование своего сочинения. Часть этих материалов была использована им при составлении первых чувашских букварей, изданных в 1872—1875 годах.

Сочинение «Несколько памятников устной чувашской

[1] ЦГА ТССР. Ф. 977. Оп. истфилфака. Д. 1012. Л. 61.

[2] **Ермолаев И. П., Литвин А. Л.** Профессор Николай Николаевич Фирсов (сын Н. А Фирсова.—Н. К.).—Изд-во Казанского ун-та, 1976. С. 7.

словесности» являлось курсовой работой, над расширением которой ее автор работал и на IV курсе. По окончании университета проф. Н. А. Фирсов предложил Яковлеву представить ее с дополнениями как кандидатскую диссертацию. Поэтому все варианты сочинения находились у автора, а не в архиве университета. Яковлев из-за отсутствия времени так и не довел ее до конца, диссертация не была представлена. Архивные документы показывают, что сочинение «Несколько памятников устной чувашской словесности» было написано в трех вариантах. К сожалению, последний вариант рукописи пока не обнаружен.

Написание курсовых сочинений не освобождало студентов от сдачи экзаменов. С 1 по 20 мая 1874 г. И. Я. Яковлев сдал экзамены за весь III курс и показал следующие успехи: греческий язык —3, латинский язык —4, история русской словесности —5, история славянской литературы — 3, всеобщая история —5, русская история —5, церковная история —4, философия —3. Средний вывод: 4. В протоколе заседания Совета университета от 27 мая 1874 г. записано: «Перевести по результатам экзаменов из III в IV курс... Яковлева Ивана». В следующем, 1874/75 — четвертом и последнем учебном году — Яковлев продолжал работать над темой курсового сочинения об устном народном творчестве чувашей. Накопленный материал он перевел на русский язык и представил Н. А. Фирсову. В сравнительном переводе на русский язык памятников устного народного творчества — афоризмов, поговорок, пословиц — студенту большую помощь оказывает профессор русской словесности Н. Н. Булич.

В мае 1875 г. Яковлев успешно сдал выпускные экзамены. Его оценки, в том числе по курсовому сочинению, оказались на уровне кандидатских, т. е. 4 и 5: богословие—4, философия —5, греческая словесность —4, римская словесность —5, история русской литературы —4, история всеобщей литературы —4, славянская филология —5, всеобщая история —5, немецкий язык —4. Полугодовое сочинение «Несколько памятников устной чувашской словесности в переводе на русский язык»— отлично. Такие же оценки имели еще три студента, но у тех курсовые сочинения были оценены на «4». На выпускных экзаменах по факультету из 11 студентов IV курса наибольшее количество баллов набрали И. А. Боченков и И. Я. Яковлев. Чтобы достичь таких успехов, Яковлеву пришлось работать в высшей степени напряженно. Особенно много, в частности по греческому языку, он занимался в последнем году.

И вот результат — он научился свободно читать в подлиннике сочинения Гомера, Платона, Аристотеля.

26 мая 1875 г. совет историко-филологического факультета рассматривал ведомость об окончательных испытаниях студентов IV курса. В отношении студента Ивана Яковлева было определено: «ходатайствовать перед советом университета об утверждении в степени кандидата, если в указанный срок представит диссертацию»[1]. В мае же совет университета разрешил Яковлеву представить работу по теме его курсового сочинения на получение степени кандидата.

Несколько слов об этой работе. Это был труд, посвященный истории народов Поволжья и колонизации края. Яковлев записал памятники устной словесности об участии чувашей, марийцев, мордвы в походах на Казань вместе с войском Ивана Грозного, о восстаниях «инородцев» в период колонизации Поволжья, о бегстве чувашей в Турцию и т. д. Некоторые из описанных событий не отразились в исторических документах. Об исследовании И. Я. Яковлева писали не только в «Ученых записках» Казанского университета, в отчетах декана, ректора, но и в центральных журналах. В одном из них читаем: «Из представленных студентами сочинений весьма удовлетворительными признаны... согласно отзыву проф. Фирсова — Яковлева Ивана (4 курса) «Несколько памятников устной чувашской словесности в переводе на русский язык»[2].

На завершение и оформление диссертации отводилось, согласно положению, шесть месяцев. Для Яковлева это — с 21 июля по 21 января 1876 г., но при наличии уважительных причин время представления могло быть отсрочено. По желанию соискателя на этот период выдавалось временное свидетельство на звание действительного студента, заменяемое, по представлении диссертации в назначенный срок и по одобрении ее, дипломом о присвоении звания кандидата.

17 июля 1875 г. он получил временное свидетельство за № 1649 об окончани университета и сразу же вернулся в Симбирск. В его школе уже обучалось 52 человека. С уходом из нее А. Рекеева и учителя В. Калашникова ее хозяйственная часть стала нуждаться в помощи руководителя. Необходимо было назначить нового учителя, подыс-

[1] ЦГА ТССР. Ф. 977. Оп. истфилфака. Д. 1054. Л. 46; Д. 1033. Л. 38.

[2] Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ноябрь. С. 64.

кать квартиру для учащихся, чем и занялся Яковлев сразу же после окончания университета. Осенью уже ему было не до диссертации. «До сих пор еще я не писал диссертации,— сообщал он Ильминскому в ноябре 1875 года,— не знаю как быть, собираюсь кое-что написать да послать Фирсову».

И. Я. Яковлев горел желанием получить диплом кандидата. Но его ожидало еще одно препятствие: необходимо было выйти из податного состояния. С этой целью в июле 1875 г. он обратился в Симбирскую казенную палату с прошением выдать соответствующий документ. Просьба была удовлетворена. Но даже и после этого он так и не нашел возможности завершить диссертацию, и в январе 1876 г. получил лишь диплом действительного студента как специалист по русской истории. Рукопись кандидатской диссертации Яковлева по окончании им университета долгое время находилась у научного руководителя проф. Н. А. Фирсова, который хотел ее опубликовать в «Ученых записках» Казанского университета. 23 марта 1877 г. он писал в Симбирск автору диссертации: «Пишу к Вам по поручению факультета (историко-филологического —*Н. К.)* между прочим. Дело в следующем: не получив от Вас в течение столь продолжительного времени обещанного Вами «Введения» к Вашему сборнику памятников устной чувашской словесности, который Вы доставили мне в качестве кандидатского сочинения и который в этом качестве мог быть трактуем под условием существования при нем «Введения»,— я наконец нашел вынужденным передать его факультету с тем моим заключением, что этот сборник по многим интересным этнографическим данным, в нем заключающимся, желательно было бы выдать в печать. Факультет, соглашаясь с моим заключением, однако же осуществление его обусловил тем, чтобы Вашему сборнику предпослано было предисловие, в котором бы было объяснено: в какой местности или в каких местностях собраны Вами материалы, вошедшие в Ваш сборник, и какими способами Вы их добывали и т. п.

Сообщая Вам об этом постановлении факультета, я позволяю себе выразить сожаление, что не приходится Вас поздравить с кандидатством, и надежду, что Вы, если по делам служебным затруднялись изготовить необходимое для того, ...не откажетесь написать предисловие... которое может быть очень кратким. Думаю, не потребуется для его составления много времени и по получении которого Ваш сборник немедленно отдается в печать, в «Ученые запис-

ки» Казанского университета с условием, чтобы для Вас было напечатано 300 оттисков. Весьма желательно, чтобы это Вами было сделано в возможно непродолжительном времени: ибо желательно, чтобы Ваш труд был напечатан ранее открытия IV археологического съезда*, члены которого, без сомнения, с интересом почитали бы Ваш сборник, заключающий, может быть, для многих terra incognita**.

Во всяком случае я бы покорнейше Вас просил не оставить меня без ответа на настоящее мое письмо к Вам»[1].

И на этот раз И. Я. Яковлев не нашел времени для составления нужного предисловия к сборнику, т. к. в 1877—1878 гг. был занят организацией женского класса (отделения) при чувашской школе в Симбирске. На первом плане стояли заботы о развитии народного просвещения. Вот почему в университете вместо четырех лет ему пришлось учиться пять, пожертвовав один год историческому делу — созданию нового алфавита, букваря и национальной школы.

Дипломной работой И. Я. Яковлева заинтересовался Подготовительный комитет IV археологического съезда России в Казани. 6 ноября 1876 г. его председатель П. Д. Шестаков официально обратился к Яковлеву прислать один экземпляр «Сборника памятников чувашской народной поэзии» на имя секретаря[2]. Из переписки неясно, поступил ли сборник в Комитет. Наконец, отметим, что и в последующие годы дипломная работа Яковлева привлекла к себе внимание исследователей литературы, особенно творчества чувашского просветителя. Поэтому она оказалась не в государственных архивах, а в частных коллекциях в Ульяновской области.

Студенческие годы Яковлева, продолжавшиеся с 1870 по 1875 год, закончились. 28 августа 1875 г. попечитель Казанского учебного округа назначил его исправляющим обязанности окружного инспектора чувашских школ. Попечитель П. Д. Шестаков поставил перед ним важные задачи: «Так как чуваши из губерний Казанского учебного округа живут в Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской, то местопребывание Вам я назначаю центральный пункт Симбирск и поручаю Вашему непосредственному заведованию находящуюся там чувашскую школу. Не изъемля чувашские школы из ведения директоров и инспекторов на-

---

* Этот съезд состоялся летом 1877 г. в Казани. В его работе принимали участие И. Я. Яковлев и Н. А. Фирсов.

** Т. е. «незнакомая земля» (лат.).

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 28. Д. 52 (публикуется впервые).

[2] ЦГА ЧССР. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 (публикуется впервые).

родных училищ, я поручаю Вам следить за ходом преподавания в этих школах, снабжать учащих в этих школах указаниями, которые могли бы служить к более успешному ходу развития учеников чуваш. Главная Ваша забота должна клониться к тому, чтобы чувашские начальные школы имели учителей подготовленных, знающих язык своих учеников и могущих вести преподавание согласно указаниям журнала Совета министров народного просвещения 2 февраля 1870 года № 42. Вообще о преуспеянии чувашских школ Вы должны заботиться сообща с директорами и инспекторами народных училищ, с которыми и прошу Вас входить по вопросу о школах в непосредственные сношения. О положении чувашских школ Вы имеете представлять мне отчеты по обозрении оных. Равным образом я прошу Вас продолжать свою полезную деятельность по изданию для чуваш книг религиозного и нравственного содержания, о средствах для издания этих книг предлагаю Вам входить ко мне своевременно с особыми представлениями»[1]. Все эти задачи инспектор Яковлев выполнил успешно, проявив себя как умелый организатор и новатор педагогической мысли.

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 19. Д. 54

Глава II

СОЗДАНИЕ НОВОГО ЧУВАШСКОГО АЛФАВИТА И ПЕРВЫХ УЧЕБНЫХ КНИГ

Книга есть жизнь нашего времени.
В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Деятельность И. Я. Яковлева приобретала все большую общественную значимость. Учась в гимназии, он приступает к созданию школы — прообразу будущего педагогического училища, в университете создает новый чувашский алфавит, составляет и издает на нем ряд учебных книг, включая букварь. Его стремление, желания удивительно сочетаются с потребностями общества, народа. В 1867 г. Совет братства святителя Гурия решил создать для чувашского населения школы по образцу крещенотатарской школы Н. И. Ильминского в Казани. Яковлевская школа в Симбирске явилась началом выполнения решения Совета братства. 26 марта 1870 г. министерством были утверждены «Правила об образовании инородцев, населяющих Россию», которые обязывали обучать детей национальных меньшинств в начальной школе на их родном языке. И для этого намечались определенные меры: подготовка учителей из среды самих же инородцев, составление школьных учебников и т. д. И. Я. Яковлев в 1870 г., по поступлении в университет, приступает к составлению алфавита и завершает его к концу 1871 года. Это был большой научный подвиг студента. Чувашский язык стал средством просвещения народа, развития национальной культуры.

Ко времени поступления Яковлева в университет в просвещении нерусских народов Поволжья использовалась система, разработанная видным ученым-ориенталистом, педагогом-миссионером Н. И. Ильминским. Он явился инициатором и организатором Казанской крещенотатарской школы и так называемых братских школ, которых в 1870 г. среди чувашей, марийцев и удмуртов насчитывалось более сорока. С целью насаждения христианства и усиления борьбы про-

тив влияния магометанства на народы Поволжья процесс обучения в этих школах осуществлялся на родном языке.

Обучаясь в гимназии, Яковлев много слышал от Баратынского и Христофорова о просветителе Ильминском.

По воспоминаниям А. Рекеева, первая встреча И. Я. Яковлева с Н. И. Ильминским состоялась в июле 1870 г., когда Яковлев приехал в Казань для представления документов в университет. В начале сентября 1870 г. он побывал в крещенотатарской школе, затем лично навестил ее основателя. В 1867 г. Н. И. Ильминский читал рецензию Яковлева на книгу Н. И. Золотницкого «Солдалык кнеге», опубликованную в «Симбирских губернских ведомостях» (13 апреля 1867 г.). Об этой встрече с Яковлевым Н. И. Ильминский писал: «В первый раз он пришел ко мне утром часов в 11, как будто с визитом. Мы поговорили с ним недолго; разговор коснулся крещенотатарской школы, я пригласил его к 5 часам того же дня,— дело было в субботу,— в крещенотатарскую школу ко всенощной. Мы были там вместе, явились в школу раньше начала службы, так что Яковлев успел познакомиться с священником Тимофеевым; потом отстояли всю всенощную, потом Яковлев еще долго беседовал с о. Василием. Школа и церковная служба на инородческом языке и вид учащихся инородцев, сознательно и душевно и, так сказать, весело и любовно внимавших богослужению и исполнявших его на своем родном языке, все это произвело на Яковлева сильное и глубокое впечатление и раздумье — поворот в его инородческо-образовательных воззрениях... Вот когда собственно Яковлев убедился в пользе и необходимости родного языка в образовании инородцев и пожелал применить со временем этот способ в своей Симбирской школе»[1].

До встречи с Н. И. Ильминским в вопросах просвещения национальных меньшинств, приобщения их к русской культуре студент Яковлев находился под влиянием Баратынского. Последний не разделял педагогических взглядов Ильминского, называл его «шарлатаном», а крещенотатарскую школу считал «оранжереей». Встречи с Н. И. Ильминским, знакомство с заведующим школой В. Т. Тимофеевым произвели на Яковлева большое впечатление, о чем он незамедлительно сообщил Баратынскому. В письме от 6 сентября 1870 г. Яковлев предлагает Баратынскому перенять опыт Ильминского: «Вчерашний день был у Ильмин-

[1] Переписка о чувашских изданиях Переводческой Комиссии.— Казань, 1890. С. 38—39.

ского, долго говорил с ним, был в его школе. Ильминский чрезвычайно по наружности незавидный человек, но чудесный человек: довольно несколько минут, чтобы узнать, с кем вы имеете дело. Это образованнейший, умнейший человек, но главное, что за душа у этого человека. Встретил он меня уж очень просто, в халате, в каких-то туфлях. Я никак не предполагал, что вижу перед собой Ильминского. Повел он меня в кабинет свой: опять вижу что-то особенное у этого человека, что-то очень просто в кабинете, ни одной вещички, которая доказывала бы роскошь и излишество. Да профессор ли это Казанского университета Николай Иванович Ильминский, действительный статский советник?— подумал я при виде всего этого. Кругом у него книги, тетради разные, сам до моего прихода что-то такое писал. Николай Иванович скромен и уступчив в разговоре донельзя. Если он на чем-то настаивает, то вам ясно видно, что это есть истина непреложная и что Вы против его взгляда ничего не имеете сказать. Я рассказываю Ильминскому, что накануне был в его школе, он выслушал меня и повел разговор дальше, что им, Николаем Ивановичем, будто бы здесь ничего не сделано... В школе я был час и застал Василия Тимофеевича, было 6 часов вечера. После моего прихода разговор шел со мной и обо мне, ученики в этом участвовали. Я расспрашивал подробно обо всех. После начали петь по-татарски и по-русски: поют превосходно, стройно и правильно. Ученики говорят порядочно по-русски, а другие даже хорошо, всех учеников 130, а к зиме Василий Тимофеевич говорит — будет побольше. Ученики одеты просто — иные по-русски, другие — по-татарски... Все это создано руками Николая Ивановича Ильминского и Василия Тимофеевича. Нет, Алексей Иванович, Вы говорили, что можно делать в оранжерее. Нет, не таковы намерения Ильминского, чтобы производить опыты на избранном месте и не таковы видимые результаты его дела... 130 человек не могут не поразить Вас, Алексей Иванович. Я жду самых блестящих результатов от развития этого дела...

Да, Алексей Иванович, надобно проанализировать наши взгляды на систему обучения в чувашских школах, при виде этой школы невольно приходят различные вопросы — так ли мы поступаем и при искреннем желании принести пользу христианству и народу, не предвзяты ли у нас идеи об этом предмете?»[1]

---

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 2. Д. 20120. Л. 57 (публикуется впервые).

Несомненно, под живым впечатлением от деятельности Н. И. Ильминского и его крещенотатарской школы взгляды Яковлева на просвещение родного народа во многом изменились. Несколько позднее он писал: «В описываемое время (1870 г. до встречи с Ильминским.— *Н. К.)* А. И. Баратынский и я смотрели на систему инородческого просвещения, как и большинство людей, глубоко не вникающих в сущность просветительского дела в нашем крае. Нам представлялось необходимым все дело школьного образования исключительно вести через русский язык и по русским книгам; чувашский язык по тогдашним нашим представлениям не должен был ни под каким видом допускаться среди учеников, так как он не в состоянии выражать тех мыслей, чувств и понятий, какие должны быть сообщены школьникам, тем более нельзя допустить книги на родном языке, а переводы Священного Писания и церковно-богослужебных книг мы считали совершенно невозможными. Так категорически и безаппеляционно мы решали эти вопросы, хотя ни А. И. Баратынский, ни я в школе чувашским языком, как педагогическим орудием просвещения, не пользовались, переводами вообще и церковно-богослужебных книг в частности никогда не занимались и в этом деле ровно ничего не понимали, а смотрели на дело с априорной точки зрения»[1].

После знакомства с Ильминским, чтобы чаще встречаться с ним, студент Яковлев находит квартиру вблизи его дома. Как и многие другие иногородние, он снимал частную квартиру за высокую плату. В 1870—1871 году он квартировал вместе с Н. Соколовым и А. Панаевым. После исключения их за невзнос платы за обучение Яковлев жил вместе с чувашским крестьянином Игнатием Ивановым и с другими студентами недалеко от университета, на улице Большая Проломная, около Богоявленской церкви (ныне улица Баумана) в доме И. И. Лепаринского. В конце мая 1871 г. он перешел на другую квартиру, найденную для него женой проф. Н. И. Ильминского. С этого времени и до конца следующего учебного года он прожил в доме протоиерея А. Н. Иорданского на Поповой горе, недалеко от монастырского собора. Теперь эта территория входит в черту улицы Тельмана. Три остальные года (1873—1875) он провел в доме Некраша, в переулке между улицами Гру-

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 2. Д. 20120. Л. 58 (публикуется впервые).

зинской и Лядской, что ныне входит в границы улиц Гоголя, Жуковского и Комлева.

Н. И. Ильминский стоял во главе «инородческой» учительской семинарии* со времени ее основания и до конца 1891 г. В период обсуждения проекта устава российских университетов 1863 г. он выступил за расширение рамок приема в университеты. 3 марта 1862 г. на совете историко-филологического факультета Казанского университета он заявил: «...Из инородцев есть личности, весьма даровитые и симпатичные и любознательные, но по обстоятельствам они не могут получить общего гимназического воспитания; таких следует не только допускать, но и пускать»[1]. По мнению Ильминского, юношей-«инородцев» следует принимать для того, чтобы готовить из них деятелей христианского просвещения, специалистов по их родным языкам. Он же высказался за освобождение их от платы за обучение, за учреждение для них стипендий. Он пытался вместо закрытого в 1855 г. восточного факультета при Казанском университете организовать класс восточных языков для нерусской молодежи, которую можно было бы принимать и без гимназического образования. Однако эта идея Ильминского не получила поддержки. Поэтому он вынужден был искать природно одаренные личности среди татар, чувашей, марийцев и т. д., чтобы готовить их к миссионерской деятельности. Таким, например, оказался В. Т. Тимофеев, работавший впоследствии в крещенотатарской школе в Казани.

Под руководством Ильминского выпускники Самарского духовного училища В. В. Васильев и ученик Казанской крещенотатарской школы С. Н. Тимрясов, хорошо владевшие чувашским и татарским языками, переводили на чувашский язык религиозные книги, которые должны были использоваться как учебные пособия в братских школах. В начале сентября 1870 г. к ним присоединяется студент Иван Яковлев, он предлагает составить новый чувашский алфавит, обещая привлечь к этому делу учеников своей школы.

Еще в 1867 г. в своей рецензии на книгу Н. И. Золотницкого «Солдалык кнеге» Яковлев предложил усовершенствовать его алфавит путем введения особых знаков для обозначения специфических звуков чувашского языка. Иль-

---

* Ныне здания этой семинарии занимает Казанский техникум легкой промышленности (ул. Комсомольская).

[1] **Корбут М. Н.** Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1.— Казань. 1930. С. 150.

минский читал эту рецензию и полностью разделял мнение рецензента. Поэтому сейчас идея Яковлева нашла поддержку со стороны профессора. И с 1870/71 учебного года для Яковлева местом изучения фонетики тюркских языков становится квартира Н. И. Ильминского. Здесь и зарождается конкретный план просвещения родного народа, создания нового чувашского алфавита, первого букваря.

О значении этих встреч с ученым И. Я. Яковлев впоследствии рассказывал: «Я по его приглашению стал часто ходить к нему запросто, и в течение первых четырех месяцев нашего знакомства был я у него на собеседованиях с глазу на глаз, по крайней мере 30 раз, причем я приходил с раннего вечера, уходя иногда тогда, когда уже светало и звонили в церкви Богоявления к обедне...

В конце концов Ильминский убедил меня в том, что в основу образования родных мне чувашей должен быть положен не русский, а родной их язык, что это правило должно применяться вообще ко всем инородцам»[1].

До встречи с Ильминским просветительская деятельность Яковлева ограничивалась в основном подготовкой в частной школе отдельных чувашских юношей к поступлению в учебные заведения, чтобы они впоследствии стали проводниками просвещения в массы народа. Эти учителя должны были составить ядро интеллигентной силы в деревне и распространять знания среди населения. Однако Ильминский с первой же встречи стал доказывать студенту Яковлеву, что надо стремиться к просвещению не отдельных представителей, а всей массы чувашского народа. «Возиться» же, как он говорил, с отдельными личностями — «значит разменяться на мелочи, и в сущности, не принести пользы всему народу». Не будем забывать, что Ильминский был крупный ученый, тюрколог, но его педагогическая, просветительская деятельность была направлена на укрепление православия среди нерусских народностей. Миссионерские школы он создавал при поддержке синода и одного из реакционнейших министров просвещения Д. А. Толстого. Конечно, свои педагогические и идеологические позиции он старался передать и Яковлеву.

Найдя поддержку со стороны Ильминского и его сподвижников, Яковлев задумывался над тем, как превратить частную школу в национальную. Для этого необходимо было создать доступный народу алфавит, подготовить учителей и переводчиков учебной литературы из среды самих

Яковлев И. Я. Воспоминания. 2-е изд., доп. С. 97.

же чувашей, составить буквари и другие учебные пособия. В помощники к себе Яковлев привлекает Игнатия Иванова, Т. П. Петрова, учеников своей школы, они занимаются переводами, изучают особенности чувашского языка, собирают материалы устного народного творчества и т. д. Осенью 1870 г. под непосредственным научным руководством Ильминского началось составление нового чувашского алфавита.

О своих занятиях с Яковлевым Н. И. Ильминский писал: «Такие бессонные ночи, по моему образу жизни совершенно необычные, которые, однако, не только проходили для меня не обременительно, но как бы пролетали незаметно, я теперь ничем не могу объяснить, как живым интересом Яковлева к образованию своих родных чуваш, многосодержательностью и жизненностью его натуры, которая возбуждала и вдохновляла и мои увядавшие силы. Теперь я не могу вообразить, о чем мог длиться разговор без остановки по восьми и более часов кряду. Конечно, говорилось постоянно об инородческом образовании и необходимости родного языка в образовании каждого инородческого племени»[1].

Частые встречи привели, однако, и к другому результату, а именно сильному религиозному влиянию Ильминского на студента. Ильминский убеждает Яковлева, что чуваши должны позаимствовать у русских и религию, и алфавит. Он познакомил Яковлева с трудами академиков О. Н. Бетлинга, А. А. Шифнера, Ф. И. Видемана и других ученых, которые для обозначения разноязычных звуков успешно использовали русский алфавит. Особенно глубоко изучал студент Яковлев «Собрание грамматики черемисского языка» Ф. И. Видемана, «Язык якутов» О. Н. Бетлинга. Несомненно, Ильминский передал И. Я. Яковлеву свой опыт по составлению татарского алфавита на основе русской графики.

Напомним, что в это время Яковлев был студентом физико-математического факультета. С особенно большим интересом он слушал лекции по дифференциальному исчислению знаменитого ученого В. Г. Имшенецкого, ставшего позднее академиком, по физике — проф. И. А. Больцани, по анатомии—П. Ф. Лесгафта, по химии—проф. А. М. Зайцева, В. В. Морковникова, по механике и чистой математике — проф. П. И. Котельникова, друга Н. И. Пирогова и

[1] Переписка о чувашских изданиях Переводческой Комиссии. С. 39.

других. В течение первого же года обучения в университете Яковлеву приходилось сочетать филологические исследования с изучением математических наук. Итогом 1870/71 учебного года явилось то, что он вместе со своим русским другом по университету В. А. Белилиным, под руководством Н. И. Ильминского и при содействии профессоров Г. С. Саблукова, И. Н. Булича и других составил первый вариант нового чувашского алфавита, состоявшего из 47 букв.

За это же время Яковлев с помощью учеников своей школы в Симбирске и прежде всего А. Рекеева, а также Игнатия Иванова и С. Тимрясова сделал несколько переводов религиозных книг с татарского и русского языков на чувашский. Предстояла работа по составлению первого чувашского букваря, над которым И. Я. Яковлев усиленно работал в период летних каникул в Симбирске. В этой работе принимали участие В. А. Белилин, Игнатий Иванов, Т. П. Петров и ученики Симбирской чувашской школы. Все они в Буинском уезде собирали для будущего букваря образцы устного народного творчества.

К осени 1871 г. завершилась работа по составлению первого варианта букваря, а 15 ноября совет братства св. Гурия допустил его к печати. В январе 1872 г. он вышел в свет под названием в такой транскрипции: «Тьваш адизене сырьва вьреннмелли кнеге» в объеме 56 страниц с разделами: 1) предисловие, 2) азбука, изложенная по звуковому способу, и примеры для упражнения в чтении, 3) краткие нравоучения, обращение к начинающему учиться грамоте, 4) молитвы и 5) приложение. В предисловии подчеркивается, что «букварь» предназначен к употреблению в чувашских школах как учебное руководство для чувашских детей и составлен согласно Правил 26 марта 1870 г. о первоначальном обучении инородцев — пользоваться живыми наречиями инородцев как орудием для распространения христианского просвещения и обрусения их». Особенностью этого букваря является то, что в нем все упражнения для чтения составлены по звуковому методу, введенному в школьную практику России передовыми русскими педагогами, в то время как во многих нерусских школах Поволжья господствовал устаревший метод обучения грамоте — буквослагательный.

Для составления букваря Яковлев использовал чувашские поговорки, пословицы. Например, такие: «Ӗмӗр пурӑн, ӗмӗр вӗрен» (век живи, век учись), «Пӗр ӑс аван, икӗ ӑс тата авантарах» (один ум хорошо, а два — лучше), «Вӗ-

ренме тытăнни йӳçĕ, вĕренни тутлă» (начало ученья горькое, результат ученья вкусен — буквальный перевод). По мнению И. Я. Яковлева, народная мудрость, образцы устной словесности родного народа должны были стать предметом изучения для учащихся, чтобы вызвать в них любовь к родному слову, выработать с раннего детства терпеливое, серьезное отношение к учению, к жизни вообще. Большой интерес представляет третий раздел букваря с краткими нравоучениями и правилами для начинающих учиться грамоте. В нем есть и бытовые правила, отражающие бедность и нищету чувашских крестьян: «Тумтире тирпейлĕ тыт, ан çур: çурăк çĕр пулсан çĕле; шăтăк пулсан сапла; ху япалуна ху тӳрлетме ан вăтан,—вăл хурлăх ĕç мар* (С одеждой обращайся аккуратно, не рви: если порвал, зашивай сам, поставь заплатку, чинить свои вещи не стесняйся, и это не должно быть зазорно» (стр. 24).

Далее следуют правила для трудового обучения в крестьянской семье: «Аллуна пуртă-çĕçĕ тыта пуçласан, кирлĕ япала тума хăтлан. Малтан начар тусан аллу вĕренсе тарĕ. Начарне тăва пĕлсессĕн, аваннине те тăвăн. Çын ĕçне ан хурла, хурланинчен мухтани аван» (Как только научился обращаться с ножом и топором, старайся мастерить нужные вещи так, как их сделали другие. Мастерство рук постепенно совершенствуется от плохого к хорошему. Чужой труд лучше одобрить, чем хаять) (стр. 24—25).

Воспитание в труде и для труда предполагало выработку соответствующих норм поведения детей. Как в семье, так и вне ее они обязаны были придерживаться следующих правил: «Урама тухса выляса çӳриччен килĕнте ĕç тума юрат (Чем шляться на улице, лучше работай дома).

Пăркаланса, вăркаланса ан çӳре, тӳрĕ çӳре. Пăхăнса тăракан çынсенчен лайăх иртсе кай.

Аçу, аннӳ çук çĕрте те ан иртĕн. Çăмăлпа кайсан, час таврăн. Намăссăр çынсем хушшинче ан тăр, вĕсен усал сăмахне ан итле, вĕсем панчен час кай. Вĕсем пек тирпейсĕр усал сăмаха ан вĕрен. Ун пек çĕртен час тарса кай.

Аçта пынă унта ан ултала, улталасан, сана çын шанми пулĕ.

(При ходьбе соблюдай осанку, шагай прямо. При встрече старших кланяйся. Не шали и там, где нет твоих родителей. Куда бы тебя ни посылали по делу, возвращайся быстрее.

---

* Чувашский текст приводится в соответствии с современными нормами литературного языка.

Не находись среди безнравственных людей и не слушай их ругательские слова.

Всюду будь честным, если лжешь, тебе перестанут верить» (стр. 25).

Наконец, о значении книги для начинающего учиться грамоте, о наставлениях всем тем, кто впервые читает ее: «Кĕнекене алла илсен малтан шухăшла, мĕн калать иккен ку кĕнеке мана тесе, ăнланса вулам халь те. Кĕнеке юлташпа пĕр тан. Ăслă çыннăн сăмахĕ епле тутлă пулать, ырă кĕнекен сăмахĕ те çапла пулать. Ăслă çынпа пĕрле ялан тăраймастăн, кĕнекене ху патăнта ялан тытса тăмалла» (Прежде чем прочитать книгу, постарайся понять, о чем говорится в ней. Книга является другом в жизни. Ее слова так же ценны, как и советы умного человека. Ты всегда не можешь быть рядом с умным человеком, но книга постоянно должна находиться с тобой (стр. 25).

В букваре, как и в русских учебниках, значительное место занимает религиозная часть, содержащая молитвы и рассказы из Священного писания.

В приложениях даны понятия о простом и високосном годах, названия дней недели, месяцев и описание их происхождения, имена числительные, таблица умножения и рукописный алфавит.

Первый чувашский букварь, составленный на основе низового диалекта (родного края И. Я. Яковлева), не был букварем в обычном смысле этого слова. Он предназначался не только для обучения основам грамоты, но и для привития самых необходимых в крестьянской жизни норм поведения. Как первая народная книга он отражал многие стороны духовной жизни чувашей: их быт и нравы, образцы устной словесности, религию и т. д.

Однако первый вариант алфавита имел существенный недостаток и потому не получил широкого признания среди учителей.

Наличие в букваре множества букв со «щетинами» наверху (мягкость звуков обозначалась черточкой над буквами) затрудняло усвоение алфавита. Поэтому Яковлев вместе со своими единомышленниками в том же году усовершенствовал алфавит, оставив в нем только 27 букв. На нем в том же году (1872) были изданы литографским способом «Букварь для чуваш» и перевод книги с татарского языка «Начальное учение православной христианской веры», которые положили начало зарождению чувашского литературного языка.

Этот букварь, по сравнению с первым, был признан наи-

более удачным, доступным по языку и потому получил распространение в школах Казанского учебного округа, что не могло не радовать Яковлева. Об этом он сообщил инспектору народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянову. «Вы, вероятно,— писал ему студент 24 октября 1872 г.,— получили бумагу от попечителя, в которой он рекомендует учебник, составленный мною и Белилиным для употребления в школах чуваш для первого года обучения»[1]. В 1872 г. Министерство народного просвещения ввело его в чувашские школы и с этого времени он стал обязательным учебником, вытеснив «Чуваш кнеге», «Солдалык кнеге» Н. И. Золотницкого. В отчете попечителя Казанского учебного округа за 1872 г. было подчеркнуто: «В чувашских школах введен составленный Яковлевым букварь, который приносит большую пользу ученикам-чувашам на первых годах обучения»[2].

В этом букваре И. Я. Яковлев поместил не только чувашские пословицы, но и свои рассказы о природе, о жизни крестьянских детей. По сравнению с первым букварем тексты религиозного содержания здесь занимают незначительное место, так как в центр внимания ставилась задача умственного и нравственного развития детей на доступном и понятном для них материале из реальной жизни.

Придав такое значение букварю, Яковлев стремился вывести чувашскую школу на новый путь, связать ее с условиями жизни. В этот период, когда складывались капиталистические отношения, развивались торговля, денежная рента, распадалось натуральное хозяйство, от крестьян требовалось знание русского языка. Необходимы были учебники для первоначального изучения русского языка. Учитывая это, в 1873 г. Яковлев сначала усовершенствовал чувашский алфавит, максимально приблизив его к русскому. Он оставил 25 букв, а для обозначения специфических звуков чувашского языка еще раньше ввел ҫ, ӳ, теперь же добавил ӑ, ӗ, заимствованные из немецкой транскрипции. По словам Н. И. Ильминского, «на этом и остановился чувашский алфавит Яковлева»[3]. Это означало, что алфавит с 25 буквами оказался окончательным. Он продолжает жить и поныне и вошел в историю как «алфавит Яковлева». После Октябрьской революции он подвергся незначительному изменению.

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 9. Д. 60. Л. 1.

[2] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Л. 113.

[3] Переписка о чувашских изданиях Переводческой Комиссии. С. 43.

Усовершенствованный алфавит стал основой «Букваря для чуваш с присоединением русской азбуки», который Яковлев составил и выпустил в том же 1873 г. Эта книга явилась главным учебником для изучения не только чувашского, но и русского языков. В этом заключается ценность всех букварей И. Я. Яковлева, которые с 1873 года издавались с чувашской и русской частями и сыграли большую роль в просвещении и приобщении чувашей к русской культуре. А. И. Баратынский в дальнейшем отказался распространять новый чувашский букварь, ссылаясь на отсутствие средств. 2 марта 1873 г. он писал А. Рекееву: «Иван Яковлевич напрасно печатает эти чувашские книги. Мы их покупать больше не будем, у нас и без этих книг суммы мало. Мы из-за этих книг всем учителям запретили выписывать журналы. У нас библиотеки только чувашскими книгами наполнены. Нам ими не реку прудить, а он их как блины печет»[1].

А. И. Баратынский являлся тогда председателем Буинского уездного училищного совета и продолжал игнорировать значение родного языка национальных меньшинств в школьном обучении. Однако это не могло приостановить просветительскую деятельность И. Я. Яковлева, которая в дальнейшем все больше становилась самостоятельней и целенаправленней. Так, окончательный вариант алфавита и букварь 1873 г. были составлены без участия В. А. Белилина. Еще в конце 1872 г. между ними произошло некоторое расхождение во взглядах, в частности, по вопросу о переводах на чувашский язык. Белилин хотел переводить на чувашский язык произведения прежде всего классиков русской литературы. Начало же переводческой деятельности Яковлева было связано с переводами религиозной литературы. Это оправдывалось тем, что братство св. Гурия, печатавшее переводы на чувашский язык, выплачивало гонорары только за издание религиозных книг и букварей. В годы учебы в университете Яковлев за издательско-переводческую деятельность получил около 2 тысяч рублей[2]. Эта сумма целиком была использована для нужд Симбирской чувашской школы. Трудное материальное положение школы вынуждало Яковлева на время отказаться от увлечения филологией. Но по мере возможности он переводил отдельные рассказы русских и зарубежных писателей и помещал их в чувашских букварях, издаваемых в Казани.

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 25. Д. 5. Л. 24.
[2] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10531. Л. 1; Д. 11040. Л. 1—4.

Так, в букваре 1875 г. мы находим «Крестьянин и лошадь» Л. Толстого, «Волк и старуха» Эзопа, индийскую басню «Дойная корова» и другие.

Общественно-политические взгляды И. Я. Яковлева и В. А. Белилина не совпадали. В. А. Белилин, поступивший в Казанский университет в 1869 г., в годы составления нового чувашского алфавита, состоял членом нелегальной студенческой кассы и одно время она оказывала некоторую помощь Яковлеву.

В начале второй половины XIX в. с деятельностью этой кассы неразрывно было связано революционное движение в университете. Еще в 1863 г. поляки Кеневич и Иваницкий организовали революционную группу студентов, выступавших за равенство народов в общественной жизни. Вскоре их деятельность была раскрыта. Иваницкий и Кеневич по решению суда были расстреляны. Под приговором суда подписался помощник попечителя Казанского учебного округа П. Д. Шестаков.

В 1873/74 учебном году в университете вновь усилилась революционная пропаганда среди студентов, появились политические листовки. «У студента III курса медицинского факультета, бывшего воспитанника Вятской духовной семинарии ...О-ва сделан был обыск, найден склад прокламаций возмутительного содержания и захвачены счеты и документы запрещенной студенческой кассы, кассиром которой состоял О-в. Студент О-в арестован и исключен из университета»[1].

Белилин принадлежал к этой группе студентов-народников, распространявших революционные идеи среди учителей. В апреле 1872 г. вместе со своими переводами он прислал в Симбирск А. Рекееву роман Чернышевского «Что делать?». Из Казани он писал Рекееву: «Особое внимание советую обратить Вам на книгу Чернышевского... Вы можете ее держать дольше»[2].

Попытка Белилина вовлечь учеников Симбирской чувашской школы и ее основателя в народническое движение не имела успеха. И. Я. Яковлев, находившийся в то время под сильным влиянием Н. И. Ильминского, отказывается от дальнейшего сотрудничества с Белилиным. По этой же причине не состоялась их совместная поездка за границу на средства нелегальной студенческой кассы.

Несколько позднее Яковлев рассказывал о В. А. Бели-

---

[1] Русская старина. 1896. № 12. С. 534.
[2] ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Инв. 9903/6. Л. 18.

лине: «Я знал, что он был ярко-красных политических убеждений, ездил за границу для свидания с политическими эмигрантами, помогал лицам, замешанным в политических делах, спасаться за границей и т. д. Вообще на глазах моих он стал все более и более леветь. А я оставался в рядах правых. Вот какой диалог в конце концов произошел у меня с Белилиным.

Белилин: «Иван Яковлевич! Вы постоянно хотите переводить на чувашский язык религиозные, нравственные, богослужебные, священные книги, молитвенники и прочие. Это — Ваша цель? Первая и последняя?» Я:— Эта цель бесконечная для меня и для Вас. Но только это одна цель. Белилин:— А других вещей Вы переводить не намерены? Я:— Нет! Белилин:— Я с Вами расхожусь. Мы уже вместе не пойдем, не можем работать...

Этот разговор с Белилиным произошел в 1872 или в начале 1873 г. Более я с ним не работал. Слова же его поняты были мной в том смысле, что надо и чувашам, с помощью русской книги, прививать противогосударственные мысли. Мне это было противно»[1].

К этому времени, к началу 1873 г., И. Я. Яковлев накопил достаточно опыта по переводу и составлению учебных книг для чувашских школ. Он считался знатоком чувашской культуры и ее истории. По рекомендации Ильминского с ним советовались приезжавшие в Казань иностранные ученые, исследовавшие жизнь и быт народов Поволжья. В 1874 г. французский этнограф и путешественник Альфонс Пинар приехал в Казанский край с целью изучения культуры чувашей и мордвы. В Казани он встретился с учащимися «инородческой» учительской семинарии, с Н. И. Золотницким и И. Я. Яковлевым. Пинар проявлял особый интерес к чувашской школе в Симбирске и только что изданным букварям Яковлева. К удивлению французского этнографа, он стал свидетелем зарождения новой чувашской письменности, тогда как во время путешествия по Поволжью слышал обратное: об отсутствии письменности у нерусских народов-христиан Поволжья.

Создание письменности имело большое общественно-политическое значение в дальнейшей жизни чувашского народа, способствовало росту его международного авторитета. Зарубежные ученые, привыкшие характеризовать чувашскую культуру поговоркой периода Золотой Орды —чу-

---

[1] Яковлев И. Я. Н. И. Ильминский.—НА ЧНИИ. Отд. 2. Д. 523. Инв. 1507. Л. 55 (публикуется впервые).

вашскую книгу корова съела,— просили выслать им возрожденную чувашскую книгу. Считавшийся до этого «бедным» чувашский язык, благодаря неутомимой деятельности И. Я. Яковлева и всесторонней помощи Н. И. Ильминского и других русских ученых, в начале 70-х годов XIX в. стал орудием школьного обучения и церковной проповеди. По признанию широкой общественности составление нового алфавита и незамедлительное издание на нем двуязычных букварей с чувашским и русским отделами произвели переворот в деятельности чувашской школы.

Начальную школу И. Я. Яковлев считал главным звеном в культурной жизни народа. В условиях многонациональной России двуязычная национальная школа призвана была решать многие социально-политические задачи, прежде всего приобщать молодое поколение к культуре русского и других народов, всемерно сближать их. Для этого необходимо было обучать в школе русскому (государственному) языку. Именно такие задачи выделил Яковлев в своей программе развития чувашского просвещения, составленной в декабре 1870 г. для представления министру народного просвещения Д. А. Толстому.

И. Я. Яковлев был первым из чувашей, который, можно сказать, помогал государству в распространении русско-православного просвещения среди своих сородичей. Эта помощь была принята незамедлительно. В январе 1871 г. Министерство народного просвещения признало его школу и приняло на свой бюджет; в 1872 г. министерство одобрило создание нового алфавита, а изданные на нем учебники рекомендовало использовать в школах. Прогрессивная часть учительства приветствовала появление чувашских букварей и перевод религиозных произведений, служивших учебными пособиями. Иным было отношение духовенства и дворянства, они встретили в штыки издание чувашских книг. Одни видели в них языковые «несовершенства», другие — проявление «сепаратизма» и т. д. Недовольным остался и Н. И. Золотницкий, выступавший в течение ряда лет против орфографии И. Я. Яковлева. Однако дальнейшая судьба чувашской письменности зависела не от них, а от народа, с радостью воспринявшего ее как средство развития своей культуры.

Глава III

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Поворот в настроении чувашского народа в направлении к свету и знаниям начался, хотя и не сразу, но именно со времени основания чувашской школы в Симбирске.

И. Я. ЯКОВЛЕВ

Из истории школьного образования чувашей

Школа всегда была необходимым звеном в развитии обществ. всего народа. С глубокой древности она являлась рассадником знаний, умений, хранителем культуры в целом. Каждый народ в своем историческом развитии создает свою школьную систему для удовлетворения духовных и материальных потребностей. У чувашей появление школы в первой четверти второй половины XIX в. неразрывно связано с именем И. Я. Яковлева. Но это не значит, что до Яковлева школ на территории Чувашии не было.

Исторические источники свидетельствуют о том, что школьное образование предшественников современных чувашей началось в первом тысячелетии нашей эры. С появлением государственного строя возникли различные школы: религиозные, ремесленные, военные, лекарские. Подобные существовали и в раннефеодальном государстве Волжской Болгарии, возникшем в X в. Она «стала первым государственным объединением в Среднем Поволжье»[1]. Территория современной Чувашии тоже входила в состав этого государства.

Волжские болгары имели тесные культурно-экономические связи с арабскими странами и прежде всего с Сирией. Под влиянием арабской культуры правящая верхушка Вол-

[1] История Чувашской АССР. Т. 1. 2-изд., перераб.—Чебоксары, 1983. С. 37.

жской Болгарии переняла ислам и арабскую письменность. И здесь ислам стал государственной религией. Для религиозного просвещения при мечетях открывались духовные училища, а при ремесленных мастерских — школы ученичества, что было доступно больше всего господствующему классу, жителям городов. Сельское население продолжало язычествовать, пользоваться рунической письменностью. Сохраняло вековые традиции, обычаи и свой (болгарский) язык, который близок к чувашскому. Ученые считают, что болгарское культурное наследие для чувашского и татарского народов является таким же общим достоянием, каким является наследство Киевской Руси для русского, украинского и белорусского народов. Так, академик В. В. Бартольд писал: «Чуваши могли происходить не от жителей городов на Волге, а только от таких частей болгарского народа, которые всегда обитали в лесах и были мало затронуты мусульманской городской культурой»[1]. Крестьянских детей воспитывали семья, природа, жизнь. Так в одном и том же государстве постепенно складывались две системы воспитания и образования, а именно: для бедных и богатых. Причем чем дальше, тем больше болгарская знать тяготела к арабскому языку, который в те времена являлся языком торговли, культурного обмена на Востоке. В воспитании и образовании молодежи все это породило двуязычие, продолжавшее углубляться и в последующие века. И сегодня двуязычие является важнейшим принципом школьного образования чувашей, обусловленное историческим развитием жизни народа.

Болгары имели развитую культуру. В крупных городах, какими являлись Болгар, Биляр, Сувар, Ошел и другие, чеканили монеты, производили ювелирные и гончарные изделия, железные плуги, различное оружие, орудия труда, строили суда, каменные здания и т. д. Волжская Болгария содержала 50-тысячную армию с полным вооружением. Однако в 1237 г. она была разгромлена монголо-татарами, после чего ее территория вошла в состав Золотой Орды. Спасаясь от варваров, болгары сильно подвинулись далеко на север, дошли до р. Суры, а часть перешла к русским.

На захваченной территории монголы установили колониальный режим, а население поставили на положение рабов. Волжская Болгария с развитым сельским хозяйством превратилась в главную житницу Орды. Установив свое господство над покоренными народами, администрация Ор-

[1] Бартольд В. В. Сочинения. Т. V.—М.: Наука, 1968. С. 520.

ды поощряла развитие среди них торговли, ремесла, всякого рода промыслы, чтобы возродить разрушенное хозяйство, а затем взимать с производителей всевозможные налоги. Таким же путем восстанавливались разрушенные города, строились новые. В болгарских городах вновь появились ремесленные мастерские, школы, мечети и др. «За XIII—XIV вв. в городах Золотой Орды сложились целые кварталы потомственных ремесленников, которые не могли в условиях феодального общества не иметь своих организаций»[1]. Города превратились в опорные пункты эксплуатации народа. Особенно трудна была жизнь в провинции, в сельской местности. Для крестьян были установлены самые разные налоги, подати, повинности — всего 12. Большинство сборов от крестьян поступало в натуре. Существовал также особый сбор — сбор крупного рогатого скота (Qobcur jasagy). Сборы и налоги были настолько невыносимы, что часто крестьяне вынуждены были продавать своих сыновей, чтобы расплачиваться с долгами.

Служители культа всех направлений обязаны были проводить широкую политико-воспитательную работу среди местного населения, пропагандировать идею уважения к существующему режиму и беспрекословного повиновения его администрации, которая восхваляла хана как защитника интересов народных масс, совершающего военные походы для удовлетворения их потребностей и т. д. Из каждой семьи забирали третьего сына, а также всех мужчин-холостяков, незамужних женщин. Собирали мальчиков для подготовки к военной службе, которая продолжалась несколько лет. По словам Плано Карпино (1182—1252), посетившего Золотую Орду, дети, «когда им 2 или 3 года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы»[2]. В подготовке воинов значительное место занимали различные игры, особенно облавная охота.

И в Золотой Орде школы среди болгар находились в городах. Однако это не значит, что в сельской местности не было мастеров-самоучек, которые также имели своих учеников, последователей. Учащиеся школ пользовались самодельными книгами по различным отраслям человеческих знаний.

Древние чуваши употребляли слово «книга» (koniv —

[1] **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение.— М.-Л. 1950. С. 153.

[2] **Плано Карпини Джованни.** История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны.— М., 1957. С. 36.

древнечувашское, könyü — древневенгерское[1]) в значении «письмо», «ученье», «бумага». У придунайских болгар первоначально «книга» имела такое же значение[2]. Книгу в современном представлении чуваши могли видеть не раньше второй половины XVI в. у русских миссионеров. Впоследствии в силу исторических условий в чувашском языке форма «книга» стала доминирующей вместо древнечувашского «koniv».

Наиболее древний образец чувашского фольклора, связанный со словом «книга»,—это поговорка: Чăваш кĕнекине ĕне çинĕ — чувашскую книгу съела корова[3]. Она имеет исключительно глубокий социально-исторический смысл. В ней отражена судьба чувашской культуры далекого прошлого — до присоединения Чувашии к Русскому государству. Впервые ее записал шотландский путешественник Джон Белл (1691—1780). В ноябре 1715 г. во время поездки по Волге он посетил некоторые чувашские и марийские прибрежные населенные пункты, беседовал с крестьянами и сделал такую запись: «Есть у них предание, что некогда имели книгу, которая содержала в себе правила их веры, но никто не мог ее читать, пришла корова и съела ее»[4] (т. е. книгу об исламе на арабском языке).

Трудно ручаться за точность передачи мыслей крестьян, но ясно одно, что речь идет о распространении ислама среди народов Среднего Поволжья. Оно началось еще до нашествия монголов и продолжалось в период Золотой Орды и Казанского ханства. Население Болгарского государства имело возможность приобщаться к исламской культуре. Кто хотел этого, добивался. Однако после нашествия монголов на Волгу условия жизни в корне изменились. Крестьян вынуждали заниматься скотоводством в небывалых до этого масштабах для удовлетворения внутренних и внешних потребностей Орды. По данным Ибн Баттуты (1304—1377), посетившего Поволжье в 1333 г., в крае настолько развито было скотоводство, что отдельные владельцы имели десять тысяч животных и даже более. Они перегоняли скот летом на север Волги, а к зиме — на юг. Стадо лошадей пасли

---

[1] **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. 2-е изд. Т. 2.—М., 1986. С. 263.

[2] **Преображенский А. Г.** Этимологический словарь русского языка. Т. 1.—М., 1950. С. 323.

[3] **Романов Н. Р.** Чувашские пословицы, поговорки и загадки.— Чебоксары, 1960. С. 39.

[4] Беллевы путешествия через Россию в разные азиатские земли. Ч. 1.—СПб., 1776. С. 18.

мужчины, они же доили кобыл для производства кумыса, а женщины разводили коров.

Весною, летом и осенью по заливным лугам левого берега Волги постоянно двигались стада крупного рогатого скота. Каждое стадо проходило от одного участка к другому с таким интервалом, что ко времени приближения к новому, прежний зарастал травой. Ежегодно крестьяне обязаны были сдавать выращенный на своем дворе скот. Так пополнялись стада и к зиме спускались к низовью Волги.

К XV в. монголы поставляли отсюда крупный рогатый скот на итальянский рынок[1]. Огромное количество скота кроме того требовалось на содержание войск, администрации Орды и преданных хану людей.

По данным немецкого ученого Б. Шпулера, монголы заставляли крестьян сушить мясо, главным образом говядину, и сдавать его местным сборщикам. Такой продукт нужен был монголам для совершения дальних военных походов. В этот период чуваши совершенствовали свое искусство длительного хранения мяса, чему также учили молодежь. Это искусство дошло и до нас. Чуваши по сей день готовят особый вид домашней колбасы — ширтан. Конечно, производство подобных продуктов имело место у многих кочевников, но в Золотой Орде крестьяне занимались им более 200 лет в государственном масштабе. Поэтому здесь это искусство достигло высокого совершенства.

Австрийский дипломат в России С. Герберштейн (1486—1566) изучал историю Орды не только по письменным источникам, но и по рассказам отдельных представителей правящей верхушки Казанского ханства. Он оставил ценные сведения о жизни порабощенных народов Среднего Поволжья. Вот что он писал о распределении продовольствия монголо-татарами: «Они обычно дают на сорок человек одну корову или лошадь»[2]. Золотая Орда содержала несколько сот тысяч воинов, а Казанское ханство выставляло к русским границам, по словам того же дипломата, «...войска в 30 тысяч человек, преимущественно пехотинцев»[3]. Отсюда не трудно подсчитать, сколько коров или лошадей требовалось ежедневно только на содержание войск, а это создавалось трудом крестьян.

По данным современной археологии, в средние века и

[1] Spuler Bertold. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223—1502. Zweite erweiterte Auflage. Wiesbaden, 1965. S 423.

[2] **Герберштейн С.** Записки о московских делах.—СПб., 1908. С. 142.

[3] Там же. С. 145.

раньше «основным направлением животноводства у населения г. Чебоксар было скотоводство со значительным содержанием в хозяйствах крупного рогатого скота»[1]. Остеологические материалы Первого Тигашевского городища в Батыревском районе Чувашской ССР показали, что кости крупного рогатого скота составляли 56,3%, мелкого скота— 30,7%, лошадей — 11,5%, домашних птиц — 0,6%, собак— 0,5%, кошек — 0,4%»[2].

Подневольное положение крестьян губило духовное развитие народа. Не случайно у многих народов Волжско-Камского края, входивших в состав Золотой Орды, есть пословицы, поговорки, легенды о книге, которую съела корова и никто другой[3].

Сельскому населению, занятому тяжелым трудом по разведению крупного рогатого скота, было не до культурного развития, не до чтения книг, которые издавна считались священным символом культуры. В условиях монголо-татарского гнета чуваши были доведены до такого состояния, что потеряли надежду на сохранение своей самобытной культуры (книги, письменность). Появление вышеупомянутой поговорки следует рассматривать как выражение собственной оценки народа, стоявшего на грани исчезновения из истории. В ней отражена тревога народа за свое будущее. Только благодаря переселению многих крестьян в дремучие леса, непроходимые овраги и болотистые места чуваши спасли свою культуру.

В современном чувашском языке имеется целый ряд пословиц, поговорок, возникших в тяжелые годы монголо-татарского гнета, и многие связи с содержанием и разведением коров. Ĕне çинче йĕнер килĕшмест — корове седло не пристанет (буквально — корове седло не идет)[4]. Из-за отсутствия лошади в хозяйстве крестьяне вынуждены были использовать корову как тягловую силу. Однако она не могла заменить лошадь и к ней седло не прицепишь. Позднее чуваши стали использовать эту пословицу для выражения несоответствия, противоречия: санăн уру çине ĕне пусман-ха— на твою ногу корова еще не наступила[5].

---

[1] **Петренко А. Г.** Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья.—М., 1984. С. 136.

[2] Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. С. 80.

[3] См.: Вотяки (легенда о книге). //Записки императорского Русского географического общества. Т. 14. Вып. 3.—СПб., 1889. С. 78.

[4] **Ашмарин Н. И.** Сборник чувашских пословиц.— Чебоксары, 1925. С. 15.

[5] Там же. С. 36.

Так говорят о человеке, не испытавшем в жизни трудностей.

Для каждой семьи содержание коров в большом количестве считалось исключительно тяжелым трудом. Для каждого ее члена это было большим жизненным испытанием.

Наконец, приведем еще одну поговорку: ĕнесем шыв ĕçнĕ чух пăрушĕсем пăр çуласан та юрать, тет — пока коровы пьют воду, телятам ладно и лед полизать[1].

Эта пословица неопровержимо свидетельствует о масштабе содержания крупного рогатого скота в хозяйствах чувашских крестьян. На водопой приходило так много коров, что телятам приходилось лизать лед, пока взрослые коровы не напьются. Впоследствии чуваши употребляли эту пословицу для подчеркивания необходимости уважать старших, при отделении главного от второстепенного и т. д.

К сожалению, в нашей литературе почему-то до сих пор не объяснены причины происхождения приведенных поговорок. Иностранные ученые-чувашеведы также не выяснили причины их порождения. Мало того, они часто цитируют первую из них (чувашскую книгу корова съела) для характеристики уровня культуры наших предшественников.

Первые ученые, записавшие упомянутую поговорку, поразному относились к ней. Д. Белл не комментировал ее, а Сталенберг, по словам Миллера, «принимал сию пословицу якобы за правду»[2]. Во время своего путешествия по Среднему Поволжью Миллер спрашивал многих чувашских крестьян — как могла съесть их книгу корова? Последовал одинаковый ответ — что это только шутка. Не все крестьяне могли знать причины происхождения поговорки, связанной с тяжелыми последствиями монголо-татарского господства в Поволжье .

В языках и других народов сохранились подобные фольклорные памятники о небывалом масштабе содержания домашних животных. Так, с началом развития текстильной промышленности в Англии некоторые пахотные земли были превращены в пастбища для овец, что привело еще в конце XV в. к ухудшению жизненного уровня народа. Томас Мор иронически писал: овцы «стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города»[3]. Суровая жизнь англичан,

---

[1] **Ашмарин Н. И.** Словарь чувашского языка. Вып. IV.— Чебоксары, 1929. С. 115.

[2] **Миллер Г. Ф.** Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш, вотяков.— СПб., 1791. С. 29.

[3] **Моор Т.** Утопия.— М.-Л. 1947. С. 47.

связанная с разведением овец, отразилась не только в литературе, но и фольклоре. В Англии за кражу овец тогда казнили через повешение. Следы этого закона по сей день сохраняются в английском языке в виде поговорок, крылатых выражений. 12 таких выражений встречаются в словаре Хорнби[1]. Вот некоторые из них: As well be hanged for a sheep as for a lamb — если тебе суждено быть повешенным за кражу ягненка, то почему бы тебе заодно не украсть и овцу. Separate the sheep from the goats — отделить овец от козлиц, т. е. отделить вредное от полезного, плохое от хорошего.

В английском языке сохранились следы исторического процесса далекого прошлого. То же самое мы находим в чувашском языке.

В Волжской Болгарии наряду с болгарским языком в обучении употребляли арабский язык, особенно в духовных школах, в Золотой Орде — кыпчакский (близкий к татарскому) и чувашский, в Казанском ханстве — татарский и чувашский языки. Формирование чувашской народности завершилось в XIV в., в период Золотой Орды.

После распада Золотой Орды чуваши вошли в состав Казанского ханства. В этом феодальном государстве существовали такие же школы, что и в Золотой Орде. Они были доступны господствующему классу. Для распространения ислама строили мечети, а при них организовывали миссионерские школы. Процесс исламизации в этом государстве охватывал более широкие слои населения, и в этом была заслуга миссионеров. Несомненно, влияние татарской культуры на другие народы ханства усиливало значение двуязычия не только в общественном воспитании, но и в семейном. Здесь складывались благоприятные условия для отатаривания язычествовавших народностей и перехода их к магометанству, особенно для чувашей, язык которых был близок к татарскому (тогда государственному) языку. Кроме того, во всех общественных школах обучение велось на татарском языке. Владевшие этим языком чуваши могли учиться у них. Однако по окончании этих школ они покидали родную среду и становились носителями другой национальной культуры. Хранителем же культуры родного народа оставалось сельское население.

В крупных сельских населенных пунктах опытные мастера-старцы организовывали школы ремесленного учени-

---

[1] Hornby As. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Vol. 11. M.-L. Oxford. 1982. P. 282.

чества. Весь процесс обучения в них осуществлялся на родном языке. Учащимися являлись крестьяне, стремившиеся к овладению каким-либо ремеслом для удовлетворения своих потребностей. Опытные плотники, кузнецы, валяльщики являлись учителями и наставниками молодежи. При обучении они пользовались системой древнечувашского счисления, руническим письмом, разными знаками собственности. Некоторые из этих знаков сельские плотники употребляют по сей день. Например, плотничные цифры, похожие на римские цифры.

В Казанском ханстве положение чувашских крестьян было не легче, чем в Золотой Орде. Как и прежде, они оставались плательщиками самых разных налогов, вынуждены были заниматься разведением крупного рогатого скота. Чуваши, как и другие покоренные народы, стремились к освобождению от феодального гнета исламского государства, что произошло только после присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству.

В 1552 г. русские войска разгромили Казанское ханство, и Среднее Поволжье вошло в состав России. Началась колонизация края. В городах и крупных сельских населенных пунктах стали строить монастыри, церкви, а при них— школы для распространения христианской грамоты. Это вытекало из решений Стоглавого Собора (1551 г.).

В казанских и свияжских монастырях открывались школы для инородцев. В 1556 г. в Чебоксарах был основан Троицкий монастырь. Так начался новый период просвещения, школьного образования чувашей. В 1789 г. в Чебоксарах открыли первое светское учебное заведение—городское училище. В 1807 г. в с. Буртасы появилось первое сельское училище Министерства народного просвещения для чувашей. Возникали церковноприходские, удельные, земские, братские школы. Следует отметить, что школы братства святителя Гурия отличались от всех других тем, что обучение в них осуществлялось на родном языке учащихся. Во всех остальных школах до 1870 г. учебно-воспитательный процесс осуществлялся на русском языке.

Братские школы Казанского учебного округа для Министерства народного просвещения являлись экспериментальными. Именно они доказали, что во всех начальных школах возможно успешное обучение на инородческих языках. Министерство народного просвещения признало это только в 1870 г. В этом же году правительство приняло Правила об образовании инородцев, населяющих Россию, по которым допускался в начальную школу всех ведомств

и чувашский язык. Открывались инородческие школы различных типов.

В условиях либерализации школьного обучения гимназист Яковлев создает в Симбирске свою школу.

Зарождение школы родного языка

Симбирская чувашская школа явилась первой национальной школой в истории чувашского народа, которая призвана была сохранить его самобытную культуру и родной язык в условиях царизма. А. В. Луначарский назвал ее «источником возрождения всей чувашской культуры»[1]. Здесь зародилась национальная письменность, появился первый букварь, были заложены основы литературного языка. Она стала центром сближения с русским народом, приобщения к его великой культуре, укрепления дружбы между народами Поволжья.

Школа И. Я. Яковлева как по возникновению, так и по развитию и назначению не была обычной в современном понимании. В ней училась не только молодежь, но и взрослое население, приезжавшее к своим детям. Крестьянам разрешалось посещать уроки, мастерские, спальные комнаты. С ними проводились беседы, а в некоторых случаях им читали отрывки из книг, статьи о трахоме, гигиене, сельском хозяйстве и т. д. Такие просветительские беседы и читки проводили дежурные учителя.

Путь развития школы был сложен и тернист. Но ее основатель и руководитель И. Я. Яковлев благодаря огромной помощи передовых русских педагогов и прежде всего И. Н. Ульянова сумел отстоять ее существование, и она подготовила более тысячи народных учителей, которые несли массам трудящихся свет знаний.

Школа возникла и развивалась в центре одной из крупных многонациональных губерний России — Симбирске. Здесь издавна бок о бок жили чуваши, мордва, татары, русские и другие народы. В конце 60-х годов XIX в. чувашских селений в губернии насчитывалось 305, в них проживало около 100 тысяч человек. В течение трехсот лет со времени присоединения Казанского края к Русскому государству вплоть до конца 60-х годов XIX в. в Симбирской губернии не существовало ни одной светской «инородческой» школы. Первой стала школа, основанная выходцем из народа и для нужд самого народа И. Я. Яковлевым.

---

[1] Известия ВЦИК. 1928. 16 октября.

О причинах, побудивших организовать ее, Яковлев писал: «Всем известно, что в нашей губернии живет значительное число чуваш, в особенности в северной ее части, но немногие знают их быт, их религию и их отношение к русскому народу. Знают только, что слово «чувашенин» давно уже звучит в устах русских, как нечто поносительное и обидное. Народ этот дикий и невежественный, но тем не менее честный, добрый и трудолюбивый, сейчас почти с первобытными нравами и обычаями... Я, родясь в среде этих мирных и добрых людей и рано испытавши их горькую участь, не мог оставаться хладнокровным к их судьбе и их будущности»[1]. Бесправие и нищета сородичей подсказали Яковлеву верный жизненный путь — путь служения интересам трудового народа, просвещения его, освобождения от пут темноты и невежества путем создания школы родного языка. Гимназист Яковлев поставил перед собой вполне осуществимую задачу. По словам К. Маркса, «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»[2].

Попытки организовать светские «инородческие» школы в Симбирской губернии были еще в начале 60-х годов XIX в. В 1866 г. по поручению министра просвещения Д. А. Толстого Ильминский был командирован в Симбирск к губернатору Велио, чтобы обсудить и разработать план открытия в губернии «инородческой» школы. Однако этот план так и остался на бумаге. Несколько позднее, в 1868 году, попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков намеревался открыть чувашское училище по типу крещенотатарской школы в Буинском уезде. Буинское земство и училищный совет не пошли ему навстречу в этом вопросе. Один из влиятельных деятелей уезда Баратынский пытался отвлечь и своего бывшего ученика Яковлева от идеи создания школы. 12 апреля 1868 г. он писал гимназисту: «О статье по вопросу о чувашских училищах брось и думать, а занимайся своим делом».

Яковлев постоянно затрагивал в своих письмах вопрос о просвещении родного народа: «Хотел написать и отослать статью о чувашских училищах, но, занимаясь науками, и

---

[1] **Яковлев И. Я.** Материалы к истории Симбирской чувашской школы. С. 3—5.

[2] **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

грешно отстать от товарищей, я не имел достаточного времени подумать об этом вопросе и иметь окончательное мнение, хотя после, как Вам читал в сентябре, написал много, но все-таки я вижу еще, что тут над таким важным вопросом нужно более подумать и потрудиться, а для этого надобно подобрать много удобного времени»[1].

Но на это письмо Баратынский ответил: «Приятное и длинное письмо твое я прочел с удовольствием и спешу сказать на него несколько слов. Твои чувства (разумею сочувствие и любовь к чувашам) я всегда называл благородными. Они делают тебе честь, на этом основании возникший вопрос о способах образования не может не интересовать тебя... Полезнейшие суждения твои вообще верны: нужно стремиться образовать чуваш.

Суждения твои о введении грамотности на чувашском языке неправильны. Это послужило бы не переходом чуваш к русской народности, а отделением от нее... А чувашской грамотности не должно быть...»[2]

Приведенные строки характеризуют как самого Баратынского, так и цели, которые он преследовал. Как показало время, чувашский юноша избежал влияния учителя и своей судьбой распорядился сам, оставшись верным идее.

Окончив V класс гимназии, в конце июня 1868 года он приехал в родную деревню Кошки-Новотимбаево, чтобы уговорить кого-либо из своих товарищей поехать на учебу в Симбирск. Здесь он разыскал друга по Бурундукскому училищу А. В. Рекеева (Васильева), которого и уговорил учиться.

Отец Рекеева умер рано, оставив пятерых детей. Каждый, кто мог работать, добывал хлеб на пропитание, поэтому 19-летнего Алексея не хотели отпускать из деревни. Ученье означало для чувашей служение интересам удельного ведомства, чиновников которого они называли «удельными собаками». Никто в семье Рекеевых не хотел, чтобы Алексей стал таким чиновником. Алексей не смог переубедить родителей и 27 октября 1868 г. тайком ушел из дома. И в тот же день он прибыл к Баратынскому; тот, снабдив Рекеева деньгами, хлебом и парой сапог, отправил его в Симбирск. Все это, конечно, было обговорено заранее.

Преодолев пешком более 70 километров, Рекеев 28 ок-

---

[1] **Василенко Д.** Педагогическая деятельность И. Я. Яковлева.— Магнитогорск, 1952. С. 96—97 (канд. дисс.).

[2] Там же. С. 99 (канд. дисс.)

тября прибыл в Симбирск. Яковлев жил у Раевских на Дворцовой улице, но дома его не оказалось. Когда гимназист вернулся, Рекеев вручил ему письмо от Баратынского, где, в частности, говорилось: «Посылаю к тебе Алексея для того, чтобы из него вышел второй Ломоносов, с которым судьба его поначалу сходна»[1], т. е. Рекеев тоже тайком из дома ушел учиться.

С этого дня начались хлопоты и заботы Яковлева о своем первом ученике, а 28 октября 1868 г. стало днем основания национальной школы по подготовке кадров интеллигенции из чувашей.

Частная школа гимназиста

В первый же день пребывания в Симбирске Рекеев получил от своего учителя первые уроки: как сидеть за столом во время обеда, как держать ложку, вилку, как следует вести себя в городе, среди учителей, учащихся и чиновников. После обеда по просьбе Яковлева к Раевским пришел парикмахер, который постриг Рекеева «по-городскому». Для него тоже были специально приготовлены серый костюм и шляпа. В таком виде он был представлен директору народных училищ Симбирской губернии И. В. Вишневскому, который встретил его со словами: «Лаих пораната-н?» (как живешь?). В тот же день директор определил Рекеева во второй класс Симбирского уездного училища. На следующее утро Яковлев проводил его в класс, а сам помчался в гимназию, где в продолжение всех уроков переживал: а выдержит ли Алексей, сможет ли ответить на вопросы учителей.

Волнения Яковлева оправдались. На первом же уроке учитель географии А. В. Константцев вызвал новичка к карте и попросил показать важнейшие реки России. Ученик молчал. На второй вопрос: «Какие реки ты знаешь?» Рекеев оживился и быстро ответил: «Я знаю Кильну, Свиягу и Волгу». Учитель: «Покажи их!» Новичок подошел к окну и, показывая рукой в сторону улицы, пояснил: «Показать их здесь невозможно, они находятся далеко за городом». Ответ вызвал смех у учащихся.

В тот же день Рекеева посадили в первый класс. Яковлев, зная уровень подготовки учащихся в сельском удель-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 127. Л. 1.

ном училище, где ученики, проучившись 4—6 лет, ни разу не видели ни глобуса, ни географической карты, решил сам заняться с первым учеником. Частные уроки по математике давал Рекееву учитель уездного училища В. И. Петухов. Вскоре Рекеев научился бегло говорить по-русски, успешно усваивал предметы. К рождественским каникулам он оказался в числе хорошо успевающих учеников, что радовало Яковлева и настраивало на то, чтобы пригласить еще одного ученика. Им оказался Егор Улюкин, который приехал в Симбирск в конце декабря 1868 г. из деревни Баинево Буинского уезда. Оба ученика содержались на средства гимназиста в доме купца Андреева.

В октябре и ноябре 1868 г. в этой квартире жил и Рекеев, но без разрешения С. Д. Раевского, находившегося тогда в Петербурге (там он и неожиданно скончался). И. Я. Яковлев не осмелился приютить своего ученика на долгое время. Поэтому Рекеева взял к себе учитель математики Петухов.

С приездом Егора в Симбирск пришлось нанять особую квартиру, в доме купца Андреева, куда весною следующего года переселился и И. Я. Яковлев. Необычное мероприятие гимназиста Яковлева привлекало внимание общественности города, особенно преподавателей гимназии. В местной газете появилась редакционная статья под названием «Особенное желание учиться, проявляющееся среди инородцев Симбирской губернии», в которой приветствуется благородная инициатива гимназиста.

«В одном из номеров Симбирских губернских ведомостей, вышедших в начале настоящего года, было уже сообщено, что в учебных заведениях Симбирской губернии стали оказывать весьма хорошие успехи в науках ученики из чуваш и мордвы. Ныне мы можем сообщить еще более интересный факт. Октября 29-го молодой человек, 18 лет, крестьянин, чувашенин, деревни Кошки-Новотимбаевской, Буинского уезда, Алексей Васильев пришел пешком в г. Симбирск с целью поступить в какое-либо учебное заведение в город. Васильев знает русскую грамоту и довольно порядочно говорит по-русски. Надо заметить при этом, что кроме священника села, дававшего постоянно Васильеву книги для чтения, родные этого любознательного мальчика вовсе не сочувствовали его занятиям и даже угрожали отдать его в солдаты. Мы наконец слышали, что в Васильеве приняли самое радушное участие г. директор училищ губернии и начальство уездного училища, а один из гг. учителей взял Васильева к себе, так как он не имеет средств к существо-

ванию. В настоящее время Васильев учится в 1 классе уездного училища.

Сообщено Г-м Я-вым, учеником
Симб. губ. гимназии, природным
же чувашенином»[1].

После смерти С. Д. Раевского его сестра Клеопатра Дмитриевна отказалась от дальнейшего найма под дачу дома купца Левашова. Всю имевшуюся в этом доме мебель из красного дерева она передала Яковлеву; он оставил себе три кресла и два стола, Рекееву подарил этажерку, столик и комод, а остальную мебель продал за 40 рублей. На эти деньги Рекееву была куплена зимняя одежда и нанята квартира.

Второго ученика решено было подготовить к поступлению в гимназию. Учитель дал ему такую характеристику: «Мальчик этот был весьма даровитый и подавал блестящие надежды. Я задумал его приготовить в I и II класс гимназии». 12-летний Егор проявлял большие способности, легко усваивал иностранные языки. Вместе с А. А. Глазовой Яковлев готовил его по немецкому и французскому языкам. Но усилия учителей оказались напрасными. Перед пасхой к Егору приехал отец навестить сына. Тот не выдержал встречи, скинул с себя городскую одежду и потребовал свою, крестьянскую. Яковлев так и не смог уговорить его остаться в школе. Он был очень огорчен поступком второго ученика. Впоследствии при встречах с учителем Егор раскаивался в своем необдуманном поступке. Из случая с Улюкиным Яковлев извлек для себя горький урок: впредь вновь прибывающих не готовить к гимназии, а сразу же устраивать их в уездное училище, чтобы там они находили себе друзей из своего же круга и не скучали по родному дому.

Рекеев тем временем продолжал успешно учиться. Первый класс уездного училища он завершил с похвальным листом и по успехам, прилежанию был третьим учеником. Ему тогда было уже 20 лет. Чтобы выиграть время, Яковлев вместе с учителем уездного училища И. Покровским в период летних каникул подготовил Рекеева к сдаче экзаменов за второй класс уездного училища. Но по положению уездных училищ не разрешалось в течение одного учебного года сдавать экзамены за два класса. И. Я. Яковлеву пришлось обратиться во многие инстанции. П. Д. Шестаков, сочувствуя благородному начинанию гимназиста, раз-

[1] Симбирские губернские ведомости. 1868. 7 декабря.

решил Рекееву в виде исключения сдать экзамены за второй класс. При этом и выход подсказал: сначала необходимо Рекеева исключить, а затем, по результатам экзаменов, снова принять, но уже в третий класс. Так за два летних месяца Рекеев окончил второй класс и поступил в последний, третий.

1869/70 учебный год для Яковлева был последним годом пребывания в стенах гимназии. Необходимо было серьезно подготовиться к предстоящим экзаменам на аттестат зрелости. Одновременно он хлопочет об увеличении числа учащихся своей школы. Осенью 1869 г. по его просьбе в Симбирск привезли Ивана Исаева и Василия Кашкарова, которых гимназист также принял на свой бюджет и устроил в уездное училище. Первый из них был русский и сразу поступил во второй класс. Кстати сказать, все ученики в школе Яковлева между собой должны были говорить по-русски, чтобы развивать беглость речи.

Увеличение числа учащихся требовало расширения жилой площади. Яковлев нашел новую квартиру на Большой Саратовской улице в доме Рябининой. К юношам переселились и его друзья по гимназии Николай Соколов и Александр Панаев, которые в свободное время обучали их по программе уездного училища. Сам Яковлев в целях экономии средств переселился в семью купца В. С. Левашова, где, пользуясь готовым столом, обучал двух его сыновей за 15—20 рублей в месяц. Но ежедневно он навещал свою квартирную школу, сам проверял знания учащихся.

Средства, добытые на частных заказах, убывали и к осени 1869 г. совсем иссякли. Нужно было вносить плату за обучение учеников. От платы в первом полугодии 1869/70 учебного года был освобожден только Рекеев. В сентябре Яковлев просит Баратынского исходатайствовать перед земством Буинского уезда стипендию для первого ученика. Гласный земства И. А. Горбунов, мордвин по национальности, сочувственно относился к нуждам чувашской школы. Благодаря его содействию Буинское земское собрание назначило Рекееву 80 рублей на 1869/70 учебный год, т. е. по 10 рублей в месяц. Двум остальным собрание обещало выделить стипендии в ближайшие месяцы, а именно — с января 1871 г. А пока Исаев и Кашкаров, происходившие из бедных крестьян, оставались на полном содержании гимназиста. Они это понимали и старались хорошо учиться. Несмотря на трудности, И. Я. Яковлев стремится к расширению своей школы. «Я решил Петра Андреева взять к себе,— писал он Баратынскому 14 сенмября 1869 г.,—отец со-

гласен, но только он говорит, что мальчик не пойдет, поэтому Петра нужно по возможности расположить для этого. Покорнейше прошу Вас, Алексей Иванович, помочь мне в этом. Я не хочу быть в долгу перед моими воспитателями. Мне же впоследствии может служить в укоризну такое упущение с моей стороны»[1]. Но Петр Андреев отказался учиться в Симбирске, окончил школу в Бурундуках.

Не везло Рекееву. Яковлеву приходилось его неоднократно защищать. Зимою в 1870 г. одноклассники Барыкин и Золотницкий принесли в училище заряженный пистолет и чуть не застрелили чуваша. В апреле того же года смотритель Симбирского уездного училища Г. Д. Сретинский поставил Рекееву за поведение «4». Во время перемены ученик Савельев прыгнул на спину Рекеева, приговаривая: «Чувашская лопатка, будь моя лошадка!» Естественно, последний воспринял это как оскорбление и так тряхнул обидчика, что тот сильно ударился о косяк двери. В это время в класс вошел смотритель и, не разобравшись, во всем обвинил чуваша. Лишь благодаря вмешательству Яковлева конфликт был улажен и Рекеева допустили к выпускным экзаменам. Однако и на экзамене случилось непредвиденное. По закону божьему он получил двойку и ему назначили переэкзаменовку.

Лишь только 10 августа он окончил уездное училище.

В 1870 г. Рекеев поступил на педагогические курсы. Исаев перешел в третий класс, Кашкаров — во второй. Таковы были успехи первых учеников И. Я. Яковлева к началу нового учебного года.

В период летних каникул И. Я. Яковлев занялся разработкой подробного плана расширения школы. Первые ученики вполне оправдывали надежды своего учителя. Он хотел школу сделать массовой. В Буинском уезде ему обещали выхлопотать стипендии для учеников и направить к осени в Симбирск еще несколько человек. И действительно, вскоре в Симбирск привезли четвертого ученика, Фому Аксинского, и устроили в первый класс уездного училища.

В увеличении количества учащихся школы И. Я. Яковлеву помогал А. И. Баратынский, который, напомним, был сначала противником ее организации, а потом стал оказывать ей посильную помощь. Такой поворот в его отношении к Яковлеву произошел в связи с общими намечавшимися переменами в методах воздействия на «инородцев». Именно поэтому Баратынский откликнулся на просьбу Яковле-

[1] **Яковлев И. Я.** Из переписки.—Чебоксары, 1989. С. 32.

ва, который писал ему о том, что «по окончании курса гимназии намерен расширить это дело». В этом же письме гимназист просит «во время экзаменов выбрать из всего уезда шесть самых способных мальчиков и всех из чуваш, не беда, если ученики эти плохо подготовлены» и поясняет: «Весь вакат я буду здесь и буду заниматься с ними. О средствах я подумал»[1]. И не случайно, все первые ученики Яковлева были из Буинского уезда, где председателем училищного совета являлся А. И. Баратынский.

С переездом Яковлева в Казань школа не должна была прекратить своего существования. Ее развитие во многом зависело и от И. В. Вишневского, стоявшего во главе всех народных училищ Симбирской губернии. В августе 1870 г. Яковлев сообщал Вишневскому: «Три года тому назад у меня сложилось убеждение, что просвещение и обучение чуваш может идти успешно не иначе как посредством школ и людей, вышедших из среды самих же чуваш. Поэтому я составил план набрать чувашских мальчиков в г. Симбирск... До сих пор всех я содержал на свои скудные средства, добывая их частными уроками и отчасти на средства (80 руб.), которое выдало в прошлом году Буинское земство на Алексея Рекеева. В настоящее время я должен оставить г. Симбирск и ехать в Казанский университет для собственного образования. Таким образом, вынужден покинуть этих мальчиков, не обеспечив их в материальном отношении... Потратив столько трудов и средств, мне жалко бросить на произвол судьбы этих мальчиков, которые притом выказали редкое прилежание к учению и природные способности...»[2] Предвидя целый ряд трудностей, Яковлев убедительно просил Вишневского оказать материальную помощь чувашской школе в начале же учебного года. Ведь на содержание одного ученика требовалось около 100 рублей в год.

Нужны были деньги и будущему студенту университета И. Я. Яковлеву. Еще не было известно, сколько придется платить за квартиру, получит ли он стипендию на I курсе. Он писал: «Я не имею никаких средств, чтобы содержать этих мальчиков... Поэтому ввиду крайности я полагаю для этой цели открыть подписку с разрешения кого следует и напечатать об этом в местных губернских ведомостях, обращаясь к частной благотворительности. Может быть, содействие просвещенных лиц обеспечит и дальнейшее раз-

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

[2] **Яковлев И. Я.** Материалы к истории Симбирской чувашской школы. С. 5—6.

витие этого дела, для чего я готов также трудиться и на будущее время по мере своих сил»[1].

Просьбу своего ученика Вишневский не оставил без внимания. 7 октября 1870 г. он сообщил в Буинскую земскую управу: «Окончивший в нынешнем году курс в Симбирской гимназии с золотой медалью из чуваш Буинского уезда Иван Яковлев своим примером и влиянием привлек в Симбирск для образования четырех мальчиков из чуваш Буинского уезда...

Всех этих мальчиков Иван Яковлев содержал на свои скудные средства, добывая их частными уроками, которыми содержался и сам... Нынче он уехал в Казань, поступил в университет для дальнейшего образования себя, а потому воспитуемые им мальчики остались здесь без средств и покровителя»[2].

В ответ на сообщение Вишневского Буинское земство решило ассигновать с 1871 г. по 60 рублей на каждого мальчика.

Перед выездом в Казань Яковлев сумел организовать сбор средств по подписным листам, в результате чего в кассу школы поступило около 400 руб. Особенно много средств пожертвовали преподаватели гимназии. Обеспечив свою школу квартирой, несколько улучшив ее материальное положение, к началу учебного года он выехал в Казань на учебу. Его провожали ученики. «Когда И. Я. Яковлев прощался с нами,—писал А. Рекеев,—мы все просили дозволить нам пойти из школы на пароходную пристань и проводить его, на что получили разрешение. Меня он посадил с собой и всю дорогу делал наставления относительно питомцев своих. Мальчики побежали на пристань прямо по пешей дороге и прибыли туда раньше нас, а мы должны были сделать большой объезд. На пристани Иван Яковлевич еще раз облобызал нас всех, вошел в пароход, который вскоре тронулся. Мы со слезами долго смотрели на уходящий пароход»[3].

С этого времени и до конца курса обучения в университете Яковлев продолжал идейно руководить своей школой. Незадолго до выезда в Казань он разработал для школы специальные правила. Их было 18, ими обязаны были руководствоваться все учащиеся. Ответственность за их соблюдение лежала на Рекееве, а в его отсутствие — на И. Исаеве.

---

[1] **Яковлев И. Я.** Материалы... С. 7.

[2] Журналы Буинского земского собрания 6 очередного созыва.—Симбирск, 1871. С. 151—152.

[3] **Рекеев А.** Воспоминания о Симбирской чувашской учительской школе.—ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Инв. 9903/6. Л. 7.

В школе был установлен твердый распорядок дня. Рекеев вел приходно-расходную книгу, получал и расходовал деньги по мере надобности, о чем ежемесячно представлял отчет учителю. Все учащиеся обязаны были поддерживать постоянную связь с ее руководителем. «Каждые две недели,— подчеркивается в одном из последних пунктов свода правил,—Рекеев, мальчики, которые могут, пишут мне письма на русском языке, первый обо всем касающемся мальчиков, последние о себе... Объясняется, ведет счет и делает замечания, если следует, хозяйке квартиры один Алексей Рекеев». По словам А. Рекеева, из Казани за время обучения Яковлева в университете поступило более 1000 писем: «Если бы собрать все эти письма, написанные мне, то вышел бы солидный том». С этими словами перекликается и письмо И. Исаева от 19 сентября 1870 г. своему учителю: «Мы уже два раза получили от Вас письма и оба письма вместе читали все... Во время Вашего отъезда я остался болен, для лечения Вы мне дали один рубль денег. Эти деньги я никуда не изводил и на лекарство. Я их не терял, кроме 8 копеек, а остальные деньги отдал Алексею Васильевичу. Правила, которые Вы оставили нам, мы их исполняем, как Вы приказали. 21 сентября мы дожидаемся попечителя Шестакова»[1].

Для мальчиков чтение писем И. Я. Яковлева было настоящим праздником, вызывало радость, прилив сил. В них автор каждому давал советы, указания, что читать и как читать и т. д. По словам А. Рекеева, после чтения писем каждый делал для себя определенные выводы, и все стремились к тому, чтобы «в жизни своей кое-что успеть бы сделать для чуваш»[2].

В одном из писем И. Я. Яковлев писал из Казани А. Рекееву: «...скажи мальчикам, что нет часа, чтобы я, если не сплю, не думал бы о них и не заботился бы»[3].

Отношение мальчиков к учебе, к жизни известно было не только Яковлеву, но и многим симбирянам, которые с самого начала создания «чувашской общины» в Симбирске взяли ее на свое попечение. Благодаря такому вниманию и заботам школа Яковлева в кратчайший срок стала подлинно народной как по составу учащихся, так и по сбору средств на ее содержание.

Симбирская общественность поддержала начинание гимназиста Яковлева. После его выезда на учебу в Казань не-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 175. Л. 1 (см. приложение № 3).
[2] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 25. Д. 5. Л. 6 (публикуется впервые).
[3] **Яковлев И. Я.** Из переписки. С. 47.

однократно проводился сбор средств по подписным листам. Преподаватель гимназии И. Я. Христофоров опубликовал в местной газете большую статью «Несколько слов по случаю подписки на учеников из чуваш, приготовляемых в учителя инородческих сельских школ». Он писал: «Знание есть сила, знание есть богатство и потому, чем более знание распространяется между людьми, чем оно глубже проникает в массы народные, тем общество становится богаче, тем государство становится могущественнее. Но когда оглянешься вокруг себя и прислушаешься к тому, что делается в этом отношении в селах и деревнях, то нельзя сказать, чтобы наше народное образование шло быстрыми шагами вперед, хотя сознание необходимости что-нибудь делать в этом отношении все более и более проникает в общество и привлекает к себе сторонников. Правда, что это сознание необходимости народного образования не многих еще возбуждает к активной деятельности и выражается в большей части сочувствием на словах, но и то уже нужно считать шагом вперед, что когда являются люди, желающие как-нибудь подвинуть народное образование... В Симбирске это сочувствие общества к образованию простого народа выразилось по случаю подписки на бедных учеников из чуваш, приготовляемых в учителя народных школ.

Симбирское общество, за исключением немногих своих членов, до которых доходила эта подписка, отнеслось сочувственно к этому делу, и чувашские мальчики с прошлого августа по будущий январь не остались голодными и неодетыми и продолжают учиться в уездном училище. А с будущего января по ходатайству директора Симбирской гимназии И. В. Вишневского Буинское земство обещало выделить на содержание этих мальчиков пособие в количестве 240 руб.

Мы решились заявить об этом событии печатно не с тем, чтобы похвалиться, какие-де мы в Симбирске хорошие люди, а с тем, чтобы пример молодого человека (Яковлева.— *Н. К.*), по инициативе которого состоялась подписка, не остался одиночным и вызвал еще более сочувствия общества, тем более, что подписка на приготовление учителей из чувашских мальчиков для инородческих школ в более широких размерах и доселе продолжается, и желающие могут обращаться со своими приношениями к директору гимназии И. В. Вишневскому или инспектору народных училищ И. Н. Ульянову»[1]. Сбор средств продолжался до января 1871 г.

[1] Симбирские губернские ведомости. 1870. 28 ноября. № 86.

Министерство народного просвещения долго не признавало Симбирскую чувашскую школу. Гимназист Яковлев в течение более двух лет содержал ее на свои скромные средства. Он ждал удобного случая показать школу кому-нибудь из учебного округа. Такой случай представился осенью 1870 г. 21 сентября попечитель П. Д. Шестаков, инспектировавший учебные заведения Симбирска вместе с И. В. Вишневским и И. Н. Ульяновым, посетил частную школу-квартиру Яковлева и лично убедился в ее существовании в русском губернском городе и необеспеченности. «Чувашская община», как называли тогда симбирцы школу Яковлева, возникла и до сих пор успешно справлялась со всеми трудностями на пути своего развития безо всякой поддержки со стороны Министерства народного просвещения, только благодаря бескорыстной помощи передовых общественных деятелей. И. Н. Ульянов, И. В. Вишневский просили попечителя как можно скорее перевести школу на бюджет министерства. Вернувшись в Казань, Шестаков, по воспоминаниям Яковлева, пригласил его к себе и потребовал подробные сведения о школе, а затем представил в Министерство народного просвещения ходатайство об ассигновании из его сумм денежного пособия.

В начале декабря 1870 г. учебные заведения Симбирска снова инспектировались, на этот раз помощником попечителя И. Д. Соколовым, который осмотрел и чувашскую школу. По завершении инспекции он представил попечителю отчет, где указывалось на ее бедственное положение. Студент Яковлев снова был приглашен в управление учебного округа, где попечитель попросил его представить отчет о деятельности школы и перспективный план ее развития.

Пользуясь случаем, Яковлев 22 декабря 1870 г. представил не только отчет, но и план развития просвещения чувашей. В докладной записке он подчеркнул: «Чтобы успешнее шло дело просвещения чуваш в Симбирской губернии, я считаю нужным открыть две школы: одну в г. Симбирске — это род особого пансиона... а другую школу — на родине моей»[1]. По мнению Яковлева, эти школы должны были положить начало подготовке работников культуры и просвещения из среды чувашей. Школа в Кошках должна была собирать и готовить молодежь к поступлению в Симбирскую, а последняя — направлять своих питомцев в специальные учебные заведения. Для осуществления этого проекта автор

[1] Яковлев И. Я. Материалы к истории Симбирской чувашской школы. С. 20.

просил прежде всего следующее: «Единовременно на постройку в д. Кошки дома для школы и на обзаведение необходимыми учебными пособиями до 450 руб., затем постоянный расход — учителю жалованье 120 руб. в год, на отопление школьного дома по 30 руб. в год. На наем квартиры в Симбирске с отоплением 180 руб. в год и на содержание двоих вышеуказанных мальчиков, которых я предполагал бы принять, 160 руб., по 80 руб. на каждого»[1]. (Их привезли в Симбирск в январе 1871 г.—*Н. К.*)

Докладную записку-отчет И. Я. Яковлева о деятельности школы* и ее нуждах попечитель выслал в Министерство народного просвещения на следующий же день, т. е. 23 декабря 1870 г. 7 ноября того же года министр Д. А. Толстой сообщил попечителю Казанского учебного округа П. Д. Шестакову: «В представлении Вашего превосходительства от 12 минувшего октября за № 350 объяснено между прочим, что на средства студента императорского Казанского университета Яковлева воспитываются 4 чувашина, в том числе один в Симбирских педагогических курсах и трое в местном уездном училище.

Желая предоставить сим воспитанникам возможность с успехом приготовиться к званию учителей начальных училищ в инородческих селениях губерний Казанского учебного округа, я покорнейше прошу Вас сообщить мне сведения о том: какие денежные средства потребуются как в сем году, так и на будущее время, на воспомоществование означенным четырем чувашенинам впредь до окончательного приготовления их к учительским должностям»[2].

На этот раз министр Д. А. Толстой удовлетворил просьбу, надеясь на то, что школа подготовит немало ревнителей христианства из среды чувашей. С 1871 г. она должна была получать от министерства 340 руб. в год, а от Буинского земства — 240 руб. Но прошло немало времени, пока школа получила обещанные суммы. За это время И. Я. Яковлев вошел в долги, сдал в ломбард некоторые свои вещи, в том числе и золотую медаль, полученную в гимназии; заложив медаль, он уже не в состоянии был ее выкупить.

Решение министерства об ассигновании строительства школы в Кошках отнюдь не означало, что оно приветствовало начинание студента Яковлева. Истинной целью министерской щедрости являлось стремление обратить как можно

---

[1] **Яковлев И. Я.** Материалы... С. 23.

* Эта записка опубликована в книге И. Я. Яковлева «Из переписки» (Чебоксары, 1989). С. 49—63.

[2] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9847. Л. 6 (публикуется впервые).

больше «инородцев» в православных христиан, что верно подметил и известный деятель русского просвещения Н. В. Чехов, сказав: «Правительственные заботы о просвещении инородцев шли и идут рука об руку со стремлением обращения их в православие»[1].

Симбирская чувашская школа способствовала сохранению чувашской народности, формированию национального языка. По замыслу Яковлева, школа родного языка должна была поднять его соплеменников на такой уровень культуры, какой имели передовые народы.

Конкретной программой развития чувашского просвещения вооружил его опытный педагог Ильминский, значительную помощь оказали прогрессивные деятели И. Н. Ульянов, И. Я. Христофоров и другие. По просьбе Яковлева в конце 1870 г. в Симбирске организовали сбор средств в пользу чувашской школы. Деятельное участие в нем приняли преподаватели мужской гимназии, инспектор народных училищ И. Н. Ульянов и другие. А. А. Глазова уговорила и земского деятеля Д. А. Лазарева пожертвовать 100 руб.; как мы отметили выше, преподаватель гимназии И. Я. Христофоров придал сбору средств общественный характер, опубликовав статью в ноябре 1870 г. в «Симбирских губернских ведомостях». Благодаря ее опубликованию сбор средств принял массовый характер. К 1 января 1871 г. было собрано 252 р. 20 к. Среди подписавшихся были все преподаватели гимназии, служащие учреждений и даже домохозяйки. В сборе средств приняли участие 73 симбиряннина, товарищи И. Я. Яковлева по службе в удельном ведомстве. Наиболее крупные суммы внесли: помощник губернатора Д. П. Еремеев — 15 руб., архиепископ Евгений — 6 руб., директор гимназии И. В. Вишневский — 10 руб., инспектор гимназии В. А. Ауновский — 10 руб., купец В. С. Левашов — 25 руб. и др. Это свидетельствовало о признании чувашской школы широкими слоями общественности города Симбирска. Столь действенное сочувствие делу просвещения «инородцев» в то же время говорило об усилении в приволжском городе педагогического движения, которым была охвачена почти вся общественная жизнь России 60-х годов XIX в.

Пользуясь поддержкой общественности, Яковлев предпринимал все от него зависящее, чтобы всемерно расширять число учащихся. Министерство народного просвещения вы-

[1] Чехов Н. В. Народное образование в России 60-х годов XIX века.—М., 1912. С. 176—177.

делило средства с целью превратить школу в миссионерский центр. Необеспеченность ее вынуждала Яковлева воспользоваться этой уступкой властей. Если будут школы, свои учителя, то общими усилиями можно изменить направление школьного движения и придать ему народный характер. Важно вывести новое потомство, независимо от того, под чьим крылышком находится будущее племя. Как в маленьком чужом гнезде вырастает птица-кукушка, так и в маленькой школе должен был, по его глубокому убеждению, зародиться большой центр народного просвещения и культуры: «Но я, от души сочувствуя делу просвещения чуваш, желал бы, чтобы маленькое начинание не останавливалось на настоящих незначительных размерах, а развивалось бы далее, как это требуется для пользы и успеха самого дела»[1].

В начале января 1871 года в Симбирск привезли И. Бюргановского, в начале февраля — Л. Данилова и Е. Горбунова. Последний был из мордовской деревни Атяшкино, родственник уже упоминавшегося И. А. Горбунова. Теперь вновь прибывшие занимались дома, готовились к поступлению в уездное училище сначала под руководством А. Рекеева, а затем Игнатия Иванова, который по этому поводу сообщил 17 февраля 1871 г. И. Я. Яковлеву в Казань: «Я здесь занимаюсь с мальчиками, кроме тех, которые ходят в классы (уездное училище.—*Н. К.*), сам хожу по утрам с 8 до 11 часов в приходской класс». И. Иванов продолжал готовиться к испытанию на звание сельского учителя.

Значительную помощь учащимся оказал бывший мерщик Прохор Акимов, работавший тогда в одном из учреждений Симбирска: он снабжал их бумагой, учил делать карты, чертежи, обучал русскому языку. Учащихся навещал также А. И. Баратынский, его удивляли успехи сплоченного и дисциплинированного коллектива, состоявшего из представителей разных народностей Поволжья.

Вскоре Министерство народного просвещения воочию убедилось, что этот коллектив нельзя называть только «чувашской общиной». С зимы 1871 г. она была официально признана как «Симбирская чувашская школа Министерства народного просвещения». В ней обучались не только чуваши, но и русский, мордвин, составлявшие одну семью, во всем помогавшие друг другу, как братья. В этом отношении школа Яковлева резко отличалась от Бурундукского удельного училища, где господствовала атмосфера национальной враж-

---

[1] **Яковлев И. Я.** Материалы к истории Симбирской чувашской школы. С. 20.

ды между учащимися. Баратынскому действительно было чему учиться у школы Яковлева.

С прибытием новых учащихся материальное положение школы резко ухудшилось. На исходе был февраль, но обещанные деньги от министерства еще не поступали; за это время от Буинского земства было получено только 20 руб.— и это на содержание всех учеников. «Жили мы очень бедно,— рассказывал Рекеев,— а год кончили дефицитом. У Ивана Яковлевича было два выигрышных билета с того времени, когда он был мерщиком, так мы постоянно их закладывали и выкупали. Много мы доставили Ивану Яковлевичу заботы и горя»[1]. Об этом же говорит и письмо Яковлева Рекееву: «Ты должен знать, что я не могу относиться хладнокровно и безразлично к тому делу, которому я предан от всей души и на которое я употребил столько забот, труда и средств»[2].

Когда по каким-либо причинам ответ задерживался, из Казани поступали строгие письма. И. Я. Яковлев не мог терпеть пассивности и допустить того, чтобы по чьей-либо халатности провалилось его дело. Почти в каждом письме он напоминал о той ответственности, какая лежала на старшем ученике: «Дело вначале же зависело от одного человека, того, который стоит во главе его, говоря просто и прямо другими словами, от тебя, любезный Алексей. Обстоятельства теперь таковы, что малейшее твое спотыкновение на пути, малейшая остановка, ничтожный проступок и ошибка поведут за собой твое падение и падение нашего дела... Всякий твой шаг, прежде чем ты его сделаешь, должен быть рассчитан и обдуман, совместим ли он с делом, во главе которого ты стоишь, не вредит ли он почему-либо ему, твоя совесть и твой рассудок должны быть решительными судьями в этом случае». Зная великую силу личного примера воспитателя для воспитуемых, И. Я. Яковлев советовал Рекееву: «Трудись, Алексей, работай для собственного образования, исправляй свои недостатки, помни, их у тебя много, будь примером во всем хорошем для мальчиков... прочти книгу «Психология».

Противникам инородческого просвещения, прежде всего в среде высшего дворянства, не понравилось появление чувашской школы в русском губернском центре. И. Я. Яковлев рассказывал, что «симбирское высшее дворянство, всег-

[1] **Чичерина С.** У приволжских инородцев. Путевые заметки.— СПб., 1905. С. 360.

[2] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Л. 1.

да считавшее себя чем-то особенным, родовитым, знатным, относилось ко мне, небольшому чиновнику, вышедшему из народа, свысока (что было мне подчас обидно), а моей чувашской школою совершенно не интересовалось, быть может, и потому, что было незнакомо с прошлым, жизнью, бытом и заброшенностью чувашского народа-племени. Первосортные, так сказать, симбирские дворяне считали себя носителями чего-то особенного, давали чувствовать недворянам, что они, дворяне, умны, ловки, являются слугами царскими и т. п. Симбирские же дворяне из тех, что были помельче, при случае или лягали меня, или глупо высмеивали. Одним словом, от дворянства я помощи никакой не видел»[1].

Первоначально отношение дворянства к школе выражалось сначала в неверии в то, что из так называемой «чувашской общины» возникнет что-то дельное. Постепенно недоверие переходило в открытое противодействие. Один пример. Однажды Яковлев по просьбе Баратынского встретился с влиятельным представителем Буинского уездного земского собрания неким В. Е. Аргамаковым, чтобы через него добиться назначения стипендии обучающимся мальчикам. Аргамаков живо заинтересовался учебой самого Яковлева в университете, задал ему несколько вопросов о чувашской школе в Симбирске. В ходе этой беседы он убедился, что перед ним не просто студент, организатор школы, но и будущий просветитель приволжских крестьян, способный пробудить в них стремление к знаниям, к образованию. По окончании встречи он украдкой шепнул Баратынскому: «Отогрели Вы себе змею на груди»[2]. Впоследствии именно Аргамаков как член уездного рекрутского присутствия в начале 1871 г. организовал незаконный призыв А. Рекеева в рекруты.

Яковлев принимал отчаянные попытки для избавления Рекеева от рекрутчины. С самого начала возникновения этого вопроса он намеревался просить попечителя Казанского учебного округа, чтобы тот ходатайствовал перед министром народного просвещения. Однако попечитель отклонил этот вариант, о чем свидетельствует неопубликованное письмо И. Я. Яковлева к Баратынскому от 14 января 1871 г.:

Многоуважаемый Алексей Иванович!

Нынешний день я был у Николая Ивановича Ильминского и узнал от него, что избавить Алексея от солдатства

---

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 120.
[2] Там же. С. 98.

тем путем, каким думал, невозможно; попечитель по каким-то соображениям считает неудобным об этом представлять министру, но есть еще надежда избавить его другим путем, именно тем, на какой указывает сам попечитель. Нужно определить Алексея в учителя народного училища. Для этого попечитель предлагает, чтобы Алексей выдержал экзамен в Буинском уездном училище для получения свидетельства на звание народного учителя, а потом тотчас его определить на место учителя. Попечитель приказал даже своему секретарю послать Буинскому штатному смотрителю официальную бумагу о том, чтобы он немедленно оказал должное содействие Алексею Рекееву в случае, если он будет держать установленное испытание на звание учителя.

Попечитель принимает живейшее участие в освобождении Алексея и находит, что таким путем вполне возможно избавить Алексея от солдатства, и он не видит никаких затруднений. Алексей Иванович, ради Бога, прошу Вас, не тратя ни одного дня по получении этого письма, сделать что возможно. Я на этом и сам остановился. Мы с Ульяновым в Симбирске указ о нынешнем наборе поняли хорошенько, поэтому от него отказались. Учителя народных училищ избавлены совсем от рекрутов. Этим самым, если Алексей будет учителем, то у него дома будет итого два работника, и из его семьи никто в нынешний набор не пойдет, а Ульянов понимал иначе»[1]. Однако дело освобождения Рекеева осложнилось, и в начале февраля он был призван на военную службу.

Уход первого и старшего ученика школы, не вставшей еще на ноги, означал потерю учителя, умелого хозяйственного руководителя, а школа без учителя, без руководителя—что мельница без воды. Кому же теперь двигать ее вперед? До сих пор Рекеев успешно выполнял обязанности отсутствовавшего учителя-наставника. Чтобы школа не закрылась, И. Я. Яковлев и И. Н. Ульянов решили назначить учителем Игнатия Иванова, готовившегося в Казани к экзаменам на звание сельского учителя.

В подготовке к занятиям мальчикам помогал В. А. Калашников, отлично обучавшийся в то время в последнем классе педагогических курсов. Вместе с И. Ивановым они успешно справлялись до конца 1870/71 учебного года со всеми возложенными на них задачами. За бескорыстную помощь Яковлев хотел вознаградить Калашникова, но тот отказался от этого. 8 марта 1871 г. Калашников писал в

[1] НА ЧНИИ. Отд. VIII. Д. 375. Инв. 2969 (публикуется впервые).

Казань: «Я купил 2 экземпляра «Родного слова» Ушинского, год второй, и начал заниматься ежедневно, уделяя времени 2 часа. Дела идут довольно хорошо: мальчики внимательны и очень прилежны, только Эдремень плохо понимает по-русски, но и от него можно ожидать хороших успехов... Вы написали о вознаграждении, но это совершенно напрасно. Вы тоже посторонний человек, приняли участие в бедных, не ища вознаграждения, отчего же и я не должен принять в них участие»[1].

Но благодаря своевременно принятым Яковлевым мерам, помощи И. Н. Ульянова и других общественных деятелей губернии отсутствие Рекеева не отразилось на развитии школы и учебе учащихся. И. Исаев отлично окончил уездное училище, Кашкаров и Аксинский перешли в следующие классы, причем последний получил даже похвальный лист. В. А. Калашников окончил педагогические курсы и по просьбе И. Я. Яковлева и И. Н. Ульянова продолжал шефствовать над чувашской школой.

Только Рекеев продолжал пребывать в Тульских казармах. 12 мая Яковлев сообщил ему приятную весть — из Петербурга получена бумага о предстоящем увольнении его от службы. За то время, пока Рекеев дожидался окончательного освобождения, он написал своему учителю много писем, в которых жаловался на грубость офицеров армии. В ответ Яковлев советовал своему бывшему ученику больше внимания обратить на самообразование: «Да, жалоба твоя справедлива, я понимаю, потому что сам был на этом коньке, но ты, Алексей, помни, что ты, будучи учителем в глухой чувашской деревне, если захочешь действительно принести пользу бедным и темным чувашам и просветить их по мере своих сил, то, уверяю тебя,—ты гораздо больше встретишь трудностей, неприятностей и огорчений, даже, может быть, и несчастий; и мне, Алексей, весьма грустно было бы, если бы теперь тебя побуждали только внешние неудобства и окружающие люди стараться выйти из этого положения... Советую, если время позволяет, читать хорошие книги, но только не ради препровождения времени, а ради развития собственной головы и ради обогащения ее мыслями. Теперь тебе прекрасный случай научиться получше писать»[2].

Рекеев следовал наказу своего учителя и по мере возможности готовился к экзаменам во время прохождения службы.

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.
[2] **Рекеев А.** Воспоминания... С. 17.

Где бы ни находились ученики Симбирской чувашской школы, они постоянно ощущали на себе благотворное влияние своего учителя, который стремился выработать в каждом из них чувство долга перед народом. Воспитывающее влияние Яковлева на учеников сказывалось и в конкретных действиях, и в многочисленных советах им. Когда Рекееву настало время возвращаться в Симбирск, Иван Яковлевич рекомендовал ему ознакомиться с достопримечательностями тех городов, где ему предстояло остановиться. Находясь несколько дней в Москве у Раевских, он посетил Малый театр, зоологический сад, Кремль, побывал в Троице-Сергиевской лавре.

Сразу же по прибытии в Симбирск Рекеев получил от Яковлева задание — до начала учебного года сдать все экзамены за 1 класс педагогических курсов. Началась усиленная подготовка, в усвоении основ наук ему помогали И. Я. Яковлев, В. А. Калашников.

Знание русского языка, помощь друзей позволили Рекееву сравнительно в короткий срок справиться с трудностями при подготовке к экзаменам. 4 сентября 1871 г. он успешно сдал все экзамены и оказался во втором классе педагогических курсов. В тот же день он написал заявление на имя председателя Симбирской губернской земской управы с просьбой о выдаче ему стипендии за период с 1 января по 1 сентября 1871 г. в сумме 64 рубля. Просьба незаконно призванного на военную службу Рекеева была удовлетворена, деньги поступили в кассу школы.

Обучаясь на педагогических курсах, Рекеев по-прежнему продолжал руководить хозяйственной частью школы, учебной заведовал В. А. Калашников. На педагогических курсах учились также И. Исаев и К. Макаров, прибывший по окончании Алатырского уездного училища и сразу поступивший в 1 класс педагогических курсов. Все трое получили стипендию по 7 рублей в месяц. Кашкаров, Аксинский продолжали учиться в уездном училище; сюда же поступили И. Бюрговский, Г. Яковлев, Е. Горбунов. В школе под руководством Калашникова занимались А. Эдремень, Г. Ильмовский и другие.

С увеличением числа учащихся возникла необходимость в штатном учителе. Сначала выбор пал на Т. П. Петрова, учителя Пимурзинского училища Буинского уезда. По этому поводу 24 июня 1871 г. И. Я. Яковлев писал Н. И. Ильминскому: «Для этой цели я имею в виду Вам и мне близко знакомого Тимофея Петровича, который весною был в Казани и который сейчас состоит учителем в чувашской деревне.

Весь вопрос и затруднение тут состоит в том, даст ли Министерство народного просвещения жалованье Тимофею Петровичу, как учителю Симбирской чувашской школы»[1].

Поскольку вопрос о назначении Петрова официальным учителем долгое время оставался неразрешенным, И. Я. Яковлев просил учительствовать в ней Калашникова. Для этого он даже командировал на свои деньги Калашникова и Исаева в Казань во время летних каникул в 1871 г., чтобы они ознакомились с опытом учебно-воспитательной работы в крещенотатарской школе. 24 июня в письме Ильминскому Яковлев сообщал: «...Калашникову, как одному из будущих деятелей, не только не бесполезно, но и необходимо поближе познакомиться с так называемым официально (написано по-латински.—*Н. К.*) инородческим вопросом, познакомиться, главным образом со способами, приемами и средствами, коими лучше пользоваться, чтобы успешнее вести просвещение и образование чуваш... Я желал бы, чтобы Иван Исаев усвоил напев Вашей школы, который было бы весьма полезно ввести здесь, у нас...»[2]. Заметим к этим словам И. Я. Яковлева, что после знакомства с опытом крещенотатарской школы он, в частности, перестал требовать, чтобы все ученики одевались «по-городскому», как это было с первыми учениками. «Не беда,— говорил он,—если наши мальчики будут ходить в своем домашнем белье и верхней одежде, только бы лишь учились прилежно»[3]. В крещенотатарской школе учащиеся ходили в крестьянской одежде, жили в тех же комнатах, где и учились. Постепенно такой же порядок установился и в Симбирской чувашской школе.

Немалую помощь школе оказывала прогрессивная общественность Симбирска, организуя в ее пользу концерты, спектакли, кроме того, ей дарили книги, мебель, письменные принадлежности, а для оформления классных комнат — картины. Благодаря помощи со стороны создавались условия для приема вновь прибываемых и назначения специального учителя, а учащиеся могли успешно продолжать занятия.

Перед началом 1871/72 учебного года для школы была найдена просторная квартира недалеко от ярмарочной площади в Симбирске. В дни ярмарки, проводившейся здесь ежегодно весною, часть школы отдавалась в наем купцу Пристлею. Яковлев надеялся получить от этого рублей 30, которые намеревался израсходовать на напечатание учебника на чувашском языке.

[1] **Яковлев И. Я.** Письма.—Чебоксары, 1985. С. 51.
[2] Там же. С. 48, 49.
[3] **Рекеев А.** Воспоминания... С. 8.

В конце 1870 г. школа вновь испытала большие финансовые затруднения. С осени того же года прибавились заботы о Кошкинской школе. «Денежные дела у нас в Симбирске,—читаем мы в письме Яковлева Рекееву от 10 декабря 1871 г.,—очень плохи, оказывается. Я думал, что они гораздо лучше, чем есть на самом деле, около 60 руб. долгу — это даже больше, чем скверно и плохо, надо вам вместе с В. А. Калашниковым обоим подумать хорошенько. Нужно добиться того, чтобы и мальчиков побольше было и дело наше развивалось, шло вперед сильнее и прочнее и чтобы не задерживалось вследствие недостатка материальных средств, если принимаете интересы школы близко к сердцу, каждую копейку нужно беречь и дорожить ею. Один лично я могу голодать, но все мальчики не могут без хлеба сидеть, как я один. Прежде, когда нас было трое или четверо, требовалось меньше думать о завтрашнем дне; нельзя сказать того же нынче, когда Вас 14 или 15 человек»[1].

Хлопоты Яковлева по школе, тогда еще студента университета, многих не оставляли равнодушными. Так, отставной полковник А. И. Глазов 22 марта 1872 г. писал из Симбирска Яковлеву в Казань: «Хвала Вам, мой друг, великое дело Вы делаете. Всякий базар пропасть приезжают чуваши, с восторгом слушают пение молитв на родном языке. Невознаградимы Ваши труды, дай Бог, чтобы Вас оценили, что очень редко бывает»[2].

Благодаря помощи и вниманию добрых людей положение школы постепенно поправлялось. Вскоре на помощь ей пришли ее ученики. В 1872 г. А. Рекеев окончил педагогические курсы и стал сельским учителем. С этого времени он регулярно жертвовал свои средства в пользу учащихся школы. В каждый приезд в Симбирск Рекеев оставлял для них деньги, слушал уроки, помогал Калашникову в изучении чувашского языка. В Среднетимерсянской школе он умело организовал учебно-воспитательную работу, за что И. Н. Ульянов и земский деятель В. Н. Назарьев не раз представляли его к наградам.

Заслуги Симбирской чувашской школы признала печать. «Чудесным образом возникшая школа,—писал о ней один из центральных журналов России,—подготовила первых действительно полезных учителей для чувашских селений, а ее основатель, при всех своих университетских занятиях и необходимых для существования уроках, продолжал за-

[1] Рекеев А. Воспоминания... С. 40—41.
[2] ГАУО. Ф. 660. Оп. 1. Д. 8.

ботиться о своей школе и с неизменным постоянством занимался переводом книг религиозного содержания на чувашский язык»[1]. В 1873/74 учебном году в школе учились 6 русских, 4 мордвина, 2 татарина и 20 чувашей, а в 1875 г.— 34 чуваша, 16 русских и 2 мордвина. По словам В. А. Калашникова, школа представляла собой большую деревенскую семью, где воспитанники поступали в нее по желанию, скоро привыкали к ней и «настолько серьезно и прилежно относились к делу самообразования, что мне почти не стоило никакого труда водворить в ней раз и навсегда порядок: повиновение воспитанников мне и дружеские отношения к товарищам. Мне почти не приходилось употреблять никаких мер наказаний, кроме наставлений, предупреждений для всех, замечаний или выговоров для некоторых»[2]. Почти все учащиеся обучались в школе, лишь некоторые продолжали учиться в уездном училище. Эти по указанию И. Я. Яковлева готовились к сдаче экзаменов на звание сельского учителя досрочно. Ведь предстояло открывать новые школы, заменить неквалифицированных учителей-самоучек образованными специалистами.

И. Н. Ульянов и Симбирская чувашская школа

До назначения И. Н. Ульянова инспектором народных училищ в Симбирской губернии не было ни одного сельского чувашского училища с родным языком обучения. Благодаря его заботам к январю 1872 года чувашских школ в губернии стало 3, а количество чувашских учащихся достигло 153[3]. За короткий срок он успел открыть более 10 сельских училищ для чувашских крестьян. После открытия школы в Ходарах в 1870 г. весною следующего года И. Н. Ульянов приступил к строительству школы в Кошках-Новотимбаеве, которая должна была стать, по словам И. Я. Яковлева, «чувашскими Афинами», т. е. культурным центром на его родине. И. Н. Ульянов подробно изучал план строительства школы, состав населения окружающих деревень, часто встречался с будущим учителем этой школы Игнатием Ивановым, который писал Яковлеву из Симбирска: «У меня здесь, слава богу, дела идут хорошо, а мальчики занимаются прилежно. Был у нас Илья Николаевич, он поговорил с нами, велел мне начертить план

[1] Вестник Европы. 1876. № 8. С. 296.
[2] Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1878. № 3. С. 147.
[3] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10503. Л. 75.

школы нашей деревни, т. е. как нужно будет строить, и велел спросить, не будет ли подрядчика и какой у него будет лес»[1]. Школа в Кошках призвана была стать подготовительной для поступления в Симбирскую. До сих пор приходилось тратить немало времени на поиски учеников, желавших учиться в Симбирске. Будущая школа в Кошках обещала прекратить эту «охоту» за мальчиками. Но ее строительство по вине министерства затягивалось. Деньги поступали несвоевременно. Это приводило к срывам в работе, вызывало у строителей сомнение и недоверие. «На днях я послал Игнатия Иванова искать подрядчиков,— писал Яковлев 24 июня 1871 г.,—а в случае крайности он сам на себя возьмет постройку дома и заключит с Ульяновым контракт, хозяйственным же порядком строить невозможно, тут разных формальностей пропасть, так что после не разделаешься. Но все-таки, как бы то ни было, мы в сентябре постараемся открыть школу в Кошках и определить туда учителем Игнатия Иванова... Вообще с казенными деньгами очень много хлопот, получение их сопряжено с большими трудностями, мне и Илье Николаевичу Ульянову уже пришлось ощутительно испытать, что значит получить из казначейства деньги. Тут такое буквоедство и формализм, что представить себе трудно, из всего этого невольно выносишь убеждение, что и самый контроль существует только для того, чтобы стеснять и замедлять ход дела[2].

Много хлопот вложил инспектор в организацию Симбирской чувашской школы, у которой даже в начале 1871 г., после признания ее министерством, не было ни учителя, ни помещения. Для ее укрепления и развития он сделал все, что мог. В конце июня 1871 г. И. Н. Ульянов сопроводил в Казань к Ильминскому будущих учителей чувашских школ Калашникова и Исаева. О результатах встречи Ильминский подробно сообщил И. Я. Яковлеву, находившемуся тогда в Симбирске: «Илья Николаевич при мне говорил вашим юношам, чтобы они Вам передали, что по его докладу попечитель обещался ходатайствовать перед министерством о прибавке к сумме на постройку Кошкинской школы, жалованье Тимофею Петровичу (будущему учителю школы.— *Н. К.*). Словом, все хотел устроить для блага и образования чувашского племени Симбирской губернии...»[3]. Вернувшись

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 164. Л. 1

[2] И. Я. Яковлев Н. И. Ильминскому.—НА ЧНИИ, отд. 2. Д. 523. Л. 8.

[3] Подлинник письма хранится у автора книги.

в Симбирск, И. Н. Ульянов сразу же приступил к делу. В начале августа выехал в деревню Кошки, чтобы следить за ходом строительных работ. Обещанные деньги из казначейства поступали нерегулярно, и это могло привести к срыву важного дела. До начала учебного года оставалось несколько дней. Снова возникла опасность повторения прошлого года, когда из-за несвоевременного ассигнования строительство школы в Ходарах не успели закончить; для нее пришлось снять крестьянский дом. Необходимо было изыскать дополнительные суммы, чтобы на сей раз строительство школьного здания не приостановилось.

И. Н. Ульянов вложил 30 рублей личных денег в строительство[1]. Для найма новых строителей этой суммы было достаточно. Яковлев выделил 100 рублей из средств Симбирской чувашской школы, о чем сообщил Ильминскому: «...Мы уже самовольно от себя прибавили 100 рублей, надеясь на щедрость Буинского земства, но и за 550 рублей не берутся строить»[2]. Благодаря бескорыстной помощи Ульянова строительство школы возобновилось. 11 октября 1871 г. он сообщил попечителю учебного округа, что им было «открыто инородческое училище для образования детей чуваш в деревне Кошках Буинского уезда. В училище поступило 16 чувашских мальчиков»[3].

Совместная деятельность И. Н. Ульянова и И. Я. Яковлева по развитию народного просвещения сблизила их настолько, что они стали верными друзьями. Как известно, эта дружба продолжалась с 1869 по 1886 год. И. Я. Яковлев познакомился с инспектором народных училищ осенью 1869 г., когда ему пришлось согласовывать с училищным советом план расширения частной школы и возможность приглашения в Симбирск новых учеников. С этим он обратился к И. Н. Ульянову, после чего по просьбе инспектора второй ее ученик Иван Исаев был доставлен в Симбирск. «Мое знакомство с Ульяновым — отцом В. И. Ленина,—вспоминал впоследствии И. Я. Яковлев,—началось с тех пор, как взяты были мною из деревень крестьянские мальчики, первые ученики основанной мной Симбирской чувашской школы, стали переходить в Симбирское уездное училище, а мне приходилось оказывать им содействие, обращаясь с просьбами к Ульянову, в ведении которого состояло училище. Начались эти мои сношения еще тогда, когда я был воспитанником

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 501. Оп. 1. Д. 4. Л. 105.
[2] И. Я. Яковлев Н. И. Ильминскому.—НА ЧНИИ. Отд. 1. Д. 523. Л. 7.
[3] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9941. Л. 126.

Симбирской гимназии, и продолжались во время нахождения моего в Казанском университете студентом»[1].

Яковлев еще будучи гимназистом часто обращался к И. Н. Ульянову. 23 января 1870 г. он просил помочь в получении 150 рублей, завещанных ему симбирским помещиком С. Д. Раевским: «Шуму и грому здесь наделали, потому что деньги эти, знаете, Илья Николаевич, должны быть для чувашенина Ивана Яковлева»[2]. Благодаря вмешательству И. Н. Ульянова деньги были переданы Яковлеву.

Чтобы улучшить материальное положение школы, инспектор организовал сбор средств по подписным листам, который принял массовый характер. И. Н. Ульянов собрал среди учителей губернии 15 рублей, сам внес 5 рублей. К 1 января 1871 г. было собрано более 250 рублей, что дало школе возможность продолжать свою деятельность, увеличить количество учеников.

Всякий раз, когда учащиеся школы испытывали трудности, они советовались с И. Н. Ульяновым, а о результатах сообщали в Казань Яковлеву. Их письма, как правило, заканчивались словами: «Кланяются Вам Илья Николаевич». Из Казани поступали строгие письма с постоянным напоминанием ничего не делать, не посоветовавшись с инспектором Ульяновым.

Когда первый ученик Симбирской чувашской школы Рекеев незаконно был призван в рекруты, И. Я. Яковлев, И. Н. Ульянов и преподаватель Симбирской мужской гимназии И. Я. Христофоров предприняли ряд мер для освобождения его. Инспектор народных училищ помог Рекееву получить свидетельство на звание сельского учителя, а 1 февраля назначил учителем[3]. Несмотря на все усилия, как мы уже знаем, Рекеева освободить от призыва не удалось. После его ухода руководителем школьного хозяйства пришлось назначить Игнатия Иванова, который тоже вскоре установил тесный контакт с инспектором Ульяновым.

И. Я. Яковлев очень ценил И. Н. Ульянова, называл его человеком добрым и хорошим, всегда готовым оказать содействие. Над решением всех вопросов, связанных со школой, в Казани трудился студент, а в Симбирске — инспектор народных училищ. Между ними шла оживленная переписка, каждая сторона, своевременно информировала друг друга о достигнутых успехах, о планах совместных действий.

---

[1] **И. Я. Яковлев.** Моя жизнь.—НА ЧНИИ. Отд. 2. Д. 526. С. 341.
[2] Из личного архива автора настоящей статьи.
[3] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9941. Л. 44.

В конце января 1871 г. студент И. Яковлев сообщил инспектору, что наконец чувашская школа в Симбирске с 1 января признана министерством. 24 февраля 1871 г. И. Я. Христофоров писал в Казань: «Ульянов получил только бумагу о назначении министерских денег, ассигновки, действительно поступления этих денег из казначейства до сих нет... Алексей забран неправильно. Об этих хлопотах Ульянов и доложил Шестакову»[1]. Официальное представление инспектора народных училищ попечитель препроводил министру просвещения, что впоследствии привело к положительному решению вопроса об освобождении Рекеева. 13 апреля 1871 г. И. Я. Яковлев писал ему: «Обязан ты также своим избавлением Илье Николаевичу Ульянову, Ивану Афанасьевичу Горбунову, потому что они впервые официально ходатайствовали перед попечителем о тебе и вследствие их ходатайства возникло у попечителя дело, которое блестящим образом окончилось твоим избавлением»[2]. И. А. Горбунов был почетным попечителем школы.

Ульянов принял деятельное участие в подборе официального учителя для школы Яковлева. В 1871 г. В. А. Калашников по окончании педагогических курсов был назначен учителем в чувашское село Средние Тимерсяны. Ульянову удалось определить его к чувашским мальчикам, обучавшимся в Симбирске. Он убеждал губернское земское начальство в необходимости определения Калашникова учителем в чувашскую школу. «... Считаю не излишним прибавить, что такое назначение Калашникова было бы полезно, что он здесь, под моим руководством, мог бы еще больше практически усовершенствоваться в преподавании и постепенно усвоить чувашский язык, т. к. большинство мальчиков — из чуваш, что дало бы возможность впоследствии быть хорошим учителем, знающим чувашский язык, а таких учителей, знающих чувашский язык, почти вовсе нет. Кроме того, в этом месте Калашников весьма будет полезен чувашским мальчикам, которые без руководителя не могут успешно учиться»[3].

Под руководством И. Н. Ульянова В. А. Калашников практически усовершенствовался в преподавании всех предметов с использованием родного языка учащихся. Теперь надо было утвердить его официально в должности учителя. 23 сентября 1871 г. инспектор направил на имя попе-

---

[1] ЦГА ТССР. Ф. 968. Оп. 1. Д. 160. Л. 27.
[2] **Рекеев А. В.** Воспоминания. Л. 18.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

чителя такое письмо: «В настоящее время в городе Симбирске образовалась чувашская школа из 13 мальчиков... Признавая весьма полезным и необходимым иметь для всех этих мальчиков особого учителя-руководителя и имея на это место окончившего курс в педагогических классах при Симбирском уездном училище Василия Калашникова, который месяца 4 занимается в этой школе, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство об исходатайствовании перед г. министром народного просвещения о назначении его с 1 октября с. г. особым учителем-руководителем для чувашской школы в г. Симбирске с жалованьем из сумм Министерства народного просвещения в количестве 300 руб. в год»[1]. Напомним, что Калашников работал в школе несколько месяцев бесплатно, не получая жалованья.

На все ходатайства И. Н. Ульянова и И. Я. Яковлева о выдаче Калашникову жалованья министерство долго отвечало молчанием. Инспектор вынужден был действовать через Ильминского, которому писал: «В Симбирске чувашская школа под руководством Калашникова идет хорошо. Одно меня беспокоит только, что до сих пор нет разрешения от министерства о жалованье Калашникову, и он, бедняга, едва перебивается. При случае не найдете ли возможным, Николай Иванович, спросить Петра Дмитриевича (Шестакова, попечителя Казанского учебного округа.— *Н. К.)* об этом и меня уведомить»[2].

К этому времени вернулся Рекеев, которого И. Н. Ульянов не исключил из числа стипендиатов, хотя тот долгое время находился на солдатской службе. После сдачи экзаменов за 1 курс педагогических курсов Рекеев получил стипендию за 8 месяцев — 64 руб. Из них 18 отдал Калашникову, остальные деньги передал в школьную кассу. 7 ноября 1870 г. министр Толстой ответил Шестакову: «В представлении Вашего превосходительства от 12 минувшего октября за № 350 объясняю, между прочим, на средства студента Казанского университета Яковлева воспитывается 4 чувашенина...

Желая предоставить сим воспитанникам возможность с успехом приготовить себя к званию учителей начальных народных училищ в инородческих селениях губерний Казанского учебного округа, я покорнейше прошу Вас сообщить мне сведения о том: какие денежные средства потребуются как в сем году, так и на будущее время на воспомощество-

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9941. Л. 120.
[2] Там же. Ф. 968. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.

вание означенным четырем чувашенинам впредь до окончательного приготовления их к учительским должностям»[1].

24 октября 1871 г. Яковлев сообщил в Симбирск Ульянову: «Вчерашний день получено здесь от министра об учреждении должности учителя для чувашских мальчиков, обучающихся в г. Симбирске, с назначением ему жалованья по 300 руб. в год. Вы, вероятно, официально получите на днях. Все сделано согласно Вашему ходатайству, исключая того, что в нынешнем году на содержание учителя отпущено только 37 руб. 50 коп., а не 75 руб., как Вы представляли и как попечитель, так что Калашников считается определенным не 1 октября, а 15 ноября. Должно быть, у министра денег нет в нынешнем году. Хорошо и это. Возместить труды Калашникова во всем, если он того заслуживает, Вы, Илья Николаевич, не в нынешнем, так в будущем, во всяком случае, имеете возможность... Позвольте теперь от души благодарить Вас, Илья Николаевич, за все то, что Вы сделали для школы»[2].

Вместо того, чтобы вознаградить Калашникова за бескорыстный труд в течение более четырех месяцев, министр просвещения счел нужным уплатить в 1871 году лишь половину испрошенной суммы (75 : 2 = 37 руб. 50 коп.), т. е. за три месяца (37 руб. 50 коп. : 3). Невольно вспоминаются слова В. И. Ленина о том, что «Россия бедна, когда речь идет о жалованье народного учителя. Им платят жалкие гроши... но Россия очень богата, чтобы кидать миллионы и десятки миллионов на дворян-тунеядцев, на военные авантюры...»[3]. В действительности Толстой не выполнил своего обещания.

В 1871 г. министерство выделило на содержание Симбирской чувашской школы 180 руб. квартирных, но никого не волновало: где и как, под чьей крышей она ютилась. Из-за отсутствия своего помещения чувашская школа, где обучались исключительно дети крестьян, в течение 9 лет оставалась «передвижной» и «передвигалась» она каждый год. За это время она перебывала в 10 купеческих квартирах, хозяева которых, однако, не отличались бескорыстием по отношению к «инородческому» просвещению. Кроме платы за постой, купцы требовали максимального участия в уборке садов, огородов и дворов. О том, что это произвол или беззаконие, не могло быть и речи, ведь школа должна была вы-

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9847. Л. 5.
[2] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 9. Д. 60. Л. 1.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 129—130.

стоять в «дворянском гнезде» Симбирска. Министерство народного просвещения в первое время выдавало лишь 15 руб. в месяц квартирных. Условия договора с купцами составлял и подписывал И. Н. Ульянов как официальное лицо губернского училищного начальства, что обязывало их строго выполнять договоры. Осенью 1871 г. И. Я. Яковлев нашел квартиру у купца Данилова на Дворцовой площади, но «нанять ее нужно было официальным порядком через официальное лицо от министерства, для чего Иван Яковлевич предложил это дело инспектору народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянову, который с купцом Даниловым заключил формальное условие. Квартира была нанята по 15 руб. в месяц»[1].

По данным отчета И. Н. Ульянова за 1872 г., Симбирская чувашская школа по постановке учебно-воспитательного процесса оказалась лучшей в сравнении с другими училищами, причем, как отмечалось, «из учителей обращают на себя внимание своим усердием к занятиям дела следующие: Василий Калашников...»[2].

5 октября 1872 г. И. Н. Ульянов представил попечителю официальное письмо, в котором особо подчеркнул важность улучшения прежде всего квартирных условий учащихся. «Вообще школа могла принести большую пользу,—указывал инспектор,—если бы не встречала затруднений в средствах содержания. В настоящее время на наем квартиры от министерства отпускается ежегодно 180 руб., но при увеличении числа учащихся почти вдвое, с 14 до 26, и по причине дороговизны квартир этой суммы оказывается недостаточно, тем более, что имеется в виду увеличить число мальчиков до 50 и, сверх того, завести женскую школу. С расширением школы необходимо назначить особую сумму на отопление, на наем сторожа, на книги, учебные пособия и другие надобности при школе. Независимо от того, весьма полезно научить чувашских мальчиков сапожному, столярному, переплетному мастерству и другим мастерствам.

На основании всего вышеизложенного имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего превосходительства перед. г. министром народного просвещения об усилении средств на содержание чувашской школы в г. Симбирске в следующем размере:

1) на отопление и освещение 150 руб.,

---

[1] ЧКРМ. Ф. И. Я. Яковлева. Инв. 9903/6. Л. 31.

[2] Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1872 год.—Казань, 1873. С. 20—21.

2) на наем сторожа 100 руб.,

3) на наем квартиры для школы, в дополнение к ассигнованным, 180 руб., вновь еще 220 руб.,

4) на книги, учебные пособия и другие надобности 100 руб.,

5) на обучение ремеслам, считая в том числе и материал 150 руб., а всего 720 руб., что с ассигнованными 640 руб. составляет 1360 руб».[1]

Приведенное письмо убеждает нас в том, что И. Н. Ульянов делал все от него зависящее для развития просвещения нерусских народов Поволжья.

С 1873 г. школа Яковлева стала получать от министерства 1360 руб. ежегодно, т. е. в два раза больше, чем раньше. Это было большим достижением и дало возможность и дальше увеличивать число обучающихся.

11 октября 1872 г. для библиотеки И. Н. Ульянов приобрел 16 названий книг и журналов. Среди них: «Семейные вечера» за 1867—1871 годы, «Рассказы о М. В. Ломоносове», «Ответы на обыкновенные вопросы детей», «Басни И. А. Крылова» и др. И. Я. Яковлев привозил из Казани разные книги и журналы. Все они аккуратно переплетались и подшивались самими учениками.

Ульянов организовал библистеки и в других «инородческих» школах Симбирской губернии. За 1881 г. им было приобретено 94 названия в 296 томах на сумму 101 рубль. По признанию «Журнала Министерства просвещения», «полный состав этих библиотек впервые приведен был в известность в 1871 г. по инициативе И. Н. Ульянова»[2].

1872 год Симбирская чувашская школа завершила успешно, имея 26 учащихся, небольшую библиотеку и одного учителя. Следующий обещал быть еще плодотворнее. Он вошел в ее историю как год начала массовой подготовки учителей для вновь открываемых сельских «инородческих» училищ в губернии. Часть учащихся продолжала учиться во втором классе педагогических курсов, другие готовились под руководством Калашникова. Среди них были и призывники в рекруты. Чтобы избавить их от предстоящей службы, не повторять того, что случилось с Рекеевым, И. Н. Ульянов заранее направлял их в Казань, в учительскую семинарию для сдачи экзаменов на звание учителя. Некоторых он направлял к Ильминскому, о чем свидетельствует письмо Уль-

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1. Лл. 51—52.

[2] Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 11. С. 30.

янова от 22 февраля 1873 г.: «Сегодня отправляются к Вам трое воспитанников Симбирской чувашской школы: Гавриил Ильмовский, Архип Богданов и Павел Айбесинский. По моему мнению, для них было бы весьма полезно поступить в Казанскую учительскую семинарию для дальнейшего образования. В случае их желания не откажите, Николай Иванович, помочь им. Опасаясь взятия их в рекруты при следующем наборе, я полагал бы дать им экзамен и снабдить свидетельствами на звание учителей»[1]. В своем отчете за 1873 г. И. Н. Ульянов сообщал такие сведения об учениках школы: «В отчетном году двое из воспитанников, по окончании курса в педагогических классах, назначены учителями Атяшинского и Кошкинского училищ Буинского уезда, двое помощниками учителей в чувашских училищах, а шесть человек поступили в Казанскую учительскую семинарию»[2].

Добившись увеличения средств на содержание Симбирской чувашской школы, И. Н. Ульянов приступил к организации в ней мастерских. Решено было поставить на прочную основу обучение сапожному мастерству, для чего в марте 1873 г. приобрели столы и необходимые инструменты. «20 марта,—писал Калашников Яковлеву,— в школе был Илья Николаевич, увидался с мастером, который отказался наниматься до пасхи. Для школы Илья Николаевич хочет закупить столы, конторки для учителей, рамки и еще кое-что нужное»[3].

Для нужд мастерских И. Я. Яковлев приобрел летом того же года учебные принадлежности на сумму 55 рублей. В августе школа оставила старую квартиру и переехала в дом Горбунова, где заняла весь второй этаж. В новом учебном году учащиеся начали практически изучать сапожное дело под руководством симбирского мастера А. Самойлова. С того же года обучение переплетному делу вошло в программу.

Ульянов и Яковлев ходатайствовали перед земством об увеличении сумм на содержание своих стипендиатов. Некоторых земских деятелей удавалось склонить к добровольному пожертвованию. В. Н. Назарьев и Д. А. Лазарев пожертвовали соответственно 814 и 338 рублей. Эти деньги были оставлены про запас, о чем 28 декабря 1873 г. Яковлев сообщил И. Н. Ульянову, что им было сдано на хране-

[1] ЦГА ТССР. Ф. 968. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.
[2] Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11011. Л. 94.
[3] Записки отдела рукописей (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Вып. 31.— М., 1969. С. 106.

ние в Симбирский оанк 1211 рублей. «Мною получена расписка, которую прилагаю при сем, я покорнейше прошу Вас принять ее на хранение впредь до потребования, т. к. живя в Казани большую часть года, считаю неудобным иметь эту расписку у себя»[1].

Придавая большое значение обучению ремеслам, Ульянов регулярно проверял выполнение программных требований. По словам ученика Яковлева Г. Алексеева, инспектор часто приходил в школу, иногда с сыном Александром, и «очень интересовался успехами учащихся по сапожному мастерству. Посещая школу, он обязательно заглянет и в мастерскую и интересуется работами учащихся»[2].

В начале 1874 г. в Симбирской чувашской школе обучалось 32 ученика, работали двое учителей. Рост числа воспитанников опережал размер выделяемых на их содержание средств. И. Н. Ульянов постоянно изыскивал дополнительные средства, обращаясь к земствам других уездов, чьи представители обучались в школе. 21 января 1874 г. он послал в Симбирскую уездную управу официальное отношение, в котором испрашивал 166 рублей за вновь принятых мальчиков, а 26 января такое же отношение направил в Чистопольскую уездную управу. Таких примеров, свидетельствующих о постоянных заботах инспектора о чувашской школе, можно привести много.

11 июля 1874 г. И. Н. Ульянов был назначен директором народных училищ Симбирской губернии и по-прежнему продолжал заботиться о чувашской школе в Симбирске: направлял ее воспитанников в Казань на получение звания учителя, устраивал на службе. Директор добивался от министерства и земств увеличения средств на содержание школы и учащихся, на обучение ремеслам. Ко времени возвращения Яковлева из Казани, т. е. к 1875 г., ее бюджет составлял 3418 рублей. Она из квартирной школы превратилась в учебное заведение с мастерскими, которое было переведено на бюджет министерства и местных земств и успело выпустить более 20 учителей.

И. Н. Ульянов продолжал оказывать действенную помощь Симбирской чувашской школе и тогда, когда вернулся к руководству И. Я. Яковлев. 26 января 1876 г. инспектор чувашских школ обратился в Симбирскую губернскую земскую управу с просьбой разрешить лечить больных учащихся своей школы. Управа отклонила просьбу своим отноше-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
[2] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 5. Д. 18. Лл. 2—3.

нием от 24 февраля, а врач Боровский даже отказался смотреть доставленного в больницу тяжелобольного ученика. Тогда И. Я. Яковлев обратился к И. Н. Ульянову, который 25 февраля того же года направил отношение во врачебное отделение губернского правления, в котором уведомил о том, что «Симбирская чувашская школа находится в ведении инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, имеющего пребывание в г. Симбирске»[1]. Лишь благодаря вмешательству И. Н. Ульянова больных учащихся начали лечить в городской больнице, а врачебное отделение признало И. Я. Яковлева как руководителя чувашских школ. В то же время правление поручило врачу Карамзинскому обследовать причины заболевания сыпным тифом некоторых воспитанников Симбирской чувашской школы. После обследования санитарно-гигиенических условий врач сообщил И. Н. Ульянову, что одной из причин возникновения болезни послужило несоответствие кубатур помещений количеству учащихся и просил расширить площади классов.

На основании представленной в апреле 1876 г. Яковлевым и Ульяновым врачебной справки Министерство народного просвещения выделило для чувашской школы в Симбирске 5700 рублей на приобретение ею собственного дома. 26 апреля того же года она получила свое здание. Однако только в 1877 г. школа заняла этот двухэтажный каменный дом. Открывались большие возможности для дальнейшего ее развития.

В последующие годы И. Я. Яковлев и И. Н. Ульянов занялись организацией мастерских по столярному, токарному и кузнечному ремеслам. Так к ранее созданным И. Н. Ульяновым переплетной и сапожной мастерским прибавилось еще три. Причем директор народных училищ добился выделения для этой цели около двух тысяч рублей от министерства и уездных земств Симбирской губернии. Не случайно И. Я. Яковлев в своем первом же отчете за 1876 г. писал: «Г. Инспектор народных училищ Симбирской губернии (ныне директор) И. Н. Ульянов всегда относился с большим вниманием к школе, входил в ее нужды и исходатайствовал для нее значительные денежные пособия от Министерства народного просвещения»[2].

И. Н. Ульянов до конца своей жизни поддерживал и защищал И. Я. Яковлева и его школу в высших губернских

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

[2] Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1876. № 3. С. 153.

инстанциях и в учебном округе. По словам А. Яковлева, «Илья Николаевич был советчиком, защитником, порой даже руководителем в трудные дни чувашской школы, а недостатка в этих трудных днях никогда, конечно, не было». Не защищай Илья Николаевич Ивана Яковлевича во всех инстанциях, отмечает он, существование Симбирской школы не продлилось бы долго. Школа, однако, не только не закрылась, но успешно развивалась и постепенно превратилась в центр просвещения чувашей.

Преобразование Симбирской чувашской школы в центральную и учительскую

После принятия 26 марта 1870 г. «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» в Поволжье благодаря заботам прогрессивных общественных деятелей значительно расширилась сеть школ для нерусского населения края, в результате чего в 1873 году Казанский учебный округ по числу народных училищ и учащихся в них занимал первое место по всей России. Однако учителей в них попрежнему не хватало. Это не раз отмечалось в официальных документах Министерства народного просвещения: в частности, в отчете министра за 1873 год было указано, что «более 500 училищ вовсе не имеют учителей, более 3000 остались, по необходимости, при учителях малограмотных, случайно попавших на педагогическое поприще и терпимых только потому, что их некем заменить, да и из остальных учителей только меньшая часть может быть признана удовлетворительной по своим познаниям и умению вести училищное дело»[1]. Учебных заведений, готовивших учителей, особенно для национальных окраин, было ничтожно мало.

В 1873 г. по всей России насчитывалось 42 учительские школы и семинарии. Особенно медленно открывались педагогические учебные заведения в Казанском учебном округе, который по числу учительских семинарий, наоборот, занимал одно из последних мест. Поэтому управление округа поощряло меры по использованию уже имеющихся учебных заведений для подготовки учителей. С 1875 г. при учительских семинариях стали открываться подготовительные классы, где желающим разрешалось экзаменоваться на звание учителя. В том же году в Казани решено было открыть татарскую учительскую школу.

[1] Журнал Министерства народного просвещения. 1875. № 8. С. 163.

Вступив в 1875 г. в должность инспектора чувашских школ Казанского губернского округа, Яковлев по-прежнему оставался руководителем и чувашской школы в Симбирске. Другого такого учебного заведения, которое выпускало бы учителей для чувашских школ с учетом нужд народа, в Поволжье не было. «Начиная с 1875 г. Симбирская чувашская школа приобретает значение и характер учительской семинарии, призванной удовлетворять нужды сельских школ в преподавательских силах»[1]. Подтверждением этих слов служит и учебная программа, которую Яковлев постоянно обновлял, включая в нее новые предметы. Большое место в ней отводилось практическим занятиям учащихся. Школа продолжала идейно руководить всеми чувашскими училищами, снабжала учебниками и учебными пособиями, направляла в училища своих воспитанников. Но по-прежнему она не имела права присваивать им звание учителя. Летом 1876 г. Яковлев ходатайствует перед управлением Казанского учебного округа о преобразовании Симбирской чувашской школы в учительскую семинарию, в управление Казанского учебного округа, а затем и в канцелярию Министерства народного просвещения представляет свой проект будущего чувашского педагогического учебного заведения и штатов для него. Однако министерство не удовлетворило просьбу и вместо создания крайне необходимого учебного заведения осуществило строительство при школе церкви. Только через год постановлением министерства просвещения от 4 апреля 1877 г. было официально разрешено готовить учителей для чувашских школ Казанского учебного округа в «Симбирской чувашской школе впредь до открытия в этом округе чувашской учительской школы»[2].

С этого времени и до 1890 г. она называлась Симбирской центральной чувашской школой. Ее воспитанники пользовались теми же правами и льготами, что и выпускники учительской семинарии и уездного училища. Им представлялись льготы в отбывании воинской повинности, в освобождении от натуральных налогов и др. Будущие учителя изучали закон божий, главные основания педагогики, русский и церковнославянский языки, главные основания геометрии, землемерие, линейное черчение и рисование, русскую историю вместе с всеобщей, русскую географию вместе с всеобщей, главные сведения для понимания явлений природы, чистописание и пение, ремесла и гимнастику. Серь-

[1] **Яковлев И. Я.** Краткий очерк Симбирской чувашской школы.— Симбирск, 1915. С. 6.

[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 6. Л. 148.

езное внимание уделялось изучению родного и русского языков, обучению хоровому пению на родном и русском языках. Выпускник Казанской инородческой учительской семинарии А. П. Петров (Туринге) в конце 70-х годов организовал здесь оригинальный хор мальчиков, завоевавший большую популярность в Симбирске. Его приглашали в городские церкви, на земские собрания, а чувашские крестьяне, по словам Ильминского, приезжали слушать пение хора за 100 верст. Стройное пение мальчиков подметил также И. Н. Ульянов: «На чувашском и русском языках особенно на первом... любят слушать как мужчины, так и женщины из чуваш, приезжающие в базарные дни в город и заходящие послушать пение».

Постепенно школьное образование начало охватывать и чувашских женщин, удельных крестьянок.

Первое женское училище для обучения русской грамоте удельных крестьян Симбирской губернии было открыто в 1845 г. крестьянкой Кузьминой из с. Солдатская Ташла в то время, когда Симбирской удельной конторой управлял С. П. Глинка. Департамент уделов признал это училище в 1846 г. и приказал обучать девочек домоводству. В 1845 г. для девочек из семей удельных крестьян в Алатыре открыли хозяйственное училище сроком обучения 4 года. В программу входили: закон божий, чтение, счет, садоводство, уход за скотом, приготовление пищи, обработка льна и изготовление из него ткани, искусства окрашивать нить, рукоделие, литье свечек. 23 сентября 1848 г. Министерство императорского двора утвердило проект строительства третьего женского училища в Симбирской губернии. В 1850 г. училище было открыто вблизи г. Симбирска, оно имело 6 десятин земли. В 1859 г. Департамент удельного ведомства приказал построить женское училище в чувашском селе Туруново (Батыревского приказа). Однако Белокрысенко переубедил Департамент обучать чувашских девушек в Симбирском женском училище, в котором в это время обучалось 20 чувашских девушек. После окончания училища они обязаны были распространять грамотность среди своих сородичей. 11 ноября 1859 г. Департамент приказал использовать выделенные стройматериалы для Туруновского женского училища для расширения местной церкви, а для обучения в Симбирском женском училище «выбрать в чувашских селениях 10 природных чувашек 10—12 лет, имеющих крепкое телосложение, без всяких физических недостатков, притом из тех селений, где нет учительниц, школ, дабы со временем они, по выходе из училища могли сами быть нас-

тавницами»[1]. К началу 1860 г. десять девочек-чувашек из Буинского уезда и десять из Самарской удельной конторы были доставлены в Симбирское женское училище.

Однако женское образование среди чувашей не прививалось. Поэтому И. Я. Яковлев, еще будучи студентом университета, в декабре 1870 г. в своей докладной записке на имя попечителя Казанского учебного округа указывал на необходимость просвещения чувашских женщин, на организацию для них особых школ[2]. Однако учебный округ, Министерство народного просвещения не реагировали на это заявление-записку, подготовленную для министра Д. А. Толстого. Яковлев не переставал думать о создании школы для чувашских женщин. «Я знал о тяжелом положении чувашской женщины в деревне,—вспоминал он,—которое мало чем разнится от такого же положения русской крестьянской женщины. Но мне не случалось видеть, чтобы русские женщины пахали и косили. А у чувашей это практикуется. Мне казалось несправедливым, чтобы в то время, когда для чуваша-мужчины открывалась дорога к просвещению, женщины-чувашки оставались бы в невежестве. Мне рисовалось, что из школы выйдут в народ чувашский опытные учительницы»[3].

В 1878 г. И. Я. Яковлев снова поднял вопрос о просвещении чувашских женщин. На этот раз он предложил открыть при Симбирской чувашской школе женское отделение с курсами двухклассного училища.

Министерство народного просвещения, сославшись на отсутствие средств в связи с войной*, которую вела царская Россия с Турцией, отказалось его открыть. В то же время Яковлеву было предложено подыскать для женского училища такое место, которое бы по своему расположению находилось в центре чувашского края. Наиболее подходящими он считал Ядринский, Цивильский и Буинский уезды. Но на его предложение откликнулось лишь Туруновское сельское общество Буинского уезда, содержавшее женскую школу в церковной караулке. Общество хотело пре-

---

[1] Симбирские губернские ведомости. 1863. № 47.

[2] См.: **Яковлев И. Я.** Из переписки. С. 54.

[3] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 188.

* В связи с войной Казанский учебный округ объявил сбор средств среди учебных заведений для раненых и их семейств. И. Н. Ульянов внес 10 руб., И. Я. Яковлев — 7 руб. 50 коп., учителя Симбирской чувашской школы — 5 руб. 50 коп., ее учащиеся — 1 руб. 2 коп. (Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1877. № 4. С. 250, 311). В дальнейшем собирали средства на покупку крейсеров, в чем никто из вышеуказанных лиц участие не принимал.

образовать ее в двухклассное училище. Яковлев не мог согласиться с этим, так как Турново являлось слишком глухим селом, где возможность общаться с русским населением исключалась. Он настаивал на организации нового училища при Симбирской чувашской школе, куда, по его мнению, «в незначительном числе могли быть принимаемы и русские, присутствие которых, с условиями городской жизни и обстановки, вне влияния чувашской среды, естественно, содействовало бы усвоению русского языка чувашскими девушками и вообще способствовало бы их умственному и нравственному развитию»[1]. Яковлев указывал на то, что Симбирская чувашская школа во многом поможет в организации женского училища своим опытом и педагогическими кадрами. В заключение своего представления попечителю он просил выделить 1691 рубль на организацию женского училища в Симбирске, которое он наметил открыть во второй половине 1878 г. В течение семи месяцев со дня представления ответа на него не было. И. Я. Яковлев, не дожидаясь официального разрешения, начал набор девушек в будущее женское училище. В августе 1878 г. сюда прибыла 18-летняя девушка по имени Анастасия из села Городищи Буинского уезда, в сентябре привезли еще троих, круглых сирот, а затем — еще шестерых из села Тюрлема и деревни Семинчино Цивильского уезда. Через несколько дней приехали родители, чтобы увезти девушек. «Доселе неслыханное дело, чтобы чувашские девушки убегали в город. Подумайте о том, за кого вы после выйдете замуж». Все девушки наотрез отказались ехать домой. После этого родителям ничего не оставалось делать, как оставить Ивану Яковлевичу наказ: «Богом, должно быть, так написано и определено, пусть наши дочери учатся. Вырастили, вспоили мы их, а теперь отдаем в твои руки, смотри за ними строго, сбереги их доброе имя, не обесславь, не опозорь наши доселе честные, незапятнанные семьи и роды». О свершившемся факте открытия женского училища при Симбирской чувашской школе Яковлев уведомил учебный округ 29 сентября 1878 г. «В текущем сентябре в Симбирскую чувашскую школу поступило 11 девочек из Казанской и Симбирской губерний. Число поступающих постоянно растет, для них приготовлена особая комната. Все расходы впредь до открытия женской чувашской школы в Симбирске приняты мною на собственные средства»[2].

---

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12697. Л. 35.
[2] Там же. Л. 44.

12 октября это сообщение было представлено Д. А. Толстому, который 28 октября 1878 г. ответил попечителю Казанского учебного округа: «Объявить г. Яковлеву мою искреннюю благодарность за это полезное учреждение и пожертвование»[1]. Вместе с тем он не выразил даже готовности министерства поддерживать школу материально, хотя Яковлев неоднократно об этом просил.

Так, помимо министерства, при Симбирской школе возникло женское отделение. Заведование им Яковлев поручил своей жене Екатерине Алексеевне, урожденной Бобровниковой, приемной дочери Н. И. Ильминского. «Мысль об устройстве при Симбирской чувашской школе и женского отделения—училища была у меня давно. Но я не осуществлял ее до тех пор, пока не женился. Устройство женского отделения совпало у меня с моей женитьбой. Если бы я, будучи холостым, устроил женское отделение, то это только дало бы повод моим врагам создать сплетни о моей безнравственности»[2].

В женском отделении в течение ряда лет Екатерина Алексеевна работала бесплатно, выполняя обязанности наставницы и учительницы рукоделия. По словам Яковлева, в первые 10 лет она «была единственной учительницей и воспитательницей в женском училище. Без ее согласия на бесплатную службу училище это не могло быть открыто... Она стремилась не только дать ученицам надлежащую педагогическую подготовку, но и воспитать из них примерных жен и матерей»[3].

В женщине Яковлев видел могучую силу возрождения культуры народа и потому не жалел ни времени, ни сил, ни средств для воспитания будущих учительниц, матерей. Не случайно женское училище первоначально содержалось на его личные средства вплоть до 1881 г. О значении женского образования он писал: «Не подлежит сомнению огромное воспитывающее влияние женщины, как матери, жены, учительницы на воспитание поколений и уклад жизни подрастающих поколений. Женщина является верным проводником культурных начал в семье, сокровенные уголки народной жизни часто доступны только ей одной. Вместе с тем, она является крепительницей лучших заветов и приобретений старины, нравственных сокровищ общежития, является си-

---

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12697.
[2] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 188.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1151. Л. 11.

лой, сдерживающей, предостерегающей от часто ложных исканий и научных опытов»[1].

Фактически женское отделение (училище), открытое в 1878 г., явилось первым чувашским женским учебным заведением в дореволюционной России. Подводя итоги развития женского образования среди чувашей, И. Я. Яковлев писал: «Чувашские девушки оправдали мои надежды. Из чувашской школы вышло много хороших учительниц для сельских школ. Между чувашками оказались даже даровитые личности, так что десять бывших воспитанниц Симбирской чувашской школы пошли далее, получив высшее образование на Петербургских, Московских женских курсах и в педагогическом женском институте»[2]. Такими являлись: А. И. Иванова, А. И. Ларионова, В. П. Назарова, М. В. Свешникова, А. Сергеева и др.

В том же 1878 г. при Симбирской центральной чувашской школе Яковлев организовал мужское начальное училище, выделив младший класс в отдельное учебное заведение. Оно должно было стать как бы приготовительной школой для поступления в центральную и базой, где будущие учителя пройдут педагогическую практику. В 1879 г. центральную школу окончило 16 учащихся. Это был ее первый выпуск. Некоторые впоследствии стали известными педагогами-учеными: Н. М. Охотников, П. М. Миронов — автор более 10 учебников по математике и другие.

Об открытии мужского училища Яковлев сообщил попечителю округа только через год, 30 декабря 1879 г.: «В сентябре 1878 г. при Симбирской чувашской школе было открыто начальное народное училище с тремя отделениями. В 1878/79 учебном году в нем обучалось 35 учащихся, а в текущем учится 17. Все содержатся на частные средства»[3]. Яковлев просил попечителя ходатайствовать перед министром о выделении средств, начиная с 1880 года: на содержание мужского начального училища — 480 рублей, на нужды женского — 1975 рублей.

29 марта министр Д. А. Толстой ответил Шестакову, что в распоряжении министерства нет таких сумм и что «ввиду известного Вам предложения преобразовать Симбирскую центральную школу в учительскую» он находит «более удобным обсуждение вопроса об открытии при ней практического начального училища отложить до упомянутого

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 389. Л. 1.
[2] Яковлев И. Я. Воспоминания. С. 188—189.
[3] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12697. Л. 48.

преобразования»[1]. На содержание женского отделения министр обещал выделить средства только с 1881 г.

Таким образом, школы уже существовали, но царское министерство не торопилось их даже поддерживать.

К весне 1880 г. личные сбережения Яковлева были исчерпаны, и он вынужден был сообщить попечителю учебного округа: «Воспитанники учительских классов Симбирской центральной чувашской школы, начального при ней училища и воспитанники женского отделения по неимению средств на содержание мною распущены с 24 сего апреля по 25 августа сего года»[2].

Подобное случилось и в 1876 г., когда школа не имела средств для найма квартиры и учащиеся были распущены по домам.

При Симбирской центральной чувашской школе кроме начальных училищ существовали различные мастерские. В 1886 г. для них было построено одноэтажное каменное здание. В 1888 г. Яковлев добился передачи школе библиотеки и учебно-наглядных пособий закрытой Самарской учительской семинарии. Большую часть своего дома он превратил в классные помещения, приобрел несколько близлежащих домов с огородами и садами, благодаря чему расширилась ее территория и пришкольный участок. Все это укрепило материальную базу школы и дало возможность снова заговорить о ее преобразовании в учительскую семинарию или школу.

Устав будущей учительской школы И. Я. Яковлев разработал еще в 1885 г. В этом помогали ему Н. И. Ильминский и попечитель Казанского учебного округа П. Н. Масленников. Устав был выработан сравнительно быстро, но затем около пяти лет провалялся в Министерстве народного просвещения без движения. По мере того, как развивалась жизнь школы, программа ее, в сравнении с первоначальным уставом, увеличивалась качественно и количественно.

После многократных ходатайств Яковлева лишь в 1890 г. Министерство разрешило преобразовать центральную чувашскую школу в учительскую, а представленный устав передало в канцелярию правительства, на основе которого император Александр III 6 февраля 1890 года утвердил Положение о Симбирской чувашской учительской школе с 24 пунктами (см. приложение № 4).

Создание учительской школы явилось неоценимым вкла-

---

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12697. Л. 52.
[2] Там же. Л. 59.

дом в дело развития чувашской национальной культуры. Она считалась первым средним профессиональным учебным заведением в истории чувашского народа. К 1917 г. из его стен вышло более 1000 народных учителей. В то же время эта школа служила базой для подготовки национальных кадров по литературе, искусству, музыке, сельскому хозяйству, науке, технике и другим отраслям знаний.

Программа школы постепенно расширялась. Первоначально в нее входило 16 предметов, а впоследствии — более 20. Для прочного изучения основ наук при школе были организованы различные учебно-производственные мастерские, в которых учащиеся могли работать в свободное время по избранной специальности, например, токаря, слесаря, столяра и т. д. Все учебные занятия, самостоятельные работы проходили по расписанию, включенному в общий режим дня. Вот это расписание:

6 часов	— подъем
6.30	— утренняя молитва в церкви
7.00	— завтрак
8.30—13.30	— учебные занятия
11.30	— обед
13.30—15	— свободное время
15—17	— работа в мастерских (зимою) для учащихся юношей II класса
	— в саду (летом, весною, осенью) для учащихся I и II классов
	— игра на скрипке для учащихся III класса
	— под праздники хоровое пение
	— рукоделие, спевка для девочек
18—20.30	— выполнение домашних работ
20.20—21	— ужин
21—22	— свободное время. Вечерние молитвы (обычно в церкви)
22.00	— начало сна

И. Я. Яковлев постоянно стремился к созданию необходимых условий для подготовки высококвалифицированных для того времени сельских учителей. С этой же целью он мечтал обучать будущих учителей основам сельского хозяйства. В Симбирске с 1859 г. существовало общество сельского хозяйства. Первоначально оно имело 150 десятин земли, выпускало свой журнал «Волжский вестник», но из-за отсутствия подписчиков издание было прекращено. И. Я. Яковлев тоже вступил в это общество.

В декабре 1892 г. Иван Яковлевич обратился с докладной запиской в Симбирское общество сельского хозяйства, в которой просил передать школе один из заброшенных участков с фермой. Помещица Перси-Френч, претендовавшая на этот участок, затеяла с ним тяжбу. Собрание членов общества решило, однако, тяжбу в пользу школы, и ей было передано более 150 десятин земли с фермой на шесть лет с условием, что И. Я. Яковлев будет представлять обществу ежегодный отчет о ее состоянии. Благодаря ферме в школе весьма успешно осуществлялось соединение умственного и физического труда, поддерживалась преемственность трудовых традиций. Сами учителя и учащиеся участвовали в управлении фермой, в сельскохозяйственных работах. На ферме почти не было подсобных рабочих, кроме конюха, сторожа и заведующего складами. За каждым учащимся закреплялись грядки, рабочий инвентарь и определенное количество скота, за состояние которых он отвечал. На ферме было организовано дежурство учащихся.

Яковлев изучал опыт учебных заведений России, в которых преподавалось сельское хозяйство: он установил творческие связи с руководителями Уржумского трехклассного городского училища, Бирской «инородческой» учительской школы, Успенской сельскохозяйственной школы Владимирской губернии, Череповецкой учительской семинарии, Казанского земледельческого училища. От них он получил много ценных советов о путях повышения рентабельности фермы. На основании изучения опыта других заведений он написал в 1893 г. правила преподавания сельского хозяйства, утвержденные 1 февраля 1894 г. министром Государственных имуществ. Правила содержали 10 пунктов:

1) С целью распространения среди инородческого населения края сельскохозяйственных знаний в Симбирской чувашской учительской школе вводится в круг обязательных предметов обучение воспитанников сельскому хозяйству. Сверх того, в летнее время при школе устраиваются, по мере возможности, курсы для народных учителей по некоторым отраслям сельского хозяйства.

2) Практические занятия учащихся по сельскому хозяйству производятся на состоящей в ведении названной школы ферме Симбирского сельского хозяйства.

3) Теоретические сведения по сельскохозяйственным отраслям преподаются в двух последних классах учительской школы, т. е. во II и III классах, а для практических занятий по этим предметам назначаются два лета: одно при перехо-

де воспитанников из II в III класс, а другое по окончании полного курса.

4) С целью подготовления учеников к прохождению сельского хозяйства в первом классе учительской школы проходится краткий курс естествоведения, преподавание которого возлагается на учителя сельскохозяйственных предметов.

5) Для преподавания этих предметов, для практических занятий с учениками по сельскому хозяйству и для общего заведования хозяйством фермы определяется в учительскую школу особый учитель из лиц, окончивших курс в средних сельскохозяйственных учебных заведениях Министерства Государственных имуществ, с содержанием по 700 рублей в год.

6) На того же учителя возлагается также руководство упомянутыми курсами для народных учителей, сообразно с указанием Департамента земледелия и сельской промышленности. Равным образом он обязан вести общую отчетность по хозяйству фермы, под непосредственным наблюдением инспектора учительской школы.

7) В помощь учителю сельского хозяйства для практических занятий с учениками нанимается ученый рабочий из окончивших курс в низшей сельскохозяйственной школе с содержанием по 240 рублей в год.

8) На учебные пособия по указанным сельскохозяйственным отраслям, в том числе и на покупку семян и усовершенствованных орудий, отпускается по 260 рублей в год.

9) По окончании каждого гражданского года учитель сельскохозяйственных предметов представляет в Педагогический совет школы подробный отчет о ходе обучения означенным предметам учеников школы и народных учителей (на курсах) и о состоянии фермы, а равно о приходе и расходе хозяйственных сумм и об употреблении упомянутого пособия Министерства Государственных имуществ. Этот отчет представляется не позже 1 марта следующего за отчетным года в Департамент земледелия и сельской промышленности.

10) Наблюдение на месте за ходом означенного обучения, если окажется нужным, возлагается на чинов, командируемых Министерством Государственных имуществ[1].

Для теоретического изучения основ сельского хозяйства в программу учительской школы И. Я. Яковлев ввел такие

[1] Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1893. № 3. С. 137—138.

предметы, как ботаника, физиология и анатомия растений и человека, зоология, минералогия, которые в их связи с земледелием приобретали в школе практическое значение. Н. К. Крупская писала, что «...зная жизнь растений, ученик будет знать, как надо эти растения сажать, как получить максимум урожая; он будет знать, как вести земледелие. Только благодаря тесной увязке ботаники с земледелием ботаника получает общественное значение»[1].

Теоретические знания биологии позволяли учащимся проводить самые различные опыты на пришкольном участке, ферме, благодаря чему они могли работать впоследствии садоводами и овощеводами. Выпускник Симбирской чувашской учительской школы 1899 г. В. Г. Егоров, видный чувашский ученый, писал: «С каким, бывало, удовольствием, радостью мы занимались на ферме и в саду или над прививкою дичков, или над окучиванием овощей, или над определением приблизительного возраста лошади или коровы и т. д. Интересы к садоводству и другим отраслям сельского хозяйства, пробудившиеся во мне в школе, сохраняются у меня до сих пор»[2].

В 90-х годах в течение шести лет будущие учителя изучали сельское хозяйство и смежные науки в такой последовательности.

I класс. Ботаника, систематика растений, зоология. В последующих классах учебные программы усложнялись. Рассмотрим программы II и III классов, чтобы убедиться в профессиональной подготовке учителей широкого профиля.

ВТОРОЙ КЛАСС

Садоводство

Плодовый питомник и его подразделения. Способы размножения растений — естественный и искусственный. Плодовый питомник. Условия, которым должен удовлетворять питомник. Почва, климат и местонахождение, потребные для питомника. Породы деревьев, способных служить дичками.

Школа сеянцев. Размножение растений семенами. Время посева, выбор семян, очистка и сортировка их. Различные способы сохранения семян. Искусственное приращивание семян перед посевом. Разбивка грядок. Обработка почвы и

---

[1] Крупская Н. К. Сочинения. Т. 3. С. 113.

[2] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 16. Д. 17. Л. 9 (публикуется впервые).

ее удобрение. Посев рядовой и разбросный. Враги посевных грядок. Прореживание сеянцев. Пикировка сеянцев на особые пересадочные гряды. Размножение плодовых растений корневыми побегами, отводками, черенками, глазками и кусками корней. Пересадка дичков из школы сеянцев в питомник и уход за ним, предшествующий прививке.

Различные способы прививки плодовых деревьев. Понятие о прививке и ее значении. Влияние дичка на прививку и обратно. Прививка в расщеп. Прививка под кору. Заготовление черенков для прививки весенней. Уход за молодыми деревьями вслед за прививкой черенком. Окулировка и виды ее (спящим или растущим глазком).

Воспитание привитых дерев. Естественная форма дерев: а) штамб, б) полуштамб, в) куст. Воспитание груши и яблони в штамбовой и полуштамбовой форме по методике Дитриха. Главнейшие искусственные формы дерева: а) пирамида, б) пальмета простая, в) кордонная форма. Приемы, которых надо придерживаться при формировании дерев.

Выбор плодовых сортов для питомника. Основания выбора фруктовых сортов для питомника, соответственно местным условиям. Племенные и сортовые деревья и значение их в питомнике.

Выбор места для плодового сада. Посадка дерев в плодовом саду. Время посадки. Подготовительные работы: разбивка сада, копка ямок, размеры и расстояния их. Выбор молодых деревьев. Приготовление дерев к посадке. Обрезка кроны и корней. Посадка дерев. Установка кольев.

Уход за насаженными деревьями. Подрезка ветвей в первые годы после посадки. Очистка и прореживание ветвей у взрослых деревьев. Моложение кроны. Исправление порочной кроны. Переприви́вка дерев. Защита штамба от врагов. Прорезка коры в молодом возрасте, очистка коры. Обмазка ран. Уход за корнями. Обработка земли кругом дерева. Удобрение.

Болезни плодовых дерев. Вредное действие морозов и других неблагоприятных климатических условий. Болезни корня. Болезни коры. Болезни листа, плода. Болезни дерева.

Враги плодового дерева. Зайцы, мыши и птицы. Бабочки. Жуки. Тли и пилильщики. Общие замечания.

Сбор, сохранение и упаковка плодов. Устранение вредного обилия плодов. Определение времени спелости и сбора плодов. Сохранение семенных плодов. Упаковка пересылаемых плодов.

Учебником служила книга Раевского «Плодовая школа».

Огородничество

Условия разведения огорода. Местонахождение. Почва. Вода. Удобрение. Запасы земли.

Устройство огорода. Севооборот на огороде. Раздел огорода. Устройство гряд. Огородный инструмент.

Парники. Значение парника и условия его расположения. Устройство парников. Набивка парников навозом и землей. Первые гряды и рассадники.

Огородные растения. Разделение огородных растений. Одно-двух-и многолетние огородные растения. Новые сорта овощей и улучшение существующих.

Огородные семена. Достоинство семян. Мочка и проращивание семян. Заготовление огородных семян. Сохранение на зиму огородных овощей (семенных). Весенняя пересадка огородных семенных овощей и уход за ними. Сбор и сохранение семян.

Посев огородных растений и уход за посевом. Посев в парниках. Уход за посевом в парниках. Посев семян на грядках без рассады. Уход за посевом на грядах. Пересадка рассады из парников в грунт.

Отдельное рассмотрение некоторых огородных растений, а именно: капусты кочанной, моркови, свеклы, картофеля, огурцов, редиса, лука репчатого, гороха, пряных растений (петрушки парниковой и лиственной, сельдерея обыкновенного, укропа, эстрагона, тмина и чабера). Условия разведения этих растений. Семена и заготовление их. Посев и уход за посевом. Созревание, уборка, пользование и сохранение огородных растений. Сорта.

Учебником служила книга В. Д. Кренке «О сельском хозяйстве». Вып. V, VI.

III КЛАСС

Растениеводство общее

О почве. Разные роды почвы. Почва глинистая, суглинистая, песчаная, супесчаная, мергелистая, известковая, перегнойная, черноземная, подзолистая, солончаковая и каменистая.

Земледельческие орудия. Общие замечания. Соха и плуг. Борона. Катки. Сеялка. Запашник. Окучник. Молотилка.

Удобрения. Удобрение почвы хлевным навозом. Зависимость навоза от подстилки и содержания животных. На-

возные хранилища. Навозная жижа. Употребление навоза, получаемого от разного рода животных.

Разные средства для удобрения. Общие замечания. Известь, гипс. Зола. Птичий помет. Компост. Фосфорит и суперфосфат. Зеленое удобрение. Паровое удобрение.

Обработка почвы. Пахание. Глубина пахания. Ширина пластов. Боронование. Укатывание. Обработка парового поля. Обработка под яровые посевы. Успех работы.

Семена. Достоинство семян. Проба всхожести семян. Вес семян и крупность зерна. Свежесть семян, хранение и перемена их. Домашнее заготовление семян. Мочка семян и очистка их от головни и ржавчины.

Посев, разные способы посева. Глубина посева. Количество семян для посева. Смешанные посевы.

Уход за посевом. Предохранение от подмочки. Боронование и укатывание посевов. Подкашивание озимей. Ломание яровых посевов. Мотыжение и полотье. Созревание растений. Время жатвы. Способы жатвы. Вязка снопов и величина их. Укладка хлебов в поле. Укладка хлебов на гумне.

Молотьба и веяние. Молотьба овсяного хлеба. Молотьба сыромолотом. Веяние, сортировка и сушка зерна.

Урожай хлебных продуктов. Урожай зерна. Урожай соломы и мякины.

Содержание хлебных продуктов. Амбар. Сбережение зерна. Сбережение муки и крупы. Сбережение соломы и мякины.

Частное растениеводство

Отдельно были рассмотрены культуры следующих полевых растений: ржи озимой, пшеницы яровой, ячменя, овса, проса, гречихи, полевого гороха, чечевицы, льна, конопли, подсолнечника, картофеля, моркови, свеклы кормовой.

Учебником служила книга В. Д. Кренке «О сельском хозяйстве». Вып. I и II[1].

Программы составил преподаватель естествоведения и сельского хозяйства Б. Лапин.

Ко всему этому следует добавить, что будущие учителя изучали также пчеловодство, животноводство и овощеводство. Из Симбирской чувашской учительской школы ее выпускники привозили с собой в отдаленные деревни рассa-

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 11. Д. 23473.

ды фруктовых деревьев, семена плодоносных культур и т. д. Ферма школы имела питомник, теплицу, большой семенной фонд.

За четыре года аренды фермы (она была досрочно возвращена обществу сельского хозяйства) Яковлев превратил ее в образцовое хозяйство. В 1896 г. она дала школе 1633 рубля дохода. На полях, засеваемых высокоурожайными культурами, вместо четырехпольного был введен восьмипольный севооборот, земля ежегодно удобрялась торфом, навозом. Силами учащихся и учителей было отремонтировано несколько зданий, на средства Министерства земледелия и общества сельского хозяйства приобретено два дополнительных здания и значительное количество скота, которого в 1894 г. насчитывалось более 90 голов. К слову сказать, для приобретения его Яковлев жертвовал и личные средства. По признанию члена совета министра народного просвещения П. А. Бобровникова, в царской России не было больше ни одного педагогического учебного заведения с такой богатой сельскохозяйственной фермой, учебными мастерскими, какие имела Симбирская чувашская учительская школа[1]. Вплоть до 1896 г. на ферме будущие сельские учителя обучались земледелию, скотоводству, огородничеству, пчеловодству и хмелеводству. В том же году она была возвращена обществу сельского хозяйства: при нем организовали сельскохозяйственное училище.

История его открытия такова.

Еще 5 ноября 1894 г. И. Я. Яковлев представил в Министерство земледелия свой проект организации в Симбирске низшей сельскохозяйственной школы 1 разряда. В сопроводительном письме на имя министра автор проекта выразил мысль о своей готовности посвятить все силы «организации этого дела, чтобы будущая школа принесла, насколько возможно, большую пользу хозяйству нашей губернии»[2].

Представленный проект был утвержден, а Яковлеву объявлена благодарность. Из Петербурга сообщили, что «проект положения о низшей сельскохозяйственной школе Министерства земледелия и государственных имуществ одобрило и представило его Симбирской губернской земской управе и Совету общества сельского хозяйства для открытия школы...»[3].

Один из самых влиятельных членов Совета Симбирского

---

[1] Канаш. 1918. 14 мая (на чув. яз.).
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 123. Л. 21
[3] Там же. Л. 25.

общества сельского хозяйства, предводитель Буинского дворянства А. А. Головинский признал в 1895 г., что «задача чувашской школы — распространять сельскохозяйственные знания через учителей, получивших образование и достигнет своей цели, но потребность как крестьянского, а в особенности владельческого хозяйства, не будет чувашской школой удовлетворена. Поэтому необходимо открыть особую, специальную сельскохозяйственную школу»[1]. Такая школа (училище) была открыта в Симбирске 1 октября 1896 года. Инициатором и организатором этого училища был И. Я. Яковлев, убедивший своим многолетним опытом губернское начальство в необходимости более широкого распространения сельскохозяйственных знаний среди крестьян. Симбирское губернское земство в первом же учебном году (1896—1897) предложило Яковлеву быть председателем Педагогического совета этого училища. Однако он отказался, будучи занят чувашскими школами Казанского учебного округа. По его же предложению управляющим училища и председателем Педагогического совета был назначен В. В. Немыцкий, преподаватель сельского хозяйства Симбирской чувашской учительской школы.

Открытие сельскохозяйственного училища в Симбирске вновь расстроило планы И. Я. Яковлева. Ведь он хотел открыть его не в городе, а в деревне, прежде всего в Кошках-Новотимбаеве, на своей родине, чтобы распространять полезные знания среди крестьян, улучшить материальные условия их жизни. Еще раньше он планировал организовать в Симбирске классическую прогимназию для подготовки талантливой чувашской молодежи к поступлению в гимназию, которая открывала доступ в университет. Именно подобный путь прошел сам Яковлев. Однако эту идею не поддержал попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков по тем мотивам, что Яковлев отвлекается на посторонние дела, забывая главную свою обязанность — создавать начальные школы среди чувашского населения. Конечно, эта идея также была оставлена. Получилось очень странно: ему запретили то, что он хотел организовать в Симбирске, а позднее в Симбирске открыли то, что он желал иметь в деревне. Однако И. Я. Яковлев не унывал, а стремился реализовать отнятые идеи в Симбирской чувашской учительской школе.

Под руководством И. Я. Яковлева с каждым годом школа расширяла учебные программы, усиливала свои связи с ши-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 147. Л. 139.

рокими слоями населения. Крестьяне, приезжавшие в город, приобретали здесь семена, рассады овощей, саженцы фруктовых деревьев. В 1911 г. школа приобрела в собственность около 300 гектаров земли. В 1912 г. на приобретенном участке началось строительство фермы, складских помещений и жилых домов, закладка парников, на что много личных средств потратил сам Яковлев, отрывая от своей семьи. 14 ноября 1913 г. Е. А. Яковлева писала своему сыну Алексею: «Сейчас папа (И. Я. Яковлев.—*Н. К.*) вытягивает из дома все, что возможно —и жалованье, и пенсию — целыми неделями приходится сидеть без денег, занимая на мелкие расходы по трешнице по всему двору. Мелкие долги растут как грибы после дождя, а говорить о них с папой совершенно нельзя — он раздражается и завел теперь новую моду — не говорить со мной по несколько дней кряду. Я, конечно, понимаю, что он сам мучается своими долгами и боится, как бы не умереть, оставив все в таком виде, но помочь ему не могу, не умею. Делаю вид, что ничего не знаю и объясняю его молчание нездоровьем»[1].

Конечно, старший сын Алексей знал характер отца, его преданность интересам народа. Поэтому в беседах Алексей часто упрекал отца в том, что он не бережет сил, здоровья, слишком увлекается планами развития просвещения и т. д. На подобные упреки И. Я. Яковлев отвечал вопросом: «В чем же тогда смысл жизни человека?»[2]. Да, И. Я. Яковлев вышел из народа и трудился для народа. Это проявлялось всюду, даже в строительстве фермы, на что он истратил более 20 тыс. своих личных средств.

Ферма школы представляла собой целый хозяйственный комплекс. Она почти полностью обслуживалась учащимися и учителями. При постройках, ремонте зданий со специалистами они выполняли сложнейшие работы, а нужные детали изготовляли в мастерских. Учащиеся и учителя расчищали и сравнивали вновь приобретенные усадьбы, разводили сады и огороды, перекапывая и удобряя почву, сажая, выращивая деревья и овощи. В школе весною и осенью проводили праздники древонасаждений, принимавшие массовый характер.

В 1912—1913 гг. на приобретенном земельном участке учащиеся и учителя расчищали лес, собирали камни, выкорчевали пни, сравнивали или укрепляли овраги, осушали болота, разбили сад с питомником, провели дороги, построили

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 2. Д. 53. Л. 2 (публикуется впервые).
[2] ОРГПБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 236 (публикуется впервые).

три деревянных жилых дома, конюшни, амбары, коровник на 40 мест, подвал для хранения корнеплодов, два сарая для сельхозмашин, два погреба, баню, купальню для учеников, водопровод, 6 мостов через речки, парник на 76 рам, прачечную и т. д. На сэкономленные деньги купили четыре лошади и др. Валовой доход фермы только за 1913 г. составил 3348 р. 13 к.[1].

Только за 1914 г. были приобретены 10 коров и один бычок бестужевской породы, И. Я. Яковлев купил на свои средства трех коров с двумя телками, двух телок и одного бычка, 12 поросят йоркширской породы. Вывезено 250 возов навоза. В парниках в начале марта посадили мадерский лук, дыню, арбуз. Весною под картофелем было занято 23 десятины, под овощами — $2^1/_2$ десятины, под рожью — 25 десятин, под горохом — 4, под чечевицей — 2, под овсом — 7, под пшеницей — $^1/_2$. Посажено 4500 диких яблонь, 300 кустов смородины, 150 корней вишен, капусты — 20 тысяч корней. Валовой доход фермы за 1914г. составил 4553 р. 45 к.[2]

Большая часть доходов использовалась для расширения фермы. Расширяя материальную базу школы, И. Я. Яковлев намеревался организовать чувашскую гимназию в Симбирске за счет неприкосновенного капитала школы, полученного главным образом от работы учебно-производственных мастерских. Однако этому плану не суждено было сбыться. В 1914 г. началась империалистическая война, принесшая России немало бед и страданий. В таких условиях трудно было создать что-либо новое.

В мастерских школы изготовлялись мебель, оконные рамы, классные доски для вновь открываемых и преобразуемых чувашских училищ. В 1891 г. Аликовскому училищу было передано семь столов, в 1893 г.—изготовлены комплекты мебели (стол со стульями) для Байглычевского, Среднеалгашинского, Большеаксинского училищ. Школа постоянно выполняла заказы Симбирской мужской гимназии. Только в 1893 г. для нее изготовили 30 дубовых полированных столов по системе Эрисмана[3]. Под руководством опытных мастеров столярного и токарного ремесел Н. Н. Никонорова, А. С. Гаврилова учащиеся изготовили в мастерских школы 14 иконостасов для церквей, рамы для фонарей железнодорожного транспорта, различные сундуки, орудия труда (см. приложение № 5).

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 1. Д. 27. Л. 1.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1056. Л. 3—4.
[3] Там же. Д. 87. Л. 1; Д. 115. Л. 36; Д. 148. Л. 11.

Чтобы облегчить тяжелый труд крестьян, Яковлев организовал также производство земледельческих орудий и машин, образцы которых выписывал из Америки, Германии и Англии через фирму Рам, торговавшую в Казани плугами марки Эккерт и Говард. В мастерских Симбирской чувашской школы эти орудия и машины переделывались применительно к условиям Поволжья и продавались по дешевой цене. Производством новых машин и орудий руководил опытный кузнец П. А. Фадеев, один из организаторов рабочего кружка в Симбирске в 80-х годах. Когда во дворе школы накапливалось определенное количество машин и орудий, И. Я. Яковлев публиковал в губернских газетах такие объявления: «В Симбирской центральной школе, на берегу р. Свияги, продаются за весьма умеренную цену изделия учебной ее мастерской: молотилки с конным приводом, сеялки, веялки-сортировки, деревянные и железные бороны-зигзаги и коленчатые с валиком и вальками, плуги двух- и трехлемешные, косули; там же по заказу вновь приготовляются различные земледельческие орудия и машины и исправляются старые, а равно отливаются медные подшипники»[1].

Эти машины, орудия труда и другие изделия мастерских Симбирской чувашской школы в 1890 г. были представлены в Казани на научно-промышленной выставке и получили хорошую оценку. Им был дан почетный отзыв[2].

Симбирская чувашская учительская школа по прилежанию и успеваемости учащихся, по соединению обучения с производительным трудом занимала одно из первых мест в Казанском учебном округе. Не случайно попечитель округа не только разрешил, но и выделил 450 рублей на поездку учителей и учащихся в Нижний Новгород на Всероссийскую художественно-промышленную выставку в 1896 г. Яковлев просил учебный округ командировать на выставку представителей от учителей и учащихся из 23 подчиненных ему училищ, но попечитель разрешил из девяти. Первая группа в составе 48 учащихся и 9 учителей во главе с инспектором побывала не только в Нижнем Новгороде, но и в Казани, Костроме, Ярославле, Москве. Вторая группа из 7 воспитанников во главе с учителями Кочуровым и Немыцким путешествовала по маршруту Симбирск — Казань — Нижний Новгород — Москва — Рязань и обратно, но в от-

[1] Симбирская земская газета. 1882. № 300.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 138. Л. 14.

личие от первой, не только по Волге, но и по железной дороге.

Возможность путешествовать получили лучшие учащиеся и учителя школ, к числу которых, кроме Симбирской, относились Аликовское, Тюрлеминское, Тораевское и другие училища. Учащиеся вели путевые дневники, знакомились с достопримечательностями городов и сел, а по возвращении писали классные сочинения по впечатлениям.

В XIX отделении выставки Симбирская школа представила свои экспонаты. Среди них: 18 тетрадей с работами учащихся, учебные программы, краткие сведения о школе, отчеты о состоянии фермы, множество фотографий, а также предметы рукоделия — образцы шитья и вышивки (3 вещи), чулки простые и ударные (2 пары), два женских платья, сшитых по чувашскому образцу с вышивками, два сара (женские пояса), женские головные уборы — сурбаны, вышитые чувашским швом, два полотенца, плетеная сумка из суровых ниток, вышивки, две кокетки, вязанные крючком[1].

Всероссийская художественно-промышленная выставка в Нижнем Новгороде присудила чувашской учительской школе золотую медаль за представленные экспонаты, а за многолетнюю успешную деятельность «по распространению просвещения между инородцами Казанского учебного округа награждена дипломом I разряда». В отчете выставки давалась высокая оценка и работам воспитанниц школы по рукоделию[2]. Несомненно, большая заслуга в этом принадлежала Е. А. Яковлевой, преподававшей в школе рукоделие с 1878 г. Для успешного обучения искусству шить, вышивать и кроить она приобрела на свои средства две швейные машины «Зингер». Она же организовала в школе замечательную выставку работ учениц. В учебно-воспитательной работе Екатерина Алексеевна широко использовала разработки, методические пособия по рукоделию известных русских педагогов С. А. Давыдовой, М. К. Каблуковой.

Особо отметим, что из всех инородческих учительских школ и семинарий России такие награды получала лишь Симбирская чувашская учительская школа. К тому времени

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 195. Лл. 14—15. Все эти вещи И. Я. Яковлев просил вернуть школе. Тем не менее, большинство из них было сдано в архив выставки. В настоящее время некоторые материалы, в частности фотографии с выставки, хранятся в ЦГИА в Ленинграде.

[2] Народное образование на Всероссийской выставке в Н. Новгороде в 1896 году.—СПб., 1897. С. 217, 441, 450.

она была известна не только как учебное заведение, но и как педагогическая лаборатория, центр по повышению квалификации учителей. По просьбе директоров народных училищ Казанского учебного округа в эту школу принимали сельских учителей для повышения квалификации. Занятия с ними проводили И. Я. Яковлев, Е. А. Яковлева и другие опытные преподаватели, не только в классах, но и в учебных мастерских, на сельскохозяйственной ферме.

Один из столичных журналистов, сын известной русской писательницы С. И. Снессаревой, приехавший в Симбирск на открытие бесплатной народной библиотеки имени И. А. Гончарова, писал, что чувашская школа «составляет особый уголок в Симбирске. Тут своя небольшая церковь, столярная и плотничная мастерские, целое хозяйство, классы, тротуары, лазарет, помещения для учителей... Ученики одеты, как одеваются обыкновенно крестьянские дети, в онучах, в лаптях, в рубашках, сами выполняют все необходимые работы по двору и по зданиям. Простой режим школы нисколько не отучает их от домашнего обихода. По выходе из школы ученики остаются и по привычкам, и по костюму, и по занятию даже теми же крестьянами, но только крестьянами образованными... Странное впечатление производит старший класс школы. Обыкновенные деревенские ребята с грубыми руками, с волосами, обстриженными по-мужицки, в лаптях. Но этот парень отлично объясняет на доске извлечение квадратного корня, со смыслом толкует об уравнениях и спокойно беседует с вами о правилах логики. Вот это действительно здоровый дух в здоровом теле!

В школе нет наказаний, поощрений и наград. Никто не выделяется, каждому внушается, что он учится сам для себя и для тех, кто ничему не учился. Соревнование отсутствует, а учатся все хорошо. Так как громадное большинство детей поступает в школу не зная русского языка, то первоначальное обучение ведется смешанно—на русском и чувашском языках. Церковная служба и пение (поют прекрасно) идет также смешанно на обоих языках. Трудно придумать что-нибудь лучше этого для усвоения языка. Все лучшие учебники, выдержки из лучших авторов переведены на чувашский язык... Вся мебель в школе, иконостас в церкви сработаны своими силами и сработаны отлично. Школа берет заказы и исполняет их недорого, хорошо и аккуратно.

Ученики и по выпуске никогда не теряют связи со школой. Они обращаются к ней за советом, за помощью и никогда не получают отказа. Даже попавшие в Сибирь и те

пишут оттуда в школу, рассказывают о себе и окружающем, просят указаний»[1].

Яковлев в своей деятельности опирался на высказывания классиков педагогики, прежде всего К. Д. Ушинского, который так писал о народном учителе: «Он должен иметь познания не только в законе божьем, грамматике, арифметике, географии и истории, но и естественных науках, медицине, сельском хозяйстве; кроме того, уметь хорошо писать, рисовать, чертить, читать ясно и выразительно, и, если возможно, даже петь»[2]. Эти требования полностью осуществлялись в Симбирской чувашской школе. Эстетическое воспитание будущих учителей составляло в ней одно из важнейших требований их всестороннего развития. По мнению И. Я. Яковлева, учитель должен уметь организовать хор и играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, воспитывать у детей эстетическое чувство и в то же время сплотить их в единый дружный коллектив. Учащиеся занимались в кружках художественной самодеятельности, рукоделия, резьбы по дереву и т. д. «К внеклассным занятиям учащихся относятся: занятия ремеслами, садоводством, огородничеством, игрой на духовых и струнных инструментах и пением»[3].

Еще в начале 70-х годов в школе был организован замечательный хор мальчиков. Его приглашали в городские церкви Симбирска в праздничные дни для спевки. Хор был организован учителем школы В. А. Калашниковым. 23 марта 1878 г. А. Рекеев писал И. Я. Яковлеву: «Василий Андреевич с мальчиками поет у Троицы на 10 руб. в месяц. Пусть он распоряжается этими деньгами сам»[4]. Наиболее талантливых воспитанников Яковлев направлял в профессиональные учебные заведения, на курсы повышения квалификации к видным педагогам-специалистам. В 1895 г. Михайлов Григорий окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу, до конца этого года проработал учителем пения в этой же школе, а в январе 1896 г. был направлен в Москву в Синодальный хор к видному русскому музыковеду С. В. Смоленскому, у которого обучались и иностранные юноши—музыканты. Одновременно Смоленский был директором Московского синодального училища церковного пения.

Михайлов проявил большое усердие и прилежание в уче-

---

[1] **Снессарев Н.** Симбирск //Новое время.—СПб., 1894. 10(22) марта. № 6476.

[2] **Ушинский К. Д.** Собр. соч. Т. 2.—М.-Л., 1948. С. 517.

[3] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 3. Д. 4. Л. 53.

[4] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 25. Д. 5. Л. 7 (публикуется впервые).

бе, что было замечено учебным начальством. Его успехами интересовался часто приезжавший в училище к Смоленскому профессор Московской консерватории А. С. Аренский (он же директор придворной капеллы). Из числа лучших учеников училища был составлен хор, который 14 мая 1896 г. принимал участие в коронации императора Николая II и его жены Александры Федоровны.

Михайлов, оказавшись в Москве, проявил желание продолжить образование, но отсутствие средств лишило его такой возможности. До лета 1896 г. он прожил в общежитии, но так и не смог купить себе костюм черный, без чего, по установившимся традициям, не разрешалось входить в актовый зал училища. Михайлов мог проходить в зал только с регентом. В одном из своих писем Михайлов писал Яковлеву: «Хочется остаться на один год, стараюсь не для себя, а единственно для школы и для чуваш. Мне хочется возвысить школьный хор и чувашское пение»[1].

До окончания срока учебы в Москве Яковлев назначил Михайлова учителем в Кубовское училище Уфимской губернии, чтобы он развивал музыкальную культуру среди «дальних чувашей». Заметим, что в лексиконе И. Я. Яковлева встречаются выражения «местные чуваши», «дальние чуваши». Причем лучших специалистов, учителей он направлял к дальним и сибирским чувашам. Только такие специалисты могли развивать вдали от родных мест те культурные начинания, какие им давала школа в Симбирске. В отношении музыкальной культуры каждый ее воспитанник должен был научиться играть на каком-либо музыкальном инструменте, хотя бы на скрипке, так как «умение, хотя бы элементарное, владеть скрипкой представляет лучшее средство при обучении пению и организации хора»[2]. В школе было три хоровых коллектива: мужской, женский и смешанный, три оркестра — струнный, симфонический, духовой. Ими руководили талантливые музыканты, получившие специальное образование в Казани, Москве, Петербурге. К числу их можно отнести А. П. Петрова (Туринге), Маркела Петрова, И. М. Дмитриева, которые свои знания и опыт передавали воспитанникам школы. Не случайно поэтому, что благодаря умелой постановке музыкального образования выделились своим талантом учащиеся, ставшие впоследствии известными композиторами: С. М. Максимов, Ф. П. Павлов, Г. Г. Лисков, Т. П. Парамонов.

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 21. Д. 69. Л. 1 (публикуется впервые).
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 286. Л. 48.

В школе регулярно проводились музыкально-литературные вечера. Так, например, в 1912 г. прошли три вечера, причем из двух отделений: 6 декабря с исполнением 39 номеров, 15 декабря — 28 номеров, 24 ноября — с 24 номерами[1] и т. д. Вечера посвящались знаменательным датам. Например, 21 февраля того же года состоялся вечер, посвященный 50-летию со дня смерти Н. В. Гоголя, с программой из 28 номеров. Учащиеся исполняли отрывки из опер «Фауст», «Иван Сусанин», «Норма», музыкальные произведения Чайковского, Рубинштейна («Ходим мы к Арагве»), «Хвалебную песню св. Кириллу и Мефодию, первоучителям славянским», декламировали «Зиму» А. С. Пушкина, «Смерть поэта» М. Ю. Лермонтова, «Лесной царь» Гете, «Прощание Гектора с Андромахой» из «Илиады» Гомера, «Старый звонарь» В. Короленко, «Обоз», «Лжец» И. А. Крылова и т. д. Учащиеся исполняли и свои импровизированные номера. Например, на вечере 26 февраля 1889 г. воспитанник I класса Федоров декламировал свое стихотворение «Смерть моего брата»[2], написанное по мотивам стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». Следует сказать, однако, что все вечера проводились только с разрешения учебного округа, причем программы утверждались попечителем.

В воспитании учителей немалую роль играла также библиотека школы, по богатству и разнообразию книг не только не уступавшая библиотеке Симбирской мужской гимназии, но и превосходившая ее. В 1893 г. в фундаментальном фонде библиотеки чувашской учительской школы насчитывалось 4739 томов, представлявших 2382 названия[3], в то же время как в фонде Симбирской гимназии насчитывался 4141 том, что составляло 2107 названий[4]. В 1912 г. И. Я. Яковлев приобрел для школы у бывшего директора Казанской учительской семинарии около двух тысяч книг.

По мере развития школы совершенствовалась и система подготовки учительниц. В 1901 г. на основании правил о подготовке учительниц для сельских школ И. Я. Яковлев открыл женские педагогические курсы. Базой для них послужило женское училище, открытое в 1891 г. и содержавшееся им на собственные средства. До открытия курсов выпускницы женского училища по окончании обучения в нем

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 252. Лл. 9, 12.

[2] Там же. Ф. 207. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

[3] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Д. 128. Л. 2.

[4] **Агринский А. С.** Симбирская гимназия (1809—1909).— Симбирск, 1909. С. 136.

должны были сдавать экзамены на звание сельской учительницы в Казанской «инородческой» семинарии. Яковлев преобразовал женское училище в педагогические курсы, и выпускницы учительское звание стали получать на месте. Когда же в учительской школе появились педагогические курсы, Яковлев поднял вопрос о предоставлении педагогическому совету школы на основании Правил от 20 марта 1869 г. и Положения от 26 октября 1874 г. права присваивать учительское звание не окончившим курсы по каким-либо причинам. Об этом Яковлев начал ходатайствовать перед учебным округом еще до преобразования Симбирской чувашской школы в учительскую (1890 г.). Округ отсылал его докладные записки и представления в Петербург, а оттуда, как правило, следовали отказы.

Революционные события 1905—1906 годов вынудили царское правительство предоставить «инородческим» учебным заведениям некоторые права. Министерство народного просвещения предложением от 9 декабря 1906 г. за № 25502 разрешило предоставить педагогическим Советам Казанской татарской и Симбирской чувашской учительских школ право производить испытание на звание учителя инородческого начального училища[1]. Завоевание такого права следует рассматривать как событие огромной важности в истории Симбирской учительской школы. Оно по значимости равно созданию третьего учебного заведения (после женских педагогических курсов). Фактически с этого времени школа выпускала учителей со званием ежегодно, в течение всего учебного года — с 1 сентября по 1 мая.

Предоставление такого права значительно повысило авторитет преподавателей Симбирской чувашской учительской школы, вызывало доверие и уважение к ним со стороны общественности. К этому времени в Казанском учебном округе функционировало множество педагогических учебных заведений. Самое скромное место среди них занимала чувашская учительская школа (см. таблицу).

Во всей России в это время было учительских семинарий — 78; учительских школ — 9; учительских школ церковного ведомства — 19 (12 мужских и 7 женских)[2].

В литературе о Симбирской чувашской школе встречается утверждение, будто она подготовила много священников. Между тем известно, что школа подчинялась Министерству народного просвещения и потому обязана была вы-

[1] Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1906. № 12. С. 872.
[2] Русская школа, 1910. № 5—6. С. 123—130.

Учительские школы и семинарии Казанского учебного округа в 1910 году

Наименование	Время основания	Число учащихся	Число преподав.	Средства на содержание
1. Кукарская семинария Вятской губернии	1909	118	9	24000
2. Казанская земская женская учительская школа	1871	104	17	21678
3. Казанская татарская учительская школа	1876	91	7	20562
4. Самарская земская женская учительская школа	1877	198	11	45383
5. Ровенская учительская школа Самарской губернии	1903	100	10	24504
6. Симбирская чувашская учительская школа	1868	96	10	15792
7. Вольская учительская семинария	1875	98	9	19733
8. Порецкая учительская семинария	1872	139	8	22235
9. Казанская инородческая учительская семинария	1872	165	15	59876

пускать учителей, а не священников. Что же касается тех ее воспитанников, которые стали потом священниками, то здесь на первый план выступает субъективный фактор. Объективные же предпосылки были таковы, что начиная с 1888 г. из числа выпускников чувашской учительской школы без вступительных экзаменов разрешалось принимать в IV класс Симбирской духовной семинарии по два человека, причем учитывался не менее чем двухлетний стаж службы в должности учителя, что являлось как бы испытательным сроком, проверкой нравственных качеств будущего семинариста.

О своих воспитанниках, поступивших в семинарию, И. Я. Яковлев писал в 1900 г.: «Семинаристы-чуваши, правда, и жили в чувашской школе, но поместить их здесь было рекомендовано инструкцией Св. Синода. Однако уже три года тому назад, когда при перемене местного епархиального начальства нами было замечено недовольство таким порядком со стороны местной духовной власти, семинаристы-чуваши по нашему желанию, с нашего согласия перешли в частную квартиру близ семинарии, сравнявшись и в этом отношении со своими остальными товарищами. Из всех 27 поступивших никто не был уволен или исключен, и все окон-

чили с отметкой «5» за поведение. Из них 10 кончили по первому разряду, 17 — по второму, пятерых на казенный счет послали в академию и успешно туда поступили, окончили или оканчивают там курс, остальные продолжают служить учителями (2) или посвящены в священники и во всем оказываются соответствующими своему назначению. В настоящее время в семинарии 9 бывших учителей-чуваш, из них в 1 разряде 4, во втором — 5. Что касается до единственного делаемого для семинаристов-чуваш снисхождения, льготы по древним языкам, то они начинают добровольно от нее отказываться, во всем сравниваются со своими товарищами»[1].

Но с 1906 г. выпускников чувашской школы перестали временно принимать в Симбирскую духовную семинарию. Воспитанники из чувашей в 1905—1906 годах зарекомендовали себя как зачинщики «беспорядков». Они неоднократно организовывали забастовки в семинарии, в Симбирской чувашской школе. В начале 1906 г. учителя школы Роман Идобаев и Василий Иванов пожелали поступить в семинарию, но получили отказ в приеме документов, о чем ректор А. Стернов 23 января того же года прислал И. Я. Яковлеву такое решение правления консистории за № 34: «На будущее время следует решительно воздержаться от принятия чуваш в семинарию, которые в большинстве случаев не оправдывают цели, для которой дозволено принимать их в это заведение... ныне по вопросу о приеме в IV класс семинарии чувашских уроженцев Романа Идобаева и Василия Иванова его преосвященство сообщил отцу (ректору), что им послано в Святой Синод представление о прекращении приема чуваш в IV класс семинарии»[2].

Осенью 1906 г. по инициативе И. Я. Яковлева при домовой церкви школы была образована специальная комиссия, призванная устраивать на службу в церковном приходе тех учащихся школы, которые по разным причинам и, прежде всего, по бедности выбывали из школы до окончания полного курса обучения, только в 1906 г. таких было 19 человек. Они становились псаломщиками в приходах. Образование такой комиссии преследовало прежде всего религиозные цели, но в то же время, творя молитву на родном языке, псаломщики воспитывали в народе любовь к родному сло-

---

[1] **Яковлев И. Я.** К вопросу об инородческой миссии в Поволжье.— ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Папка 10. С. 12—13.

[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 525. Л. 7.

ву, которое как в церкви, так и в школе в этот период сильно притеснялось.

Выпуск незначительного числа псаломщиков и священников из числа воспитанников школы не умаляет, однако, значения Симбирской учительской школы в истории просвещения народа. Центральное место в ее деятельности занимала подготовка учителей. Со времени основания к концу 1917 г. в учительской школе и на женских педагогических курсах при ней обучались 1233 человека. (Эти данные установлены по годам и пофамильно.)

Благодаря массовой подготовке учительских кадров значительно расширилась сеть начальных школ, что способствовало росту самосознания чувашской молодежи, крепило ее интерес к русской культуре. В конце XIX в. возникла острая проблема для молодежи — куда пойти учиться. Симбирская чувашская учительская школа была не в состоянии принять всех желающих. 3 марта 1894 г. заведующий Бичуринским двухклассным училищем сообщил Чебоксарской земской управе: «Выпуск мальчиков 1893 г. был настолько велик и желающих продолжать учение в каком-либо учебном заведении исключительно много, что училище не знало, куда можно было направить своих питомцев. В Симбирскую чувашскую школу отправилось 17 мальчиков, но только на долю шестерых из них выпало счастье быть принятыми, остальным же, за неимением мест, отказано»[1].

Неоценимы заслуги Яковлева и его учительской школы в воспитании у молодежи чувства гражданского долга перед Отечеством и народом, в приобщении ее к русской культуре. Все учебники и учебные пособия, созданные им и его учениками, проникнуты духом дружбы народов. Первые буквари служили учебниками для изучения родного и русского языков. К концу XIX в. значительная часть чувашской молодежи знала русский язык, что позволяло ей изменить прежний образ жизни и даже место жительства. Развитие промышленности, производительных сил в сельском хозяйстве вызвало большую потребность в вольнонаемных рабочих со знанием государственного языка. По данным 1 Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., чувашское население составляло 421640 мужского и 422115 женского пола, проживало в 83 губерниях и областях империи.[2] Благодаря знанию русского языка молодежь расширяла сферу своей деятельности.

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 955. Л. 14 (публикуется впервые).
[2] Первая перепись населения 1897 года. Т. 2.—СПб., 1905. С. 48.

В 1897 г. чуваши имели следующие группы занятий:

	Мужчины	Женщины
Администрация, суд и полиция	210	127
Вооруженные силы	4855	8
Богослужение православного исповедания	252	245
Учебная и воспитательная деятельность	382	176
Наука, литература и искусство	5	
Врачебная и санитарная деятельность	67	23
Деятельность и служба частная		
Прислуга, поденщики	1322	659
Пчеловодство и шелководство	41	17
Лесоводство и лесная промышленность	115	53
Обработка дерева	503	107
Обработка металлов	224	56
Винокурение, пиво-и медоварение	40	4
Обработка растительных и животных питательных продуктов	405	219
Полиграфическое производство	5	2
Ювелирное дело, живопись, производство предметов культа	8	4
Изготовление одежды	223	91
Строительство, ремонт	297	170
Водное сообщение	162	1
Железная дорога	73	9
Почта, телеграф, телефон	7	
Торговля вообще	102	57
Торговля зерном	52	13
Торговля остальными продуктами сельского хозяйства	76	27
Торговля живым скотом	4	
Торговля стройматериалами и топливом	21	5
Торговля предметами домашнего обихода	14	16
Торговля разными металлоизделиями	2	
Торговля тканевой одеждой	44	21
Торговля предметами роскоши	2	
Трактиры, гостиницы	47	9
Лишенные свободы и отбывающие наказание	259	26
Проституция	—	4

Из всех показателей, отраженных в Переписи, особое внимание обращает на себя число национальных педагогических кадров у чувашей — 558[1], между тем в 1868 г., к началу общественно-просветительской деятельности И. Я. Яковлева, было всего 15 учителей-чувашей. Таким образом, за 30 лет, с 1868 по 1897 год, число учителей увеличилось почти в 40 раз. А как обстояло дело с подготовкой национальных педагогических кадров у соседних народов к тому же периоду? В 1897 г. таковых у марийцев было 201, у мордвы — 239. Отсюда ясны роль и значение чувашской

[1] Первая перепись населения 1897 года. Т. 2. С. 343.

школы в Симбирске и деятельности ее основателя в развитии национальной культуры.

В 1908 г. в ее истории был большой юбилей. Подведением некоторых итогов развития Симбирской чувашской учительской школы явилось празднование 40-летия ее существования и 60-летия со дня рождения ее основателя. И. Я. Яковлев с присущей ему скромностью протестовал против празднования его юбилея. После первой русской революции в России усилилась реакция. Она проявлялась во всех областях жизни. В учебных заведениях усилилась слежка за преподавателями и учащимися. Симбирскую учительскую школу ежегодно инспектировали «сыскные» ревизоры (так их называл И. Я. Яковлев). Истинно демократический характер школы, последовательная защита национального языка делали ее предметом особого надзора со стороны учебного округа и отчасти духовно-клерикального ведомства. Учитывая это, Яковлев предостерегал своих друзей от шумихи вокруг его имени, призывал действовать осторожно и обдуманно, чтобы не стать жертвой клеветы и доносов реакционеров, «...делать наше скромное с виду, но великое по существу дело без всякого шума и внешнего блеска. Я всеми силами своей души убежден во всем этом и горячо протестую против вашей затеи... А потом — чтобы сделать это, для этого нужно быть слишком близоруким: разве вы не видите, каково теперь настроение относительно инородческого вопроса? Чествование же только подольет масла в огонь. Нет, дело наше таково, что успеха в нем можно достигнуть только и только трудом, скромным, настойчивым, а не мишурой всех этих подношений, адресов, учреждением стипендий и т. д.»[1]

Именно потому, что И. Я. Яковлев протестовал против празднования своего юбилея, эта идея не была реализована. Официально в 1908 г. отметили только 40-летие школы, что было разрешено и учебным округом, деятели которого не могли не считаться с огромным авторитетом И. Я. Яковлева среди народов Поволжья.

Для проведения юбилея была образована специальная комиссия во главе с В. Н. Никифоровым. Более 400 приветственных писем и телеграмм от отдельных лиц и коллективов со всех концов России получила комиссия. Больше всего приветствий поступило от крестьян Симбирской, Оренбургской, Самарской, Казанской губерний, прославших коллективные письма на русском и чувашском языках. Среди

[1] **Яковлев И. Я.** Письма.—Чебоксары, 1985. С. 220—221.

подписавших письма было много неграмотных, за них расписывались учителя. Авторы писем выражали глубокую благодарность и признательность основателю и бессменному руководителю Симбирской чувашской учительской школы за преданное служение делу народного просвещения. «С восторгом присоединяю свой голос к адресу,—писал адвокат М. Гудимов со станции Вешенская,—которым предполагается почтить любимого моего учителя и воспитателя, посвятившего всю свою жизнь на высокое и святое дело просвещения темного народа. Преклоняюсь перед многолетней деятельностью великого, убеленного сединами, труженика и шлю с далекого тихого Дона сердечное пожелание дальнейшей, столь же продуктивной работы на много, много лет. Глубоко верю, что посеянные им и его сотрудниками семена знания и света расцветут, проникнут в самую глубь пока еще темного народа и, рано или поздно, помогут нашей родине стать более сильной и культурной страной»[1].

Празднование 40-летия Симбирской чувашской школы явилось ярким свидетельством любви и уважения к И. Я. Яковлеву. Член Буинской земской управы, потомок исторического рода Сусанина, А. К. Сусанин заявил: «Мы собрались здесь для того, чтобы почтить Вас, как великого просветителя целой области инородцев... Нам хорошо известно, что крестьяне идут к Вам издалека и во всех нуждах находят у Вас помощь. Вы заслужили в народе доверие и любовь, как никто из тех, кто за последнее время тщетно покушались отнять Вас от нас. Вообще Вы много сделали для нас; но, к великому сожалению, невежество и темнота наши не позволяют нам надлежащим образом выразить Вам ту признательность, какую Вы заслужили. Однако я верю, что дети наши, внуки, правнуки заговорят о Вас не так, как мы, и все сделанные Вами дела оценят именно той ценой, какой они стоят»[2].

О праздновании 40-летия Симбирской чувашской школы много писали местные и центральные газеты, журналы. Характерным для всех статей было единодушное признание больших заслуг школы в распространении среди народов Поволжья грамотности и научных знаний. «В истории культурного развития инородцев не только Симбирской губернии, а и всего восточного района в России, заселенного чувашами, мордвой и прочими инородческими племенами,—пи-

[1] На память о 40-летии Симбирской чувашской школы.—Симбирск, 1910. С. 63.

[2] Там же. С. 25.

сала одна из столичных газет,—имя г. Яковлева должно быть поставлено выше Николая Ивановича Ильминского—друга и товарища молодого педагога, еще гимназистом VI класса гимназии основавшим по личной инициативе и на личные средства школу для детей своих соплеменников.

И вот, в течение сорока лет, И. Я. Яковлев, теперь украшенный сединами старик, проводил настойчиво свою идею просвещения и образования инородцев-соплеменников.

Другой идеей основанной им школы является сближение и объединение инородческих элементов с русским народом, покорным историческим спутником которого они должны быть, деля его горе и радости...

Благодаря неустанной работе школы инородческое население разбило вековые цепи рабства язычества и, окрещенные, соединились с православною церковью Христовой.

Благодаря Симбирской школе теперь во множестве глухих черемисских и чувашских деревень существуют церковь и школа, сельчане же знают русский язык. Словом, чувашская школа единственная на своих плечах вынесла тяжелую, глубоко ответственную... работу.

И недаром в день своего юбилея школа получила множество (более 400) приветствий и благодарностей из самых отдаленных углов восточного района нашего Отечества за свою высоко полезную деятельность в области просвещения русских инородцев.

В день юбилея попечитель школы купец Шатров пожертвовал школе 25000 рублей на сооружение новых обширных зданий для женской школы и педагогических курсов, ютящихся теперь вместе с мужской школой в тесных помещениях.

Из многих инородческих местностей прибыли для приветствий особые депутации»[1].

Так оценила общественность страны 40-летнюю деятельность чувашской школы. За это время она превратилась из квартирной школы в целый комплекс учебных заведений и к началу 1917 г. имела следующую структуру и состояние. В учительской школе, мужском и женском начальных училищах и на женских педагогических курсах обучалось 273 учащихся: чуваши, русские и мордва. Состав преподавателей насчитывал 35 человек. В библиотеках хранились 13848 книг, а в учебных кабинетах — 2053 учебных пособия. Кроме того, в распоряжении учебных заведений находились более 300 гектаров земли, большая животноводче-

[1] Санкт-Петербургские ведомости. 1908. 4(17) ноября.

ская ферма, пасека, сад, огород, питомник, учебно-производственные мастерские и др. Учительская школа и женские педагогические курсы выпускали специалистов широкого профиля. Не случайно, по данным Министерства народного просвещения, Симбирская губерния занимала в Казанском учебном округе первое место по охвату школьников обучением садоводству, огородничеству и пчеловодству. Таких школ в 1911 г. было: в Казанской—59, Астраханской—2, Вятской — 46, Самарской — 33, Саратовской — 32, Симбирской — 112[1].

Дальнейшие успехи чувашской школы в Симбирске мы наблюдаем после преобразования ее в учительскую семинарию.

Учительская семинария

Борьба Яковлева за преобразование школы в учительскую семинарию началась еще в первые годы его службы в должности инспектора Казанского учебного округа и продолжалась около полувека. За это время сменилось 10 министров народного просвещения, 12 попечителей Казанского учебного округа; по делу семинарии было представлено несколько проектов, всевозможных ходатайств, объяснительных записок и отчетов. В целом история существования школы Яковлева до Октябрьской революции есть история борьбы царизма против культуры и просвещения простого народа, против демократического движения. Надо было иметь богатырский дух, веру в народ, преданность делу и мужество, чтобы выстоять в этой неравной борьбе.

И. Я. Яковлев привел в движение бюрократический аппарат Министерства народного просвещения, но царское правительство так и не признало за чувашским народом права иметь хотя бы одно специальное учебное заведение по подготовке кадров учителей — семинарию, для организации которой трудом самих учащихся и учителей уже были созданы все условия. Царское правительство не только не допустило, а, наоборот, предприняло все меры для превращения национальной учительской школы в русское учебное заведение.

До 1880 г. все попытки Яковлева расширить школу до

[1] Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. VI. Часть 1.—СПб., 1913. С. 112, 116—119.

семинарии блокировались министром народного просвещения Д. А. Толстым, который говорил: «Потребность в учительских семинариях не вызывается настоящим положением дела. Для народа нужна лишь разумная грамотность, для чего не нужны дорогие учителя»[1].

Яковлев, конечно, понимал, что дело не в названии учебного заведения, а в самой системе подготовки учителей. Поэтому он постоянно расширял программу школы, увеличивал число учащихся, приглашал высококвалифицированных преподавателей — выпускников университетов и институтов.

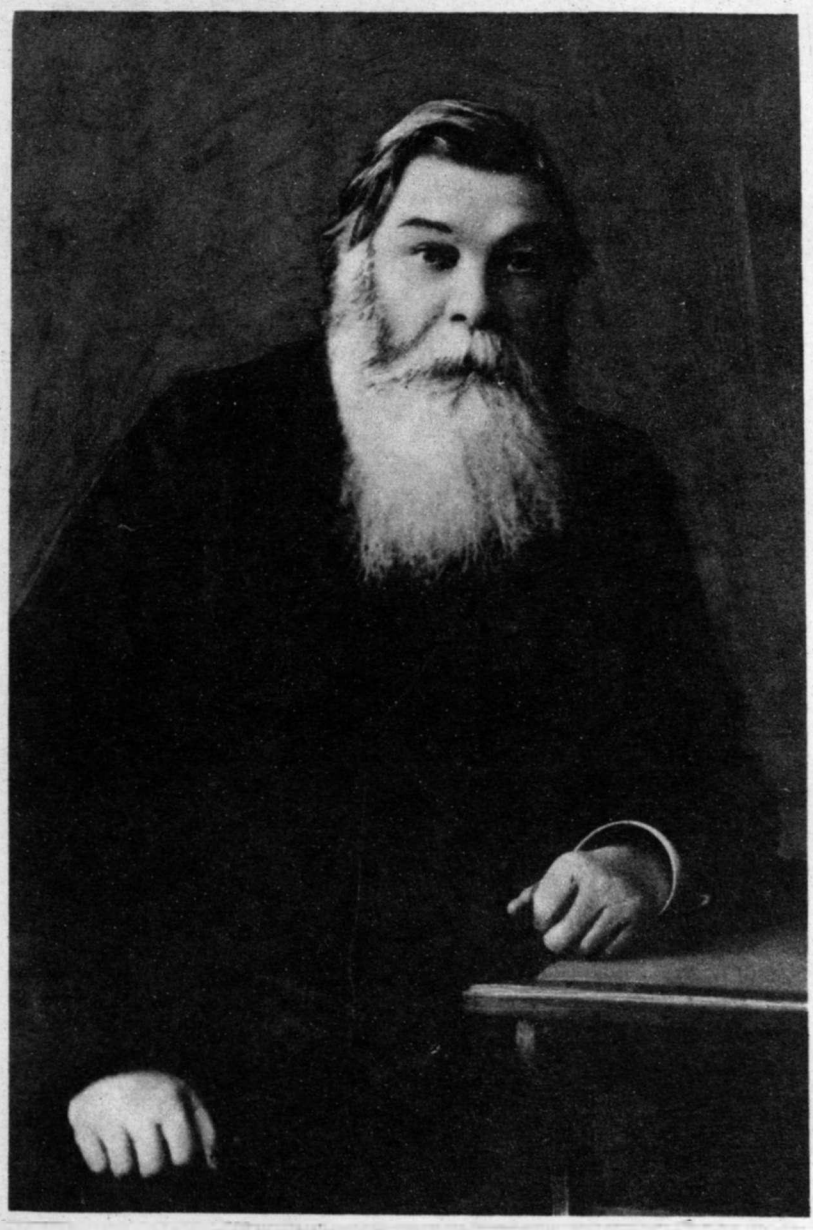
В 1905 г. он выступил на совещании по вопросам образования восточных «инородцев», состоявшемся в Петербурге. По его предложению было принято решение о преобразовании Симбирской чувашской учительской школы в учительскую семинарию, а находившихся при ней мужского и женского начальных училищ — в двухклассные, одногодичных женских и педагогических курсов — в двухгодичные. Но царское министерство не дало хода этому решению, за исключением одной его части: начальные училища стали двухклассными. В 1908 г. Яковлев вновь представил в министерство свой проект преобразования школы в четырехклассную семинарию. В нем он снова напоминает о назревшей потребности расширить школу до семинарии в связи с ростом числа учащихся: «Приток желающих поступить в школу с каждым годом все увеличивался и в последние годы так разросся, громадному большинству за неимением средств и помещения приходится отказывать в то время как, отмечает Яковлев в отчете фермы школы за 1912 г., «несмотря на ограниченность средств, отпускаемых от казны на содержание школы, последняя всячески старается дать образование возможно большему числу людей...»

После русско-японской войны в связи с ростом дороговизны жизни положение учителей ухудшилось, это привело к тому, что многие из них из учебных заведений с низким жалованьем, каким была Симбирская школа, переходили туда, где их труд оплачивался выше. Трудно было удержать квалифицированных педагогов, еще сложнее — увеличивать число учащихся из-за недостатка средств.

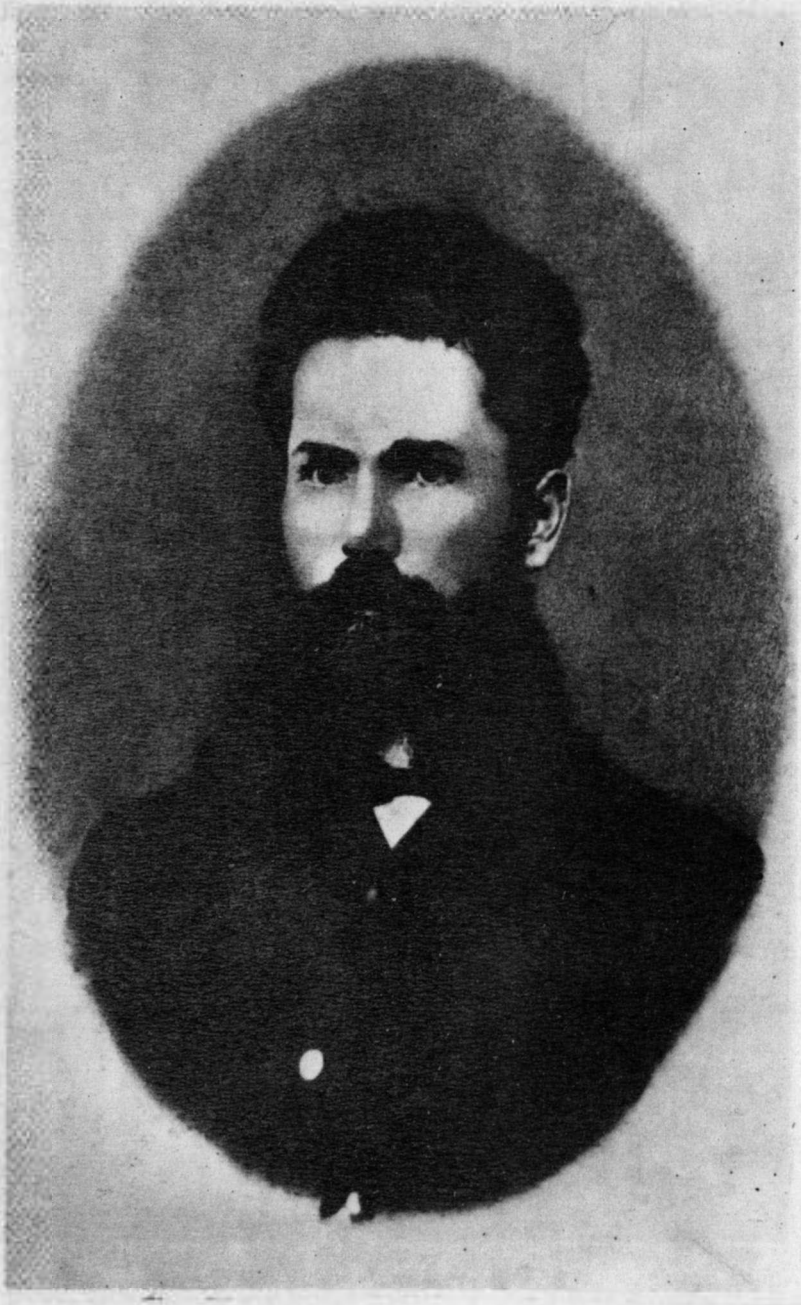
Представление Яковлевым проекта преобразования школы в семинарию совпало с таким общественным движением в России, как введение всеобщего обучения. Вопрос о введе-

---

[1] **Рождественский С. В.** Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения.—СПб., 1902. С. 749.

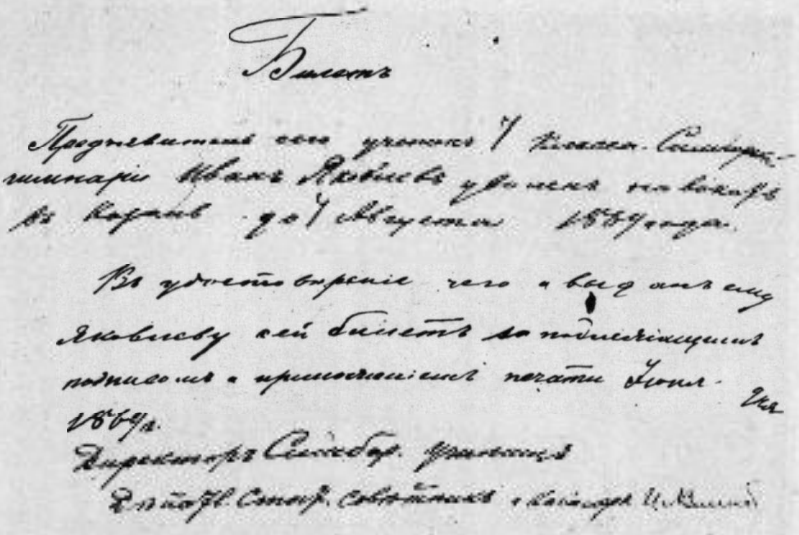
Иван Яковлевич Яковлев. 1907 г.

Алексей Александрович Мукосеев.

В. А. Калашников — первый штатный учитель
Симбирской чувашской школы.

Билетъ

Предъявитель сего ученикъ 7 класса Семипалатинскаго гимназіи Иванъ Яковлевъ уволенъ на каникулы въ городъ до 1 Августа 1879 года.

Въ удостовѣреніе чего и выданъ ему Яковлеву сей билетъ за подписаніемъ подписомъ и приложеніемъ печати 4 Іюня 1879 г.

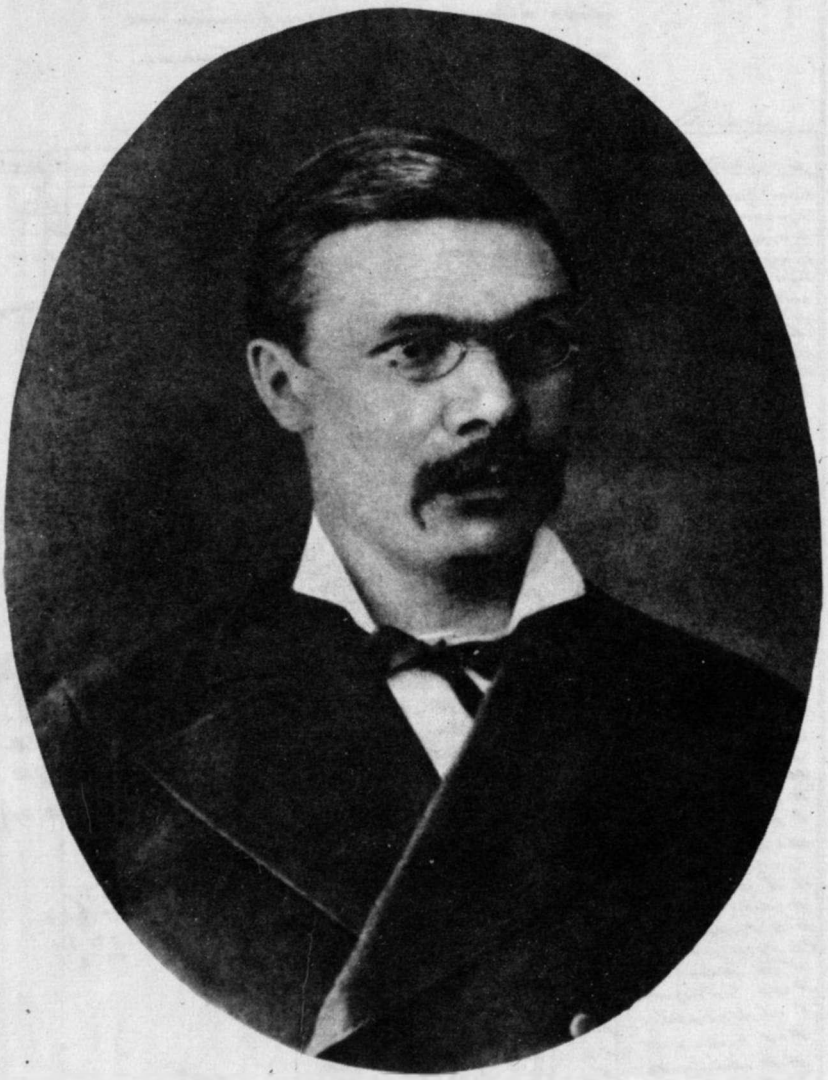
Директоръ Семипалат. гимназіи

Ст. Сов. Семипалат. гимназіи Секретарь

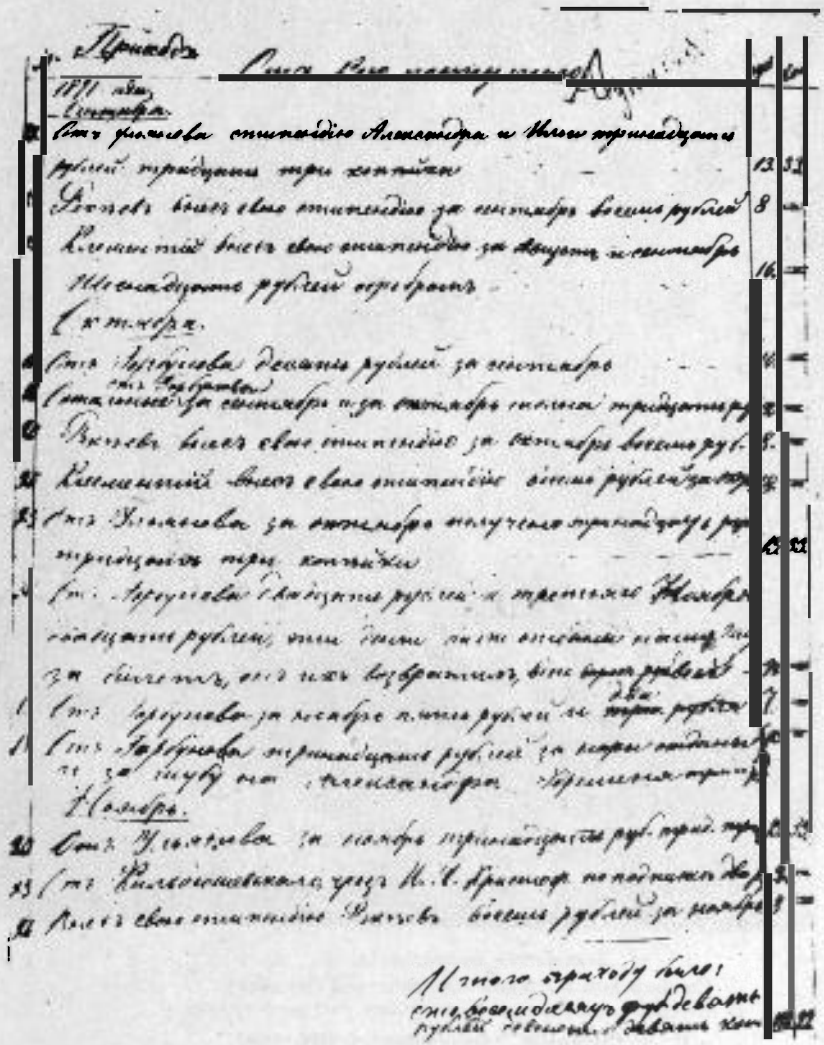
Увольнительный билет гимназиста И. Яковлева.

Подписной лист пожертвований симбирян
в пользу чувашской школы.

И. Я. Яковлев — студент Казанского университета. 1871 г.

Запись поступления денег в кассу школы.

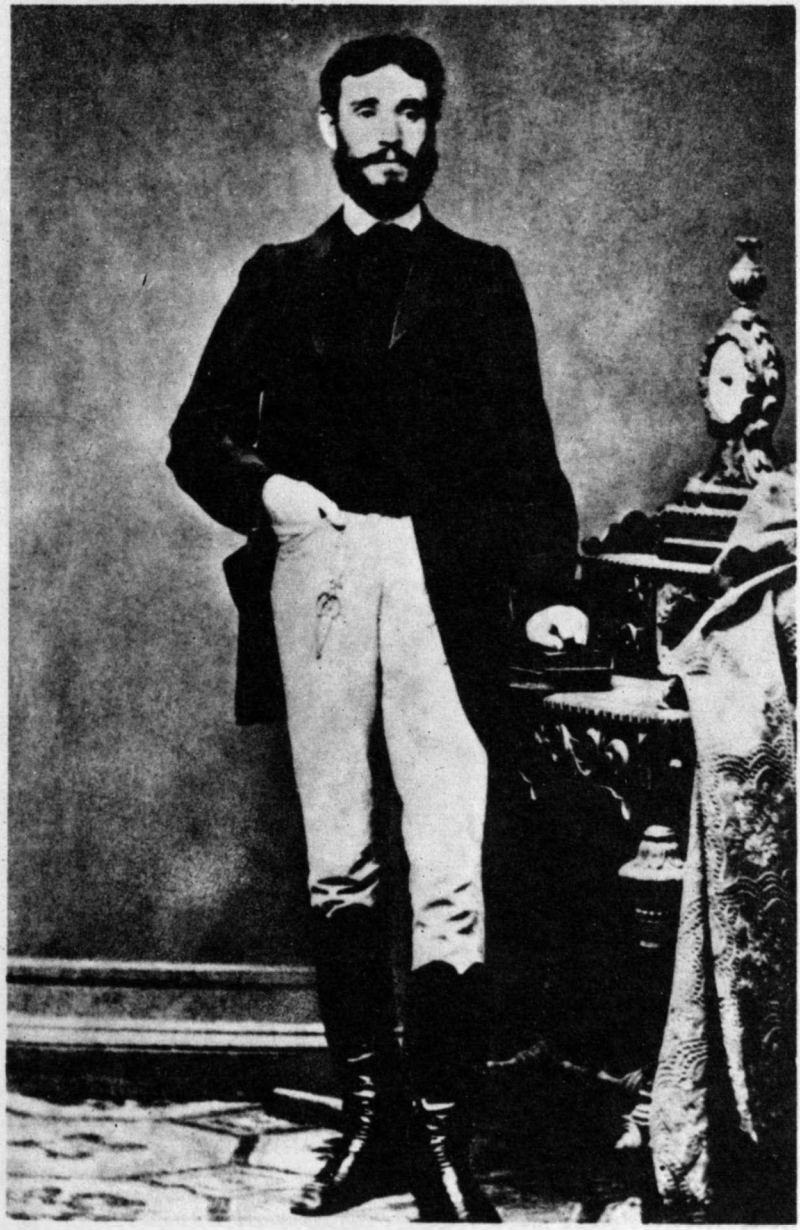

Коллектив преподавателей
Симбирской мужской классической гимназии.
В центре — попечитель Казанского учебного округа
П. Д. Шестаков, слева–директор гимназии
И. В. Вишневский, справа — И. Н. Ульянов. 1875 г.

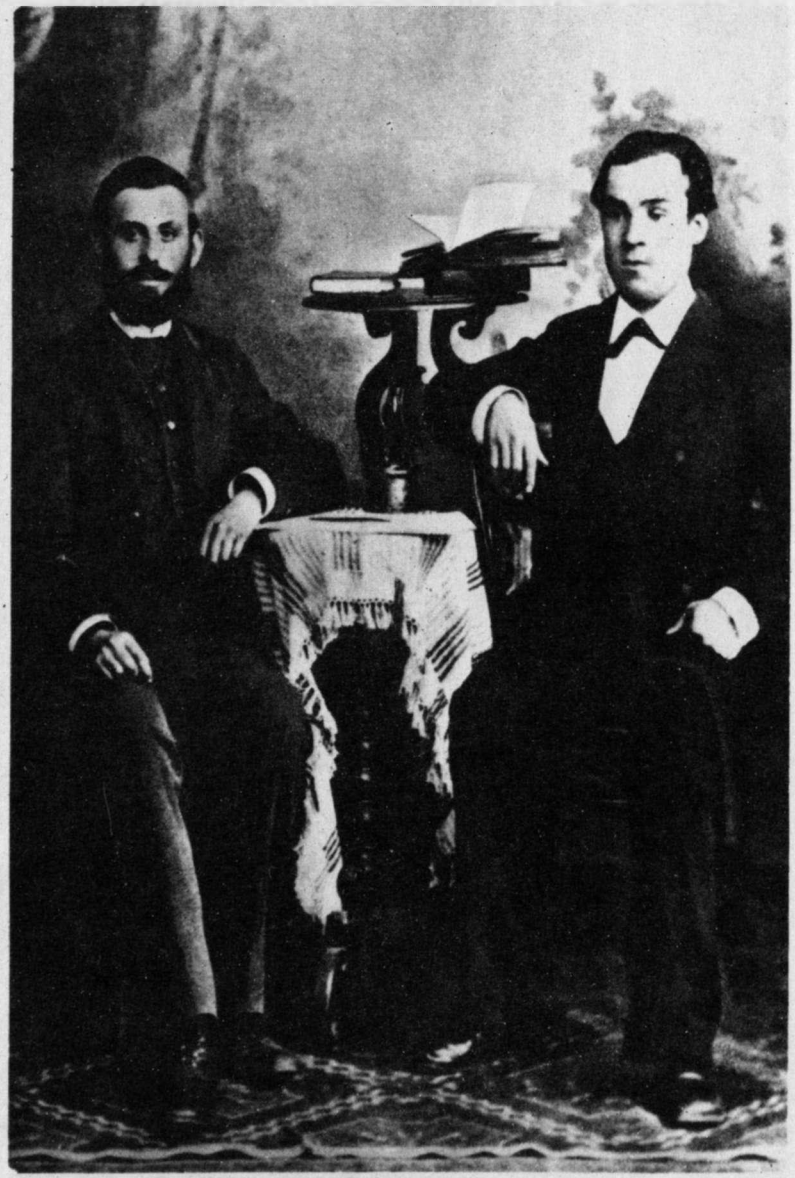

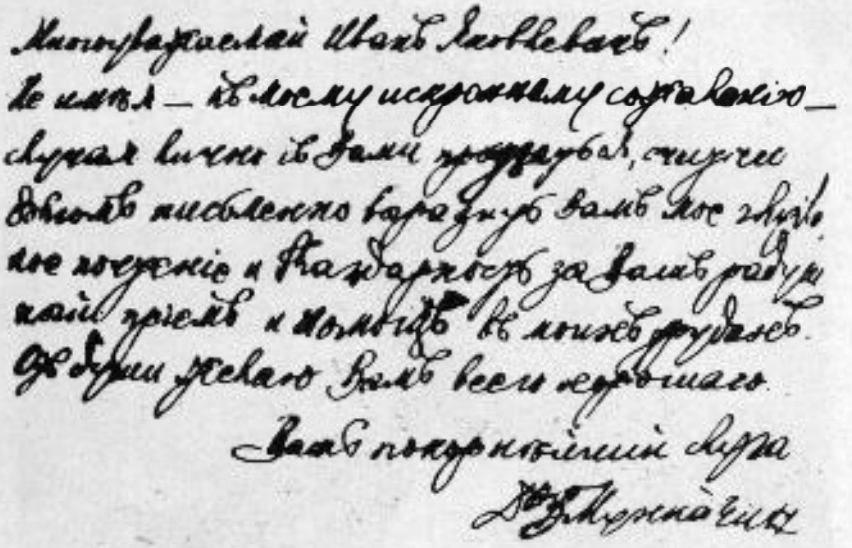
Николай Иванович Ильминский.

Г. Балинт — венгерский ученый,
корреспондент И. Я. Яковлева (публикуется впервые).

Венгерский ученый Б. Мункачи (справа)
и студент Казанской инородческой учительской семинарии
Н. И. Иванов. Казань. 1885 г. (Публикуется впервые).

Письмо Б. Мункачи И. Я. Яковлеву. 1886 г.

Илья Николаевич Ульянов.

Первое здание Симбирской чувашской школы.

.Центральное здание
Симбирской чувашской учительской школы,
где до 1922 г. жил И. Я. Яковлев.

нии всеобщего обучения рассматривался во второй и третьей Государственных думах, причем в последней в 1908 г. на эти цели была утверждена смета. «Вопрос теперь, когда всеобщее обучение сделалось вопросом первостепенного государственного значения, приходится очень озабочиваться подготовкой соответствующего комплекса будущих учителей. Чувашское население, в своей громадной массе составляющее органическую единоверную часть русского народа, заслуживает того, чтобы были удовлетворены насущнейшие нужды его в просвещении, по крайней мере, в тех размерах, в каких дать его может чувашская учительская семинария, которая, воспитывая в чувашах верных сынов России, будет служить скрепляющим и объединяющим звеном между чувашским и русским населением»[1],—отмечал Яковлев.

Его проект основывался на опыте многих «инородческих» семинарий, с директорами которых Иван Яковлевич поддерживал связь, прислушивался к их советам. Его внимание особенно привлекал опыт Прибалтийской, Закавказской, Туркестанской и Благовещенской учительских семинарий.

Не дожидаясь ответа от министерства, И. Я. Яковлев 9 марта 1909 г. выехал в Петербург, чтобы лично попытаться убедить министра в необходимости организации семинарии. Затем он обратился к депутату Государственной думы от партии октябристов И. С. Клюжеву с просьбой пропустить проект через Думу. Депутат обещал это сделать. Ведь он был живым свидетелем зарождения и развития чувашской школы в Симбирске. Клюжев учился вместе с А. В. Рекеевым в Симбирском уездном училище, на педагогических курсах. Позднее Клюжев стал инспектором народных училищ Самарской губернии, затем депутатом II—IV Государственных дум. Как депутат он часто выступал в печати о необходимости преобразования учительских школ и семинарий[2]. Поэтому И. Я. Яковлев просил его помочь в преобразовании своей школы в семинарию. 14 января 1914 г. он сообщил Клюжеву, что проект преобразования находится в Министерстве народного просвещения с 1908 г. «С проведением этого проекта,— писал Яковлев,— я был бы спокоен, я бы знал, что дело просвещения чуваш продолжает следо-

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 607. Л. 5.

[2] **Клюжев И. С.** К вопросу о преобразовании учительских семинарий //Русская школа. 1910. №3—6; Доклад Государственной думе И. С. Клюжева о подготовке учителей начальных школ.—М., 1911.

вать по твердому пути, и наши учителя на службе и выходя в отставку были бы обеспечены»[1].

Клюжев не оправдал надежд Яковлева, проект преобразования не рассматривался. По данным стенографических отчетов заседаний IV Государственной думы видно, что Клюжев не поднимал вопроса о преобразовании чувашской школы в семинарию, и это вполне естественно. Вся фракция октябристов в Думе, секретарем которой был Клюжев, находилась в сильной оппозиции к министру народного просвещения, особенно по вопросам введения всеобщего начального образования в России. А без согласия министерства учительская школа не могла быть преобразована в семинарию.

Стремление И. Я. Яковлева к преобразованию школы в семинарию с самого начала встретило сопротивление не только со стороны министерства, но и учебного округа. Управление учебного округа постоянно искало удобного случая, повода для очернения деятельности Симбирской чувашской учительской школы и ее основателя. В 1910 и 1911 гг. помощник попечителя Казанского учебного округа Погодин произвел две неожиданные ревизии школы, после чего некоторые учащиеся из неимущих слоев, содержавшиеся на сэкономленные средства, были исключены. В их числе оказалась казахская девочка Алмабет Уразбаева, направленная в чувашскую школу из Внутренней киргизской орды на учебу.

А. Уразбаева обучалась в двухклассном женском училище при учительской школе с 1909 по 1911 г. Она была из бедной семьи. Чтобы привезти ее в Симбирск, И. Я. Яковлев лично выделил 7 рублей[2]. И пока училась, она содержалась на средства школы. Часто ей помогал Совет Святодуховского братства, созданный при церкви школы для оказания посильной помощи бедным учащимся.

Ревизуя школу, Погодин потребовал исключения тех учащихся, которые имели задолженность в оплате за содержание в школе. Долго пытался Яковлев оставить бедную Алму в школе, но ничего не вышло, так как за исполнением указаний Погодина строго следила Симбирская контрольная палата.

28 мая 1911 г. Яковлев сообщил инспектору Внутренней киргизской орды: «Уразбаева может быть опять принята в число воспитанниц,—но не иначе, как по внесении 74 р. 19 к. до начала следующего учебного года»[3]. По окончании реви-

[1] **Яковлев И. Я.** Письма. С. 232.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 666. Л. 12.
[3] Там же. Д. 807. Л. 16.

зии Погодин представил министру отчет, в котором обвинил Яковлева в национализме, в нарушении положения о плате за обучение, в содержании особой переводческой комиссии и т. д. Нарушение заключалось в том, что И. Я. Яковлев бесплатно содержал и обучал в школе учащихся малообеспеченных родителей. Число таких учащихся увеличилось в голодном 1911 году. Практика бесплатного обучения продолжалась и после ревизии Погодина. Другой инспектор Богоявленский выявил все это. По его отчету долг учащихся составил в 1913 г. 760 рублей, до этого, к январю 1912 г. было 2035 рублей 24 коп.[1]

Откуда взялась эта сумма? Все дело в том, что И. Я. Яковлев, сочувствуя бедным крестьянам, разрешал в течение ряда лет содержать на одной стипендии (50 рублей) двоих учащихся. При этом использовались продукты фермы школы. С 1885 по 1894 г. на 300 рублей Чебоксарского земства содержались 10 учащихся[2] вместо шестерых. Подобных «нарушений», допущенных ради просвещения народа, было немало в истории школы. Именно в этом видели проявление антигосударственности И. Я. Яковлева.

Надо сказать, что во всевозможных обвинениях, возводимых на И. Я. Яковлева, Погодин не был одинок. В 1911 г. на дворянском съезде, где обсуждался «инородческий» вопрос, казанский предводитель дворянства Д. П. Арцыбашев выразил опасение, что преподавание на родном языке в школах революционизирует народ. Он вынужден был констатировать, что «чувашские учителя и священники усиленно переводят на свой язык литературные произведения и учебные руководства обычного и передового направления...»[3] При этом он имел в виду и школу Яковлева.

По отчету Погодина Иван Яковлевич был вызван на официальное объяснение в Петербург к министру Кассо. По окончании беседы с Кассо Яковлев решил выяснить в аппарате министерства, как продвигается давно представленный им проект преобразования школы в семинарию. Но проект даже не был найден в канцеляриях министерства.

Разочарованный, Яковлев вернулся в Симбирск и написал письмо на имя вице-директора Министерства народного просвещения И. М. Воронцовского: «В конце октября 1912 г., когда я был в Петербурге, Вы в личной беседе, между прочим, высказали, чтобы я о преобразовании Симбирской чу-

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 735. Л. 4, 15.
[2] Там же. Д. 1021. Л. 169.
[3] Окраина России. 1911. № 10. С. 10.

вашской учительской школы в учительскую семинарию вновь возбудил бы ходатайство через попечителя Казанского учебного округа. Вопрос о преобразовании был возбужден и представлен мною проект положения и штата еще в 1908 г., знаю, что из округа он был представлен в министерство и находится где-нибудь у Вас. Я, конечно, могу сделать новое представление через г. попечителя, но не ожидаю сочувственного отношения со стороны округа, не скрою, г. Погодин, а за ним г. попечитель Кульчицкий, довольно сильно настроены против меня. Самые пустые представления мои задерживаются и остаются без движения по целым годам»[1].

Напомним, что еще в 1904 г. в учебный округ был представлен по тому же делу проект из 14 пунктов. В один из них Яковлев включил обязательное посещение директором будущей чувашской семинарии сельских училищ, особенно двухклассных. Однако округ замолчал и этот проект, хотя Яковлев регулярно напоминал о нем в своих годовых отчетах.

Учебный округ был занят другим делом — как можно сильнее скомпрометировать деятельность Симбирской чувашской школы и ее руководителя. Только в период с 1900 по 1905 г. ее инспектировали восемь раз. По словам Яковлева, «школу дважды ревизовал за тот же промежуток г. инспектор Соловьев и один раз г. помощник попечителя (А. А. Остроумов. —*Н. К.*), два раза профессора Нагуевский и Будде»[2]. По представленным отчетам ревизий И. Я. Яковлева вызывали в Казань и Петербург для объяснений.

Яковлев надеялся на помощь предводителя дворянства Симбирской губернии В. Поливанова, который в силу своего положения мог воздействовать на Кассо. 25 марта 1911 г. член совета министра народного просвещения Н. А. Бобровников сообщил А. И. Яковлеву: «Поливанов, как сообщил Коля (второй сын И. Я. Яковлева.— *Н. К.)*, отказался написать Кассо письмо. Дело, по-видимому, будет проиграно»[3].

С Кассо Яковлев встречался несколько раз. О встрече по делу ревизии Погодина он рассказывал: «Поехал я в Министерство народного просвещения, где и прождал в министерстве до свидания с Кассо с 11 до 7 часов вечера, так как он приехал в министерство только к 6 часам и начал прием

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 607. Л. 61.

[2] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 1. Д. 15. Л. 41.

[3] Московское отделение архива АН СССР. Ф. 665. Оп. 1. Д. 36. Л. 41.

с других лиц. Мне советовали обратить внимание на то, где усадит меня в своем кабинете Кассо: если напротив себя, то это предвещало отрицательный, сухой прием; если на углу, у письменного стола, то прием милостливый. Кассо, после моего представления, усадил меня на углу. Вот часть моей с ним беседы. К.: «Вы хотите всю Симбирскую губернию отделить, захватить себе?» (Шутливым тоном.) Я: «Симбирская губерния очень велика, ваше высокопревосходительство. А чувашей в ней мало: всего в двух-трех уездах: уезды Курмышский, Буинский, отчасти Симбирский. В губернии же всего восемь уездов. Остальным можно подавиться. Тут мечтать нельзя...» К. (переходя в серьезный тон): «Имеют ли обвинения вас в сепаратизме кое-какие основания?» Я: «Никаких совершенно! Надо быть сумасшедшим, отчасти непонимающим... Всему виной взаимное непонимание, ненависть ко мне, возникшая вследствие личных отношений». Кассо задал мне еще несколько мелких вопросов, из которых я окончательно убедился в том, что на меня действительно сделан был донос. Затем Кассо мне говорит: «Напишите мне, адресуя на мою квартиру, все, как было, лично в мои руки. Если застанете дома, то еще поговорим. Не застанете — оставьте пакет. Успеете ли переписать, пока находитесь в Петербурге?» Я ответил утвердительно. Не застав министра дома, оставил у него мое объяснение в форме письма...» [1]

В этом письме он указывал: «В 1909 году на должность помощника попечителя Казанского учебного округа был назначен с. с. Погодин... он производил ревизию Симбирской чувашской учительской школы осенью 1910 и весною 1911 года, но никаких указаний или замечаний по поводу ревизии не делал. Положение изменилось в течение 1911 года, когда вследствие служебных командировок т. с. Деревицкого управление учебным округом было возложено на Погодина.

В течение истекшего 1911 года, а равно и текущего 1912 г. я встречаюсь в своей деятельности с беспрерывным, можно сказать, рядом нападок и затруднений со стороны округа. Наконец, мне было предъявлено обвинение в сепаратических стремлениях» [2]. В этом же обвинил его и последующий ревизор.

В сентябре 1913 г. окружной инспектор Богоявленский почти десять дней ревизовал деятельность школы, а затем

---

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 110.
[2] **Яковлев И. Я.** Из переписки. С. 221—222.

представил в Министерство народного просвещения отчет со следующим заключением: «На основании своих личных впечатлений и изучения переписки по учительской школе должен сказать, что действительный статский советник Яковлев — ярый националист-чуваш, и потому все вверенные ему учебные заведения носят чувашский характер. Это ясно видно из того, что в учительской школе и состоящих при ней учебных заведениях преподается чувашский язык, ведется на этом языке чтение богослужебных и религиозно-нравственных книг»[1].

В апреле 1913 г. И. Я. Яковлеву исполнялось 65 лет. Возраст был пенсионный. Кроме того, в октябре 1913 г. истекал срок его пятилетней службы. Эти обстоятельства усложнили вопрос — быть или не быть Яковлеву на дальнейшей службе. Управление учебного округа во главе с его попечителем Н. К. Кульчицким намерено было отстранить его от службы и искало повода для этого. Именно с этой целью в Симбирск прибыл Богоявленский. Вот как он ревизовал. «Приехал с явной целью,— писала Е. А. Яковлева 2 октября 1913 г. сыну Алексею,—отыскать крамолу. Явился в понедельник утром, пришел первым долгом в спальню учеников 2 и 3 классов и сейчас же начал обыскивать кровати, поднимал подушки, отвертывал одеяла, заворачивал кошмы, подбирал бумажки и тщательно их осматривал. Найдя лоскуточек газеты, спрашивал, какие газеты и сколько выписывают ученики. Оказалось, что это лоскуточек от летнего номера, в котором из лавочки был завернут не то сахар, не то колбаса... успокоился. Но тут же у другой кровати под кошмой оказалась круглая жестяночка, открывает, вакса. Сказал, что думал табак. У учеников при встрече отбирал, что попадалось у них в руках, книгу, бумагу, тетрадку и тщательно разглядывал и расспрашивал, что записано, что означает такая или сякая помета. Сначала уроками Никурашина был недоволен, но в конце недели все шептался с ним, приглашал к себе в номер и выказывал ему особое внимание»[2].

Несколько позднее после ревизии Богоявленского из учебного округа в школу приехала группа чиновников-ревизоров: Ломиковский (попечитель округа), инспектор Васильев, Петров (делопроизводитель канцелярии округа), Никитин (столоначальник канцелярии) и др. По словам Е. А. Яковлевой, сначала все они поехали на ферму школы, где

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 378. Л. 2.
[2] Там же. Ф. 515. Оп. 2. Д. 54 (публикуется впервые).

их угостили супом с курицей. Никитин заявил при этом: «Ах, одну казенную курицу принесли в жертву»[1]. Напрасно радовался Никитин. Здесь не было никакого нарушения, школа не разводила кур на ферме.

Яковлев глубоко переживал, не спал ночами. В школе до сих пор таких ревизий не производилось. Цель приезда чиновников округа в школу была найти какие-либо факты, подтверждающие выводы отчета Богоявленского. Забегая вперед, отметим, что результаты отчетов ревизий привели к пересмотру всей многолетней деятельности чувашского просветителя. В Министерстве народного просвещения к отчетам относились серьезно. Некоторые чиновники защищали Яковлева. Так, один из ведущих ученых в совете министра народного просвещения профессор С. Ф. Платонов осмелился даже обратиться к Кассо с таким письмом: «Враждебное отношение к Яковлеву статского советника Погодина, по-видимому, привело министерство в заблуждение и склонило его к мысли удалить Яковлева совершенно со службы, как вредное и неблагонадежное, что стоит в прямом противоречии с крепко установившейся репутацией и действительным характером деятельности этого человека»[2] (письмо не датировано).

В защиту И. Я. Яковлева выступал также Н. А. Бобровников, член совета того же министерства. Но Кассо больше доверял попечителю Казанского учебного округа Кульчицкому, с которым находился в дружеских отношениях. Под влиянием последнего у министра сложилось мнение о чувашском просветителе как о политически неблагонадежном деятеле народного образования.

Яковлев восстановил связь с обер-прокурором Святейшего Синода В. К. Саблером, с которым был знаком еще при жизни Н. И. Ильминского. Приехав в столицу по приглашению Кассо, 27 октября 1912 г. И. Я. Яковлев решил встретиться с Саблером, но его не оказалось на месте. Яковлев оставил ему такое письмо:

Ваше высокопревосходительство, глубокоуважаемый Владимир Карлович!

Осмеливаюсь почтительнейше просить Вас повергнуть на благоволение Государя Императора перевод Нового Завета и Псалтыри на чувашский язык, труд всей моей жизни. Вслед за августейшими покровителями моего труда, тремя

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 2. Д. 55 (публикуется впервые).

[2] ОРГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Ф. 585. Оп. 3. Д. 5 (публикуется впервые).

государями, которым я имел счастье служить, вслед за Святейшим именем Николая Ивановича Ильминского с чувством живейшей и сердечной признательности я должен назвать имена двух главных пособников в этом деле, помогавших мне словом и делом, ободрявших и защищавших меня в трудные минуты, это имя Константина Петровича Победоносцева и Ваше имя.

Глубокоуважаемый Владимир Карлович, примите эти книги, экземпляр Нового Завета и Псалтыри, как выражение моей благодарности, уважения и преданности Вам.

С.-Петербург, 1912. 12 октября»[1].

Упомянутые книги были изданы в Симбирске: Евангелие в 1911 г., а Псалтырь в 1912 г.

Позднее В. К. Саблер исполнил поручение И. Я. Яковлева. Он преподнес Николаю II Евангелие и Псалтырь на чувашском языке. В одну из книг было вложено письмо Яковлева. Приводим его текст:

«С-Петербург, 1912 г.

Всепресветлейший, державнейший, Великий Государь Император Николай Александрович, самодержавец Всероссийский, Государь Всемилостивейший!

Господу Богу угодно было дать совершиться делу перевода на чувашский язык Слова Божия. Ныне я дожил до осуществления [мечты] своей молодости — дать своим соплеменникам Святое Евангелие и большую часть Библии на их родном, им понятном и доступном языке. Дело этого перевода начато было 40 лет тому назад с Высокомилостивого одобрения Вашего незабвенного деда царя-освободителя, благословения Святейшего Синода и при живом сочувствии обер-прокурора графа Д. А. Толстого и К. П. Победоносцева; оно продолжалось под покровом благосклонного внимания вашего августейшего родителя царя-миротворца и ныне в Ваше благополучное царствование, наш возлюбленный монарх, совершено оно в своей главной и основной части. Словами не могу выразить своей бесконечной благодарности памяти Ваших отца и деда и Вам, государь за высокое покровительство моему слабому и несовершенному труду. Только это покровительство и сделало возможным его доведение до конца. Да благословит господь Ваши дни и да пошлет он в Вашем сыне такого же крепкого защитника и покровителя делу распространения веры Христовой, какими были в длин-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 2080. Л. 112 (публикуется впервые).

ном ряде столетий его прадеды и его царь — христианин-отец.

Вашего Императорского Величества верноподданный»[1].

Царь Николай II знал И. Я. Яковлева к этому времени не только по отчетам симбирских губернаторов, но и лично. Летом 1896 г. состоялась их первая встреча в Нижнем Новгороде на Всероссийской выставке, а вторая — в 1905 году. В мае того же года Яковлев был приглашен Министерством народного просвещения в Санкт-Петербург для участия в работе Особого совещания по образованию восточных инородцев России. По окончании совещания все его участники, а также министр народного просвещения генерал В. Г. Глазов, профессор А. С. Будилович были приглашены Николаем II на прием для беседы.

«В назначенный день мы, члены комиссии, человек 40, с Глазовым и Будиловичем во главе,—вспоминал Яковлев,— приехали с царскосельского вокзала, часов в 10 утра, не прямо во дворец, а в одну из дворцовых построек, где нам предложен был завтрак. После завтрака мы перешли во дворец, где долго ждали выхода государя. Никого, кроме членов комиссии и Глазова, на представлении не было. Государь вышел к нам без свиты, в сюртуке. Первым стоял профессор Будилович, второй Софья Васильевна Чичерина (племянница статс-дамы Александры Николаевны Нарышкиной), потом кто-то третий, четвертым я, а за мной остальные. Накануне Глазов принял от всех нас составленные вкратце памятные записки о наших личностях, служебном положении, научной деятельности и т. д. (В то время я был уже действительным статским советником.) Государь держал себя просто. У него были симпатичные, ласковые глаза.

Представлял нас всех генерал Глазов, начиная с Будиловича, о котором доложил государю: «Профессор Будилович, наш известный славист». Будиловичу, а затем всем нам, государь подавал руку. Чичерину государь знал лично по тетке ее Нарышкиной. Государь спрашивает Чичерину: «Как здоровье тетушки?» Потом в этом вопросе сумели найти двусмысленность, так как Эммануил Нарышкин был сын Александра I и польки. Значит, статс-дама Нарышкина якобы приходилась теткой государю. Подойдя ко мне, государь задал мне несколько вопросов по моей памятной записке, представленной мною Глазову: «Вы переводили книги на

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 2080. Л. 111 (публикуется впервые).

чувашский язык? Какие книги? Где служили? Сейчас вы инспектор Симбирской чувашской школы?» и т. д. Я отвечал, что чувашская школа основана мною, что мною переведены на чувашский язык буквари, священные книги, книга богослужения, Евангелие. «А еще какие другие книги?»— спрашивает меня государь.—Петрушевского «Рассказы из русской истории». На это государь ответил: «Патриотическая книга. Хорошо, что перевели ее. Благодарю Вас!» Государь с полупоклоном, не подавая вторично руку, кажется (теперь не помню ясно), отошел к следующему. Все заметили, что со мной он говорил 8 минут, т. е. дольше, чем с кем-либо другим. Через человека от меня стоял бывший директор придворной капеллы С. В. Смоленский, хорошо государю известный. «Вы при чем тут, Степан Васильевич?»—спрашивает государь, т. е. удивляется, какое участие в комиссии принял Смоленский. Смоленский докладывает государю: «Я племянник Н. И. Ильминского, сотрудник его многие годы, прежде чем стал управляющий капеллой»[1].

Как видим, И. Я. Яковлев имел некоторые обнадеживающие связи в столице для того, чтобы обеспечить себе возможность отстаивать свое дело. Как известно, Яковлев усовершенствовал и развил дальше систему Н. И. Ильминского, за что был обвинен в национализме. Наблюдатель церковных школ Буинского уезда А. Соколов предложил начать во всех инородческих школах обучение русскому языку с русской азбуки, а не с чувашской. 23 сентября 1913 г. Буинский уездный училищный совет согласился с этим предложением и принял соответствующее решение для его реализации. На этом совете с большим докладом выступил местный инспектор М. Касаткин на тему «Начальная народная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем». Учебный округ этот доклад полностью опубликовал отдельной брошюрой (Казань, 1914). В своем выступлении автор подчеркнул, что против введения обучения русскому языку в чувашских школах с первых же дней выступают учителя-чуваши «под влиянием Яковлева, пользующегося среди чуваш особенной популярностью»[2].

Решение Буинского училищного совета по этому вопросу попечитель учебного округа препроводил в Министерство народного просвещения. Кассо ответил Кульчицкому: «...при-

[1] **Яковлев И. Я.** Моя жизнь. НА НИИ при Совмине Чув. ССР Отд. вр. хр. инвентарь 361. С. 396—397 (публикуется впервые).

[2] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 180. Д. 319. Л. 5 (публикуется впервые).

мененный опыт в чувашских школах Буинского уезда признан удачным и целесообразным»[1].

Как ни странно, учебный округ опубликовал в печати ответ Кассо как официальное распоряжение министерства «...начинать обучение русскому языку с русского, а не с чувашского букваря»[2]. Казалось бы, так и должно быть — русскому языку надо обучать по русским букварям, а не по чувашским. Однако дело в том, что чувашские буквари, составленные И. Я. Яковлевым, были двуязычными. В первом же классе дети изучали по ним сначала родной язык, а затем, на основе уже известного, переходили к изучению неизвестного, т. е. к русскому языку, что вполне соответствовало принципам человеческого познания и классической педагогики.

Даже в годы реакции начала 900-х годов чувашский букварь с успехом использовался в начальной школе. И только в годы управления Кульчицкого Казанским учебным округом чувашский букварь был изъят из употребления в начальной школе. Поэтому Яковлев считал эти годы самым тяжелым периодом в своей деятельности. Чтобы приостановить этот процесс, 14 ноября 1913 г. он представил в Симбирский губернский училищный совет свое отношение к решению Буинского училищного совета от 23 сентября того же года и в нем сообщал: «Постановление Буинского уездного училищного совета перерешает вопрос, разрабатывавшийся в течение почти всего истекшего столетия русской государственной властью. Вопрос этот был поставлен в царствование императоров Александра II и III, наконец, изучение его было продолжено при ныне благополучно царствующем государе-императоре. К разработке этого вопроса государственной властью были привлечены люди из местных правительственных и общественных учреждений, люди науки и широкого многостороннего опыта. Из лиц, участвовавших в его решении, можно назвать имена К. П. Победоносцева, В. К. Саблера, графа Д. А. Толстого, И. Д. Делянова и многих др. На разработку его положил свою жизнь один из замечательнейших и величайших русских людей Н. И. Ильминский. Вся эта разработка приводила неизменно к выводу о необходимости допущения родного языка инородцев при богослужении в их храмах и как языка преподавания в первые два года обучения в начальной инородческой школе при преподавании закона божьего особенно...

[1] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 180. Д. 319. Л. 9 (публикуется впервые).

[2] Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1913. № 12. С. 713.

Итак, ни направление Высочайшей воли, ни законодательные акты, ни действующие распоряжения высшего начальства Министерства народного просвещения не только не вызывают никаких сомнений, но прямо и решительно говорят о законности и необходимости допущения в начальную инородческую школу родного языка учащихся. Именно родной язык являлся и является орудием воспитания, приобщения инородцев к русской культуре. Постановление Буинского училищного совета отвергает 50-летний опыт и многих местных деятелей земства, идет вразрез с указами высших начальств»[1].

Это отношение И. Я. Яковлева оказалось в руках предводителя дворянства Буинского уезда М. Теренина, который еще до этого, в январе 1914 г., встретился с Кассо. 23 марта того же года предводитель дворянства переслал отношение Яковлева к Кассо. В сопроводительном письме Теренин писал: «Тогда я коснулся и деятельности чувашских руководителей, во главе которых стоит И. Я. Яковлев. В настоящее время, как иллюстрация к сказанному мною, я имею случай представить поданную г. Яковлевым в Симбирский губернский училищный совет записку, которой он просил отменить постановление нашего уездного училищного совета...

Заявление г. Яковлева, как неосновательное, конечно, губернским советом удовлетворено не будет, но оно заслуживает, все-таки, особого внимания, как иллюстрация того, насколько этот «просветитель-чуваш» действует в государственном духе и насколько радеет о сближении инородцев с русским народом»[2]. К письму приложена брошюра М. Касаткина «Начальная народная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем», в которой Яковлев обвиняется в национализме.

Яковлев выдержал все нападки на него не только благодаря своему богатырскому духу, но и, конечно, поддержке единомышленников. Так, благодаря вмешательству С. Ф. Платонова срок службы Яковлева был продлен. Летом 1913 г. проездом по Волге Платонов посетил Симбирскую чувашскую школу. Вслед за ним вскоре чувашскую школу посетил и Кассо. Несомненно, личность И. Я. Яковлева его интересовала прежде всего в политическом отношении. Ему

---

[1] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 180. Д. 319. Л. 15 (публикуется впервые).

[2] Там же. Л. 11 (публикуется впервые).

хотелось выяснить, почему на просветителя поступало в министерство так много жалоб.

26 апреля 1914 г. в 4 часа утра Кассо прибыл в Симбирск в сопровождении вице-директора департамента Министерства народного просвещения Р. А. Бертольди. На пристани их встречали вся городская знать, директора двух гимназий, а также И. Я. Яковлев. К ним присоединились попечитель Казанского учебного округа Кульчицкий, местный губернатор и другие. До обеда они посетили чувашскую школу.

Министр, ознакомившись с действительным положением вещей, ограничился некоторыми пожеланиями и замечаниями в адрес И. Я. Яковлева и сделал вид, будто доволен руководством школы. О пребывании министра в школе Е. А. Яковлева писала Алексею: «Пробыл он в школе около часа. Вошел сначала в новый дом, в третий класс (все классы были собраны в новом доме для удобства), просидел на уроке Никурашина минут 15, слушал, но сам не спрашивал, затем на две минуты зашел во второй [класс] на урок Некрасова, на минуту в первый класс женских курсов и на минуту в третий [класс]»[1].

После осмотра чувашской школы Кассо и сопровождавшие его лица были приглашены на обед симбирским губернатором, в числе приглашенных был и Яковлев. На обеде губернатор А. С. Ключарев заявил: «Пока я служу, Яковлев забронирован. Знаю, что его преследуют из округа. Это все Погодин...»[2]. После приема в губернаторском доме Кассо отбыл в Казань, в учебный округ. На прощание министр сказал И. Я. Яковлеву: «Еще раз благодарю Вас, все у Вас хорошо, продолжайте трудиться»[3]. Здесь же Кульчицкий просил Яковлева приехать в Казань 10 мая. Во время этих встреч вопрос о преобразовании школы в семинарию не поднимался.

В поездках по учебному округу Кассо сопровождал Кульчицкий, сумевший немало нашептать министру о «вредности» чувашского инспектора для Русского государства.

Из Симбирска вся эта представительная кампания отбыла в Казань в ночь на 27 апреля.

Вскоре началась проверка личного дела Яковлева, особенно тщательный просмотр всех представленных им до этого материалов о школе. Одновременно из учебного округа

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 399 (публикуется впервые).
[2] ОРГПБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 2364 (публикуется впервые).
[3] Там же (публикуется впервые).

поступали жалобы и обвинения, о которых регулярно сообщал Н. А. Бобровников Н. И. Яковлеву, проживавшему в то время в Петербурге. Бобровников негласно защищал, как мог, Яковлева от нападок министра. «Борьба с Кассо очень сложная,—писал он весною 1914 г. А. И. Яковлеву,— и протекает в тяжелых условиях...

В качестве мер против Кассо я написал разбор сметы Министерства народного просвещения в 1914 году. т. к. думский разбор этой сметы крайне слаб. Думаю, что мне удалось разоблачить...»[1]. 15 мая 1914 г. Николай Яковлев писал своему брату Алексею: «Дяде (Бобровникову.—*Н. К.*) сказали в министерстве земледелия, что Кассо не хочет вызвать папу на совещание... Как я одновременно узнал, против папы округ снова возвел новые обвинения: 1) он обвиняет в незаконных сношениях с земством (подробно не знаю, в каких именно), 2) обвиняет в том, что он своими распоряжениями постоянно нарушает государственный контроль.

Был у Сергея Федоровича (Платонова, члена совета министра народного просвещения.— *Н. К.*), он выразился так: «Очевидно, Кассо никакие посредничества не помогут. Пусть Иван Яковлевич сам напишет ему письмо». Я приготовил 5 писем с изложением всего этого, но не решился ему послать. Подожду твоего совета. Не думаешь ли ты, что это его расстроит очень. Известно также, что Кассо затребовал сведения о сроках папиной службы»[2].

О каких государственных нарушениях идет речь? Оказывается, Яковлев содержал учащихся на средства мастерских и ферм. Впоследствии выпускники, став учителями, полностью компенсировали эти расходы. Об этом же говорит и ответ Яковлева на официальный запрос попечителя: «С окончивших курс и состоящих на службе недоимки взыскивались и взыскиваются через участковых инспекторов народных училищ, через уездные отделения епархиальных училищных Советов и через земские управы, смотря по роду училища, где служат окончившие курс, а с уволенных учащихся в настоящее время взыскиваются через местные волостные правления. Все перечисленные недоимки образовались исключительно по бедности родителей учащихся, которые по случаю неурожая последних лет не могли своевременно вносить плату за содержание своих детей»[3]. 21 ян-

[1] Московское отделение архива АН СССР. Ф. 665. Оп. 1. Д. 348. Л. 1.

[2] Там же.

[3] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 735. Л. 4, 15.

варя 1913 г. Кульчицкий потребовал исключить всех учащихся, не внесших платы за обучение.

В 1913—1914 годах слежка за деятельностью Симбирской чувашской учительской школы и ее руководителем усилилась. В 1913 г. попечитель потребовал прекратить преподавание в школе сельского хозяйства, а ферму закрыть; в том же году в министерство поступила жалоба о том, что в Симбирской чувашской школе «не изучается церковнославянский язык, но систематически преподается чувашский язык»[1], что было равносильно нарушению программы, и теперь попечитель Казанского округа имел все «основания» для увольнения Яковлева.

Учебный округ оставил его на службе лишь на один год — до 20 сентября 1914 г. Этот срок нужен был министерству для всесторонней проверки личности претендента на дальнейшую службу. Такая практика тайной слежки за сомнительными лицами установилась в аппарате Министерства народного просвещения давно. При этом большая роль отводилась неожиданным ревизиям деятельности учебных заведений и их руководителей. От результатов таких ревизий зависел и срок службы лиц, находившихся под подозрением у министерства. 12 октября 1913 г. Яковлев написал письмо попечителю Казанского учебного округа: «20 минувшего сентября окончилось второе пятилетие моей службы в должности инспектора Симбирской чувашской учительской школы, на каковую должность я был назначен по выслуге мною пенсии по должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа... По состоянию здоровья я могу продолжать настоящую службу и осмеливаюсь почтительнейше просить Ваше Превосходительство оставить меня на следующее пятилетие». На полях письма имеется резолюция попечителя: «Оставление зависит от министра, которому будут представлены результаты ревизии Богоявленского»[2].

20 октября того же года попечитель направил в Министерство народного просвещения письмо, в котором просил оставить И. Я. Яковлева на службе еще на один год. Далее попечитель пишет: «Оставление же (г)осподина) Яковлева на службе на дальнейшее время будет зависеть от благоусмотрения Вашего Высочества по принятии во внимание результатов, произведенных, по моему поручению,

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 735. Л. 41.

[2] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 20. Д. 22058. Л. 1 (публикуется впервые).

окружным инспектором, действительным статским советником В. Богоявленским ревизий, о каковых результатах я буду иметь честь в непродолжительное время войти с особым представлением»[1]. Не трудно догадаться, какое представление последовало в столицу. 10 марта 1914 г. вице-директор департамента Министерства народного просвещения Даев телеграфировал в Казань: «Спешно выслать копию формуляра (личного дела.—*Н. К.)* инспектора Симбирской чувашской учительской школы Яковлева»[2].

Летом 1914 г. Кульчицкий вновь обрушился на Яковлева. «На днях был Кульчицкий в Симбирске, обошелся с отцом очень резко и сказал, что он бы выгнал его в две недели, если бы не покровительство министра и других высокопоставленных лиц»[3],— так описала Е. А. Яковлева последнюю встречу И. Я. Яковлева с Кульчицким в Симбирской чувашской школе. 30 июня того же года Кассо перевел Кульчицкого ближе к себе. Новым попечителем Казанского учебного округа стал И. А. Базанов, продолжатель политики своего предшественника. Приходу нового попечителя Яковлев был рад и надеялся на перемены, но надежды не оправдались. Срок его службы вновь был продлен лишь на один год, несмотря на вмешательство симбирского губернатора и губернского предводителя дворянства. 15 октября 1914 г. губернатор Ключарев обратился с письмом к Базанову, прося оставить Яковлева в должности еще на 5 лет. В письме он подчеркнул, что Кассо во время посещения Симбирской чувашской школы в апреле 1914 г. «остался очень доволен школой, благодарил Яковлева и просил его продолжать полезную деятельность, буде возможно до самой смерти»[4]. 11 октября такое же письмо попечителю направил предводитель дворянства Симбирской губернии Поливанов и при этом указал, что Яковлев через четыре года отметит 50-летие своей школы и потому ему необходимо оставаться в должности не менее пяти лет. 4 ноября 1914 г. Базанов сообщил Яковлеву: «Я оставлю Вас на службе в занимаемой должности еще на один год, с 20 сентября 1914 г.».

В эти годы И. Я. Яковлев чувствовал себя вполне здоровым и потому просил продлить срок службы на пять лет. Недооценка его деятельности и преследование учебным ок-

---

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 20. Д. 22058. Л. 3 (публикуется впервые).
[2] Там же. Оп. 2. Д. 22059. Л. 4 (публикуется впервые).
[3] ОРГПБ. Ф. 585. Оп. 3. Д. 2364. Л. 33 (публикуется впервые).
[4] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 997. Л. 7 (публикуется впервые).

ругом прекратились после смены министра (Кассо умер в декабре 1914 г.).

После смерти Кассо министром народного просвещения стал Н. Н. Игнатьев. Новый министр был довольно самостоятельным чиновником и не так легко поддавался влиянию Казанского учебного округа. В мае 1915 г. он пригласил И. Я. Яковлева на беседу, в ходе которой среди прочих вопросов обсуждался проект будущей семинарии. Новый министр предложил представить новый проект.

7 декабря 1915 г. И. Я. Яковлеву сообщили, что он оставлен в должности инспектора Симбирской чувашской учительской школы еще на четыре года.

15 декабря Яковлев представил проект преобразования учительской школы в семинарию, а 7 января 1916 г.—проект преобразования женских педагогических курсов в женскую семинарию. В проектах предусматривалось изучение чувашского языка по программе семинарии как обязательного предмета. В течение четырех лет учащиеся, в состав которых планировалось принимать 20 процентов из числа русской молодежи, должны были изучать 14 теоретических предметов, все учащиеся должны быть обеспечены стипендией.

За время своей деятельности в должности инспектора И. Я. Яковлев представил много таких проектов и ходатайств по делу организации семинарии. Только одно перечисление этих документов могло бы занять несколько страниц.

После первой русской революции хлопоты о преобразовании школы в семинарию перешли в острую борьбу с противниками «инородческого» просвещения. Все труднее становилось защищать школу. Серьезная угроза нависла над ней в 1916 г., когда министром народного просвещения стал бывший попечитель Казанского учебного округа, ярый враг инородческого просвещения уже известный нам Н. К. Кульчицкий, который, заняв кресло министра, поспешил разработать проект закрытия Симбирской чувашской учительской школы. Осуществиться этому замыслу помешала Февральская революция 1917 г., которая смела царских министров, а заодно — и их планы.

Когда министром был Кульчицкий, Яковлев действовал осторожно. Он просил преобразовать школу в русско-чувашскую учительскую семинарию, но также с двойным составом, т. е. мужским и женским. Он подробно разработал Положение о семинарии — на 20 страницах. Подобные проекты Положения им составлялись с 1875 г., но преобразо-

вание все откладывалось, хождение по мукам продолжалось еще довольно длительное время.

И. Я. Яковлев, воспользовавшись политической переменой, 11 апреля 1917 г. направил еще одно ходатайство о преобразовании своей школы в учительскую семинарию, хотя к этому времени в канцелярии Министерства народного просвещения уже накопилось достаточно документов по этому делу. В тот же день он написал письмо Клюжеву с просьбой проследить за продвижением дела. Яковлев сомневался в помощи депутата Думы и 14 апреля 1917 г. лично обратился к министру Временного правительства А. А. Мануйлову: «Ныне, когда Россия вступила на путь свободного развития, для проявления самодеятельности и творчества во всех областях народной жизни открывается широкий простор, вопрос народного образования и, следовательно, вопрос о подготовке народных учителей должен быть признан в высшей степени важным и решение его неотложным. Я полагаю, что в настоящий момент в истории русского народа нельзя останавливаться ни перед какими затратами на реорганизацию ныне существующих учебных заведений, подготовляющих народных учителей, в полном соответствии с новым демократическим строем страны. Вот почему позволяю себе обратиться непосредственно к Вам, как к первому министру новой России с ходатайством, не признаете ли возможным ныне же преобразовать вверенную мне Симбирскую чувашскую учительскую школу и женские педагогические курсы при ней в учительскую семинарию общего для всех государственного типа, но с сохранением некоторых существенных черт и особенностей как центральных для чувашского населения учебно-воспитательных учреждений»[1].

Аналогичное письмо было послано 14 февраля 1917 г. директору департамента Министерства народного просвещения П. Ф. Сурину. В нем И. Я. Яковлев напомнил, что «революционный период, несомненно, самое подходящее время для проведения коренных реформ во всех областях народной жизни»[2].

В письме министру Яковлев представил данные о возможном составе мужской и женской семинарий: 80 процентов учащихся должны составлять чуваши, следует сохранить два интерната по 160 человек, по 60 учеников и учениц из начальных училищ при семинариях, т. е. всех

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 2. Д. 5.
[2] Там же. Карт. 10. Д. 15 (публикуется впервые).

учащихся должно быть 440. Он предложил также сохранить две должности преподавателя русского языка, установить штатную должность преподавателя чувашского языка в каждой семинарии, кроме учителя пения, иметь особого штатного учителя музыки»[1].

Вопрос об организации в Симбирске чувашских учительских семинарий широко обсуждала общественность. С 15 по 22 мая 1917 г. в Казани заседало Первое общее собрание представителей мелких народностей Поволжья, а с 20 по 28 июня в Симбирске работал Общечувашский национальный съезд. Участники их единодушно поддержали необходимость реорганизации Симбирской чувашской учительской школы и женских педагогических курсов в семинарии. В работе собрания активное участие принимали учителя Симбирской чувашской учительской школы.

Под давлением общественности и революционного движения страны Временное правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки. 14 июня 1917 г. оно приняло постановление «Об отпуске в 1917 г. 5415714 руб. в распоряжение Министерства народного просвещения на открытие четырехклассных гимназий и реальных училищ, а также на открытие и содержание учительских институтов и семинарий». К этому времени в стране была 171 учительская семинария. Все они, как и учительские школы, являлись закрытыми учебными заведениями. В том же постановлении предусматривалось введение ряда новшеств в управлении этими учебными заведениями, разработанных шовинистически настроенными чиновниками министерства. Вот одно из них, свидетельствующее о крайне реакционном характере нововведения, чего не было даже при царизме: «Директор (начальница), учителя и учительницы научных предметов избираются из русских подданных, получивших высшее образование»[2].

Выходит, что после этого И. Я. Яковлев и некоторые преподаватели нерусской национальности Симбирской чувашской учительской школы после ее преобразования в семинарию должны были подать в отставку. Однако это не испугало Яковлева, он продолжал добиваться преобразования школы в семинарию. Летом 1917 г. он приблизился к своей заветной цели. Министерство народного просвещения вынуждено было согласиться на открытие в Симбирске

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 2. Д. 5. Л. 5, 7.

[2] Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Сентябрь. С. 9.

чувашской учительской семинарии. Согласно вышеуказанному постановлению намечено было открыть 25 учительских семинарий и 5 учительских институтов в течение двух лет, на что выделялось 1518764 рубля[1]. Для реорганизации чувашской школы в семинарию с 1 июля было выделено 22475 руб. 31 июля 1917 г. по поручению Министерства народного просвещения в Симбирск прибыл директор Ярославского реального училища Н. С. Соколов. Вместе с И. Я. Яковлевым и другими он составил штат будущей семинарии, что и было представлено на утверждение в министерство.

В связи с осложнением политической обстановки в стране окончательное преобразование школы в семинарию затянулось. Только 2 октября 1917 г. департамент Министерства народного просвещения телеграфировал И. Я. Яковлеву об утверждении соответствующего решения, а 4 октября поступила бумага о бюджете на 1917 г. Однако конкретных указаний об использовании бюджета, учебных пособий и прочего ни со стороны министерства, ни от учебного округа Яковлев не получил.

18 ноября 1917 г. Яковлев направил в Министерство народного просвещения подтверждение о результатах работы по преобразованию школы в семинарию. К этому времени в стране были организованы новые органы управления: Наркомпрос и Госкомиссия по просвещению. Однако текущие дела шли своим чередом через старое Министерство народного просвещения. Последнее являлось временным исполнительным аппаратом при Госкомиссии по просвещению. Поэтому документы оказались на месте.

После принятия окончательного решения о преобразовании школы в семинарию Яковлев был назначен лишь исполняющим обязанности директора семинарии и только после революции он снова стал ее руководителем. Вначале была преобразована только мужская учительская школа, всех остальных учебных заведений изменения не коснулись, как и раньше, они подчинялись председателю педагогического совета.

[1] Русская школа. 1917. № 8. С. 4.

Глава IV

СОЗДАНИЕ ПЕРВОГО ЧУВАШСКОГО ВУЗА

Необходимо создать в Симбирске особый учительский институт для чуваш...

И. Я. ЯКОВЛЕВ

Националисты против Яковлева

В 1918 г. только что созданный Наркомпрос занялся решением важной государственной задачи — организацией системы народного образования и потому не имел возможности рассматривать конкретные вопросы создания национальных учебных заведений. «Что касается разработки вопросов о специфике просвещения, свойственной отдельным национальным областям и районам (проблема обучения на родном языке, проблема национальных педагогических кадров, создание национальных учебников и т. д.»[1], то для этого не было пока опыта. Неблагоприятно отражались на осуществлении ряда задач в области народного образования шовинистические настроения, с одной стороны, и усиление национализма на местах, с другой.

Особой формой великодержавного шовинизма являлся примитивный «интернационализм». Он заключался в попытках истолковать принцип единой школы в том смысле, что для всех народов должна быть школа на русском языке. Согласно отчету Наркомпроса за 1917—1920 гг., такой «интернационализм» был похож на русификаторскую политику царизма». «Только в последнее время,—говорится в отчете,—мы начали изживать это грубое непонимание политики РСФСР, стоившее множества незаслуженных и горьких обид освобождаемому Советской властью от царских цепей населению. Только теперь местные отделы народного

[1] **Королев Ф. Ф.** Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917—1920 гг.—М., 1958. С. 437.

образования окончательно поняли, что народы нерусского языка имеют такое же право на образование на своем языке, как и русские трудящиеся, и что эта забота о просвещении этих народностей является их ответственной задачей»[1].

Ошибки и недопонимание новой политики в области просвещения наблюдались и среди некоторых работников Симбирского губоно, который, наряду с подотделом культуры и просвещения чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей (Наркомнац), ведал делом просвещения чувашей в Симбирской губернии.

С 20 по 28 июня 1917 г. в Симбирске состоялся общечувашский национальный съезд, организовавший Чувашское Национальное Общество (ЧНО). Появление этого общества следует рассматривать как результат объединения значительной части чувашской интеллигенции для борьбы за социально-политические права народа. Такая борьба продолжалась длительное время. Она особенно усилилась в начале 900-х годов. Именно в этот период среди чувашской интеллигенции, учащейся молодежи появилось движение за создание общественно-политической организации. Один из активных участников этого движения писал: «Возникновение чувашских революционных организаций ... нужно отнести к 1902 г. Это были ученические организации в г. Симбирске и Казани, поставившие себе целью политическое просвещение чуваш. К 1904 г. оформилась чувашская организация партии социал-революционеров»[2].

В дореволюционной России чувашские национальные кадры интеллигенции готовила Симбирская чувашская школа. Не случайно первыми членами социал-демократической партии среди чувашей были воспитанники этой школы: В. А. Анисимов, М. Д. Демьянов, Т. С. Кривов и др. Выпускники той же школы создавали различные общественные организации. Наиболее массовыми были учительские организации.

В 1905 г. в России был организован Всероссийский Учительский Союз (ВУС) — профессионально-политическое объединение учителей и деятелей народного образования. ВУС находился под политическим влиянием кадетов, эсеров и меньшевиков, имел тесные связи с учителями национальных окраин. В 1905—1906 гг. почти во всех чувашских уездах появились местные учительские союзы, во главе которых

---

[1] **Королев Ф. Ф.** Очерки... С. 436.

[2] **Петров Д. П.** Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение.—Казань, 1921. С. 6—7.

стояли эсеры, большинство из которых впоследствии стало лидерами ЧНО. Поскольку образовалось множество местных учительских союзов, то возникла необходимость объединения их в один национальный центр, что и было создано в 1906 г. под названием «Кружок деятелей по образованию чуваш». Он находился в тесной связи с ВУСом, разработал свой устав. «Кружок имеет целью поднятие умственного и экономического состояния чуваш, в частности развитие их политического самосознания. Средствами для этого служат: а) издание и распространение периодических органов на чувашском языке... е) борьба за реорганизацию школьного и внешкольного образования чуваш на началах свободы и строгого демократизма»[1]. Летом же 1906 г. Кружок захватил в свои руки единственную тогда чувашскую газету «Хыпар».

Кружок не имел конкретной программы развития чувашского просвещения, да и устав его составлен был с использованием многих программных требований других политических партий того периода. На практике цель кружковцев была направлена на то, чтобы руководить культурно-просветительным движением чувашей, хотя для этого у них не было ни знаний, ни опыта. Известно, что это движение почти 40 лет возглавлял И. Я. Яковлев. Фактически их цель превратилась в открытую борьбу против Яковлева, т. е. своего учителя. Кружковцы и их единомышленники вместе с кадетами начали широкую клеветническую кампанию в печати против чувашского просветителя. В газетах Симбирской и Казанской губерний появилось множество статей, фельетонов, в которых Яковлева обвиняли в русификации чувашей, в измене их национальным интересам и т. д. С авторами некоторых из них ему пришлось судиться. Мало того, в его адрес поступила масса ультимативных писем с угрозами.

В 1908 г. деятельность ВУСа прекратилась. Возобновилась она после Февральской революции 1917 г. Почти то же самое произошло и с Кружком, который в июне 1917 г. как бы преобразовался в ЧНО. И. Я. Яковлев надеялся, что на этот раз интеллигентная сила придет ему на помощь, вольется в то русло чувашского просвещения, которое он начал в гимназические годы. К сожалению, помощи не было.

ЧНО и Яковлев по-разному понимали роль и значение

[1] Устав Кружка деятелей по народному образованию чуваш.— Казань, 1906. С. 1.

просвещения в воспитании молодого поколения, пути развития чувашской культуры вообще. ЧНО пыталось придать процессу воспитания и образования молодого поколения сугубо националистический характер, осуществить его в рамках национальной культуры. И. Я. Яковлев придавал всему этому процессу интернациональный характер. «Национальная идея развития инородцев,—писал он,— есть идея их духовного объединения и слияния с русским народом»[1]. Кроме того, ЧНО отрицало значение религии, а И. Я. Яковлев считал ее средством воспитания, обязательным предметом обучения не только в начальной школе, но и в учительской семинарии. Во-вторых, Яковлев выступал за решение всех социальных проблем чувашского народа мирным путем, путем реформ, ЧНО — путем насилия. Так, 24 июня 1917 г. на общечувашском национальном съезде в Симбирске обсуждался аграрный вопрос. В этот день на съезде выступил И. Я. Яковлев. Он напомнил о том, как много обязаны чуваши возрождением своей культуры России, русскому населению, русским помещикам, оказавшим помощь в создании культурного центра в Симбирске — чувашской учительской школы. Одновременно он выразил свое несогласие с принятой на съезде аграрной программой. Она была разработана на основе теории немецких социалистов. Яковлев указал, что чуваши живут не в Германии и им нужна конкретная помощь в организации земельного хозяйства. «Поэтому я думаю,—продолжал он,—земельный вопрос у чуваш секцией вовсе не разработан. Мы здесь слышали похвалу сочиненной по немецкой указке чужой программы, а о том, что нужно собственно чувашам, где им найти себе землю, как на ней устроиться, нам ни слова не сказали»[2].

Раньше, до этого выступления, организаторы ЧНО стремились привлечь И. Я. Яковлева на свою сторону, обещали ему помочь в преобразовании школы в семинарию, в создании чувашской газеты и т. д. Этот съезд окончательно оттолкнул Яковлева от ЧНО. После этого выступления резко обострились его отношения с лидерами ЧНО. Он не признавал их как представителей народа, а считал «кучкой недоучек и безумцев, принадлежавших опять-таки к составу воспитанников школы»[3]. Действительно, лидеры ЧНО являлись воспитанниками Симбирской чувашской школы.

[1] **Яковлев И. Я.** Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы.—Симбирск, 1908. С. 5.

[2] Симбирянин. 1917. 27 июня.

[3] **Яковлев И. Я.** Письма. С. 33.

В резолюциях того же съезда была подчеркнута необходимость приема в чувашские учительские семинарии «природных чуваш и лишь тех из русских, которые росли в чувашских селениях, хорошо знают язык, быт и нравы чуваш»[1]. Между тем в Симбирской чувашской школе со времени ее основания 20—25% учащихся составляли русские, учились в ней мордва, марийцы, татары, украинцы и др. ЧНО же пыталось загнать это педагогическое учебное заведение в национальные рамки.

И. Я. Яковлев, будучи врагом национализма во всех формах его проявления, не хотел сотрудничать с националистами. Однако он понимал, что в дальнейшем ЧНО воспользуется происходившими политическими переменами, чтобы удалить его из созданного им учебного заведения. Для такого беспокойства были все основания. В резолюции того же съезда содержался и такой пункт: «По отношению к чувашским учительским семинариям должно быть применено выборное начало. Кандидаты на должности директоров и преподавателей рекомендуются чувашским съездом и обществом»[2].

Естественно, уже следующий съезд должен был решить вопрос о кандидатуре на должность руководителя чувашской учительской школы в Симбирске, которая спустя месяц формально преобразовалась в семинарию, но утверждение министерством затянулось. Указанный пункт съезда привел к началу крестового похода против ветерана чувашского просвещения. Для него были созданы невыносимые условия жизни и работы. В 1922 г. почти 75-летний старик Яковлев вынужден был покинуть г. Симбирск, где для родного народа в свое время зажег светоч науки и просвещения. А начиналось так. С лета до осени 1917 г. правление ЧНО тщательно готовилось к предстоящему съезду. Членами правления являлись некоторые преподаватели Симбирской чувашской школы: С. М. Максимов, Я. З. Захаров, В. Н. Орлов, В. Н. Никифоров, И. Д. Дормидонтов, А. Г. Григорьева, Н. Я. Яковлева и др. В их обязанность входила пропаганда деятельности ЧНО «в целях изыскания средств осуществления постановлений и резолюций съезда»[3].

К началу 1917—1918 учебного года учащиеся уже знали о представлении в Министерство народного просвеще-

---

[1] Резолюция и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом.—Симбирск, 1917. С. 20.

[2] Там же. С. 22.

[3] Там же. С. 16.

ния сметы, проекта штата преподавателей будущей семинарии, о работе в Симбирске съезда ЧНО. О последнем И. Я. Яковлев вспоминал: «Съехавшиеся на съезд враги мои сошлись в Симбирске с частью недовольных моею деятельностью преподавателей и воспитанников Симбирской чувашской школы»[1]. Недовольные им преподаватели и учащиеся стремились воспользоваться происходящим процессом преобразования школы для избрания ее нового руководителя, для отстранения И. Я. Яковлева от занимаемой должности.

Не без вмешательства некоторых преподавателей, членов ЧНО, группа старшеклассников провела общее собрание учащихся школы. Под давлением этой группы собрание приняло решение о необходимости избрания нового руководителя, т. к. «Яковлев стар, груб» и т. д. В пользу такого решения было собрано 132 подписи учащихся. 29 сентября 1917 г. протокол собрания с подписями 132 учащихся ученик Косолапов зачитал на очередном съезде ЧНО в Казани. Съезд реагировал на выступление необычного посланника отрицательно.

К сожалению, сохранилось мало документов правления ЧНО. После ликвидации ЧНО как контрреволюционной организации в сентябре 1918 г. бывшие его члены, боясь разоблачения своих нелегальных действий, уничтожили документы. Один из организаторов ЧНО, правый эсер, член Учредительного собрания С. Н. Николаев перешел на сторону контрреволюции, а затем уехал за границу. Но все же многие стороны деятельности ЧНО проясняют воспоминания участников его съездов, а также документы, высланные в различные учреждения. Так, в ходе создания музея И. Я. Яковлева при Чувашском пединституте в 1967 г. мы обнаружили протокол собрания с 132 подписями учащихся. В то время 9 из них были еще живы. У всех мы записали подробные воспоминания по этому делу. Наиболее интересны мемуары А. И. Иванова, тогда сотрудника НИИ при Совмине Чувашской ССР. По его рассказу, учащиеся старших классов хорошо знали о деятельности ЧНО, о его съездах. В сентябре 1917 г. подписи против И. Я. Яковлева собирала небольшая группа старшеклассников во главе с Косолаповым и К. Репиным. «Оба были родом из деревни Кайсарово Буинского уезда Симбирской губернии, рослые и физически крепкие парни. Репин был выше Косолапова, имел хороший голос. Они заставляли

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 240.

нас подписываться, мы даже сначала не знали, для чего собирали подписи, но хорошо помню, кто отказывался, тому угрожали физической расправой. На собраниях те же лица призывали нас к выступлению против И. Я. Яковлева. Большинство учащихся были за него. Среди преподавателей также были его противники, но открыто никто не выступал, чувствовалось отрицательное отношение к нему со стороны С. М. Максимова»[1].

По воспоминаниям участника сентябрьского съезда 1917 г. в Казани, выступление Косолапова присутствовавшие встретили неодобрительно, не давали ему говорить. Председательствовавший А. Васильев успокаивал зал. Некоторые участники потребовали сослать Косолапова и других организаторов травли И. Я. Яковлева в Сибирь. Разочарованный Косолапов в тот же день прислал в Симбирск зашифрованную телеграмму из двух слов: «Шансов нет». Кому выслана телеграмма, пока неизвестно, но учащиеся знали об этом. Косолапов выехал в Казань без разрешения дирекции школы.

После окончания съезда правление ЧНО по-прежнему продолжало настаивать на замене И. Я. Яковлева другим, более молодым человеком. Ведь теперь в распоряжении ЧНО находились сфабрикованные по его заданию жалобы учащихся на Яковлева, копии которых вскоре были присланы в Симбирск для объяснения. Недоумевая, в чем дело, 26 октября 1917 г. Яковлев обратился к попечителю Казанского учебного округа С. Любомудрову: «Мне неизвестно, что такое чувашское национальное общество в Казани, какие его права?.. Не знаю полномочий общечувашского съезда, кто туда входит, его функции?»[2]

И. Я. Яковлев подчинялся только Министерству народного просвещения, его низшему звену — учебному округу. В 1917 г. в Казанском учебном округе произошел ряд изменений: после падения царизма попечитель М. Ломиковский отказался от должности, новый попечитель С. Любомудров был назначен только 18 августа. Отсутствие руководителя округа задерживало решение многих административных вопросов, в том числе преобразование Симбирской чувашской школы в семинарию.

Что же прислало правление ЧНО И. Я. Яковлеву?

29 сентября 1917 г. за № 293 в Симбирск было послано следующее отношение:

---

[1] **Иванов А. И.** Организованная травля (рукопись. Л. 2. Печатается впервые).

[2] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 5. Д. 7. Л. 1.

«Господину инспектору Симбирской чувашской учительской школы И. Я. Яковлеву.

Полномочный общечувашский съезд 29 сентября с. г., выслушав доклад делегатов от учащихся Симбирской чувашской учительской школы о необходимости замены инспектора школы другим лицом и о скорейшем преобразовании школы и женских при ней курсов в Чувашскую учительскую семинарию, признал необходимость выслушать объяснение И. Я. Яковлева по содержанию доклада...

Причины замены: 1) его старческая дряхлость; 2) не посещает из-за этого уроки логики и педагогики; 3) не признает новых педагогических приемов воспитания и обучения; 4) зверское обращение с учащимися; 5) упрямство и деспотизм; 6) эксплуатация учащихся на ферме, физкабинет вышел из строя; 7) главное внимание Яковлев обращает на ферму в ущерб школе; 8) аккуратных учителей удаляет из школы, что и было с Андреевым О. А.; 9) учителей и учащихся отрывает от классных занятий для работы на ферме; 10) антигигиенические условия работы на ферме, из-за этого умер Семенов Лука Семенович из дер. Кармал-Кассы Сундырской волости»[1]. Далее следуют 132 подписи учащихся, а в конце значится подпись А. Васильева, председателя правления Чувашского национального общества.

Тут особых комментариев не требуется. Факты преувеличены. Все это было составлено не учениками, а преподавателями школы с учетом резолюций предыдущего съезда ЧНО, состоявшегося в июне 1917 г. в Симбирске. В них был, в частности, и такой пункт: «Практические занятия по сельскому хозяйству на ферме Симбирской чувашской учительской школы должны быть регулированы и организованы таким образом, чтобы они ни в коем случае не отвлекали и не отрывали учащих и учащихся от классных занятий, а тем более не служили целям эксплуатации физических сил учащихся»[2].

Если бы организаторы этой провокации преследовали истинную цель оздоровления атмосферы в школе, то они обратились бы в учебный округ. ЧНО же, как самозванное общество националистов, юридически не имело права на вмешательство в дела какого-либо учебного заведения, да и было бессильно сделать что-либо, кроме организации всевозможных провокаций. Поэтому оно стремилось идей-

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 5. Д. 7 (публикуется впервые).

[2] Резолюции и пожелания... С. 18.

но развалить учительскую школу изнутри, а затем взять ее в свои руки. Таким путем лидеры ЧНО пытались упрочить свое положение в обществе. Заметим, что в это время среди чувашей функционировало еще другое педагогическое заведение, а именно — Шихранская учительская семинария (с 1915 г.), но в ее дела ЧНО не вмешивалось.

Все ли перечисленные причины замены Яковлева имеют под собой реальные основания? Преподаватель О. А. Андреев не был уволен из учительской семинарии, а ушел сам. В 1916 г. без ведома И. Я. Яковлева он выдал работавшим на ферме ученикам деньги, за что ему был объявлен выговор. Вскоре Андреев отказался преподавать сельское хозяйство в школе. К тому же его образование не соответствовало должности. Согласно правил преподавания сельского хозяйства в школе, утвержденным 1 февраля 1894 г. министром Государственных имуществ, сельское хозяйство должен был преподавать выпускник средних сельскохозяйственных учебных заведений[1]. Ученик Семенов Л. болел и раньше и умер не от того, что работал на ферме. В школе был установлен такой порядок: больным выдавали бесплатно молоко, а на ферме пили парное.

8 декабря из Казани последовала телеграмма: «Чувашское национальное общество просит прислать объяснение, отказ — основание считать обвинение верным»[2]. К тому же времени из учебного округа поступила бумага с требованием дать ответ на запрос правления ЧНО. 9 декабря И. Я. Яковлев выслал в управление учебного округа доклад Косолапова на съезде, телеграмму ЧНО и запрос округа по тому же делу. В сопроводительном письме он выразил свое возмущение действиями национального общества в Казани, хотел знать его права. 16 декабря попечитель Ломиковский ответил: «Господину исполняющему обязанности директора Симбирской чувашской учительской семинарии. За объяснениями обратиться к правлению общества»[3].

Несомненно, И. Я. Яковлев слышал о ЧНО в Казани, но ему хотелось обратить внимание попечителя — имело ли это общество юридическое право на вмешательство в дела семинарии? Однако попечитель не реагировал на это.

Согласно инструкции для учительских семинарий 1875 г., директор семинарии назначался попечителем учебных ок-

---

[1] Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1894. № 3. С. 137.
[2] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 5. Д. 7.
[3] Там же. Л. 8.

ругов. Однако действие этой инструкции было приостановлено в 1917 г. Поэтому И. Я. Яковлев был назначен лишь исполняющим обязанности директора. В дальнейшем, с 1918 г., функции директора семинарии выполнял председатель педагогического совета. Таким образом, предстояло выбрать председателя педсовета. Сам Яковлев не придавал этому значения, а продолжал трудиться не покладая рук.

22 января он обратился к попечителю Казанского учебного округа с просьбой дать ему двухмесячный отпуск для поправления здоровья. С 24 января по 28 марта он находился в отпуске, а семинарией руководил В. Н. Орлов. Надо заметить, что И. Я. Яковлев настолько был предан делу просвещения народа, что работал без отпуска десятки лет. С 1875 по 1917 г. включительно он пользовался отпуском в 1903, 1911, 1914 гг. Фактически и во время отпусков он не переставал заниматься служебными делами. Так было и на сей раз. В начале февраля 1918 г. он составил смету содержания смешанной чувашской учительской семинарии в Симбирске и представил в Наркомпрос на утверждение. Позднее, 26 апреля, Наркомпрос РСФСР принял решение о преобразовании женских педагогических курсов в семинарию. Так осуществилась заветная мечта Яковлева. 21 февраля того же года Яковлев обратился по тому же вопросу с письмом к В. И. Ленину[1].

К выборам педсовета больше всего готовились лидеры ЧНО, многие из которых продолжали трудиться в стенах семинарии. На этот раз они стремились взять реванш за поражение в 1917 г. Тогда им не удалось убрать Яковлева. Теперь же ЧНО вело широкую пропаганду среди чувашского населения Симбирской и Казанской губерний, в результате чего выборы вышли за рамки семинарии.

Действительно, агитация ЧНО на этот раз имела значительный успех. Часть учащейся молодежи и интеллигенции, как и осенью прошлого года, подпала под влияние реакционного ЧНО, имевшего свое отделение и в Симбирске. Во главе этого отделения стоял учредиловец С. Н. Николаев. Симбирское отделение Чувашского национального общества, «заигрывая с анархически настроенной частью учащихся, пыталось завладеть учительской семинарией. Было решено устранить Яковлева с поста председателя семинарии под тем предлогом, что он старорежимец»[2]. 10 марта 1918 г. при Симбирской губернской комиссии про-

---

[1] Яковлев И. Я. Письма. С. 23.

[2] История Чувашской АССР. Т. 2.—Чебоксары, 1967. С. 25.

свещения был учрежден чувашский подотдел, которым заведовал тот же Николаев. Воспользовавшись указаниями принятого Наркомпросом постановления от 24 января 1918 г. (по нему упразднялись должности старого режима: директора учительских семинарий, инспектора учительских школ, а в семинарии учреждалась должность председателя педагогического совета, избираемого его членами путем тайного голосования, директор же в случае неизбрания председателем совета оставался в штате семинарии), Николаев организовал выборы председателя педагогического совета Симбирской чувашской учительской семинарии.

О предстоящих выборах председателя педагогического совета Симбирской учительской семинарии знали чувашские партийные и общественные организации, поддерживавшие И. Я. Яковлева; многие из них послали в Наркомпрос письма и резолюции собраний с пожеланиями и предложениями. Например, Центральный чувашский военный совет 21 февраля телеграфировал в Наркомпрос, что он полностью «поддерживает ходатайство учебного округа об утверждении инспектора Яковлева, избранного национальными организациями»[1].

Не без влияния преподавателей семинарии, членов ЧНО, 30 марта 1918 г. учащиеся семинарии приняли решение — не выдвигать кандидатуру И. Я. Яковлева на должность председателя педагогического совета. Зачинщиками этой кампании были те же учащиеся, которые в сентябре 1917 г. собирали подписи против И. Я. Яковлева: А. Золотов, А. Коннов, А. Иванов и др. Через день состоялось собрание местного отделения ЧНО, которое поддержало решение учащихся семинарии от 30 марта. Председатель собрания С. Н. Николаев поставил вопрос о кандидатуре Яковлева на должность председателя педсовета семинарии. Итоги голосования: 18 — против, 2 — за, 11 — воздержались.

Затем собрание избрало новый состав правления ЧНО. В него вошли: И. С. Караполов (по словам И. Я. Яковлева, «наш бывший плохой ученик») — председатель; его заместитель Я. С. Захаров (преподаватель Симбирской чувашской учительской семинарии); казначей В. Н. Никифоров (священник церкви той же семинарии); секретарь С. М. Максимов (преподаватель той же семинарии). Членами были выбраны Г. Хамитов (исключенный в 1906 г. из Симбирской чувашской школы за нарушение дисциплины), И. Исаев (ученик III курса семинарии).

[1] ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 23. Л. 54.

Таким образом, из шести членов правления четверо служили в семинарии. Вместе со своими единомышленниками-учащимися они составили опору ЧНО. На этот раз его лидеры не полагались лишь на недовольство учащихся. 6 апреля правление ЧНО представило местному комиссару по просвещению А. М. Измайлову решения собраний учащихся семинарии и Симбирского отделения ЧНО и просило «сообщить гражданину И. Я. Яковлеву, что согласно постановлению собрания от 1 апреля кандидатура его на должность председателя педагогического совета Симбирской чувашской семинарии устранена»[1]. На это послание Измайлов наложил резолюцию: «Препроводить гражданину Яковлеву». Эта резолюция была в пользу ЧНО. В то же время она свидетельствует о поддержке Измайловым лидеров ЧНО. Избрание председателя педсовета семинарии являлось сугубо внутренним делом ее коллектива. Губкомиссар обязан был придерживаться этого же принципа и не допускать постороннего вмешательства. Несомненно, Измайлов был не против Яковлева; дело в том, что местная власть хотела, чтобы семинарией руководил молодой специалист-атеист. Но она не учитывала того, что в ноябре, т. е. через несколько месяцев, Симбирская чувашская школа должна была праздновать свое 50-летие, а ее основатель — 70-летие.

В нарушение сложившихся давних традиций Симбирской чувашской школы в год этого двойного юбилея были предприняты меры к тому, чтобы изолировать И. Я. Яковлева от семинарии. Чувашский подотдел при Симбирской губернской комиссии просвещения во главе с С. Н. Николаевым, административно отделив семинарию и женские педагогические курсы друг от друга, организовал педагогические советы для каждого из них, хотя издавна эти учебные заведения дополняли друг друга, всегда управлялись одним лицом — инспектором, а их учителя составляли общий педагогический коллектив и совет.

8 апреля И. Я. Яковлев заболел и руководство семинарией передал преподавателю Я. З. Захарову до своего выздоровления. Воспользовавшись его отсутствием, Чувашский подотдел организовал выборы. 9 апреля 1918 г. педагогический совет женских курсов большинством голосов (14 из 22) своим председателем избрал И. Я. Яковлева, хотя последний отказался баллотироваться из-за болез-

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. ОП. 1. Д. 304. Л. 1.

Фридрихъ Энгельсъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ

СЕМЬИ,

ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

и

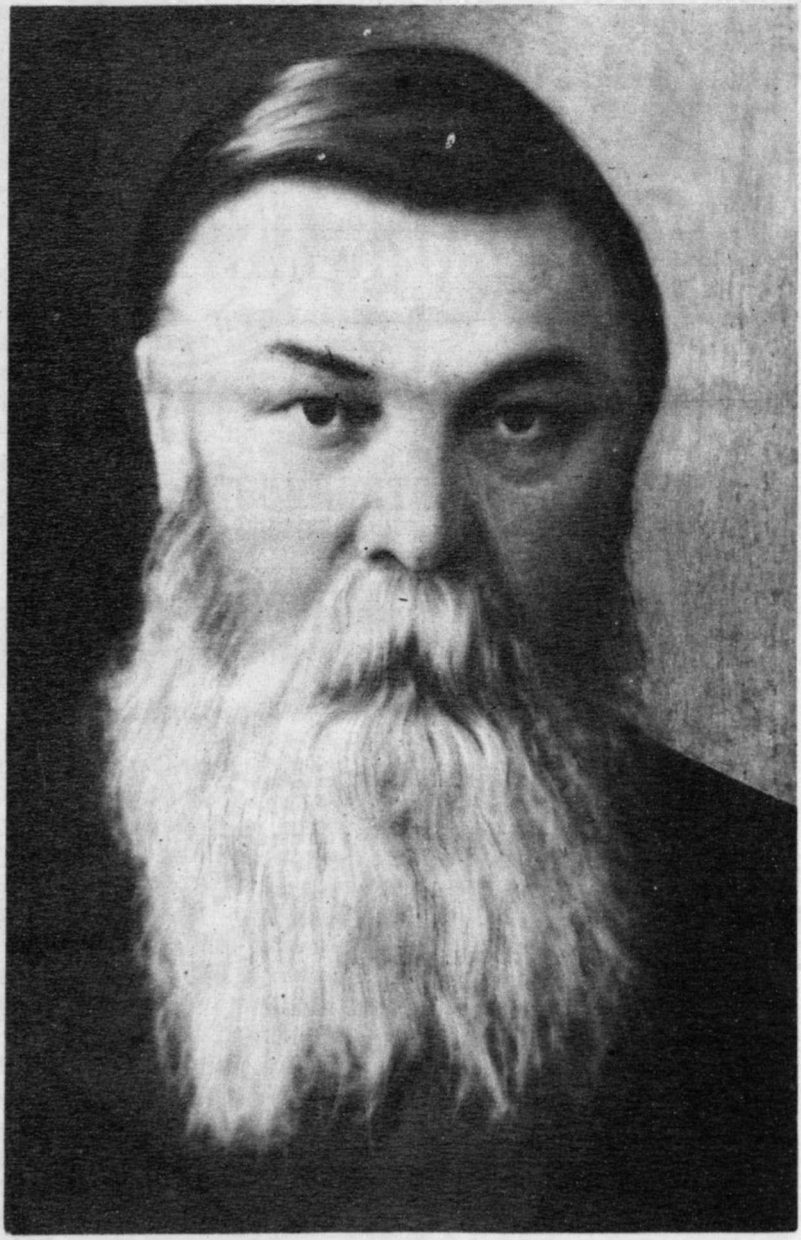
ГОСУДАРСТВА.

(переводъ съ 4-го немецкаго изданія).

Изданіе второе, исправленное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Я. Трей. Разъѣзжая 43.
1894.

Титульный лист книги Ф. Энгельса, находившейся в библиотеке Симбирской чувашской школы.

Иван Яковлевич Яковлев. 1908 г.

Учащиеся школы на строительстве фермы. 1911 г.

Дело 88 Лист 1906

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
ПОПЕЧИТЕЛЯ
Казанскаго Учебнаго Округа.
КАНЦЕЛЯРІЯ
Столъ 3.
10 Мая 1906 г.
№ 5814
КАЗАНЬ

Г.Инспектору Симбирской чувашской учительской школы, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику И.Я.Яковлеву.

Вслѣдствіе прошенія Вашего Превосходительства я командирую Васъ за границу въ Австрію, Швейцарію и Германію, срокомъ съ 20 мая по 15 іюля сего года, для ознакомленія съ постановкою учебнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ. и разрѣшаю на время Вашей командировки завѣдываніе Симбирской чувашской учительской школой поручить наставнику школы священнику Василію Никифорову.-

Попечитель Округа

Правитель Канцеляріи

Распоряжение попечителя Казанского учебного округа о командировании И. Я. Яковлева за границу (публикуется впервые).

Воспитанницы женских педкурсов.

Софья Васильевна Чичерина.

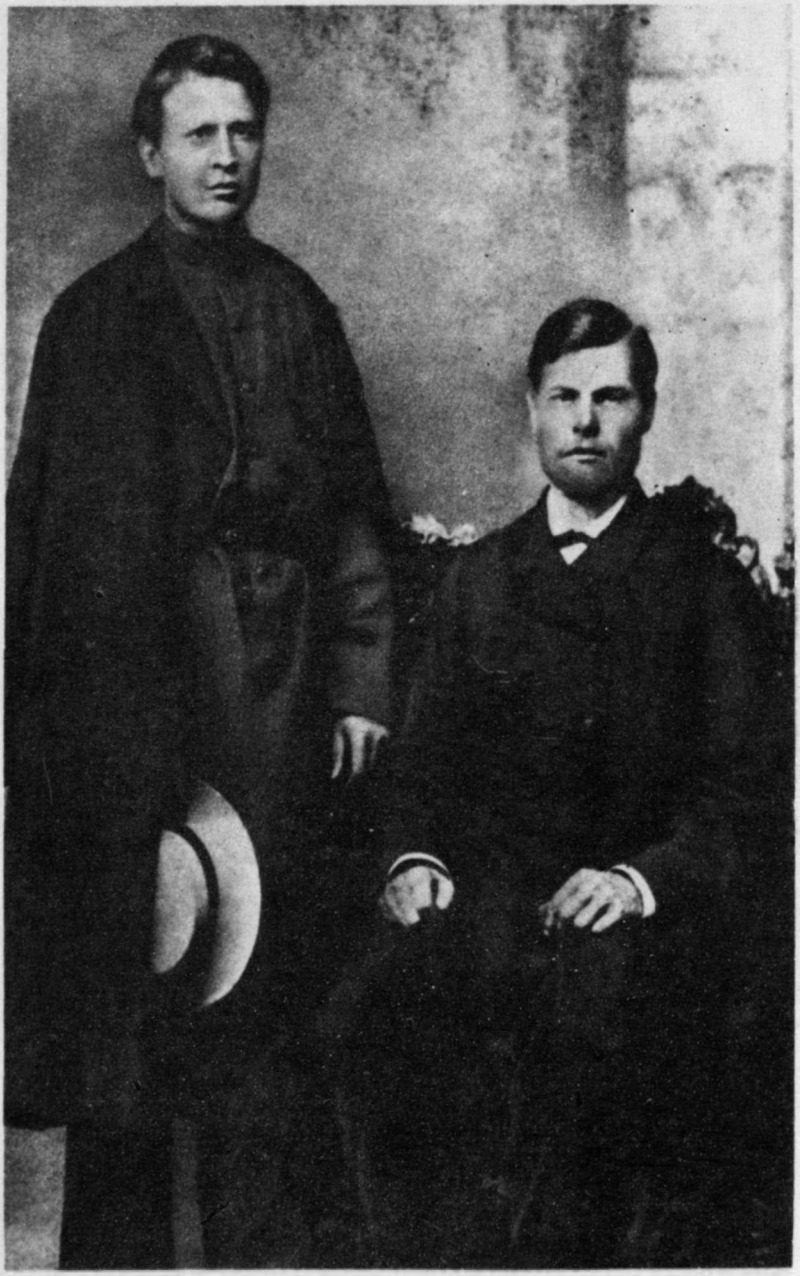
Н. А. Бобровников — директор Казанской инородческой учительской семинарии.

Воспитанники учительского класса. 1896 г.

А. И. Яковлев — сын И. Я. Яковлева
в год окончания гимназии. 1896 г.

Воспитанники И. Я. Яковлева: С. А. Акимов,
учившийся в Парижском университете (слева)
и В. Н. Никифоров — преподаватель Симбирской чувашской школы.

А. И. Яковлев с женой Ольгой Петровной
и детьми Иваном и Ольгой.

Второй сын И. Я. Яковлева — Николай
с женой и сыном (публикуется впервые).

Влучка И. Я. Яковлева — Е. А. Некрасова.
(публикуется впервые).

Правнучка И. Я. Яковлева Ф. Варет со своими внуками. Париж (публикуется впервые).

И. А. Яковлев — внук И. Я. Яковлева,
доктор физико-математических наук, профессор МГУ
(публикуется впервые).

Выпускник Симбирской чувашской школы Н. В. Соколов, Герой Советского Союза, генерал-майор.

ни. Симбирская губернская комиссия по просвещению утвердила результаты выборов 19 апреля 1918 г.

Через три дня, 13 апреля, состоялись выборы председателя педагогического совета семинарии. При этом также было допущено нарушение — претендующий на должность не присутствовал на совете. По настоянию Чувашского подотдела на эту должность была выдвинута кандидатура директора Рязанской учительской семинарии П. А. Афанасьева. Четыре члена совета предложили кандидатуру И. Я. Яковлева. Однако было объявлено, будто он отказался баллотироваться на выборах председателя. Совет избрал своим председателем Афанасьева, а до его приезда исполнение обязанностей председателя возложил на Я. З. Захарова.

И. Я. Яковлев не присутствовал и на первом заседании совета, и эти выборы признал недействительными: он был против разъединения курсов от семинарии. Он продолжал считать себя руководителем не только женских курсов, но и всего учебного заведения. Это дало чувашским националистам повод усилить нападки на него. В апреле того же года Чувашский подотдел представил в Наркомпрос документы на утверждение выборных председателей педагогических советов семинарии и женских педагогических курсов. Заведующий отделом подготовки кадров Наркомпроса Левин ответил, что «Наркомпрос не считает нужным утвердить выбранных председателей», что «это дело местного Совета»[1].

Большинство местных организаций и широкая общественность как в Казани, так и в Симбирске были на стороне И. Я. Яковлева. Он регулярно сообщал о создавшемся положении своим сыновьям. Только в апреле 1918 г. он послал Алексею три письма и одну телеграмму. Вот ее содержание: «Выборы председателя были незаконны. Протестую. Сообщи кому следует. Телеграфируй. Требуется экстренная мера».

А. И. Яковлев, тогда доцент Московского университета, пошел на прием к В. И. Ленину и оставил ему такую записку: «В[ладимир] И[льич], 31 год тому назад мой отец ходатайствовал о Вашем брате, стараясь спасти ему жизнь. Теперь в критическом положении находится мой отец — вот дело, по которому я хотел Вас видеть по желанию отца. А. Яковлев. Площадь Хр. Спасителя, д. Голофтеева, кв. 30. 1918, 7/20 апреля»[2].

[1] ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 22. Л. 30.
[2] ЦГА ИМЛ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5743. Л. 1.

В тот же день В. И. Ленин пригласил к себе А. И. Яковлева. После встречи с ним Ленин послал в Симбирск телеграмму: «Сообщите по телеграфу обстоятельства и условия избрания председателей чувашской женской и мужской учительских семинарий. Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни»[1].

Вслед за телеграммой В. И. Ленина в Чувашии поднялась волна протестов общественности против отстранения И. Я. Яковлева от руководства семинарией. 23 апреля 1918 г. Комиссариат по чувашским делам на своем заседании совместно с чувашской фракцией исполнительного комитета при Казанском губернском Совете крестьянских депутатов расценил отстранение Яковлева как позорный акт и потребовал восстановления его на должности руководителя старейшего учебного заведения чуваш. В протоколе заседания Комиссариата подчеркивалось, что против Яковлева выступает не общественность, не трудящиеся, а «Симбирское национальное общество, кучка молодых честолюбцев вкупе с учениками, группа безусых юнцов во главе с С. Н. Николаевым, осмеливающаяся удалить с великого поста своего учителя. Сколько же человек этих смельчаков? Ни больше ни меньше 18. ...Вдохновителями являются люди, преследующие в данном случае личные цели и руководствующиеся соображениями личной мести»[2].

4 мая 1918 г. председатель Симбирского губернского Совета М. Гимов телеграфировал В. И. Ленину, что «Яковлев остался председателем женских курсов семинарии»[3]. На эту телеграмму В. И. Ленин наложил резолюцию: «Прошу В. Д. взять на себя исполнение»[4]. Действительно, как будет сказано ниже, управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевич взял на себя контроль и исполнение указания В. И. Ленина.

И. Я. Яковлев вошел в официальное ходатайство перед Наркомпросом о преобразовании женских педагогических курсов в семинарию.

26 апреля 1918 г. Наркомпрос принял решение о преобразовании женских педагогических курсов в семинарию. Но практически женская учительская семинария органи-

[1] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 50. С. 61.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 499-р. Оп. 1. Д. 38. Л. 14.
[3] ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 22. Л. 20.
[4] Ленинский сборник. Т. 37. М., 1970. С. 80.

зовалась лишь осенью 1918 г., после освобождения Симбирска от белочехов. Попутно отметим, что через несколько дней после изгнания чехов недовольные Яковлевым организовали против него дело, о котором 3 октября 1918 г. Е. А. Яковлева сообщила своему сыну Алексею: «У нас делали обыск и у папы пропали его любимые часы, которые он носил 49 лет. Ценности они не представляют никакой, но привычка к ним была большая»[1].

Несомненно, организаторы обыска надеялись найти какие-нибудь компрометирующие Яковлева документы, чтобы лишить его должности руководителя семинарии. Однако надежды не оправдались.

Вопрос о руководстве семинарией подвергся обсуждению и на I Общечувашском съезде учащих (учителей) в мае 1918 г. «За последнее время,—говорится в протоколе заседания съезда,—в Симбирской чувашской учительской семинарии создалось ненормальное положение: на посту директора оказалось два лица — И. Я. Яковлев — основатель семинарии и П. А. Афанасьев, выбранный педагогическим советом семинарии. Чувашский симбирский отдел по народному образованию утвердил выборы, но от Казанского отдела последовало распоряжение оставить И. Я. Яковлева директором пожизненно... А между тем Симбирский отдел грозил оставить учеников без субсидии и таким образом страдало уже дело чувашского образования.

Общечувашский съезд учащих вышел из затруднительного положения таким образом: оба директора добровольно отказались от заведования семинарией, а съезд выразил пожелание видеть директором семинарии Ильина, видного деятеля по народному образованию[2]... П. А. Афанасьев отказался председательствовать и выехал из Симбирска. Председателем педагогического совета стал И. Я. Яковлев, т. к. приезд упомянутого Ильина, директора Раменской учительской семинарии, оставался неопределенным.

11 октября 1918 г. совещание Чувашского подотдела культуры и просвещения при Наркомнаце решило: «И. Я. Яковлева оставить до 14 ноября сего года на занимаемой им должности, а с 14 ноября 1918 г. Яковлева считать освобожденным от должности и оставленным при семинарии как опытное лицо у дела своей жизни, а при жела-

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 61. Л. 1 (публикуется впервые).
[2] К свету. 1918. № 5. С. 27.

нии — преподавателем какого-либо предмета, возбудить ходатайство о предоставлении усиленной пенсии»[1].

К этому времени семинария стала двухкомплектной (мужской и женской) и вновь образовался общий педагогический совет. Следует отметить, что деятельность семинарии и других учебных заведений Симбирска развертывалась в трудных условиях оккупации города белочехами. Внутренняя жизнь в школах не претерпела существенных изменений. Например, «в 1-й гимназии г. Симбирска в начале октября 1918 г. преподавание велось по старым программам и старым учебникам, продолжалось преподавание закона божьего. Только в ноябре 1918 г., после опубликования «Положения о единой трудовой школе», губернский отдел народного образования утвердил инструкцию о преобразовании всех школ в единую трудовую школу I и II ступени. Для практического проведения преобразования школьной системы и разработки новых программ было создано 16 комиссий. Фактически перестройка старой школьной системы и создание единой школы происходили в начале 1919 г.»[2] И в чувашской семинарии даже к середине октября 1918 г. не во всех классах начались учебные занятия, многие учащиеся не были обеспечены стипендиями. Только после изгнания белочехов (12 сентября) учащиеся начали прибывать на учебу в Симбирск. Все классы приступили к занятиям лишь 27 октября. Для оказания помощи Симбирской чувашской семинарии был направлен заведующий Чувашским отделом при Наркомнаце Д. С. Эльмень. После ознакомления с обстановкой в семинарии был принят ряд мер, в частности: «1) председателю педагогического совета И. Я. Яковлеву подать заявление о сложении с себя обязанностей председателя, 2) В. Н. Орлову взять на себя временное исполнение председателя педагогического совета»[3] и т. д. Это довольно суровое предписание основывалось на сделанном якобы И. Я. Яковлевым на общечувашском съезде учителей заявлении. Следовательно, накануне празднования 50-летия школы ее основатель отстранялся от руководства.

По этому поводу еще 26 октября 1918 г. Яковлев обратился в Наркомпрос с объяснительной запиской. «Никогда на общечувашском съезде учащих,— подчеркивается в

---

[1] ЦГАОР. Ф. 3964. Оп. 1. Д. 21. Л. 25.

[2] **Королев Ф. Ф.** Очерки по истории советской школы и педагогики (1917—1920). С. 193.

[3] ЦГАОР. Ф. 3964. Оп. 1. Д. 21. Л. 24—25.

ней,—я не делал заявления, а тем более категорического, как сказано в протоколе, о том, что отказываюсь председательствовать в педсовете. Мною была высказана та мысль, что я готов отказаться от звания председателя совета семинарии, но лишь после предстоящего 28 октября (по старому стилю) 50-летнего юбилея учрежденного мною и вверенного мне учебного заведения. Подобный отказ я считал бы лично для себя невозможным и прямо безнравственным, т. к. стоя во главе Симбирской чувашской школы 50 лет непрерывно, только я и мог дать сведения о ее прошлом и подготовить нужные для столь выдающегося юбилея материалы.

Через две недели,—продолжает Яковлев,—Симбирской чувашской учительской школе, ныне преобразованной в семинарию с двойным составом, минет 50 лет. Это довольно большой период в жизни учебного заведения. Я был виновником возникновения этой школы. Она возникла очень скромно, в лице одного ученика А. В. Рекеева, а в последние годы число учащихся в ней доходило до 360 человек. Я состоял и состою до сих пор во главе школы, но мне, ввиду преклонного возраста, пора подумать о передаче ее с находящимися при ней учреждениями в надежные руки и отойти спокойно на отдых. Со школою связана вся моя жизнь, и в чьи руки ее передать, составляет для меня величайший интерес и величайшую задачу»[1].

30 октября 1918 г. на заседании педагогического совета председательствующий Орлов зачитал телеграмму заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского: «Комиссариат народного просвещения находит недопустимым устранение избранного председателя Педагогического совета Яковлева особенно среди учебного года и продолжает считать Яковлева председателем. Вместе с тем Комиссариат рекомендует отделу более внимательное и бережное отношение к такому заслуженному деятелю по народному просвещению, как Яковлев, проработавшему полстолетия»[2].

Эта телеграмма, отправленная из Москвы 25 октября, была адресована председателю педагогического совета чувашской семинарии Яковлеву. Такая же телеграмма поступила и в Симбирский губернский отдел народного образования.

В тот же день, 30 октября 1918 г., из Наркомпроса была получена еще одна телеграмма за подписью К. Н. Ле-

---

[1] ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 22. Л. 7—8.
[2] Там же. Д. 22. Л. 23.

вина: «Немедленно телеграфируйте причины устранения от должности председателя Педсовета Чувашской учительской семинарии Яковлева, просим устранение от должности задержать»[1].

После получения телеграмм Покровского и Левина официальным председателем педагогического совета семинарии вновь стал И. Я. Яковлев, готовившийся в те дни к празднованию 50-летия Симбирской чувашской школы и своей педагогической деятельности. В начале ноября в семинарию поступило множество поздравительных писем и телеграмм, в том числе и от Чувашского отдела при Наркомнаце, где говорилось: «Центральный чувашский отдел приветствует семинарию по случаю 50-летия существования и желает дальнейшего процветания на новых трудовых началах как источника света чувашского пролетариата»[2]. Заведующий этим отделом Д. С. Эльмень лично поздравил И. Я. Яковлева с 50-летием его общественно-педагогической деятельности. Много телеграмм поступило из Казани.

11 ноября 1918 г. этот отдел представил в Наркомпрос отношение, в котором было указано, что отдел, «признавая неоценимые заслуги И. Я. Яковлева перед чувашским пролетариатом и принося ему глубокую благодарность за 50-летние труды по просвещению чуваш, ходатайствует об освобождении Яковлева от исполнения своих обязанностей по семинарии с 14 ноября сего года, назначив ему усиленную пенсию за его службу с того же числа и по его желанию пожизненное право оставаться на квартире при семинарии»[3].

13 декабря 1918 г. Чувашский отдел снова обращается в Наркомпрос с такой же просьбой. Однако Наркомпрос счел нужным оставить И. Я. Яковлева в занимаемой должности в течение всего учебного года, использовать его личный опыт в руководстве семинарией, в преобразовании ее в новое учебное заведение.

Несмотря на служебные перипетии, Яковлев, как и раньше, продолжал активно участвовать в общественной жизни. 12 ноября 1918 г. он принимал участие в работе совещания представителей мелких народностей Поволжья, где обсуждались вопросы народного образования. 21 ноября Симбирский губоно прислал ему приглашение «на об-

---

[1] ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 22. Л. 23.
[2] ЦГАОР. Ф. 3964. Оп. 1. Д. 14. Л. 134.
[3] Там же.

щее собрание учащихся для рассмотрения тех вопросов, которые возникают в связи с реформой существующей школы в Единую Трудовую Школу, прося изложить эти вопросы в письменной форме».

29 ноября 1918 г. Яковлев представил в Симбирский губоно доклад с подробным изложением своих взглядов на предстоящую реформу школ вообще, чувашской учительской семинарии в частности. Он просил сохранить школу как народно-трудовое учебное заведение, создать нормальные условия для ее развития. «Надо избавить вверенное мне учебное заведение от постоянного, в течение более года врывания в его жизнь современной казармы, т. е. отдачи его помещений для частей местного гарнизона, друг друга постоянно сменяющих»[1]. И. Я. Яковлев имеет в виду то, что здания семинарии неоднократно захватывались то губоно, то частями местного гарнизона — последнее было вызвано военным положением в Поволжье.

В эти же дни вместе со своим учеником И. С. Шатаевым И. Я. Яковлев переводил Конституцию РСФСР на чувашский язык. Правительственное поручение было выполнено в кратчайший срок. 21 ноября 1918 г. текст перевода был выслан в Москву, откуда последовал такой ответ: «Перевод Конституции сделан учителем Иваном Степановичем Шатаевым (под руководством И. Я. Яковлева) вполне удовлетворительно»[2].

Конституция была издана в следующем, 1919, году тиражом 40 тыс. экземпляров.

Чрезмерная перегрузка дала себя знать. В конце декабря 1918 г. И. Я. Яковлев почувствовал слабость и руководство семинарией сдал В. Н. Орлову. В это время Симбирский губоно отстранил его от работы. «Второй уж месяц,— писал он сыну Алексею 6 апреля 1919 г.,—я окончательно устранен от должности, и мне уже нет места в ней; это, может быть, хорошо. Ведь конец мой приближается. Около трех или три с половиной недели назад отдан под чрезвычайный суд. Три раза был допрашиваем, но меня доселе не арестовали, кажется, не арестуют, т. к. вины или соответствующего вывода не нашли. Я обвиняюсь в контрреволюционерстве. Всем этим я обязан отцам Дормидонтову и Никифорову, Степану Максимову, орудием которых были наши воспитанники и новейшие чувашские деятели»[3].

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 9. Д. 5. Л. 6.

[2] ЦГА РСФСР. Ф. 3964. Оп. 1. Д. 24. Л. 63 (публикуется впервые).

[3] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 2. Д. 12. Л. 1.

В 1919 г. к Волге рвалась армия Колчака. 15 апреля в Симбирске состоялось общегородское профсоюзное собрание, на котором было принято решение направить на Восточный фронт 50 процентов рабочих. Под лозунгом «Все для фронта!» проводила мобилизацию и учащаяся молодежь. «Студенты Симбирского пролетарского университета послали на фронт 250 политработников и бойцов. Чувашская учительская школа поставила под ружье два старших класса»[1]. Как известно, ученик И. Я. Яковлева И. С. Космовский стал героем гражданской войны, командиром полка. Он пал смертью храбрых в боях за Советскую власть.

С уходом части чувашской интеллигенции на фронт нападки на И. Я. Яковлева усилились. Некоторые бывшие работники семинарии, уволенные от службы как неквалифицированные, писали на него доносы. По ложным доносам И. Я. Яковлева неоднократно вызывали в следственные органы. Его обвиняли в преступлениях по должности, но за неимением улик судебные дела о нем прекращали, о чем свидетельствует и удостоверение за № 5297, выданное 28 мая 1919 г.

Эта кампания привела к тому, что с него взяли подписку не вмешиваться в дела семинарии. Дело дошло до того, что его лишили водопроводной воды с целью заставить покинуть занимаемую квартиру. Но и этого было мало. «Чувашская секция требует удаления И. Я. Я[ковлева] из города и даже из губернии»[2],—писала Е. А. Яковлева сыну Алексею 5 июня 1919 г. 29 июня того же года Чувашская секция Симбирского губкома РКП(б) на заседании решила обратиться в Особый отдел Восточного фронта с требованием выселения И. Я. Яковлева с семьей за пределы прифронтовой полосы, т. е. Симбирска. На этом заседании присутствовали Г. С. Савандеев, И. С. Караполов, С. И. Элифанов, В. А. Алексеев, И. Е. Ундрицов, воспитанники семинарии М. Сергеев, Аркадий Золотов, П. Александров, К. Арсентьев, М. Кашкаров, Д. Орлов и др.—всего 20 человек. Однако Особый отдел Восточного фронта не придал этому значения, а И. Я. Яковлев продолжал жить в семинарии. 30 июня Чувашская секция вновь обратилась в этот отдел с просьбой выселить И. Я. Яковлева за пределы Симбирска в 24 часа. И на этот раз не последовало никакой реакции. 8 июля Чувашская секция экстренно собралась для решения того же вопроса. Присутствовавшие

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 9. Д. 4. Л. 1.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 399.

Г. С. Савандеев, А. П. Прокопьев, А. М. Михайлов, Г. И. Иванов, И. С. Караполов и другие (всего 17 человек) долго дискутировали, как быть. Наконец, по предложению Савандеева образована комиссия во главе с В. А. Алексеевым для передачи этого дела Симбирскому городскому комитету РКП(б). Теперь за дело сразу взялись Симбирская губернская чрезвычайная комиссия и особый отдел Восточного фронта. Во главе последнего стоял Г. Бокий. 14 августа 1919 г. Симбирская губчека распорядилась о выселении И. Я. Яковлева из занимаемой квартиры. Однако этому распоряжению не суждено было осуществиться. Все дело в том, что И. Я. Яковлев и его жена Е. А. Яковлева о своих мытарствах регулярно сообщали в Москву Алексею. Так, 14 августа 1919 г. Екатерина Алексеевна писала сыну: «В отделе народного образования папе сказали, что Бокий требует очищения папой квартиры, т. к. Яковлев не у дел и не может служить, имея с лишком 70 лет, а между тем к нему приезжают чуваши из деревень, и он занимается пропагандой (это доносила Чувашская секция), а потому нужно Яковлева удалить из стен семинарии, а, быть может, и совсем из города»[1].

А. И. Яковлев был в курсе всех событий. Еще 13 мая 1919 г. он был на приеме управляющего делами СНК РСФСР В. Д. Бонч-Бруевича, рассказал ему о положении своего отца. В. Д. Бонч-Бруевич предложил в конце беседы изложить все сообщенное письменно, что и было сделано в тот же день. «Препровождаю на Ваше имя,—писал Алексей Иванович,— две записки по делам, о которых я Вам докладывал лично сегодня на приеме, очень просил бы Вас о вмешательстве в оба дела по телеграфу от имени Владимира Ильича». В сопроводительном же письме А. И. Яковлев записал свой номер телефона (4-15-77). На верхнем углу письма поставлен штамп «Управления делами Крестьянского и Рабочего Правительства Республики России. Мая 22 1919 г.» К этому письму приложены две записки А. И. Яковлева. Одна из них по делу ареста Н. П. Приклонского, родного брата жены А. И. Яковлева, вторая — по делу привлечения И. Я. Яковлева к допросам. В последней читаем: «В г. Симбирске подвергся расследованию местной Чрезвычайной комиссии заведующий учительской семинарией, опытный деятель по народному образованию чувашского народа И. Я. Яковлев, проработавший над народным образованием более полувека. Яковлев был

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 73.

отстранен от должности и привлекался неоднократно к допросам, хотя по заявлению председателя местной Чрезвычайной комиссии его, собственно, ни в чем упрекнуть нельзя, а главное обвинение его состояло только в том, что летом прошлого года во время оккупации г. Симбирска чехословаками посетил дом местной землевладелицы Перси-Френч, в котором происходило заседание Симбирской архивной комиссии. Дело это будет, вероятно, прекращено, но И. Я. Яковлев продолжает быть отстраненным от должности председателя педагогического совета чувашской учительской семинарии.

Во избежание могущих быть повторений столь же малообоснованных мероприятий, направленных против И. Я. Яковлева вследствие незнакомства с деятельностью Яковлева, желательно подтвердительное напоминание местному Совдепу и исполкому телеграммы, посланной в ограждение Яковлева в 20-х числах апреля минувшего 1918 года товарищем В. И. Лениным, **лично** (подчеркнуто В. Д. Бонч-Бруевичем.—*Н. К.*), хорошо знающим деятельность И. Я. Яковлева и его самого»[1]. Наверху, в левом углу записки А. И. Яковлева рукой В. Д. Бонч-Бруевича записано: «Из ящика надо найти телеграмму Владимира Ильича, о которой упоминается в конце заявления и дать мне. В. Б[онч]-Б[руевич]. Архив № 34. Буква — Я, управделами». Наверху справа есть отметка: «Архив 34—Я, запрошены телеграммой по поручению В. И. Ленина ЧК Симбирска и председателя исполкома о причинах допросов. В. Б[онч]-Б[руевич], 3 июня 1919 г.». Справа внизу рукой Бонч-Бруевича написано: «Телеграммный ответ 608 из ящика». К сожалению, пока не удалось выяснить, какой ответ поступил из Симбирска. Поиски продолжаются.

Несомненно, Яковлева в контрреволюции обвиняли не все, а лишь отдельные работники Чувашского подотдела при Симбирском губоно. Именно здесь нашли приют бывшие члены ЧНО и их единомышленники, они создавали вокруг И. Я. Яковлева атмосферу вражды и политического недоверия к нему. Чувашское отделение существовало также при Политическом отделе Реввоенсовета Восточного фронта, временно расквартированного в Симбирске. Чувашские отделы функционировали в Казани, Москве. К счастью, в них не служили бывшие члены Симбирского отделения ЧНО. Казанские и московские чувашские секции и отделы

[1] ЦГА РСФСР. Ф. 130. Оп. 8. Д. 139. Л. 427 (публикуется впервые).

сочувственно относились к Яковлеву, высоко ценили его заслуги перед народом, хотели оставить его пожизненно почетным руководителем семинарии, а его помощником назначить молодого. Симбирские чувашские секции и отделы не соглашались на это, отчего возникали разногласия и даже срывы в работе учебных заведений. Центральный чувашский отдел при Наркомнаце, во главе которого стоял Д. С. Эльмень, запретил Чувашской секции при Симбирском губкоме РКП(б) вмешиваться в дела семинарии. И. Я. Яковлев знал все это и потому к 50-летию своей школы наметил целый список своих преемников, способных продолжить традиции этого учебного заведения. В числе первых значится П. И. Ильин, воспитанник Симбирской чувашской школы, преподаватель физики и математики Раменской мужской и женской гимназий. «Через год,—писал Яковлев 25 октября 1918 г.,— я предполагал бы передать ему школу»[1].

Центральный чувашский отдел в Москве часто запаздывал своими действиями в защиту И. Я. Яковлева и его школы. 12 августа 1919 г. Чувашский подотдел при Наркомнаце прислал в Чувашский подотдел Симбирского губотдела следующее отношение: «Чувашский подотдел озабочен выселением И. Я. Яковлева из занимаемой им квартиры при школе и в том направлении принимаются шаги.

Сообщая Чувподотделу, что центральным Чувотделом еще в ноябре было возбуждено ходатайство перед Наркомпросом об оставлении Яковлева в занимаемой им квартире и назначении усиленной пенсии, Чувотдел считает, что подобные, ничем не оправданные действия по отношению к И. Я. Яковлеву являются недопустимыми и легкомысленными. Наша обязанность, наоборот, сделать все возможное, чтобы дать покой старику, в свое время оказавшему неоценимые услуги чувашскому трудовому народу и первым выведшему этот парод на торную дорогу, к культуре.

Не надо забывать, что И. Я. Яковлеву мы обязаны, что мы чуваши, коммунисты»[2].

Вскоре заведующий чувашским отделом при Наркомнаце Д. С. Эльмень обратился в Наркомпрос РСФСР с просьбой принять меры для пресечения ничем неоправданных действий против Яковлева Симбирского губоно. Кроме того, Яковлев 24 августа 1919 г. послал в Москву сыну Алексею телеграмму: «Чувашским отделом от должности устранен.

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 2. Д. 9. Л. 1.
[2] Там же. Карт. 9. Д. 4. Л. 2.

Ожидаю лишения квартиры. Нельзя ли просить ревизию из центра»[1].

Об этом вскоре узнает В. И. Ленин. Шла гражданская война, в стране свирепствовал голод, разруха, но Владимир Ильич, несмотря на свою занятость государственными делами, снова нашел время позаботиться о жизни неутомимого труженика Яковлева.

Поскольку Яковлева больше всего беспокоили Симбирская губчека и Особый отдел Реввоенсовета, то свою телеграмму 28 августа 1919 г. В. И. Ленин адресовал в Симбирск, в губчека:

«Не выселяйте старика Ивана Яковлевича Яковлева и его жену из квартиры. Об исполнении сообщите.

Предсовнаркома Ленин»[2].

После этой телеграммы Яковлева и его жену оставили в той же квартире, но попытки выселения не прекращались. 19 сентября 1919 г. И. Я. Яковлев писал Алексею: «Несмотря на постановление Чрезвычайки Бокия о выселении меня не трогают пока. Это, вероятно, вследствие телеграммы Владимира Ильича, о которой ты писал, но о ней здесь мне никто не говорил»[3]. Речь идет о телеграмме от 28 августа 1919 г. Судьба этой телеграммы в Симбирске до сих пор неясна. Очевидно, заинтересованные лица с определенными целями держали ее под спудом. После отстранения его от должности началась возня с выселением из квартиры. 23 сентября Губчека, губоно, даже милиция потребовали освободить квартиру. 29 сентября И. Я. Яковлев обратился в милицию: «Я третий день чувствую себя серьезно больным, у меня расстроен живот. Я сейчас не выхожу из дома, да и ходить не могу, поправляюсь от болезни, постараюсь приискать квартиру»[4]. До этого на имя Яковлева поступило такое извещение: «На основании распоряжения Чрезвычайной комиссии от 23 сентября сего года № 11268 губотдел народного образования предлагает Вам срочно освободить занятое Вами помещение»[5].

Внучка Яковлева Е. А. Некрасова, жившая тогда в Симбирске у своего дедушки, писала 26 сентября 1919 г. А. И. Яковлеву: «Вчера вечером получили эту бумагу. Посылаем

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 9. Д. 4. Л. 1.
[2] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 51. С. 39.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 400. Л. 1.
[4] Там же. Д. 17. Л. 2.
[5] Там же. Л. 3.

тебе копию (извещения.—*Н. К.*). Ты уже знаешь, что там делать. Бабушка ушла смотреть квартиру». Далее письмо дописал И. Я. Яковлев: «Я, по-видимому, в силу этой бумаги должен переселиться на другую квартиру, но найти таковую в г. Симбирске сейчас очень трудно, а переехать еще труднее и страшно дорого. Впрочем, может быть, довольно, перейти мне, а мама с Катей (Е. А. Некрасова.—*Н. К.*) останутся на этой, настоящей квартире, в доме, который я выстроил на свой счет и отдал школе.

Попроси Владимира Ильича, если можно, оставить меня на этой квартире»[1].

Со своей стороны 1 октября 1919 г. И. Я. Яковлев написал прошение с подробными объяснениями в Симбирскую чрезвычайную комиссию, в котором просил оставить его в покое.

И. Я. Яковлев не только отстаивал свои гражданские права и дело своей жизни, но и имел смелость защищать других. Так, в августе 1919 г. он вмешался в судебное дело бывшего почетного попечителя Симбирской чувашской учительской школы Н. Я. Шатрова и работников семинарии Мартынова и Иванова. Вмешательство Яковлева привело к положительному решению этого дела для последних. Особый отдел при Реввоенсовете Восточного фронта 16 августа 1919 г., «рассмотрев дело за № 392 по обвинению гр. Ивана Яковлева, Ивана Иванова, Павла Мартынова в контрреволюционной агитации среди слушателей Чувашской семинарии, постановил: за отсутствием серьезных улик против Иванова, Мартынова дело о них прекратить, Яковлева отстранить от советской работы»[2].

Вскоре, вслед за этим, 15 сентября 1919 г. Яковлева вновь исключили из числа штатных работников. В это время он был болен, болезнь обострилась, и он больше не настаивал на том, чтобы его оставили в штате. 20 сентября он написал письмо сыну Алексею: «Меня исключили из числа школьных работников. Это сделал Бокий по жалобе Чувашских отделов в Симбирске»[3]. Позднее, 12 ноября 1919 г. И. Я. Яковлев писал В. И. Ленину по этому поводу: «Больно мне и то, что в эпоху государственного переворота, свершившегося в России, я, старый, убежденный демократ, родом и образом крестьянин, имеющий за собой значительный педагогический опыт в деле просвещения инородцев,

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 2. Д. 17. Л. 4.
[2] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 9. Д. 5. Л. 2.
[3] НА ЧНИИ. Отдел временного хранения. Д. 426. Л. 405.

оказался удаленным от дела как раз тогда, когда сбылись мои давнишние заветные мечты об отстранении от живого дела просвещения народа той самой педагогической бюрократии, от которой я, за время 50-летней деятельности вынес столько гонений, отчасти потому, что являлся одним из главных последователей и сотрудников великого просветителя инородцев Н. И. Ильминского, отчасти в силу того, что шел всегда такими путями, которые не укладывались в рамки циркуляров, инструкций и т. п. бюрократических шаблонов, упрощавших работу покойных канцелярий, но губивших дело народного образования»[1].

Итак, И. Я. Яковлев официально ушел на пенсию осенью 1919 года, о чем свидетельствует и его пенсионная книжка за № 106, представленная в Наркомпрос Советом Чувашских трехгодичных курсов 3 марта 1920 г. В ней сказано, что «с 28 октября 1868 г. по 15 октября 1919 г. И. Я. Яковлев состоял главным руководителем Чувашской учительской школы, а его жена Екатерина Алексеевна преподавала в школе и заведовала женским общежитием с 1878 г. до 1 ноября 1919 г.»[2].

Совет педагогических курсов просил Наркомпрос в экстренном порядке назначить И. Я. Яковлеву пенсию в размере 4000 руб. в месяц, а Е. А. Яковлевой — 3000 руб., т. к. жизнь в городе дорожала, к тому же с 15 сентября 1919 г. Яковлев не получал жалованья, что заставило его продавать личные вещи.

С осени 1919 г., будучи уже в преклонном возрасте, И. Я. Яковлев принимал участие в руководстве семинарией лишь тогда, когда в этом была необходимость, в то же время по возможности продолжал общественную работу. Его детище Симбирская чувашская школа из двухкомплектной семинарии (мужской и женской) стала педагогическими курсами. Но и педкурсы образовались не сразу: им тоже пришлось преодолеть сопротивление местного бюрократизма и примитивного «интернационализма».

Педагогические курсы

Еще 7 мая 1919 г. Наркомпрос прислал в Симбирск циркулярное письмо о необходимости преобразования двухкомплектной семинарии в новое педагогическое учебное

---

[1] **Яковлев И. Я.** Письма. С. 25.
[2] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 9. Д. 11. Л. 11.

заведение. Чувашская секция при Симбирском комитете РКП(б) приветствовала это предложение и изъявила свою готовность приступить к его организации. 9 июля 1919 г. Наркомпрос постановил преобразовать все учительские семинарии в институт народного образования или педагогические курсы — в зависимости от местных условий. Вопреки этому постановлению Симбирский губоно 8 сентября 1919 г. принял свое решение: «Во избежание параллелизма, распыления сил и финансовых затруднений, соединить существующий пединститут с создающимся из чувашской семинарии институтом, образовав в них Единый Общереспубликанский институт народного просвещения... Уведомить центр о принятом губколлегией решении по вопросу о создании в Симбирске института народного просвещения»[1]. Причем для нового института решено было использовать здания чувашской учительской семинарии.

Это решение означало, что в Симбирске — губернском центре — ликвидировалась чувашская учительская семинария. И снова поднялась волна протестов со стороны чувашских учреждений и общественности в Симбирске. 9 сентября чувашские секции в симбирских губернских организациях послали в Наркомпрос протест против вселения в здания семинарии учащихся института, а педагогический совет учительской семинарии командировал в Москву преподавателя Корякина для вручения протеста совета семинарии.

Хотя в протестах фамилия Яковлева не упоминается, но он также поддерживал педагогический совет семинарии в его праве на самостоятельное существование. Об этом он сообщал и сыну Алексею в надежде на его влияние в Наркомпросе.

К началу октября 1919 г. Симбирский губоно завершил работу по организации указанного института. Чувашская двухкомплектная семинария 1 ноября была закрыта, вместо нее при институте организовали краеведческий чувашский цикл (отделение). Все здания семинарии были заняты.

Решение губернского отдела народного образования шло вразрез с политикой партии по вопросу народного образования. Вместо того, чтобы организовать новые национальные учебные заведения и поддерживать существующие, Симбирский губоно ликвидировал исторический культурный центр, каким была семинария Яковлева. Пользуясь заня-

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 2. Д. 15. Л. 1.

тостью Наркомпроса РСФСР общими вопросами организации народного образования, губоно стремился узаконить свое решение в высших инстанциях. 13 октября 1919 г. заведующий Симбирским губоно М. Б. Гольман препроводил в Народный Комиссариат по делам национальностей официальное отношение. В нем говорилось: «Создание специального Чувашского института признается нами нежелательным, т. к. руководство институтом при местных условиях попадет в руки шовинистических элементов.

Кроме того, *создание национального института народного образования не совсем соответствует принципам нашей партии в области школьно-национальной политики* (курсив наш.— *Н. К.*), поэтому сейчас закончены работы по созданию института народного образования (из бывшей чувашской семинарии с краевым чувашским циклом), каковой институт будет открыт к ноябрю с. г.»[1]. Нельзя согласиться с таким утверждением одного из ответственных работников губернского отдела народного образования.

30 ноября в Казани было созвано экстренное собрание ответственных партийных работников Казанского и Симбирского губкомов партии, представителей Самарского уездного отдела по народному образованию, Казанского губоно совместно с коллегией подотделов Чувашского отдела Наркомнаца. Собрание выразило энергичный протест против закрытия чувашской учительской семинарии и свое решение препроводило в Наркомпрос, где уже накопилось множество резолюций с аналогичными протестами разных учреждений.

6 ноября 1919 г. Наркомпрос созвал коллегию, которая отменила постановление Симбирского губоно о закрытии чувашской семинарии и приняла постановление о преобразовании ее в институт на основании постановления Наркомпроса от 9 июля 1919 г. «Признать за чувашским народом право,— подчеркивается в ноябрьском постановлении,— иметь свое высшее педагогическое учебное заведение с тем условием, чтобы в него принимались лица и других национальностей»[2].

В тот же день в Симбирск от Наркомпроса поступила телеграмма М. Н. Покровского о немедленном приостановлении вселения института в здание учительской семинарии.

И. Я. Яковлев в это время не состоял в штате семинарии, но продолжал принимать участие в решении многих орга-

[1] К вопросу о преобразовании Симбирской чувашской учительской семинарии в общий институт просвещения.—Казань, 1920. С. 38.

[2] Там же. С. 41—42.

низационных вопросов, в частности, прилагал все усилия для возвращения семинарии зданий и фермы, обращался в Наркомпрос с просьбой «не разрушать почтенного старого пролетарского чувашского учреждения»[1]. Постановление Наркомпроса от 6 ноября 1919 г. окрылило его, и ветеран просвещения, несмотря на преклонный возраст, приступил к составлению проекта положения будущего института.

Но еще долго вопрос о преобразовании чувашской учительской семинарии оставался нерешенным: в постановлении Наркомпроса от 6 ноября 1919 г. было указано об образовании или педкурсов или педагогического института. Коллегия Наркомпроса поручила заведующему отделом подготовки учителей К. Н. Левину изучить возможности семинарии, а затем решить вопрос в соответствии с конкретными условиями совместно с отделом просвещения национальных меньшинств. Было дано две недели сроку. 20 ноября 1919 г. отдел «в полном согласии с Отделом просвещения национальных меньшинств Наркомпроса и заведующим Симбирским губоно т. Гольманом решил открыть в г. Симбирске при местном институте народного образования трехгодичные Чувашские педагогические курсы на общих основаниях»[2]. Теперь ранее существовавший чувашский краеведческий цикл стал называться курсами.

И. Я. Яковлев вместе с поддерживавшим его последним председателем педагогического совета чувашской двухкомплектной семинарии Н. И. Колосовым продолжал настаивать на создании самостоятельного учебного заведения. Гольман принимал все меры к удалению их из семинарии. 25 ноября 1919 г. состоялось заседание Симбирского губоно, где был рассмотрен вопрос об открытии Чувашских педагогических курсов. В протоколе заседания, в частности, записано:

«...4) Считая, что пребывание Яковлева в стенах семинарии вредно отражается на деятельности семинарии, губколлегия постановила: по предложению Наркомпроса уволить Яковлева в отставку с сохранением за ним пенсии, о чем сообщить в отдел подготовки учителей Наркомпроса.

5) Согласно заявлению заведующего подотделом подготовки учителей, Колосова от занимаемой должности в институте отстранить, заменив его т. Розинским»[3].

Действительно, Колосов был уволен, но позднее он вер-

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 30. Д. 70. Л. 30.
[2] К вопросу о преобразовании... С. 45.
[3] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 2. Д. 27. Л. 1.

нулся в Симбирск и работал в Чувашском институте народного образования (Чувино). Что же касается И. Я. Яковлева, то он продолжал участвовать в культурно-просветительной работе: именно в это время он организовал повторно перевод Конституции РСФСР и книг на чувашский язык.

Официально Чувашские педагогические курсы были открыты 12 декабря 1919 г. при общем институте народного образования. Курсы готовили учителей для школ I ступени. Но просуществовали они менее года. Чувашские партийные и общественные организации продолжали отстаивать вопрос об открытии национального заведения. Так, Чувашский отдел при Наркомнаце 12 января 1920 г. направил в Наркомпрос отношение, в котором вторично заявил свой протест и просил, чтобы из помещения школы был удален вновь открытый Общий институт в помещение бывшего педагогического института, а в зданиях бывшей чувашской учительской школы открыть Чувашский институт народного образования или двухкомплектные Чувашские педагогические курсы.

Иван Яковлевич Яковлев опять не смог остаться в стороне и просил своего сына Алексея Ивановича сообщить В. И. Ленину о сложившихся в Симбирске обстоятельствах. 25 февраля (9 марта) 1920 г. И. Я. Яковлев писал Алексею: «Поговори обо всем этом с Владимиром Ильичем, если только тебе можно будет, на него я питаю надежду; может быть, он поможет и ферму возвратить обратно школе, ее теперь тоже растаскивают. Твое пребывание в Москве я нахожу очень полезным для школы и для моих соплеменников, это совершенно верно»[1]. Одновременно А. И. Яковлев доложил обо всем управляющему делами СНК РСФСР В. Д. Бонч-Бруевичу, который 11 февраля 1920 г. представил в Отдел Летучих Ревизий при Бюро Жалоб официальное письмо на имя Врачинского. «Посылаю при сем,— говорится в нем,—копию жалобы профессора Московского университета А. Яковлева, чувашского происхождения и обращаю Ваше внимание на то, что в Симбирске закрыта чувашская учительская школа-семинария, которую едва терпело старое правительство и которая, по словам представителя чувашского народа, так дорога, так необходима для просвещения народных масс, что оттуда выходили учителя, которые шли в народные массы и вносили туда культуру. При этой же

[1] Научный архив ЧНИИ. Отд. 2. Д. 848. Л. 2.

чувашской школе-семинарии переводились учебники и тому подобные пособия для культуры и просвещения.

В настоящее время в здании чувашской школы был открыт русский университет народного образования, самая школа была причислена к университету, имущество ее было передано в ведение новой педагогической корпорации, ничем не связанной с бывшим чувашским заведением. Эта политика местного отдела крайне возмущает чувашей, т. к. они, по их словам, лишились единственного культурного центра, просвещающего их народ. На эти обстоятельства необходимо обратить самое серьезное внимание и если изложенное здесь справедливо, нельзя ни в коем случае допустить, чтобы учебное заведение, такое нужное для чувашей, было бы от них отнято и передано в распоряжение русскому населению, которое и без того имеет там значительное количество учебных заведений*. Мы должны особенно чутко относиться ко всем потребностям народов Востока, не только на словах, но и на деле доказать, что самоопределение народностей, их культурный рост и развитие для нас так же близки, как и интересы вообще всех национальностей, населяющих Россию.

В случае, если Вы найдете нужным послать в Симбирск специальную ревизионную комиссию для расследования этого дела, то профессор Московского университета Яковлев, близко принимавший участие в создании этой школы, так же, как и его отец, хотел бы, чтобы он был присоединен к этой комиссии в качестве консультанта, т. к. он может самым подробным образом рассказать названной ревизионной комиссии историю возникновения этой школы и быть посредником между комиссией и чувашским населением.

Полагаю, что на это дело надо обратить самое серьезное внимание»[1].

Вмешательство Бонч-Бруевича в решение вопроса о будущности чувашского учебного заведения в Симбирске имело решающее значение.

Для изучения условий создания института на базе бывшей Симбирской чувашской школы в начале апреля 1920 г. из Москвы приехала специальная комиссия Наркомпроса РСФСР в составе А. М. Страшуна (председатель), Ф. Н.

---

* В Симбирске в начале 1919 г. был открыт педагогический институт «Пролетарий», затем — пролетарский университет, педкурсы и другие учебные заведения.

[1] ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 70. Л. 17—18.

Сергеева и И. Е. Ефимова. Последний находился в Симбирске с марта месяца. Яковлев был рад появлению этой комиссии, которую ждал давно.

Комиссия обстоятельно ознакомилась с условиями жизни и деятельности преподавателей и учащихся педкурсов, все ее члены посетили занятия, а также сельскохозяйственную ферму бывшей Симбирской чувашской школы. Члены комиссии имели ряд встреч с руководителями губернии. Комиссия подробно инспектировала деятельность Симбирского губоно, возглавляемого тогда М. Б. Гольманом. 12 апреля Страшун лично навестил Яковлева на дому, беседовал с ним более часа. Вскоре после этого И. Я. Яковлеву вернули все его бумаги, черновой вариант письма к В. И. Ленину от 12 ноября 1919 г., стихотворение А. В. Жиркевича «Памятник», посвященное И. Я. Яковлеву и написанное в подражание Пушкину, письма А. И. Яковлева к отцу и другие. Эти документы были конфискованы при обыске, произведенном по распоряжению Гольмана по доносу Карякина, чтобы найти компрометирующие И. Я. Яковлева факты. На одном из заседаний педагогического совета педкурсов Страшун выступил с докладом о прошлом чувашского педагогического учебного заведения в Симбирске и его перспективах. Он рекомендовал педколлективу внимательно и уважительно относиться к старейшине чувашского просвещения И. Я. Яковлеву. Однако вскоре после отъезда комиссии нападки на И. Я. Яковлева возобновились. Так, 14 мая 1920 г. по указанию местных властей был раскопан холм-склеп около домовой церкви бывшей Симбирской чувашской школы, чтобы проверить, не спрятал ли там И. Я. Яковлев ценности. Рабочие-копальщики, проникнув в склеп, убедились в ложности доноса — почти половина его была затоплена водой. Еще в начале 900-х годов И. Я. Яковлев приготовил дубовые гробы и склеп для себя и жены. Он мечтал быть похороненным во дворе своей школы рядом с церковью.

Вообще московская комиссия не оправдала надежд, возложенных на нее Наркомпросом, а назревший в нем еще в 1918 г. так называемый «симбирский вопрос» не был снят с повестки дня. Комиссия внесла лишь незначительные изменения в руководство учебными заведениями. За ликвидацию в годы Советской власти чувашского национального учебного заведения, чего не делали даже в годы царизма, Гольман был отстранен от должности заведующего Симбирским губоно. Вопрос о необходимости преобразования Симбирских педкурсов в чувашский институт народного образования был решен на месте.

Институт народного образования

В середине июля 1919 г. завотделом просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР С. С. Дзержинская (жена Ф. Э. Дзержинского) телеграфировала в Симбирские чувашские педкурсы: «Курсы преобразованы в институт»[1]. Несколько позднее, 26 июля 1920 г., она же подписала следующий документ, поступивший в канцелярию чувашских педкурсов 30 июля на имя заведующего: «Препровождая при сем копию отношения Наркомпроса от 15 сего июля за № 2700 о преобразовании курсов в Чувашский институт народного образования, отдел просвещения национальных меньшинств Наркомпроса предлагает Вам немедленно приступить к предварительной работе по организации института с расчетом, чтобы институт мог функционировать с 1 сентября с. г. Особенно необходимо спешить приглашением профессоров, учащихся и освобождением зданий от частей войск. Для последней цели рекомендуется Вам немедленно возбудить через губотнароб (губернский отдел народного образования.—*Н. К.)* ходатайство перед губисполкомом, а если в губисполкоме по тем или иным причинам ходатайство не будет удовлетворено, то переносите дело в Наркомпрос через его отдел просвещения национальных меньшинств.

На предварительные организационные расходы Наркомпросом отпускается в Ваше распоряжение авансом восемьсот тысяч (800000) рублей.

Смета на содержание института в этом году составляется здесь»[2]. Экземпляр такого же отношения поступил и в Симбирский губоно.

В Наркомпросе РСФСР в одном и том же отделе с С. С. Дзержинской работал ученик И. Я. Яковлева Ф. Н. Сергеев, заведовавший чувашским подотделом. Он поддерживал постоянную связь с чувашским учебным заведением в Симбирске и А. И. Яковлевым. Сергеев был в курсе всех симбирских событий. Хотя вопрос о создании в Симбирске чувашского вуза был окончательно решен в Наркомпросе и на месте, тем не менее предстояло преодолеть немало трудностей для его организации. Прежде всего необходимо было освободить некоторые здания, занятые солдатами Восточного фронта, русским институтом и его работниками. Строгое напоминание С. С. Дзержинской в такой сложной

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 14. Л. 8 (публикуется впервые).
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 225. Л. 10 (публикуется впервые).

ситуации было весьма кстати, своевременно. Все лето преподаватели и учащиеся готовились к новому учебному году, благодаря чему в Симбирске с 1 сентября 1920 г. возникло первое высшее учебное заведение в истории чувашского народа — Чувашский институт народного образования (Чувино). При этом образовалось два учебных заведения: институт и сельскохозяйственный техникум.

15 июля 1920 г. Наркомпрос направил в Симбирский губоно циркуляр за подписью А. В. Луначарского. Этот документ положил начало преобразованию педкурсов в Чувашский институт народного образования. Приведем полный текст распоряжения наркома просвещения:

«В ответ на ходатайство Симбирских чувашских трехгодичных педагогических курсов от 27 июня сего года за № 579, поддержанное Симбирским губоно и Отделом просвещения национальных меньшинств Наркомпроса, сообщается Вам о следующем: 1) Симбирские чувашские трехгодичные курсы с 1 сентября с. г. преобразуются в Чувашский институт народного образования на общих основаниях.

2) В первое время при институте открываются отделы: а) подготовки школьных работников I ступени и б) подготовки школьных работников II ступени.

3) Остальные отделы института (по подготовке работников по дошкольному и внешкольному образованию и инструкторов по трудовым процессам) должны открываться по мере возможности при наличии необходимых для этого условий.

4) При институте организуются шестимесячные курсы по дошкольному и одногодичные* по внешкольному образованию.

5) Оборудование института трудовыми процессами на земле и в мастерских, сообразно местным условиям, является обязательным.

6) Все имущество Симбирских чувашских трехгодичных педагогических курсов как движимое, так и недвижимое, в том числе и сельскохозяйственная ферма, а также все денежные средства преемственно переходят в полное распоряжение института, согласно постановлению Коллегии Наркомпроса от 9 июля 1919 г.

7) При институте организуются подготовительные группы учащихся по усмотрению Совета института.

* Одногодичные курсы существовали лишь в 1920—1921 учебном году и состояли из циклов: педагогического, эстетического и книжно-библиотечного образования (ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 505. Л. 97).

8) При институте открывается также показательная трудовая школа I ступени.

9) В первую очередь в институт принимаются лица чувашского происхождения, лица других национальностей принимаются при наличии свободных вакансий. Все поступающие в институт должны хорошо владеть чувашским языком.

10) До составления и утверждения сметы на содержание института, на расходы, необходимые организации института, отпускается авансом 800000 руб.»[1].

Таким образом, в Симбирске образовался второй институт народного образования—чувашский. До этого здесь был русский институт.

Всего в стране к 1 января 1921 г. насчитывалось 49 пединститутов, включая Чувино. С 16 ноября 1920 г. Чувино стал называться Чувашским ударным институтом народного образования. На основании решения Наркомпроса от 19 июля 1921 г. стал практическим институтом народного образования (Чуприно).

С 1921 г. Чуприно с тремя отделениями готовил практических деятелей социалистического строительства. Первое отделение считалось подготовительным, два последующих готовили учителей для школ I и II ступеней. Главным руководящим органом института в первый год его существования являлось правление, лишь в 1921/22 учебном году институтом руководил ректорат. Первым его ректором был И. К. Васильков[2].

По положению от 5 декабря 1922 г., утвержденному Главным управлением профессионального образования Наркомпроса РСФСР, в Чуприно открыли дошкольное, школьное и чувашское отделения. Последнее называлось чувашеведческим. На этом отделении изучали чувашский язык, чувашскую народную словесность, этнографию, историю, географию, экономику чувашей, чувашское искусство в связи с общей историей искусств, народное образование чувашей, методику преподавания чувашского языка, источники чувашеведения, арабский, татарский, марийский языки, а также один из древних и новых языков, общее языкознание, историю тюрков, обзор тюркских наречий, обзор литературы народов урало-алтайских и мадьярских семей, общую этнографию, антропологию, музееведение, историю Поволжья, чувашскую музыку[3].

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 225-р. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.
[2] Там же. Д. 36. Л. 1.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 225-р. Д. 79. Л. 28.

В начале 1921 года в институте был следующий состав руководителей: ректор И. К. Васильков, заведующий учебной частью А. И. Яковлев, зав. адмхозчастью В. Н. Орлов и завинтернатом Е. А. Яковлева. В институте работали А. И. Яковлев и его мать Екатерина Алексеевна. А. И. Яковлев прибыл в Симбирск в середине августа 1920 г. в длительную командировку по направлению Наркомпроса РСФСР. 21 июня 1921 г. он был избран ректором Симбирского народного университета, одновременно работал и в Чувино. Но не было в штате И. Я. Яковлева. Однако и он не оставался безучастным. Желая внести свой вклад в организацию учебного процесса молодого вуза, он на 1921/22 учебный год составил интересный проект плана института по группам «а» и «б». Подготовительная группа по его проекту должна была заниматься во внеклассное время 4 часа в мастерских еженедельно. Примечательно, что этот план И. Я. Яковлева не расходился с общими положениями Главного управления профессионального образования, которые тоже требовали соединения обучения с производительным трудом. Кроме того, 29 декабря 1921 г. Президиум правления Чувино просил И. Я. Яковлева составить историю создания Симбирской чувашской школы, развития чувашского народного образования вообще[1]. Пока неизвестно, выполнил ли он эту просьбу, но в архивах есть проект создания музея народного образования в Чувино, составленный им без указания даты.

На базе сельскохозяйственной фермы бывшей учительской семинарии 1 сентября 1920 г. организовался сельскохозяйственный техникум при Чувино. Курс обучения в нем продолжался 3 года, а с 1 сентября 1922 г. был увеличен до 4 лет. I и II курсы были общеагропомическими, последующие — специальные, с отделениями полеводства, животноводства, садоводства и огородничества.

В техникум принимали лиц обоего пола не моложе 14 лет с образовательной подготовкой не ниже курса двух лет школы II ступени, хорошо владевших чувашским языком. Техникум имел интернат, пользовался всеми классными помещениями и оборудованием Чувино и подчинялся его правлению, а с 1921/22 учебного года ректорату, т. к. состав преподавателей был почти тот же, что в институте. Техникум готовил инспекторов по отдельным отраслям сельского хозяйства.

В голодные годы 1921—1922 гг. на ферме этого технику-

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.

ма организовали детские сад и ясли. В 1922 г. здесь содержалось 45 детей. В те тяжелые годы сельхозпродукты фермы поступали и в другие детские учреждения города Симбирска. Для будущего И. Я. Яковлев сохранил ценнейшие памятники истории и культуры родного народа. Еще в годы учения в университете вместе со своими первыми учениками начал собирать бесценные реликвии истории отечества с древнейших времен. Сбор таких материалов с каждым годом принимал под его руководством широкий масштаб. В это благородное дело он постоянно вовлекал учащихся и преподавателей Симбирской чувашской школы, а также сельских школ. У него давно было желание — организовать музей истории чувашского народа. Такой музей был создан при Симбирском чувашском институте народного образования.

Историко-этнографический музей

Возникновение историко-этнографического музея при Чувино явилось первой попыткой придать общественное и государственное значение делу сохранения и восстановления исторических памятников культуры чувашского народа.

Вообще создание музея при Чувино явилось выполнением декрета СНК от 5 декабря 1918 г. «Об охране научных ценностей». Этот декрет был подписан В. И. Лениным и В. Д. Бонч-Бруевичем. В нем говорится: «В целях охраны и предотвращения возможного уничтожения научных ценностей и правильного использования и распределения их Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Поручить Научному отделу Народного комиссариата просвещения принять все необходимые меры к учету и охране всех научных ценностей, находящихся на территории Российской республики, как-то: научных музеев, коллекций, кабинетов, лабораторий и сооружений, научных установок, приборов, пособий и пр., и принять их в свое непосредственное ведение или передать их в ведение соответствующих научных или научно-учебных учреждений.

2. Виновные в неисполнении постановлений Научного отдела для проведения в жизнь настоящего декрета подвергаются ответственности по строгости революционных законов»[1].

---

[1] Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917—1973 гг.—М., 1974. С. 481.

Сам факт создания чувашского музея лишь при Советской власти говорит о многом: в условиях царизма даже мысль о его организации была «крамолой»—ведь И. Я. Яковлева и без того обвиняли в «сепаратизме» и «национализме». Между тем основатель Симбирской чувашской школы, ее учителя сумели собрать и сохранить немало исторических ценностей. Часть экспонатов, собранных Яковлевым, учителями и воспитанниками Симбирской чувашской школы и сельских училищ Казанского учебного округа еще в 60-х годах XIX в., и поныне хранится в музее при Чувашском государственном педагогическом институте им. И. Я. Яковлева, в Чувашском республиканском краеведческом, Ульяновском краеведческом и в других музеях. Из Симбирской чувашской школы много ценных материалов по истории народного образования поступило в музей народного просвещения, созданный при управлении Казанского учебного округа. Такие музеи были во всех учебных округах царской России. 29 мая 1914 г. И. Я. Яковлев выслал в музей учебного округа 35 фотографий с видами сельскохозяйственной фермы школы, а также о пребывании Кассо в Симбирской чувашской школе[1].

Яковлев разработал и высылал сельским учителям программы сбора материалов по истории народного образования, предметов старины, фольклорных памятников и др. Недавно мы обнаружили часть одной из этих программ, озаглавленную «Примечание». Вот ее содержание:

«Примечание:

а) Покорнейшая просьба — известить и других обучавшихся (окончивших и не окончивших курс) в Симбирской чувашской школе и в женском при ней училище о присылке означенных сведений, так как нет возможности (за неимением адресов) выслать всем подобные листы.

б) Было бы весьма желательно получить сведения и о тех воспитанниках и воспитанницах, коих нет в живых.

в) Хорошо было бы получить и фотографические карточки (можно семейную, или одиночную, какая есть).

Все присланное (ответные листы и фотографические карточки) будет принято с глубокою благодарностью и будет храниться при Симбирской чувашской школе, как вещественный памятник о бывших ее воспитанниках и воспитанницах, и послужит ценным материалом для составления истории Симбирской чувашской школы и просвещения чуваш.

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1131. Л. 19.

По заполнению означенного листа выслать его по адресу: Город Симбирск, Чувашская школа.

P. S.

Кроме ответов на вышеприведенные вопросы, желательно бы также получить некоторые и другие данные, как необходимый материал к составлению истории Симбирской чувашской школы и развития образования среди чуваш. Посему не соблаговолите ли Вы составить (на русском или чувашском языках, целиком и частями, как найдете для себя удобным) исторический очерк, предметом которого будут Ваши личные наблюдения и Ваш личный опыт: чем Вы задавались, какие средства Вами применялись и какие результаты достигнуты. Как Вы оцениваете общие принципы и приемы работы? Не соблаговолите ли написать свои воспоминания, относящиеся к тому или иному моменту Вашей деятельности, Вашим учебным годам и Вашему пребыванию в Симбирской школе в частности. Форма изложения, отрывочность и необработанность пусть Вас не стесняют, важна лишь фактическая точность и беспристрастие написанного Вами, всякое малое сообщение будет иметь цену.

Посылку ответов на вопросы не нужно ставить в зависимость от выполнения исторического очерка и воспоминаний. (Ответы могут быть сейчас же присланы, а воспоминания после.)

Может быть, пожелают поделиться своими наблюдениями и выводами относительно образования чуваш лица, не обучавшиеся в Симбирской чувашской школе, и таковые сообщения будут приняты также с глубокою благодарностью.

Инспектор Симбирской чувашской
учительской школы И. Я. Яковлев.
Гор. Симбирск
22 февраля 1910 г.»[1]

Программа сбора предметов быта и культуры постоянно расширялась. В период каникул учащиеся обязаны были записывать образцы устного народного творчества своего края, писать сочинения на темы: «Памятные случаи в моей жизни», «Языческие верования в нашей деревне», «Бытовые народные обряды в нашей деревне»[2] и т. д. Сочине-

[1] Из личного архива автора книги (публикуется впервые).
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 144. Л. 44.

ния и собранные материалы учащихся хранились в библиотеке школы. Наиболее интересные работы, представлявшие определенную дидактическую ценность, использовались при составлении учебников по родному языку. Так, сочинения одного из первых учеников Симбирской чувашской школы И. Бюрговского «Как я научился креститься», А. Кузнецова «Как я сломал часы» помещены в букваре для чувашей с присоединением русской азбуки (Симбирск, 1902). Кроме того, сельские учителя собирали на местах фольклорные памятники, предметы старины и сдавали И. Я. Яковлеву. Так Симбирская чувашская школа становилась местом сосредоточения экспонатов будущего музея. По мере возможности И. Я. Яковлев использовал их для учебно-воспитательных целей. В 1908 г. в Симбирске вышли «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним» (116 страниц), в 1912 г.—вторая часть этого сборника (114 страниц). В 1908 г. к 40-летию школы Яковлев выпустил литературный сборник «Сказки и предания чуваш» (114 страниц). Однако большая часть собранных материалов не находила применения. Поэтому Симбирская чувашская школа превращалась в хранилище различных вещей чувашской старины, памятников устного народного творчества. Коллекционирование их особенно увлекало учащихся и учителей школы в 1889 году, когда в ней начал учительствовать А. В. Смоленский, автор работы «Чувашские приметы о погоде и влиянии ее на сельское хозяйство». С помощью учащихся он собрал несколько видов чувашского гигроскопа и другие самодельные приборы, использовавшиеся чувашскими крестьянами для предсказывания погоды.

Собранный школой материал по чувашской словесности широко использовал Н. И. Ашмарин при составлении многотомного словаря чувашского языка. Коллекцией школы интересовались многие русские и зарубежные ученые-тюркологи: Ю. Мессарош, член Будапештской Академии наук, профессор Б. Мункачи, академик В. В. Радлов, проф. Н. А. Фирсов, коллекционер-писатель А. В. Жиркевич и др. И. Я. Яковлев лично знал Мессароша и Мункачи, давал им уроки чувашского языка. Мункачи приезжал в Симбирск в 1885 г. Сохранилось его письмо И. Я. Яковлеву: «Не имея, к моему искреннему сожалению, случая лично с Вами проститься, считаю долгом письменно выразить Вам мое глубокое почтение и благодарность за Ваш радостный прием и помощь в моих трудах. От души желаю Вам всего хорошего». Вот как рассказывается о работе венгерского ученого в Симбирске в одном из дореволюционных местных изданий: «Жил

долгое время в чувашской школе с целью ознакомления с чувашским языком, бытом, поэзией и т. д. У одного учителя из чуваш было большое собрание чувашских песен, которые он венгерцу часто напевал с аккомпанементом фисгармонии или рояли. Венгерец приходил в восторг от своеобразных чувашских напевов и находил, что многие мелодии напоминают ему лучшие места, созданные творческой силой великих композиторов. За сборник чувашских песен венгерец предлагал довольно крупную сумму, но учитель предполагал издать песни сам, не уступив их ему»[1]. Теперь мы выяснили имя этого коллекционера. Им оказался, как показывают письма самого Б. Мункачи, хранящиеся в архивах Академии наук Венгрии, преподаватель русского языка Симбирской чувашской школы П. В. Васильев. В 1878—1889 гг. он заведовал одновременно библиотекой школы, составил генеральный каталог всех коллекций школы. К сожалению, этот каталог не сохранился.

Б. Мункачи и П. В. Васильев совместно исследовали исторические корни многих чувашских пословиц, поговорок, преданий, пытались обосновать их происхождение языковыми, историческими и археологическими данными. 30 сентября 1885 г. Мункачи писал из Симбирска президенту Венгерской Академии наук И. Буденцу о своем успешном изучении им чувашского языка при всесторонней помощи И. Я. Яковлева и других преподавателей его школы: «Живу среди чувашей в г. Симбирске. У них собрано много памятников устного народного творчества (сказки, пословицы, поговорки, старинные слова). В этом деле с ними легко работать, сравнивать венгерский язык с чувашским»[2]. Письмо было написано на венгерском языке. В другом письме от 21 октября 1885 г. Б. Мункачи сообщал о том, что он просмотрел «Корневой чувашско-русский словарь» Н. И. Золотницкого, после чего у него появилось желание съездить к чувашам-вирьял Ядринского уезда. Однако И. Я. Яковлев и П. В. Васильев убедили его, что диалект вирьял можно изучить в Симбирской чувашской школе с помощью хранимых здесь вирьялских фольклорных памятников. И. Я. Яковлев познакомил его с учащимися школы из Ядринского уезда — носителями вирьялского диалекта[3].

Коллекциями Симбирской чувашской школы интересовался другой видный ученый В. В. Радлов, работавший в

---

[1] Симбирские епархиальные ведомости. 1897. № 14. С. 566.
[2] НА АН Венгрии. MS 5443/81—I (публикуется впервые).
[3] Там же. MS 5449,82—I (публикуется впервые).

1872—1884 гг. инспектором татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ Казанского учебного округа, а затем переехавший в Петербург.

И. Я. Яковлев вспоминал о нем: «Перед отъездом в Академию наук Радлов не раз предлагал мне передать ему рукописи мои с записанными чувашскими песнями, поговорками, сказками и т. п. Но я, зная судьбу записей священника алтайской миссии, этого не сделал, а передал в большей части Н. И. Ашмарину, они и сейчас должны храниться»[1].

В Симбирской чувашской школе хранились рукописные сборники чувашских народных песен, легенд и сказаний, составленные во второй половине XIX в. По рассказам выпускника этой школы 1903 г. Г. И. Комиссарова, И. Я. Яковлев показывал ему и другим историкам интересные рукописи о взятии Казани Иваном Грозным, о посещении Петром I чувашских дубовых лесов, расположенных на правом берегу Волги, о Севастопольской обороне 1854—1855 гг. в период Крымской войны. Б Мункачи тоже упомянул в одном из своих писем из Симбирска о чувашских преданиях на исторические темы. Многие исторические события отразились в народной летописи — фольклоре. Ведь Петр I действительно посетил дубовые леса Казанской губернии. 15 мая 1722 г. он отправился вниз по Волге и 27 мая достиг Казани. По дороге осматривал корабельные рощи и в Казани же распорядился о мобилизации «для работ по вырубке и доставке корабельных лесов татар, мордвы и чуваш без всякой платы, о хранении заповедных лесов, так и о разведении дубовых лесов в местах наиболее способных произрастанию этой породы по нагорной стороне Волги, в нынешних уездах Чебоксарском, Козьмодемьянском и Свияжском»[2]. К сожалению, ни одна из рукописей с легендами на исторические темы до нас не дошла.

В музее больше всего сохранилось материалов по истории создания Симбирской чувашской школы. Эти материалы систематизировал А. В. Жиркевич, поддерживавший творческие связи с И. Я. Яковлевым еще в начале 900-х годов. Он часто приезжал в Симбирск к своим родственникам и тогда же начал интересоваться чувашским просветителем. И. Я. Яковлев порекомендовал ему обратиться за помощью в сборе материалов о Симбирской чувашской школе к А. А. Громеко. Именно она (девичья фамилия

[1] Яковлев И. Я. Воспоминания. С. 185.
[2] Казанские губернские ведомости. 1845. № 35. С. 309—310.

Глазова) давала частные уроки первым мальчикам будущей чувашской школы в Симбирске. 7 декабря (24 ноября) 1901 г. А. Громеко писала из Женевы сыну И. Я. Яковлева Алексею:

«Многоуважаемый и милый Алексей Иванович!

Мне очень лестно обращение господина Жиркевича написать воспоминания о дорогом друге моем Иване Яковлевиче. Только жалею, что это не случилось раньше. Эти последние годы я очень состарилась, голова работает плохо, и память совсем изменяет мне. Я, например, знаю, что наше знакомство состоялось в конце 60-х годов, когда Иван Яковлевич поступил в Симбирскую гимназию, но точные цифры не помню. Нет ли у Вас краткой биографии Ивана Яковлевича или его воспоминаний, чтобы я могла сверить то, что мне помнится. Я буду Вам очень благодарна, если пришлете мне ее, и возвращу с благодарностью»[1]. Пока нам не известно, получил ли Жиркевич воспоминания А. Громеко о Симбирской чувашской школе и о И. Я. Яковлеве.

После отставки от военной службы Жиркевич переехал в Симбирск и в 1916 г. начал постоянно ходить в чувашскую школу, записывать воспоминания И. Я. Яковлева. Часть этих воспоминаний была издана в Чебоксарах в 1982 и 1983 гг. В 1918 г. Яковлев поручил Жиркевичу систематизировать собранные материалы для организации музея. В подготовке к его созданию активно участвовали В. Н. Орлов, А. В. Рекеев, И. Н. Юркин, Ф. Т. Тимофеев. Жиркевич развернул оживленную переписку с первыми учениками чувашской школы, с ее выдающимися воспитанниками. 20 мая 1920 г. он записал в своем дневнике: «Вчера я весь день в музейной комиссии, одобрили проект устава будущего чувашского музея. Во вторник его внесут в общую организационную комиссию по устройству первого чувашского института»[2].

А. Рекеев и И. Юркин передали в дар будущему музею свои драгоценные коллекции первых чувашских книг, букварей, старинных рукописей XVII—XVIII вв. о чувашах. Коллекция Рекеева была оценена в 300 тысяч рублей, а Юркина — 40 тысяч рублей[3]. Организацией музея занималась группа местных специалистов во главе с И. Я. Яков-

[1] Московское отделение архива АН СССР. Ф. 665. Оп. 1. 80. Л. 13—14 (публикуется впервые).

[2] Фонд рукописей гос. музея Л. Н. Толстого в Москве. Дневник Жиркевича за 1920 год. Л. 262.

[3] ОРГМТ в Москве. Дневник Жиркевича за 1921 г. Л. 748.

левым. Ее работой заинтересовалась и московская комиссия, направленная Наркомпросом РСФСР для изучения условий создания Чувашского института народного образования в Симбирске и проверки деятельности губоно. Один из членов комиссии И. Ефимов писал 9 апреля 1920 г. А. И. Яковлеву: «Правда, обыск происходил на квартире Ивана Яковлевича, но, конечно, ничего не могли найти. Есть тут какой-то Карякин, который из личных расчетов не гнушается писать ложные, анонимные доносы. И тут проявилось его усердие. У всех идет слаженная работа. Только по одному вопросу есть расхождения, именно: на должность заведующего Симбирским чувашским музеем при курсах В. Н. Орлов, Н. И. Колосов и Иван Яковлевич рекомендуют назначить Жиркевича. Савандеев и Прокопьев склонны назначить на эту должность Юркина, и я последнюю кандидатуру предложил бы, т. к. это работник, проявивший себя, или же тому и другому дать работу в музее»[1]. Так и было решено. 9 мая 1921 г. состоялось официальное открытие музея как части Чувино со своими штатными работниками: А. В. Жиркевич был директором, а И. Н. Юркин — инструктором. Чувашская общественность приветствовала создание историко-этнографического музея в Симбирске, благодаря чему творения народа стали его достоянием. Еще до этого, 6 мая, музей посетил завгубоно Швер. Он интересовался предметами быта древних болгар, обнаруженных при археологических раскопках.

Еще в мае 1918 г. на Общечувашском съезде учащихся в Казани один из лидеров Казанского отделения ЧНО Г. Ф. Алюнов выступил с докладом «Учреждение национального музея». По его докладу участники съезда приняли решение о создании в ближайшее время чувашского музея. Алюнов и другие выпускники Симбирской чувашской школы знали, что в ее стенах хранились бесценные сокровища культуры народа. В октябре 1920 г. I областной съезд Чувашской Автономной области постановил организовать в Чебоксарах Центральный чувашский музей[2]. Организация его планировалась на базе Чувашского историко-этнографического музея при Чувино. Кстати, упомянутый съезд прислал И. Я. Яковлеву такую телеграмму:

«Первый областной съезд Автономной чувашской области.

---

[1] МО архива АН СССР. Ф. 665. Оп. 1. Д. 102. Л. 1 (публикуется впервые).

[2] ЦГА РСФСР. Ф. 206. Оп. 1. Д. 11.

Всероссийский съезд Советов среди чуваш приветствует Вас, первого организатора, инициатора просвещения отсталых чувашских масс. Съезд с глубокой признательностью констатирует, что благодаря Вашему 50-летнему упорному труду, настойчивой и решительной борьбе с чиновниками царского мракобесия за чувашское просвещение, горячей любви к родному трудовому народу чувашские трудящиеся массы оказались способными выступить на историческую арену как боевая единица для борьбы в рядах III Коммунистического Интернационала за окончательное освобождение трудящихся всех рас, племен, народов от эксплуатации и гнета.

Да здравствует дорогой наш асатте, проложивший первый путь для чувашского просвещения!»[1].

Для организации центрального музея в Чебоксарах в Симбирск часто приезжали историки, краеведы и составили полную опись всех экспонатов музея при Чувипо. Они обнаружили интересные данные. Так, в 1914 г. любитель старины И. Ефимов составил указатель коллекций Симбирской чувашской школы с подробными пояснениями. При этом он пользовался услугами Н. И. Ашмарина, Д. Мессароша — венгерского ученого, посетившего Симбирск, А. Грюнведеля и А. Винкена. В этом указателе встречаются отдельные названия предметов, которые не отражены в словарях современного чувашского языка: например, сулаç. В том же указателе были такие названия предметов быта, как: сара (старинное женское украшение в виде расшитого и унизанного бисером четырехугольника или треугольника, подвешиваемого сзади к поясу), экспонат, примерно, 250-летней давности; масмак, название головного украшения замужних женщин в виде ленты. Этот предмет есть не что иное, как продолжение традиций женщин Волжской Болгарии. Замужние женщины-болгарки брили переднюю часть головы. Постепенно эту процедуру заменили ношением масмака. Среди других предметов: сулак (платок, который накидывался на спину жениху); женская головная повязка в форме узкого полотенца с вышитыми концами.

Первоначально музей имел три отдела: 1) исторический, 2) этнографический и 3) библиотечный. В первом отделении хранились исторические документы — более 20, рукописи, свитки старинных бумаг XVII столетия, а также сочинения учащихся на исторические темы. Во втором отделе находились главным образом мужская и женская

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 1. Д. 32.

одежда, образцы женского рукоделия, предметы старины. В третьем отделе: книги, карты, портреты педагогов, писателей разных стран. Всего было 40 портретов, созданных учениками и преподавателями школы. Портрет А. С. Пушкина сделал ученик А. Китаев, портреты И. С. Тургенева — С. Т. Тимофеев, И. А. Гончарова — Г. Гаврилов, И. А. Крылова — Н. И. Иванов. По воспоминаниям Т. П. Петрова (Тихон Педэрки), работавшего в этом музее в 1924—1926 гг., среди других портретов хранились две работы К. В. Иванова, выполненные на полотне масляными красками: это портреты И. Я. Яковлева и замечательного мастера, столяра чувашской школы Н. Н. Никанорова. Петров утверждает, что опись всех экспонатов музея составляла две большие книги. К сожалению, до нас дошли лишь отдельные страницы описи.

В первые годы существования музея фонды постоянно пополнялись прежде всего книгами по народному образованию. В 1922 г. в библиотеке по этой тематике находилось более 1000 книг, здесь же хранился архив школы. В этнографическом отделе насчитывалось 300 предметов быта[1].

Музей страдал от частой смены его заведующих, а также ректоров Чувино. В 1918—1921 гг. музеем заведовал А. В. Жиркевич, использовавший тетради учащихся Симбирской чувашской школы в качестве своего дневника, в частности, тетрадь ученицы женского отделения А. Сергеевой за 1885 г.[2].

В архивах школы хранились лишь лучшие сочинения учащихся. В личном архиве Жиркевича оказались: портрет И. Я. Яковлева, написанный Н. Ф. Некрасовым, визитная карточка Б. Мункачи, подаренная И. Я. Яковлеву, письмо Н. И. Ильминского к И. Я. Яковлеву от 2 июля 1871 г. и другие материалы, которые потом пришлось затребовать через Министерство культуры РСФСР для организации музея И. Я. Яковлева при Чувашском государственном пединституте. Часть материалов передала музею его дочь Тамара Александровна.

После Жиркевича музеем заведовали Ф. Т. Тимофеев (1922—1925), затем Т. П. Петров (с 1924 г.), а дальше А. В. Китаев. Последний передал ряд фондов музея в Чебоксары для организации Центрального чувашского музея. Когда А. И. Яковлев работал в Симбирске (1920—1922),

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

[2] ОРГМТ в Москве. Дневник А. В. Жиркевича за 1921 г. Л. 1159.

он следил за работой музея, принимал ряд мер для пополнения его фондов. Из Москвы он привез картины из Румянцевского музея, бланки для составления каталогов. После выезда Яковлевых из Симбирска внимание к музею со стороны ректората ослабло, особенно при И. Н. Яштайкине. А. И. Яковлев вынужден был сообщить в Наркомпрос РСФСР «об отрицательном отношении Яштайкина к памятникам чувашской культуры»[1]. Только после строгих указаний Наркомпроса он признал музей и 8 мая 1922 г. составил акт приема, хотя должность ректора занял 3 апреля того же года. В акте указано: «1) Никаких описей имущества и каталогов экспонатов кроме каталога библиотеки Износкова, переписки И. Я. Яковлева и описей дел бывшей Симбирской чувашской школы в музее не оказалось. 2) Большинство экспонатов хранилось в закрытых шкафах и ящиках без всякой системы, без номераций и указателей. 3) Картины-работы бывших учеников Симбирской чувашской школы в рамках, также ценнейшие портреты — дар Румянцевского музея Чувино висели не на стенах, а находились на самом холодном полу. 4) В библиотеке Износкова некоторых ценнейших книг не оказалось, нигде нет указаний, ни записей, когда, кому отпущены. 5) Самое здание музея запущено до карикатурности: пол грязный, на стенах и подоконниках толстый слой пыли, окна не вытерты и не мыты, по углам и на полу склады книг, канцелярских принадлежностей, политической литературы на чувашском языке и т. д. 6) Официально заведующим числится бывший генерал Жиркевич, ключ же от музея в то время находился у члена правления Орлова В. Н., между ними происходили постоянные трения. 7) Члены правления и заведующий учебной частью проф. Яковлев стоял в стороне от музея, никаких руководящих указаний и направлений он не давал, в результате музей Чувино представлял склад всего. 8) От правления также никакого идейного руководства не было. 9) Список имущества бывшего лазарета при Чувино никем не заверен, кроме бывшего заведующего лазаретом В. Орловым»[2]. Автор пытался использовать этот акт против Яковлева в качестве документа политического обвинения.

Музеем должен был руководить предыдущий ректор И. К. Васильков, но о нем в акте нет ни одного слова. С первых же дней своей работы Яштайкин решил нарушить

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 94. Л. 72.

[2] ЦГА ЧССР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 82. Л. 23 (публикуется впервые).

сложившиеся традиции, заложенные И. Я. Яковлевым еще в начале педагогической деятельности. Первым же приказом на посту ректора Чувино Яштайкин велел заведующему хозяйственной частью Ижееву «в 24 часа выяснить запас сена в пудах и доложить мне... Оставшиеся деревья немедленно срубить»[1].

Почти вся территория Симбирской чувашской школы была занята деревьями. Она делилась на две части, отделенные друг от друга также деревьями, кустарниками и аллеями. В нижней части двора играли, разумно проводили свой досуг мальчики, а в верхней — девочки. У всех были площадки для игр, скамейки для отдыха и чтения книг. Территория школы особенно благоухала весною, когда цвели сирени, рябины, ранние цветы на клумбах. Почему-то этот чудесный уголок природы не понравился Яштайкину и он приказал срубить деревья. 5 апреля 1922 г. он издал приказ об увольнении 12 старых кадровых преподавателей и работников Чувино. В их числе оказались А. И. Яковлев, а также физически слабый, больной работник канцелярии, чувашский писатель Н. И. Полоруссов-Шелеби. 9 мая того же года Яштайкин написал письмо в ЦК РКП(б), в котором обвинял А. И. Яковлева в буржуазной пропаганде и просил убрать его из Чувино[2]. Подобные же жалобы поступали и в Наркомпрос РСФСР не только на А. И. Яковлева, но и на его жену. Она также работала в Чувино. 9 августа Яштайкин предписал О. П. Яковлевой: «...предлагаю в трехдневный срок очистить занимаемую Вами квартиру при Чувино как уволенной распоряжением отдела педобразования Главпрофобра с 1 июля сего года»[3]. 16 сентября из Наркомпроса поступила телеграмма: «Преподаватели Яковлевы, Колосов, Орлов, Степанов уволены»[4]. Решение Яштайкина Наркомпрос утвердил, после чего Яковлевы вынуждены были оставить Симбирск.

Яштайкин поставил задачу избавиться от всего «яковлевского» и последовательно добивался этого. 30 января 1923 г. он предписал И. И. Турченко: «Предлагается Вам в недельный срок не позже 5 февраля с. г. освободить амбар и погреб, занятые яковлевскими вещами, оставленными на Ваше хранение. Младший сын Яковлевых Н[иколай] И[ванович] завхозу заявил при отъезде из Симбирска, что оставленные

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 66. Л. 71 (публикуется впервые).
[2] Там же. Д. 86. Л. 1.
[3] Там же. Д. 43. Л. 113 (публикуется впервые).
[4] Там же. Д. 32. Л. 70.

ими вещи будут убраны Вами»[1]. По словам Н. В. Никифорова, работавшего тогда в адмхозчасти Чувино, оставленные вещи так и остались в Симбирске без надзора. Квартира И. Я. Яковлева была освобождена 22 декабря 1922 г. По свидетельству очевидцев, «в ней всюду валялись старые брошенные бумаги»[2]. 7 февраля 1923 г. комиссия открыла книжный склад, находившийся рядом с церковью. В нем хранились упакованные книги из личной библиотеки И. Я. Яковлева (6 связок, две толстые папки с документами, счетами, два забитых ящика (деревянных). Комиссия их не открыла. По словам того же Никифорова, в ящиках были клише для издания чувашских книг. Эти вещи также остались в Симбирске.

9 февраля 1923 г. Яштайкин писал О. А. Андрееву в Тетюшский педтехникум с приглашением на работу в Чувино: «...чистка яковлевцев закончена, сами Яковлевы, подчиняясь требованиям момента и воле чувашского народа, вынуждены были покинуть Чувино и окончательно уехать из Симбирска в Москву или, как говорят, в Петроград»[3]. Яштайкин не ладил с местной властью. 30 марта 1923 г. Симбирский губисполком вынес решение об аресте Яштайкина за воспрепятствование производству обследования Чувино[4]. Однако ВЦИК отменил это решение 3 апреля 1923 г. и в конце того же года Яштайкин был уволен Наркомпросом. В таких условиях трудно было расширять музей, сохранять в целостности экспонаты. 25 декабря 1923 г. Ф. Т. Тимофееву, новому заведующему музеем, были переданы предметы, книги, рукописи в количестве 2058 названий[5]. В этом же году из библиотеки педтехникума передали все старые книги. Сюда же регулярно поступали новые чувашские книги из различных издательств, а также часть оставленных Яковлевым вещей. По словам Н. В. Никифорова, среди них были фотографии, чернильные приборы, а также личные вещи И. Я. Яковлева: старые часы-будильники, кнут, которым он пользовался в детстве, детские рубашки. Е. А. Некрасова, внучка И. Я. Яковлева, рассказывала мне, что этот кнут долго хранился до этого в сундуке И. Я. Яковлева. В 1925 г. в музей поступило много вещей из Кошкинской школы, при которой в свое время И. Я. Яковлев орга-

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 137. Л. 5 (публикуется впервые).

[2] Там же. Д. 116. Л. 125 (публикуется впервые).

[3] Там же. Д. 137. Л. 12 (публикуется впервые).

[4] Там же. Д. 115. Л. 84.

[5] Там же. Д. 142. Л. 19.

низовал кружок трудовой помощи крестьянам. Выдающаяся роль при этом принадлежала священнику этого села Г. А. Алексееву, который сохранил и передал в музей Чувино немало предметов чувашской старины, а также рукописи первого учителя Кошкинской школы Игнатия Иванова, его воспоминания о родителях и родственниках И. Я. Яковлева, его родословную. В 1925 г. в музее числилось 4069 экспонатов на сумму 3786 руб. 86 коп.[1]. Летом 1927 г. основные фонды этого музея были перевезены в Чебоксары, в Центральный чувашский музей. По постановлению Президиума ВЦИК от 9 и 27 февраля 1922 г. Симбирский чувашский институт народного образования и сельскохозяйственный техникум при нем со всем находящимся в их распоряжении имуществом, в том числе сельскохозяйственная ферма, были переданы в ведение исполкома Чувашской автономной области[2]. В Симбирском чувашском педтехникуме не было соответствующих условий для хранения ценных вещей. Поэтому на основании решения Наркомпроса Чувашской АССР от 9 августа 1927 г. за № 5027 в Центральный чувашский музей в Чебоксарах были переданы следующие экспонаты: 50 рукописей, 7 книг, множество фотографий, связанных с участием Симбирской чувашской учительской школы во Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде; письма чувашских священников И. А. Износкову — 44, копии писем И. Я. Яковлева к С. В. Смоленскому — 3; рукописи на разные темы (две из них И. Я. Яковлева) — 24; протоколы и циркуляры — 67; письма учителей И. А. Износкову — 5; проекты, сметы церковноприходских школ — 29. Акт передачи составлен 16 августа 1927 г. завмузеем Ульяновского чувашского педтехникума А. В. Китаевым[3]. Тогда же составили и опись экспонатов: книги из личной библиотеки И. А. Износкова — 2386; книги из личной библиотеки А. В. Рекеева — 28; письма И. Я. Яковлева 1871—1920 гг., письма разных лиц А. Рекееву, солдатские письма Рекеева в связке № 47 (без указания количества); фотографии А. Рекеева, его матери и других лиц — 9; письма разных лиц священнику А. Рекееву в связке № 57 (количество не указано); письма Ф. Г. Алюнова к А. Рекееву и две его фотографии в связке № 58 (количество писем не указано); письма И. Я. Яковлева И. А. Износкову от 17

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 174. Л. 192.
[2] Там же. Д. 115. Л. 86.
[3] Там же. Д. 201. Л. 88.

августа и 29 ноября, 18 декабря 1899 г. о недоброжелательном отношении симбирского епископа Никандра к женскому училищу Симбирской чувашской учительской школы в папке № 1; письма И. Я. Яковлева И. Износкову от 9 декабря 1899 г. (разговор Износкова с К. П. Победоносцевым о недоброжелательном отношении Никандра), от 18 декабря, от 31 декабря 1899 г. (о статье Никандра в журнале «Миссионерское обозрение»); от 4 июня 1888 г. (о чувашских школах); от 8 апреля 1899 г. (объяснение И. Я. Яковлева на жалобу Никандра); от 14 апреля 1900 г. (о съезде в Самаре); от 8 апреля 1904 г. (о разводе Лиды); от 18 июля 1889 г. (о визите И. Я. Яковлева к митрополиту), там же; 40 писем разных лиц к И. Износкову в папке № 71; письма И. Я. Яковлева И. Износкову о кандидате Московской духовной академии П. Афанасьеве; письма И. Я. Яковлева к С. В. Смоленскому от 7, 8 августа 1903 г.; ответ И. Я. Яковлева Никандру (на 62 полулистах) в папке № 3; печатный обзор Уфимской губернии за 1890 г., то же Астраханской губернии за 1896 г., Томской губернии за 1896 г., Казанской губернии за 1889 г. в папке № 4; проект об организации учительских курсов при второклассных школах; женская шапка, идол каменный, каменный молоток из деревни Ходяково Ядринского уезда, найден у крестьянина Артема Осипова[1]. Экспонаты принял заведующий Центральным Чувашским музеем М. П. Петров.

Хотя акты и описи были составлены не совсем удачно, но тем не менее они позволяют судить о фондах Чувашского историко-этнографического музея в Симбирске. К сожалению, не все акты передачи экспонатов сохранились. По словам Н. В. Никифорова, экспонаты из Симбирска были увезены на трех подводах. Причем увезены были наиболее ценные вещи. В настоящее время они хранятся в Чувашском республиканском краеведческом музее. К сожалению, не все из них сохранились. Например, письма Ф. Г. Алюнова из-за границы, адресованные А. В. Рекееву, фотографии учащихся и преподавателей Симбирской чувашской школы, участвовавших в 1896 г. во Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, чувашские книги, подаренные И. Я. Яковлевым И. А. Износкову.

Несомненно, что после передачи ценнейших экспонатов в Центральный чувашский музей, открытый 12 февраля 1921 г. в Чебоксарах, музей при Ульяновском чувашском

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 201. Л. 74. 88 (публикуется впервые).

педтехникуме значительно обеднел. После этого он потерял притягательную силу и впоследствии стал функционировать лишь на общественных началах.

Еще раньше некоторые ценные экспонаты Чувашского историко-этнографического музея при Чувино были переданы иностранным посетителям, в частности американцам. Как известно, в 1921—1922 гг. в Среднем Поволжье свирепствовал голод. Помощь пришла из ряда зарубежных стран. Один из центров организации помощи (АРА*) находился в Казани. Осенью 1921 г. представители этого центра посетили Чувино, их сопровождал А. И. Яковлев, владевший английским языком. Они осмотрели музей и библиотеку института. Американцы организовали в Симбирске столовую для оказания помощи больным. По направлению их врача больным разрешалось посещать эту столовую. Услугами ее пользовались все дети А. И. Яковлева[1]. К Яковлевым часто заходил историк, специалист по изучению России С. Фокс.

В то время отец и сын Яковлевы поддерживали тесные связи с Британским и Иностранным Библейским Обществом в Лондоне. И. Я. Яковлев был его почетным членом. При материальной поддержке общества он издал на чувашском языке Евангелие и часть Ветхого Завета. В 1922 г. И. Я. Яковлев получал помощь от этого общества через АРА. Поэтому американцы интересовались деятельностью чувашского просветителя. В музее им было разрешено взять экземпляры первых чувашских книг, изданных И. Я. Яковлевым еще в XIX в. Теперь эти книги хранятся главным образом в библиотеках Гарвардского университета и Национального Конгресса США в Вашингтоне.

В настоящее время первый в истории культуры чувашский музей возрождается в одном из зданий бывшей Симбирской чувашской школы, в котором жил И. Я. Яковлев, полным ходом идут реставрационные работы по созданию государственного музея чувашского просветителя. Этот мемориальный музей предполагается открыть в 1993 г. К этому же времени намечено реставрировать все остальные здания для функционирования чувашского педагогического учебного заведения в г. Ульяновске.

Поле деятельности Чувино было исключительно широким. Одной из главных его задач являлось научное изучение жизни чувашского народа, его истории, языка и искус-

---

* АРА — Американская администрация помощи.

[1] ОРГМТ в Москве. Дневник А. В. Жиркевича за 17 января 1922 г.

ства. До 1922 г. при Чувино существовал Чувашский народный дом им. В. И. Ленина, который имел свою библиотеку (до 2000 томов) и богато оборудованную сцену для постановки спектаклей[1]. Преподаватели и студенты, рабочие и творческая интеллигенция учреждений города ставили здесь пьесы, проводили концерты художественной самодеятельности, выпускали литературный журнал «Атăл юрри» («Песня Волги»), газету «Çӳталла» («К свету»), организовали различные кружки. Этот культурный центр сохранялся и после преобразования Чувино в педтехникум.

После первого партийного совещания по вопросам народного образования (декабрь 1920—январь 1921) в стране преобразовали многие педагогические учебные заведения. «В 1923 г. практические институты народного образования были ликвидированы как не оправдавшие себя... Учебные планы и программы педтехникумов и педвузов были перегружены большим материалом, часто оторванным от жизни, от практики работы школы»[2]. Эти недостатки имели место и в деятельности Чуприно, в чем мы убедились при рассмотрении его учебной программы для чувашского отделения.

Симбирский чувашский педагогический техникум

10 июля 1923 г. Совнарком РСФСР постановил преобразовать Чуприно в техникум с повышенной программой[3]. На основании этого постановления 1 сентября 1923 г. возник Симбирский чувашский педагогический техникум повышенного типа со сроком обучения 5 лет. Техникум в последующие годы готовил учителей для семилеток и школ крестьянской молодежи. За обучение плата не взималась. I и II курсы считались общеобразовательно-подготовительными, III и IV — общепедагогическими. На этих курсах студенты специализировались по циклам, а на V курсе проходили педагогическую практику в школах.

Техникум имел сельскохозяйственный уклон с циклами: 1) физико-математическим, 2) социально-экономическим и 3) естественно-агрономическим. При нем была подготовительная группа на правах опытно-показательной школы

[1] ЦГА РСФСР. Ф. 296. Оп. 1. Д. 16. Л. 109.

[2] **Королев Ф. Ф.** Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921—1931.—М., 1961. С. 404.

[3] СУ РСФСР. 1923. № 66. С. 646.

II ступени. При техникуме находились сельскохозяйственная ферма, учебно-столярная мастерская и Чувашский историко-этнографический музей. В техникум принимались лица, окончившие школу II ступени и знающие чувашский язык. Выпускников педтехникума принимали на общих основаниях в педагогический институт на III курс.

Декретом СНК РСФСР от 21 ноября 1925 г. Симбирский чувашский педтехникум повышенного типа был преобразован в педагогический техникум обычного типа с четырехгодичным курсом обучения[1]. При нем находились одногодичная подготовительная группа, опытная школа I ступени, сельскохозяйственная ферма, библиотека, музей и столярная мастерская. Как и раньше, здесь же находился сельхозтехникум (до 1935 г.).

Наконец, декретом СНК РСФСР от 24 сентября 1926 г. содержание техникума было передано на местный бюджет Чувашской АССР[2], а постановлением ЦИК Чувашской АССР от 28 сентября 1928 г. ему было присвоено имя И. Я. Яковлева в связи с 80-летием со дня рождения выдающегося просветителя. Симбирская чувашская школа стала называться «Ульяновским чувашским педагогическим техникумом имени И. Я. Яковлева»[3]. По этому же постановлению имя И. Я. Яковлева было присвоено Бичуринской школе крестьянской молодежи Марпосадского района Чувашской АССР, в Ульяновском чувашском педтехникуме учреждена одна стипендия имени И. Я. Яковлева в размере 300 рублей в год. С 1 октября 1928 г. увеличена пенсия И. Я. Яковлеву до 200 рублей в год. Правительство Чувашской АССР выделило на проведение торжеств 600 рублей, а И. Я. Яковлеву выдали 500 рублей.

По случаю 60-летия Симбирской чувашской школы и 80-летия И. Я. Яковлева в Москве Наркомпрос и чувашские общества провели торжественное собрание. На собрании с докладом выступили А. В. Луначарский. С его подписью в Ульяновский чувашский педтехникум и сельхозтехникум была послана поздравительная телеграмма.

В 1937 г. Ульяновский чувашский педтехникум стал педагогическим училищем, которое просуществовало до 1956 г. К этому времени в Чувашии организовали педагогический институт и несколько педагогических училищ, которые подготовили большое количество учителей и других работников просвещения.

[1] СУ РСФСР. 1925. № 81. С. 617.
[2] Там же. 1926. № 63. С. 490.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 225-р. Оп. 1. Д. 153. Л. 33.

Таким образом, из квартирной школы гимназиста Яковлева возникла вначале первая национальная школа чувашского народа, сотни других таких школ, затем учительская школа и семинария, а в годы Советской власти она стала первым чувашским вузом и сельскохозяйственным техникумом, она послужила базой для подготовки национальных кадров Чувашской республики. В 1930 г. Чебоксарах открыли педагогический институт, 90% его преподавательского состава были выпускники Симбирской чувашской учительской школы.

Здания этой школы в настоящее время заняты культпросветучилищем. У входа в одно из них висят мемориальные доски в честь В. И. Ульянова (Ленина), И. Н. Ульянова и И. Я. Яковлева. Еще раньше здесь находилась школа-интернат № 16, коллектив учителей и учащихся которой организовал мемориальный музей И. Я. Яковлева и его выдающихся воспитанников.

Симбирская чувашская школа являлась крупным культурно-просветительным центром, где представители многих народов России воспитывались в духе дружбы, приобщались к великой русской культуре. После Октябрьской революции они стали в первые ряды строителей нового общества в нашей стране, а в годы Великой Отечественной войны достойно защищали честь и независимость нашего многонационального Советского государства. Среди них были новаторы производства, Герои Советского Союза, Герои Труда, ученые, деятели культуры. Интересна судьба одного из них, Н. В. Соколова. В 1914 г. он окончил школу в чувашском селе Акшуат Карсунского уезда и в том же году поступил в Симбирскую чувашскую учительскую школу, а в годы гражданской войны добровольцем ушел на фронт. Позднее Соколов окончил военное техническое училище, стал генералом. В годы Великой Отечественной войны удостоился звания Героя Советского Союза. В своих воспоминаниях Н. В. Соколов писал: «Симбирская чувашская учительская школа дала мне спартанское воспитание, что помогло мне стать военным, переносить труднейшие условия жизни в годы войны»[1]. Личность И. Я. Яковлева вдохновляла его на подвиги во имя победы над фашизмом.

[1] Соколов Н. В. Воспоминания о школе И. Я. Яковлева (публикуется впервые).

Глава V

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И. Я. ЯКОВЛЕВА И ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ценность науки определяется, между прочим, и тем, какое влияние оказывает она на подъем культуры широких масс.

И. Я. ЯКОВЛЕВ

Мировоззрение И. Я. Яковлева

В предыдущих главах мы частично затрагивали отдельные стороны мировоззрения И. Я. Яковлева. Но без глубокого анализа этого вопроса трудно понять сущность педагогических идей и деятельности просветителя. Для правильной оценки мировоззрения необходимо рассматривать всю систему взглядов в развитии, с учетом конкретных исторических условий. Исторический подход — важнейшая методологическая основа научного анализа философских, общественно-политических, эстетических и других воззрений личности. В целом процесс формирования мировоззрения педагога-просветителя отражал ту же борьбу, какая издавна велась в философии между идеализмом и материализмом. В педагогике того периода это выражалось в различных подходах к оценке роли наследственности, среды и воспитания в развитии человека. Вся его жизнь и деятельность показывают, что в понимании ряда важных философских вопросов он постепенно шел от идеализма к материализму: отвергая теологизацию истории и обожествление природы, Яковлев ищет в исторических событиях, явлениях природы причинно-следственные связи, с позиций стихийного материализма обосновывает влияние на человека среды и воспитания. Он жил и трудился в условиях разных общественно-экономических формаций, что в целом не могло не отразиться на формировании и развитии его общественно-политических взглядов.

Мировоззрение будущего чувашского просветителя фор-

мировалось, с одной стороны, под влиянием освободительных идей 60-х годов XIX в., на основе изучения произведений русских революционных демократов, а также под воздействием прогрессивной общественности города Симбирска; с другой,—в противодействии советам учителей типа Баратынского, призывавшего своего ученика не увлекаться «всяким социальным развитием и насаждением так называемых честных и твердых убеждений посредством изучения какого-нибудь Некрасова, Гейне, Беранже и подобных...»[1].

На формирование общественно-политических взглядов И. Я. Яковлева оказало влияние и знакомство с демократически настроенным математиком А. А. Мукосеевым, а также с одним из организаторов первой воскресной школы в Симбирске М. В. Арнольдовым. Оба учились в одно и то же время в Казанском университете и были друзьями. Об Арнольдове следует сказать особо. Арнольдов всячески поощрял стремление Яковлева организовать в Симбирске особую школу для чувашских детей, придавая яковлевской идее просвещения родного народа социально-политическое значение. Когда в городе появилась такая школа, Арнольдов подыскивал для мальчиков квартиру, частных учителей, согласившихся бесплатно заниматься с ними. Будучи редактором неофициальной части газеты «Симбирские губернские ведомости», он неоднократно публиковал на ее страницах заметки и статьи об отличной учебе И. Я. Яковлева в гимназии, об успехах его учеников, обучавшихся в уездном училище. Арнольдов открыто выступал в печати против Баратынского, доказывал необходимость первоначального обучения всех детей на родном языке. Он регулярно получал журнал «Колокол», издававшийся за границей Герценом и Огаревым, и тайно распространял его среди учащихся старших классов гимназии[2].

Мы уже говорили о том, что И. Я. Яковлев вместе с М. В. Арнольдовым написали статью под названием «Чувашский праздник учук». В ней авторы, описывая один из языческих праздников чувашей, утверждали, что в нем «выражаются все национальные особенности чувашенина, все основы их языческих верований и общественного быта». В этой статье Яковлев и Арнольдов выступали как

[1] Отдел рукописей музея И. Я. Яковлева при Чувашском государственном педагогическом институте им. И. Я. Яковлева (ЧГПИ). Ф. Кондакова А. И. Папка 1.

[2] Родной город Ильича.—Приволжское кн. изд-во: Ульяновское отд-ние, 1972. С. 48.

защитники культуры народа, как поборники ее развития и призывали к внимательному исследованию народных традиций, бережному отношению к прошлому народа.

В годы службы сельским мерщиком Яковлев особенно живо интересовался вопросами современной жизни и прежде всего причинами неравенства людей, неравномерного распределения материальных средств, земли и др. В целях самообразования, обучаясь в гимназии, он читал художественную и научную литературу. 19 января 1869 г. он записал в своей тетради названия книг, которые считал для себя полезным прочитать. Здесь мы находим такие имена, темы и книги, которые весьма убедительно раскрывают широту интересов гимназиста, его стремление к глубокому изучению наук: I) Отдел философии. Клеванов. Обзор философской деятельности Платона и Сократа. Платон. Гизо. История цивилизации. Дрепер. История умственного развития Европы. Забелин. Записки Дюка Лиринского. Костомаров. Макколей. Миль Ст. Соловьев.

II) Отдел путешествий и проч. (географии). Всеобщее повествование о путешествии. Гулливер. Путешествие в Молдавию и Сербию. Риттер. Европа. Земля, растения, человек. Унгер. Первобытный мир.

III) Отдел теории словесности, истории литературы. Аксаков. Байрон. Вальтер Скотт. Гарибальди. Гегель. Гейне. Гончаров. Данте. Державин. Добролюбов. Дювер. Занд. Мильтон. Новиков. Овидий. Новая Элоиза. Соллогуб. Тассо. Тысяча и одна ночь. Фенелон. Шевченко. Шекспир. Шиллер и т. д.[1].

Самостоятельное изучение и конспектирование сочинений русских, зарубежных писателей и философов помогало гимназисту глубже понять социально-политические явления, определить свое призвание и место в обществе. В эти годы его внимание, по-видимому, привлекала деятельность американского президента Авраама Линкольна. На обложке одной из своих тетрадей Яковлев приклеил портрет президента и подписал: «Освободитель негров»[2].

Будучи гимназистом, Яковлев усердно изучал произведения русских революционных демократов Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Их книги он брал в Карамзинской библиотеке в Симбирске; кстати сказать, в списке ее читателей в 1870 году значилось всего 5 крестьян, среди

[1] Отдел рукописей музея И. Я. Яковлева. Ф. Кондакова А. И. Папка 1.

[2] Там же.

них была и фамилия удельного крестьянина Ивана Яковлева[1]. Некоторые книги он брал для больного С. Д. Раевского: «...Я, в свободное от занятий время, читал ему вслух философские произведения Чернышевского и Добролюбова, а также «Преступление и наказание» Достоевского (для меня это произведение было новинкой)»[2]. Сочинения революционных демократов имелись и в личной библиотеке Яковлева, которую он завел еще в гимназические годы. В их произведениях он искал ответы на многие вопросы жизни. «...Год тому назад,—писал он 1 мая 1868 г. своему первому учителю Баратынскому,—я не знал той внутренней борьбы, которую я отчасти испытал в последний год, в особенности в эту зиму. Все это я почувствовал вследствие ознакомления с современной русской литературой и вследствие столкновения со школьной жизнью... В последние 2 года мне приходилось встречаться с живыми представителями базаровского типа (тогда я еще не читал «Отцы и дети»)»[3]. Хотя Яковлев не отрицает воздействия русской революционно-демократической литературы на свое духовное развитие, однако трудно говорить о его симпатиях к людям того самого «базаровского типа», так как именно в этот период он находился под наиболее сильным влиянием Баратынского, которого называл своим доброжелателем и руководителем. Но несомненно, что развернувшееся революционно-демократическое и педагогическое движение объективно сыграло свою роль в формировании общественно-политических взглядов И. Я. Яковлева. Именно под этим влиянием в сознание гимназиста вселилась мысль о том, что все люди рождаются с одинаковыми способностями и если они вырастают различными, «то виной этому неблагоприятные условия жизни, дурные воспитатели, педагоги и т. д.»[4]

Такое понимание одного из важных вопросов философии и педагогики, материалистическое по существу, составляет неотъемлемую часть его философских воззрений. Уже в гимназические годы он убедился в природном равенстве и социальном неравенстве людей. В развитии человека решающее значение он придавал социальным условиям жизни и воспитанию, существующее же социальное

---

[1] Симбирские губернские ведомости. 1870. № 7.

[2] Цит. по кн.: **Спиридонов С. С.** Мировоззрение Ивана Яковлевича Яковлева (1848—1930): Учеб. пособие.—М., 1965. С. 19.

[3] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 24. Лл. 2, 3.

[4] **Яковлев И. Я.** Моя жизнь.—НА ЧНИИ. Отд. вр. хр. Д. 361. Л. 67.

неравенство рассматривал как следствие существования неравных условий жизни, от которых в свою очередь зависело духовное развитие человека.

И. Я. Яковлев отвергал реакционную теорию, делившую народы России на «исторические», «высшие» и «несамостоятельные», «низшие». Разработанная им педагогическая система основывалась на идее дружбы, равноправия всех народов, на уважении их национальных чувств. Идею дружбы и полноценности народов он проводил и в своих учебниках: «Русские, татары, чуваши — все одно: люди»[1]. Он верил в духовные силы родного народа и потому говорил: «...Чуваши богом не обижены, не менее способны, чем русский простой народ. Если они до сего не представили выдающихся деяний, то можно сказать, что не было благоприятных условий. Я всегда видел доказательства, что чуваши во всех областях могут с успехом заниматься науками и искусствами, в том числе музыкой и литературой»[2].

Хотя И. Я. Яковлев признавал равенство людей от природы, но не пошел дальше такого признания и не сумел сделать тех философских выводов, к каким пришли революционные демократы. Он не понял классовых противоречий современного ему общества и лишь признавал разделение общества на богатых и бедных. Пороки общества он объяснял темнотой и невежеством народных масс, не поняв, что культурная отсталость, нищета народа являются следствием эксплуататорской политики господствующих классов.

И. Я. Яковлев, подобно французским материалистам XVIII в. Гельвецию, Гольбаху и другим, рассматривал человека как продукт среды и воспитания. По его мнению, различные условия жизни, неодинаковое воспитание поразному определяют развитие человека. Он «идеалистически преувеличивал роль просвещения, рассматривал его как едва ли не единственное спасение и, во всяком случае, главный рычаг социального движения»[3]. «Главная наша задача,—говорил он в беседах с учителями,—поднять духовный уровень инородческого населения, расширить кру-

---

[1] Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки. 14-е изд.—Симбирск, 1900. С. 28.

[2] Цит. по кн.: **Петров М. И.** Симбирская чувашская учительская школа и И. Я. Яковлев. На чувашском языке.—Чебоксары, 1928. С. 94.

[3] **Спиридонов С. С.** Мировоззрение Ивана Яковлевича Яковлева. С. 50.

гозор его и обогатить внутреннее содержание народа, распространяя среди народа просвещение»[1]. Цель жизни и деятельности Яковлев видел в том, чтобы изменить условия жизни трудового народа в лучшую сторону, но считал возможным осуществление этого путем просвещения, а для этого необходимо сделать воспитание и образование доступным, всеобщим средством развития каждого человека. Переоценивая роль среды и воспитания в духовном развитии человека, он не придавал значения революционной деятельности людей, изменяющей и среду, и их собственную природу.

Признание И. Я. Яковлевым природного равенства людей в то же время означало отрицание им существования врожденных идей. Он, как и английский философ Джон Локк, французский просветитель Ж. Ж. Руссо, считал, что все знания человека не априорны, а возникают в результате личного опыта, в процессе взаимодействия с внешней средой. Этому важному вопросу философии он посвятил специальную работу под названием «Физиологические основы представления». Хотя сам автор не совсем четко и последовательно излагает сущность вопроса с научной точки зрения, но приходит к важному выводу о том, что ни одно ощущение не может превратиться в образ, идею без соответствующего внешнего раздражения, поступающего «в определенный центр». «На самом деле, представление, как и ощущение, есть акт психический и имеет несомненно свой определенный орган, которым обуславливается. Представлению должно предшествовать то или иное материальное изменение этого органа, в котором должен произойти механически-физиологический процесс... В процессе ощущения раздражение нерва должно, как известно, распространяться до головного мозга, чтобы превратиться в акт психический, в ощущение»[2]. Далее Яковлев останавливается на рефлекторной деятельности головного мозга. Нервы он называет проводниками раздражений. Кора больших полушарий, по его мнению, «...есть сложный отражательный механизм, рефлектор», и «деятельность его есть система отражений рефлексов»[3].

Попытка И. Я. Яковлева объяснить происхождение идей, знаний из мира чувств, внешнего опыта носила чисто формальный характер и не исходила из идеи объективности

[1] Кириллов Р. Просветительная деятельность И. Я. Яковлева (рукопись).

[2] ЦГА ТССР. Ф. 977. Оп. истфилфака. Д. 1010. Лл. 68—69.

[3] Там же. Л. 70.

внешнего мира. Этот вопрос он не увязывал с вопросами о способности человека познать действительность, об источниках, формах и методах познания, об истине и путях ее достижения. По его мнению, жизнь человека так коротка, что он не успевает познать всего в природе, которая гораздо старше, опытнее и умнее его. На этой основе Яковлев выдвигает свой философский императив: «Познать все невозможно, надо верить в православного бога»[1].

В религиозно-нравственной чуткости людей, писал Яковлев, заключается весь смысл жизни. Этой идеей были пронизаны и его педагогические высказывания. Например: «...В начальной инородческой школе не масса знаний должна служить целью, а христианские навыки жизни и любовь к книге, как источнику, откуда можно почерпнуть святое, честное, справедливое и полезное для других и себя»[2].

Сенсуализм И. Я. Яковлева имел, таким образом, религиозные основы. Религия, действительно, сыграла определенную роль в формировании его взглядов. Еще в годы учебы в гимназии он написал сочинение «О суевериях и предрассудках», представляющее собой его личные соображения о языческой религии. Автор указывает на причины существования суеверий и предрассудков. Одна из них заключается в стремлении простого народа «все непонятное, сколь-нибудь выходящее из ряда обыкновенного объяснить действием причин сверхъестественных сил. Все они сами собой свидетельствуют о недостаточности развития, вообще характеризуют людей мало сведущих и мало образованных. Различные душевные болезни сейчас же наводят простых людей на мысль, что они испорчены недобрым человеком с помощью нечистой силы... Недалекий, неразвитый ум простолюдина становится в тупик при встрече с самым обыкновенным физическим явлением, каковы гром, молния, вихрь...»[3]

В этом сочинении предрассудкам, суевериям и «нечистым силам» Яковлев противопоставляет знания и правильное понимание явлений и предметов природы, выявляет причинно-следственные связи между ними. Просветить народ, дать ему грамоту и письменность означает для Яковлева избавить его от темноты и невежества. По отношению к языческой религии он выступает как материалист и в

---

[1] Отдел рукописей музея И. Я. Яковлева при ЧГПИ. Ф. Кондакова А. И. Папка 1. Л. 3.

[2] **Яковлев И. Я.** О школьном образовании чуваш //Городской и сельский учитель. 1897. Вып. 5. С. 38.

[3] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

какой-то степени здесь проявляется его детерминизм. В то же время сам он до конца жизни оставался приверженцем религии христианской. Языческую религию он отрицал в пользу православной, причем, как и К. Д. Ушинский, считал ее основой нравственных норм общества, средством воспитания, сближения язычествующих народов с русским народом. По словам известного чувашского ученого, проф. В. Д. Димитриева, «Яковлев и его сторонники, вслед за Ильминским, большое место в «духовном обрусении» отводили усвоению нерусскими народами, в частности чувашами, православного учения»[1].

Просветитель И. Я. Яковлев, стремясь облегчить жизнь крестьян-«инородцев», объяснял их экономическое положение следующими причинами: 1) «то благодатное время, когда земля давала обильные урожаи без всякого ухода за ней, прошло. Теперь земля истощилась и требует обильного удобрения и усердного ухода. Но наши крестьяне все еще не понимают этого, они говорят: «Бог даст дождя, урожай будет» (то есть он призывает наступать на природу, а не ждать от нее милостей); 2) устарели способы обработки земли и перестали соответствовать требованиям жизни; 3) отсутствуют семена высокоурожайных зерновых культур и овощей; 4) нет специальных учреждений, занимающихся исследованием экономического положения «инородцев». «Для того, чтобы экономические меры могли быть приняты планомерно и целесообразно, должно быть подготовлено статистическое и экономическое положение инородцев по отдельным местностям; 5) не хватает у крестьян научных знаний, средств, земли»[2].

До встречи с Ильминским просветительная деятельность Яковлева носила светский характер, он стремился к распространению грамотности среди родного народа, чтобы вывести его из темноты и невежества.

После сближения с Ильминским Яковлев, говоря о характере чувашского просвещения, делает заявления, близкие к известной уваровской формуле народного образования. «Просвещение чуваш прежде всего должно быть религиозно-нравственное, в духе православной церкви и потому уже патриотическое, так как понятие православие, царь и русская народность неразделимы между собой»[3].

---

[1] **Димитриев В. Д.** И. Я. Яковлев — поборник дружбы народов. //Ученые записки ЧНИИ. Вып. 42. С. 37.

[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 689. Л. 47; Д. 659. Л. 71.

[3] **Яковлев И. Я.** О школьном образовании чуваш. С. 36.

Таким образом, с одной стороны, он как идеолог крестьян стремится к улучшению их жизни, с другой, пропагандирует идею единства православия, народа и царя.

В 1905—1907 годах в России произошла первая народная революция. Царское правительство, дворяне и духовенство были напуганы этой мощной волной народного гнева. Революционизирующее влияние социал-демократии распространилось по всей стране вширь и вглубь. Даже миссионерский журнал «Православный благовестник» вынужден был признать: «...Самое главное зло, какое теперь грозит православному развитию христианского просвещения чуваш, это революционное движение, овладевшее некоторой частью молодых чувашских интеллигентов. В прежнее время все деятели из чуваш трудились в духе христианском, не увлекаясь никакими посторонними влияниями, но в последние 2 года среди них появились новые люди, которых русские революционеры увлекли на свою сторону...» И далее констатировалось, что возникновение чувашских революционеров составляло новое явление[1]. Развернувшиеся события показали, что движение общественной жизни вперед не в состоянии приостановить ни православная церковь, ни царская администрация, или, как сказал И. Я. Яковлев, «новые веяния явились настолько сильным фактором в жизни инородческой школы, что даже изменили самый характер воспитания и обучения в учительских семинариях, значительно понизили религиозную настроенность воспитанников»[2]. В приведенных словах мы видим скорее его озабоченность, нежели восторженность, по поводу происходящих изменений, которые грозят христианскому просвещению чуваш.

Колебания И. Я. Яковлева между демократизмом и либерализмом свидетельствуют о следующем противоречии в мировоззрении чувашского просветителя. Некоторые черты либерала проявлялись и в его общественной деятельности. Либерализм Яковлева, его вера в возможность решения социальных проблем путем реформ и просвещения массы населения привели к тому, что в годы первой русской революции он примкнул к сторонникам царских манифестов от 6 августа, 17 октября и 3 ноября 1905 года. В 1906 г. те же манифесты он перевел на чувашский язык.

В предисловии к ним он призывал крестьян не захва-

---

[1] Православный благовестник. 1907. № 20. С. 180—181.

[2] Цит. по кн.: **Эфиров А. Ф.** Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири.—М., 1948. С. 38.

тывать помещичьи земли, не прибегать к насилию и т. д. Эти манифесты были направлены против социал-демократического движения в России. Известно, например, как охарактеризовал манифест 17 октября В. И. Ленин: «...Манифест царя содержал лишь одни слова, одни обещания. Кто же поверит теперь одним обещаниям? Не насмешка ли все эти фразы о неприкосновенности личности и свободе слова, когда тюрьмы все еще переполнены так называемыми политическими преступниками...»[1]

С той же целью — призвать чувашских крестьян не выступать против помещиков — И. Я. Яковлев по предложению симбирского губернатора совершил агитационные поездки по чувашским деревням.

Революционное движение 1905—1907 годов, однако, не могло не повлиять на И. Я. Яковлева в отношении понимания им роли русского рабочего класса. Столкнувшись с фактами крестьянских волнений и забастовок учащихся своей школы в Симбирске, он не мог не признать, как велика сила этого всенародного движения, так как наглядно убедился в том, что те самые воспитанники и крестьяне, которым он до сих пор внушал идею сохранения верности православию, царю и отечеству, оказались на стороне восставшего народа. Влияние революционных событий на И. Я. Яковлева сказалось в повышении интереса к политической жизни России, в углубленном чтении политических книг, которые он выписывал через сына Алексея. «Пришли по одному экземпляру книг и брошюр: «Историческое обозрение идей коммунизма и социализма» (возникновение и развитие, а также краткое обозрение), «Теорию национализации земли»',—читаем мы в письме Яковлева к сыну от 3 января 1907 г.

Чтение таких книг не привело его к практическим действиям в пользу революции. А между тем, многие его ученики в эти годы в понимании событий оказались впереди. В феврале 1907 г. он сообщил попечителю Казанского учебного округа: «20 февраля I и II классы учительской школы отказались от занятий и, когда пришли к ним преподаватели, они демонстративно вышли из классных помещений.

Считая своим долгом сообщить об изложенном весьма грустном факте непослушания воспитанников двух младших классов вверенной мне школы, я в то же время должен к этому присовокупить, что имею некоторые основания возложить вину за этот проступок на внешкольную револю-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 30.

ционную агитацию: ученики к этому возбуждены были рассылаемыми прокламациями соответствующего содержания и даже снабжены были революционным флагом, который воспитанники I класса пытались вывесить на крыше одного из школьных зданий, а затем, когда сделать это не удалось, вывесили его в окно, выходящее на двор, причем пели революционные песни»[1]. Забастовка учащихся I класса произошла не без влияния социал-демократической объединенной группы учащихся средних школ, возникшей в Казани в 1905 г. В каждом волжском городе она имела своих представителей, через которых реализовала около 5000 экземпляров разных листовок и прокламаций. Листовки оказались и в Симбирске, в том числе и в чувашской школе. Вскоре они были переведены на чувашский язык и переданы даже сельским учителям ряда уездов Казанской и Симбирской губерний. Некоторые учителя относились к этим листовкам настороженно, с недоверием. Часть их попала в руки священников. Вся агитационная работа проводилась учащимися. Среди них были и ученики И. Я. Яковлева, но он не выдавал их властям.

За участие в этой забастовке по распоряжению попечителя округа Деревицкого весь I класс Симбирской учительской школы был исключен. Кстати, Яковлев неоднократно пытался восстановить его, но это ему не удалось. Тем не менее, отдельные, наиболее способные учащиеся класса осенью того же года были приглашены в школу и при всесторонней поддержке Яковлева получили звание учителя.

Во многом характеризуют политическое лицо Яковлева этого периода такие факты. В 1907 г. он принял на работу в школу учителя Н. Ф. Беляева, находившегося под негласным надзором полиции, арестованного до этого за антиправительственную агитацию среди крестьян. В 1908 г. он осмелился ходатайствовать об освобождении сельского учителя М. Тимофеева, сосланного на Урал за политическую пропаганду. И. Я. Яковлев добился возвращения Тимофеева из далекой ссылки и даже восстановления его на службе. «Михаил Тимофеев,—писал он симбирскому губернатору Дубасову,—административно выслан из пределов Симбирской губернии за противоправительственную пропаганду... Я прекрасно знаю Тимофеева, как бывшего своего ученика ... он дал мне клятву, что больше не на-

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7567. Л. 2.

влечет на себя подозрение в политической неблагонадежности»[1].

Яковлеву была чужда идея революционного преобразования общества. Даже после поражения первой русской революции он преувеличивал роль демократических реформ, которые, по его мнению, должны улучшить жизнь нерусских народов. Культурно-просветительные меры и подъем материального благосостояния «инородцев» он связывал с переустройством местного самоуправления на новых, более демократических основах. «Эта, быть может, очень недалекая реформа должна отдать в некоторых уездах в руки местного инородческого населения все земские дела. Очень важно, чтобы интеллигентные силы инородцев встречали ее подготовленными»[2].

Положительной стороной деятельности И. Я. Яковлева следует считать его последовательную защиту родного языка нерусских народов. С юношеских лет он выступал за свободу пользования родным языком в обществе и в то же время признавал важное значение русского языка как средства государственного и межнационального общения: «Но каждому инородческому племени должна быть обеспечена свобода пользования родным языком в школе и церкви. Язык умирает только вместе с создавшим его народом, и требовать, чтобы родной язык народом был забыт, почти равносильно требованию смерти этого народа»[3]. Он выступал за организацию издания местных газет на языках народов России: «Очень желательно основание органов местной инородческой печати, справедливо и добросовестно с возможной осведомленностью освещающей местные нужды»[4].

Отстаивание права народа пользоваться родным языком имело большое общественно-политическое значение как часть общей политической борьбы трудящихся всей России. Программа РСДРП, принятая на II съезде партии, провозгласила «право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием за счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государ-

[1] ГАУО. Ф. 856. Оп. 1. Д. 659. Л. 46.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659. Л. 71.
[3] Там же. Л. 60.
[4] Там же. Л. 71.

ственных учреждениях»[1]. Благодаря первоначальному обучению на родном языке создавались благоприятные условия для развития умственных способностей нерусских детей, шире и глубже распространялись среди населения необходимые в жизни знания, пробуждалось национальное самосознание народа. Другими словами, деятельность И. Я. Яковлева и его последователей по сближению народов «не противоречила пролетарской борьбе за политическое сближение трудящихся»[2].

Признание Яковлевым необходимости преобразования местного управления в интересах большинства населения, защита языка нерусских народов противоречили великодержавной политике царизма, передавшего всю местную власть представителям великорусского населения. Министерство народного просвещения к началу 900-х годов упразднило все должности инспекторов нерусских школ Казанского учебного округа. «Инородцам» не доверяли даже дело народного образования населения местного края. Кроме того, как известно, в 1907 г. царское правительство запретило издание единственной во всей России чувашской газеты «Хыпар» (Весть). Кстати сказать, И. Я. Яковлев не вмешивался в дела этой газеты, не желая навлечь на себя обвинения в «национализме», он даже не опубликовал в ней ни одной заметки; добавим, что в этом его сдерживало и то обстоятельство, что она издавалась воспитанниками Симбирской чувашской школы. Но не удалось И. Я. Яковлеву избежать обвинений в «национализме» и в «сепаратизме». Защищая язык родного народа, он нажил себе много врагов, прежде всего среди дворян Симбирска: «Я здесь часто слышу страшное слово «сепаратизм», и излюбленное «обрусение». Один гласный мне говорил: «Ваша школа прекрасно идет; это все знают. Но у вас учат по-чувашски, поют по-чувашски... Вы поднимаете чувашский вопрос и можете возбудить сепаратизм»[3].

В тот период, по словам Яковлева, «обвинение в национализме было равносильно государственной измене». «В последнее время мне предъявлено обвинение в сепаратизме и я, по-видимому, предназначен к удалению со службы, как человек, вредящий русскому делу в Казанском крае. Разногласия между мною и некоторыми чинами Казанско-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Вып. VIII.—М., 1970. Т. 1. С. 63.

[2] Димитриев В. Д. И. Я. Яковлев — поборник дружбы народов //Ученые записки ЧНИИ. Вып. 42. С. 46.

[3] Научный архив ЧНИИ. Отд. 2. Д. 518. Л. 231.

го учебного округа, которые я считал лишь временным недоразумением, оказывается, сложились в грозное для моего жизненного дела обвинение»[1],— писал Яковлев в письме к министру народного просвещения Кассо осенью 1912 г. Кассо, как и следовало ожидать, не помог; наоборот, поддержал действия чиновников Казанского учебного округа, направленные на подрыв служебной деятельности Яковлева. По приказу попечителя Кульчицкого был изъят отчет о состоянии сельскохозяйственной фермы чувашской учительской школы за 1912 год, изданный Яковлевым на личные средства в количестве 200 экземпляров. По этому поводу он выражал искреннее недоумение в письме к Кассо: «Впрочем, непонятно, что именно опасного или преступного можно усмотреть в напечатании хозяйственного и исторического отчета по ферме на правах рукописи...

На закате моей жизни, казалось, я дождался возможности осуществления давнишней моей мечты — создать твердо поставленную теоретически и практически школу-ферму с целью насаждения и распространения в народе столь драгоценных для него сельскохозяйственных знаний, умений и навыков. И что же ждало меня теперь оттуда, откуда я мог бы ждать если не сочувствия, то хотя бы непрепятствия развитию этого дела со стороны Казанского учебного округа. Не было ни одного моего начинания в этом направлении, которое встречало бы сколько-нибудь доброжелательное отношение и поддержку»[2].

Одним из поводов для обвинений в неблагонадежности послужило и намерение И. Я. Яковлева баллотироваться кандидатом в депутаты III Государственной думы, трибуну которой он надеялся использовать в интересах «инородцев». Только неуверенность в успехе своей деятельности в Думе по защите интересов народа заставила его отказаться от своего намерения. Поэтому он и не решился оставить школу на произвол судьбы и писал сыну Алексею: «Твое понимание роли Думы и кем должен быть член ее, особенно в первое время, совершенно сходно с моим, только возвращение назад (в случае конфликта с правительством) на прежнее место невозможно»[3]. Известно, что И. Я. Яковлев отказался выставить свою кандидатуру в пользу помещика А. А. Мотовилова, которого он просил поднять в Думе вопрос об учреждении особой школы по изучению

---

[1] ПГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.
[2] Там же.
[3] Научный архив ЧНИИ. Отд. 2. Д. 847. Л. 1.

языков нерусских народов Востока России, которая могла бы стать средством поднятия их культуры и сближения с русским народом. Но Мотовилов не выполнил обещания, что дало повод И. Я. Яковлеву назвать его «врагом простого народа»[1].

Отношение Яковлева к правительству, к власти, к духовенству постепенно стало меняться. Он начал понимать, что его бескорыстный труд во имя народа и отечества становится не только ненужным, но более того — этот труд считают еще и опасным: «В то время симбирским губернатором был А. С. Ключарев, с которым раньше у меня были натянутые отношения из-за некоторых чуваш, замешанных в революционном движении 1905 года, которых я защищал, и дела которых возникли позднее. В 1912 г. из Министерства народного просвещения был сделан запрос насчет меня Ключареву, из которого явствовало, что к деятельности моей в Петербурге относились подозрительно»[2]. Антинародная политика царизма, усиление процесса ущемления гражданских прав «инородцев», преследование языков нерусских народностей — все это способствовало эволюции общественно-политических взглядов И. Я. Яковлева в сторону демократизма.

По рассказам А. В. Никольской (жена известного историка Поволжья Н. В. Никольского), в конце 1913 г. И. Я. Яковлев выражал несогласие с политикой царизма, с деятельностью представителей духовенства среди нерусских народов Поволжья. С гневом и возмущением рассказывал он Никольским о Ленском расстреле, об убийстве около 300 невинных рабочих и выражал сильное опасение, как бы подобные трагедии не повторились на другой великой русской реке — Волге.

Отказ Яковлева от прежних позиций характеризуют брошюра «Война и чувашская школа в Симбирске»,— выпущенная им в 1915 г. по предложению местного губернатора, его письмо командиру Чебоксарского пехотного полка и другие документы позднего периода. Из триады — царь, православие и русский народ — окончательно выпал ее первый элемент. В названных документах он уже не употребляет от своего имени слово «царь», не выражает верноподданнических чувств его престолу.

Приветствуя падение царизма, 20 марта 1917 года

---

[1] **Яковлев И. Я.** Моя жизнь. С. 313.

[2] Там же. С. 113—114.

Яковлев писал сыну Алексею: «Разумеется, я рад от души происшедшему перевороту и от души желал бы, чтобы все это благополучно завершилось. Что от меня лично зависит, буду всячески помогать и содействовать, но я по состоянию своего здоровья значительного деятельного участия принять не могу. Здесь инородцы-чуваши группируются и организуются, я в этом пока непосредственного участия не принимаю, хочется им издавать брошюры и даже газету на чувашском языке на текущие темы. Я сочувствую и, насколько от меня будет зависеть, поддержу, если не будут дурить и не ударяться в крайность»[1]. В его личной библиотеке появились отдельные сочинения П. А. Кропоткина, Г. В. Плеханова, текст программы РСДРП, принятой на втором съезде партии, книги о социализме*.

В новых социально-политических условиях И. Я. Яковлев воочию убеждался в том, что ранее угнетенные народы России обретают равноправие во всех областях культуры и общественно-политической жизни[2], тогда как ранее, в 1908 г., в условиях царизма, он выражал пессимизм, сомнение в будущности чувашей и других мелких народностей Востока России: «Никакой самостоятельной политической роли нашим восточным инородцам играть не суждено, никакого самобытного и национального развития им искать не следует, и не надо толкать их в этом направлении. Ни исторические, ни культурные, ни географические условия не дают им никаких поводов мечтать о подобной самобытности»[3].

Как отмечалось выше, Яковлев участвовал в переводе на чувашский язык Конституции РСФСР. Сначала к переводу хотели привлечь опытного переводчика, священника церкви Симбирской чувашской учительской семинарии И. Д. Дормидонтова. Но тот отказался. Тогда Яковлев вовлек в это политическое мероприятие своего ученика, преподавателя И. С. Шатаева. Перевод был осуществлен в кратчайший срок. Вскоре текст Конституции РСФСР был издан на чувашском языке массовым тиражом.

И. Я. Яковлев приветствовал образование Чувашской автономной области. В своем приветствии первому съезду

---

[1] **Яковлев И. Я.** Письма. С. 273.

* Эти книги хранятся в музее И. Я. Яковлева при Чувашском государственном педагогическом институте, носящем его имя.

[2] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 2. Д. 5. Л. 2.

[3] **Яковлев И. Я.** Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы. С. 5.

Советов Чувашской автономной области в ноябре 1920 г. он писал: «Позволю себе выразить пожелание, чтобы работа над чувашской культурой развивалась в строгом согласии с державными интересами и идеалами великого русского народа, совершающего ныне мощный поворот в сторону демократизации своего общественного и политического строя»[1].

До конца своей жизни Яковлев был убежден в том, что лучшим средством освобождения народа от социально-экономического и политического гнета являются просвещение и проведение демократических реформ. По мнению Яковлева, для построения социализма в России с ее многочисленными отсталыми, непросвещенными народами в 1917 г. еще не созрели условия: «Другое дело в Германии, Швейцарии, а у нас, где образование только еще начинается, не только предлагают осуществить весь социализм, сразу для всего государства, но уже начали это делать»[2].

Подводя итог краткому анализу общественно-политических взглядов Яковлева, отметим, что его мировоззрение прошло в своем развитии сложный и долгий путь. Оно начало складываться в условиях крепостной России, а дальнейшее формирование получило в условиях капитализма и советской действительности. Противоречивость его взглядов обусловлена эпохой, в которой ему пришлось жить и бороться за развитие просвещения бесправных и угнетенных народов Поволжья.

Испытав влияние трех различных общественно-экономических формаций, И. Я. Яковлев смело шел вперед, от либерализма к демократизму.

Как бы ни колебался И. Я. Яковлев между демократизмом и либерализмом, все же демократ брал в нем верх. Всестороннее исследование его жизненного пути, теоретических трудов и многогранной практической деятельности показывает, что он был просветителем-демократом, посвятившим всю свою жизнь просвещению угнетавшихся царизмом народов Поволжья.

Мировоззрение просветителя со всеми сильными и слабыми сторонами отразилось и на его педагогических идеях и практической деятельности.

---

[1] И. Я. Яковлев и его школа. С. 282.
[2] Симбирянин. 1917. 27 июня.

Педагогические идеи И. Я. Яковлева и его система просвещения

В основе воспитания в педагогической системе Яковлева лежит демократическая идея народности, выдвинутая в России Радищевым и развитая Белинским, Герценом, Добролюбовым, Чернышевским и Ушинским и заключающаяся в признании народа творцом истории, вере в его творческие силы. И. Я. Яковлев был беспредельно предан своему народу, готовность вывести его из нищеты и бесправия была поразительной. В разработанной им своеобразной системе народного просвещения мысль о подъеме «духовно-нравственного уровня и материального благосостояния нерусских крестьян»[1] являлась главенствующей. Достигнуть этого, по его мнению, можно было путем образования широких слоев населения, включая женщин, путем обучения ремеслам и основам сельского хозяйства, благодаря просвещению можно поднять благосостояние народа и вместе с тем сохранить его самобытность и развивать культуру. Школа, народное образование были главным участком борьбы чувашского просветителя с царизмом.

Работая около двух лет (1868—1870) в своей школе в качестве учителя-наставника, Яковлев постепенно вводил в учебный процесс национальный элемент, вместе с учениками вырабатывал нормы чувашского литературного языка, методы и приемы обучения русскому языку на основе родного. Обучая русскому языку, он воспитывал у учащихся любовь к русской культуре, к России.

Россию Яковлев рассматривал как самостоятельный фактор мировой цивилизации, выступающий связующим звеном между двумя мирами — Западом и Востоком. С исторической точки зрения ее главный народ — русский — И. Я. Яковлев считал защитником культуры и жизненных интересов национальных меньшинств России, благодаря чему они сохранились как самостоятельные этнические группы людей. В лабиринтах истории не исчезают лишь те народности, которые имеют свои системы воспитания и образования молодого поколения, основанные на принципах двуязычия и двойной культуросообразности. Для чувашского народа такую систему разработал И. Я. Яковлев. Именно она позволяла сохранить культуру родного народа и одновременно приобщить к русской культуре. «Твердо верую,— писал он,— что не может погибнуть многомиллион-

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 1. Д. 15. Л. 16.

ный русский народ. Значит, если вера моя осуществится, не погибнет и чувашское племя, пока тесно будет слито с общей Родиной — Россией»[1].

Развитие национальной культуры нерусских народов России он не мыслил без влияния передовой культуры. Использование родного языка, привитие любви к нему, превращение его из языка семьи в язык школы — вот средство развития национальной культуры. Мышление народа и все миросозерцание, по словам Яковлева, выражаются в его родном языке, и поэтому вне родного языка не может быть никакого разумного просвещения: «Только при помощи родного языка с успехом можно перевоспитать, пересоздать старые понятия, делать к ним новые прививки и вводить в них новые элементы»[2].

И. Я. Яковлев, как и его великий предшественник К. Д. Ушинский, рассматривал воспитание «как искусство, управляемое наукой»[3], название которой педагогика. Последняя состоит из ряда источников. Основными являются философия, психология, логика, физиология, анатомия. Все они, кроме философии, входили в программу Симбирской чувашской учительской школы как обязательные предметы, причем психология изучалась вместе с педагогикой. Сам Яковлев читал лекции по педагогике, вооружал педагогов знаниями как по теории воспитания, так и по дидактике.

Яковлев отдавал предпочтение научной педагогике; в то же время рекомендовал учителям изучать народную педагогику, но относиться к ней критически.

Цель воспитания, по мнению И. Я. Яковлева, заключается в подготовке всесторонне развитого человека, способного улучшить условия жизни народа, а в личной жизни умеющего «обходиться без посторонней помощи в приготовлении предметов, употребляемых в крестьянском быту и в школе». Основные задачи воспитания — развитие физических и умственных способностей человека, привитие чувства долга перед народом и отечеством, выработка религиозно-нравственных норм, привычки трудиться, умения чередовать умственный труд с физическим и т. д. О воспитании в своей школе Яковлев писал, что она «стремится выработать из своих воспитанников прежде всего хороших людей и хороших граждан, а потом хороших учителей, т. к.

---

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 242.
[2] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 9. Д. 51. Л. 5.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 311. Л. 70.

без высоких нравственных качеств невозможно быть хорошим педагогом»[1].

Воспитание — социальное явление, охватывающее все слои населения. Предмет воспитания — это прежде всего дети. Но это не значит, что педагогика — только «детская» наука. И взрослые (крестьяне) также нуждаются в развитии своих умственных способностей и воспитании в широком смысле. Но на взрослое население, разумеется, труднее влиять в этом отношении, ибо у него сложились свои убеждения, есть свои взгляды «и оно почти всегда с недоверием относится ко всяким новшествам, недоказанным много раз опытами у них на глазах, хотя и здесь при добром желании и энергии путем опыта можно много хорошего провести в жизнь крестьянина»[2].

Воспитание, однако, не единственный фактор, влияющий на развитие человека. Немаловажную роль играют наследственность и среда. Мы уже знаем, что И. Я. Яковлев не признавал врожденных идей и самым решительным образом выступал против преувеличения роли наследственности в развитии человека. Такое понимание расходилось с великодержавными взглядами на восточных «инородцев», якобы «неспособных» к усвоению высоких истин. Не преувеличивая роли наследственности, Яковлев в то же время и не отрицал ее влияния в развитии человека.

Большое значение Яковлев придавал среде. В понятие среды он включал такие единицы, как семья, школа, общество, церковь и государство, причем первостепенное место отводил семье и школе. Их он считал частицами государства, определяющими будущее народа. Семья — одно из необходимых условий для начала и поддержания воспитания в настоящем, для продолжения его в будущем. Этот длительный и непрерывный социальный процесс возлагает не только на родителей, но и на каждого взрослого члена семьи большую ответственность, «необходимость и обязанность воспитывать детей». О семье судят по тому, как в ней воспитываются дети, как дружны они между собой, верны ли своим родителям и т. д. «Крепкой и дружной семье не страшны внешние житейские невзгоды.... Если обережете семью, обережете детей и создадите крепкую опору для мирного и спокойного труда». В своем духовном завещании родному народу он призывал: «Берегите семью,

---

[1] **Яковлев И. Я.** Война и чувашская школа в Симбирске.—Симбирск, 1915. С. 18.

[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 202. Л. 1.

в семье опора народа и государства. Семейные заветы всегда были крепки среди чуваш. Охраняйте же это сокровище. В семейном счастье — защита от жизненных испытаний»[1]. Создание крепкой и дружной семьи — задача каждого семьянина. Учитель обязан всемерно пропагандировать среди населения идею создания здоровой во всех отношениях семьи, пропагандировать различными средствами — в книгах, беседах и т. д. Именно поэтому по рекомендации Яковлева учительница Хормалинского училища Цивильского уезда Н. Пыненкова в 1907 году перевела на чувашский язык брошюру Наумовича «Добрая семья»[2]. Брошюра пользовалась большой популярностью среди крестьян дореволюционной России и переиздавалась несколько раз.

Создание здоровых, культурных семей, по мнению И. Я. Яковлева, будет способствовать общему подъему культуры сельского населения. Интеллигентным чувашам он предлагал жениться на чувашских девушках, чтобы создать в народе интеллигентные семейные ячейки и поддерживать развитие языка и культуры[3]. «Дети народа по окончании учительской школы опять идут в народ, но уже интеллектуальной силой, которая вообще тем более вызывает доверия в крестьянах к себе, чем лучше она понимает интересы населения и чем ближе будет стоять к ним»[4].

Выпускники Симбирской чувашской учительской школы обязаны были свято соблюдать интересы народа, ставить их выше личных. Об этом Яковлев всегда напоминал им в своей прощальной беседе после окончания школы. В случае большой нужды они могли обращаться к нему за помощью и советами.

Следующей важной ступенью в общественном развитии человека И. Я. Яковлев считал воспитание в школе, которое призвано «по возможности упорядочить в человеке все: выработать в нем терпение, аккуратность, отчетливость в выполнении заданной работы, научить беречь вещи, развивать наблюдательность»[5]. Направление школы, как и всякого учебного заведения, зависит «1) от цели, которая преследуется учебным заведением, 2) от руководителя, 3) от состава преподавателей, 4) от состава учащихся»[6]. Шко-

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 8. Д. 13. Л. 21.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 507. Л. 58.
[3] ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Папка 8. Л. 28.
[4] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 201. Л. 43.
[5] Отчет о временных педагогических курсах, устроенных при Симбирской учительской школе в 1891 году.—Симбирск, 1899. С. 50.
[6] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3.

ла должна гармонически развивать нравственные, умственные и физические силы ребенка. Ум, чувства и воля человека не всегда находятся в полной гармонии. Это зависит от условий жизни. Воспитатель должен привести в соответствие все стороны душевной деятельности питомца. С детства необходимо вырабатывать такие нравственные качества, как справедливость, гуманность, скромность, любовь к труду, народу и отечеству.

И. Я. Яковлев различал умственное, нравственное, трудовое, эстетическое и физическое воспитание. В процессе воспитания учитель опирается на определенные принципы, которые Яковлев называл «главными руководящими началами». Такими началами он считал принципы природосообразности, народности и обучающего воспитания. В понятие принципа природосообразности он включал физиологические особенности ребенка, его природные задатки. Учитывая их, воспитатель применяет соответствующие методы воздействия на воспитуемого, возбуждает и развивает его духовные силы. «Отношение учителя к ученикам,—указывал он,— должно быть проникнуто любовью, справедливостью, терпеливостью и настойчивостью»[1]. Педагог должен обладать талантом терпения и трудолюбия, быть настойчивым в достижении благородных целей воспитания.

Принцип народности, как понимал его Яковлев, означал прежде всего, что на начальном этапе весь процесс воспитания детей должен происходить на родном языке. Он верил в наступление такого времени, когда благодаря воспитанию «все чувашские дети будут грамотными, будут иметь возможность глядеть на мир иными глазами, а не запуганными глазами невежественного подростка»[2]. Воспитание во многом предопределяет будущее народа, в котором принцип народности будет реализован с наибольшей полнотой.

Воспитание Яковлев не отделяет от обучения, наоборот, рассматривает их как взаимосвязанный процесс, направленный на всестороннее развитие человеческой личности. Дети легче всего воспитываются в процессе обучения и изучения основ наук, ибо знания воздействуют на них воспитывающе. Воспитывать обучением — таков принцип обучающего воспитателя. Обучающее воспитание не менее важно, нежели воспитывающее обучение[3].

---

[1] Яковлев И. Я. Программа по педагогике.—ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 612. Л. 115. 116.

[2] И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. С. 94.

[3] Там же. С. 101.

Те же принципы — природосообразности, сознательности, самодеятельности, наглядности, последовательности и воспитывающего обучения — легли в основу разработанной им программы по педагогике. Основными методами обучения он считал аналитический и синтетический. В одном случае учитель идет от обоснованного к обосновывающему (при аналитическом), в другом — от обосновывающего к обоснованному (при синтетическом)[1]. При этом Яковлев считал, что аналитический метод в учебном процессе преимущественно используется при объяснении нового материала, а синтетический — в применении объясненного материала на практике.

Методы обучения по Яковлеву находятся в тесной взаимосвязи со средствами обучения, среди которых он выделяет: средства, сообщающие знания, и средства, закрепляющие знания. К первым относятся: 1) показывающие (предметы, картины, портреты и др.), 2) примерные действия (образцы слов, предложений, чисел и др.), 3) рассказ, 4) описание (простое и художественное), 5) объяснение (слов, выражений, мыслей и др.). Ко вторым: 1) заучивание наизусть, 2) повторение, 3) упражнения, 4) задачи, 5) декламация[2].

Применение этих средств зависит от форм обучения. Формами обучения являются акроматическая (излагательная), при которой учитель говорит, ученики слушают, и катехизическая — изложение в форме вопросов и ответов. По мнению И. Я. Яковлева, последняя форма обучения носит эвристический характер, т. е. учитель не сообщает ученикам готовых знаний, ответов, а указывает лишь на пути их нахождения.

Яковлевская система организации учебно-воспитательной работы в начальных школах изучалась на занятиях по педагогике в Симбирской чувашской учительской школе. Будущие учителя подробно знакомились с такими вопросами, как «внешняя обстановка начального училища, помещение его, школьный двор и огород, классное здание, мебель, классные принадлежности и учебные пособия, поддержание чистоты и внешнего благополучия школы. Внутренняя организация школы[3].

Учащиеся Симбирской чувашской учительской школы глубоко изучали общую дидактику начальной школы, а также особенности ее использования в условиях чувашской

[1] **Яковлев И. Я.** Программа по педагогике. Л. 116.
[2] Там же.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 173. Л. 215.

школы. В раздел программы «Дидактика» входили следующие вопросы: «Организация учебных занятий, постановления и правила, определяющие отношение учеников к церкви, к школе, к учителю и друг к другу. Школьное обучение и его главные правила... Методы обучения, формы его, различные способы и приемы, употребляемые учителем; методы синтетический, аналитический и генетический; формы преподавания: катехизическая, эвристическая — сократическая. Приемы преподавания наглядного и отвлеченного. Выбор предметов обучения, разделение учебного материала. В дополнение к последнему отделу, ввиду характерных особенностей чувашских сельских начальных училищ и ввиду того что в школе по этому предмету нет никакого учебника, приходится вести особые педагогические беседы, во время ведения которых преподаватель останавливается на подробном выяснении христианско-просветительного направления, необходимого в инородческих (чувашских) училищах, а затем на тех особенных дидактических приемах, которые неизбежны в силу положения, как инородческих»[1].

В Симбирской чувашской учительской школе от будущих учителей требовались «здравое понимание истинных потребностей школы, основательное знание преподаваемых предметов, подготовка к каждому уроку... Зрелость и твердость нравственных убеждений»[2]. И. Я. Яковлев считал, что учитель должен регулярно заниматься самовоспитанием и самообразованием путем «чтения книг общеобразовательного и педагогического содержания, наблюдения и проверки своих педагогических знаний и опытов»[3].

В определении сущности подготовки народных учителей И. Я. Яковлев не сторонник одних только теоретических знаний и расширения программ. Теория, по его мнению, должна быть сообщена воспитанникам лишь постольку, поскольку она необходима для предстоящей деятельности: «Праздные теории лишают трезвого взгляда на жизнь, рождают сомнение и несбыточные мечты»[4].

И. Я. Яковлев считал учителей просветителями народа, и эту высокую миссию они лучше всего оправдывают, по его мнению, если владеют основами сельского хозяйства. Свой опыт он стремился обобщить и распространить среди педагогических учебных заведений России. С этой целью

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 173. Л. 215.
[2] **Яковлев И. Я.** Программа по педагогике. Л. 117.
[3] Там же. Л. 116.
[4] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 202. Л. 3.

Яковлев опубликовал труд под названием «Об организации преподавания сельского хозяйства в учительских школах и семинариях», в котором, исходя из социально-экономических условий страны, доказывает необходимость обучения этому предмету всего населения России: «Свыше $^3/_4$ ее многомиллионного населения добывает себе средства существования земледельческим трудом, причем приложение этого труда совершается в таких грубых и неуклюжих формах, страдает такой рутиной, в подавляющей массе случаев не поднимаясь выше трехполья, что проведение в земледельческую среду сельскохозяйственных знаний, результатов научного опыта и усовершенствованных приемов обработки земли является задачей, настоятельность решения которой можно считать самоочевидной...

Задача организации преподавания сельского хозяйства складывается из трех элементов: преподавателя, учеников и участка, необходимого для опытов. Преподавание сельского хозяйства должно вестись особым наставником. Теоретическое обучение и практический опыт должны идти рука об руку, должны быть сосредоточены в одних руках. Преподаватель естествоведения и сельского хозяйства должен быть непременно знаком с работами на полевом участке лично и непосредственно»[1].

Безусловно, эта идея, выдвинутая в свое время К. Д. Ушинским, была прогрессивной. Ведь учительские семинарии готовили учителей преимущественно для сельских школ.

По мнению Яковлева, сельское хозяйство должно преподаваться во всех народных учебных заведениях и прежде всего в педагогических. В Симбирской чувашской учительской школе оно преподавалось с 1893 г.: «Особое значение у нас в России должна приобрести организация преподавания сельского хозяйства в учительских школах и семинариях в связи с общей подготовкой учителя для просветительской деятельности среди населения. Его труд будет живым примером более усовершенствованных приемов для окружающего населения. То же самое с некоторыми ограничениями приложимо и к учительницам. Поэтому одинаково желательно введение опытного преподавателя сельского хозяйства в женских учительских семинариях». Для обучения девушек сельскому хозяйству Яковлев даже разработал особую программу, по которой занятия проводились отдельно с учетом их будущей специальности в школе и положения

[1] Симбирянин. 1911. № 1190. С. 2.

в семье: «Занятия эти должны состоять в ознакомлении воспитанниц и слушательниц курсов с разными отраслями сельского хозяйства. Но главным образом их следует обучать ведению молочного хозяйства, домоводству, огородничеству и садоводству. Они должны приобрести знания и умения ухаживать за молочными коровами, научиться извлекать их молока разные продукты и хранить их».

Учащиеся учительских школ и семинарий обязаны были работать непосредственно на полях в течение двух летних месяцев, чтобы усвоить практические навыки и приемы. При этом важным условием является овладение навыками крестьянской работы. Ученики должны сами пахать, косить, убирать хлеба и сено, ухаживать за огородом и плодовыми растениями, дежурить на скотном дворе и т. д.: «Эта деятельность должна будет их прикрепить прочнее к интересам крестьянской среды, из которой они вышли, среди которой предстоит им работать и от которой они, к сожалению, так охотно отрываются и отчуждаются, даже живя с ней рядом на положении сельских учителей»[1].

Вводя обучение сельскому хозяйству в практику подготовки учителей, Яковлев предполагал, что учитель понесет агрономические знания в крестьянскую среду, поднимет материальный уровень жизни крестьян. Но, кроме того, как он считал, народный учитель, получающий низкое жалованье, мог бы улучшить свое экономическое положение посредством устройства огорода и сада, которые, по его мнению, привяжут учителя к данному месту, он сживется с местным населением, «войдет в его интересы и может много лет учительствовать в том же селении. Долгое же пребывание его в одной и той же школе выгодно отзовется на успехах школьного дела»[2].

И. Я. Яковлев рекомендует принимать в учительскую школу и семинарию выходцев из трудовых крестьянских семей, с малолетства приученных к выполнению любой крестьянской работы.

Что касается третьего элемента обучения сельскому хозяйству — земельного участка, то он, по мнению Яковлева, должен быть собственностью учительской школы и семинарии, в крайнем случае арендоваться на продолжительный срок. «Участок не должен быть слишком малым. Опыт показывает, что для организации сложного севооборота, скотоводства, садоводства и огородничества нужно не менее 12

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 976. Л. 52.
[2] Там же. Д. 201. Л. 45.

десятин (желательно и более), чтобы обработка такого участка имела характер рационального хозяйственного предприятия, себя окупающего и приносящего известный доход. При несоблюдении этих условий хозяйство на школьном участке не может быть приведено к известному хозяйственному равновесию, грозит превратиться в платоническую операцию, имеющую характер чистого опыта, требующего затрат, но не приносящего дохода»[1]. Учитель обязан был превратить пришкольный участок в образцово-показательный сад и огород с пчельниками, поддерживать их в надлежащем порядке. Таких же взглядов придерживался известный русский педагог С. И. Миропольский: «Средства учителей ограничены: участок, хотя и небольшой, мог им оказывать подспорье, в домашнем быту далеко не излишнее. Этим качеством они могут повлиять на село, образцовыми семенами, обработкой почвы, учащимся прививают любовь к природе»[2].

В Симбирской чувашской учительской школе учащиеся весною, летом и осенью занимались сельскохозяйственным трудом, а зимою работали в мастерских, в кружках рукоделия и домоводства. По каждому виду ремесла существовали особые программы (см. приложение № 5).

Свои идеи о воспитании и обучении Яковлев успешно внедрил в школьную практику и на основе многолетней педагогической деятельности создал определенную систему образования в начальной школе, которую считал не только местом воспитания и обучения детей, но и «местом наставления в сельскохозяйственных знаниях для взрослых, как путем бесед, так и путем наглядного опыта»[3]. В этом он был несомненным сторонником К. Д. Ушинского, считавшего, что «в основе всяких прочных улучшений в народном быте, в основе всякого движения вперед цивилизации сельского населения должна необходимо, неизбежно лечь народная школа»[4].

К важнейшим сторонам педагогической системы И. Я. Яковлева относятся четырехлетнее обучение в начальных инородческих училищах, осуществление процесса воспитания и обучения в первых двух классах на родном языке, обязательное изучение русского языка во всех классах, при-

---

[1] Симбирянин. 1911. № 1190. С. 2.

[2] **Миропольский С. И.** Задачи, план и основы устройства нашей народной школы. 3-е изд-е.—СПб., 1884. С. 128.

[3] Отчет фермы школы за 1912 год. С. 84.

[4] **К. Д. Ушинский.** Собр. соч. Т. 2.—М. Л., 1948. С. 254.

чем родной язык являлся предметом изучения в течение всего курса обучения, соединение обучения с трудом в различных кружках самодеятельности, в мастерских, на сельскохозяйственной ферме или пришкольном участке, привитие любви к русской культуре, к трудовому народу. Система содержит следующие основные части: 1) учение о создании и руководстве чувашской школой, 2) учение об организации учебно-воспитательного процесса в сельских двуязычных национальных школах, 3) система подготовки народных учителей.

До того как система просвещения нерусского населения, разработанная чувашским просветителем, стала успешно внедряться в школах Поволжья, в них господствовала система образования, созданная Н. И. Ильминским. Чем же отличаются они друг от друга, какие цели и задачи ставила перед собой каждая?

В педагогической системе Ильминского доминировала цель распространения христианской идеологии среди нерусских народов путем использования их родного языка в качестве орудия церковного служения и первоначального обучения в школе. В решении царского правительства по этому вопросу подчеркивается, что «учителя инородческих школ должны быть из среды соответствующего племени инородцев и притом хорошо знающие русский язык»[1]. В основе системы Ильминского лежали Правила 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», после принятия которых система стала общегосударственной в просвещении нерусских народов Востока России.

В правилах не были указаны сроки обучения в школах, продолжительность обучения на родном языке, начало и конец учебного года. Открытым оставался вопрос о начале обучения русскому языку. Все эти вопросы должны были решаться применительно к местным условиям и в зависимости от особенностей родного языка. Разработка их входила в обязанность местных инспекторов и директоров народных училищ. В их решении учебный округ руководствовался третьим пунктом раздела «А» Правил, по которому в нерусских школах «...первоначальное преподавание совершается на инородческих наречиях и дети обучаются на своем родном наречии и по учебным книгам на том же наречии. Учебными книгами служат буквари, необходимые

[1] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4.—СПб., 1874. С. 156.

молитвы, краткие рассказы из священной истории, Ветхого и Нового Завета и религиозно-нравственные книги»[1].

Во всех нерусских школах Поволжья в начале 70-х годов не было единства как в организации учебного процесса, так и в обучении отдельным предметам в начальных классах. Так, в «инородческих» школах Казанской губернии в первые же месяцы обучения учащиеся одновременно изучали родной и русский языки, а в некоторых школах весь процесс обучения осуществлялся только на русском языке. «В Пихтулинском двухклассном училище и отчасти в Бичуринском ученики-инородцы — дети чуваш и черемис, учитель невольно с первых же уроков должен вести обучение так же, как и с русскими, по-русски»[2],— говорится в отчете директора народных училищ И. А. Износкова за 1875 год.

При отсутствии твердой системы в изучении родного языка, который является средством обучения другим предметам, не может быть и речи о сознательном усвоении учебного материала. Не могли успешно учиться нерусские дети с самого первого класса по тем же учебникам, которые предназначались для других школ. Почти все инспектора народных училищ, не зная особенностей того или иного языка народов Поволжья, рекомендовали в «инородческих» школах организовать учебный процесс по той же системе, которая существовала в русских и крещенотатарских школах. Во многих нерусских школах Казанского учебного округа срок обучения продолжался три года, хотя еще в 1869 году Министерство народного просвещения в необходимых случаях разрешило устанавливать четырехлетний курс обучения[3].

В 70-х годах XIX в. особо выделялись нерусские школы Симбирской губернии, в которых И. Н. Ульянов значительно усовершенствовал принципы организации учебно-воспитательной работы; в них весь процесс обучения в первом классе осуществлялся в основном на родном языке. В своем отчете за 1874 год И. Н. Ульянов отмечал: «Дети чуваш и татар, совершенно не знающие русского языка, знакомятся сначала при помощи их родного наречия с русскими названиями окружающих предметов и затем уже начинают обучаться грамматике по звуковому способу письма

[1] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. С. 157.

[2] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11975. Л. 461.

[3] Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. С. 171.

и чтения»[1]. В изучении русского языка главным он считал обучение устной речи. По этому вопросу он даже обратился в учебный округ с официальным письмом (от 4 июня 1875 г.), в котором говорил о необходимости увеличения срока обучения в «инородческих» школах на один год[2]. Он настаивал также на обучении учащихся 1 класса арифметике на родном языке. Между тем по системе Ильминского изучение ее предусматривалось на русском языке.

Научное решение И. Н. Ульяновым основных задач учебно-воспитательного процесса в нерусских школах Симбирской губернии оказало значительное влияние на организацию педагогической помощи народным учителям, в том числе И. Я. Яковлеву. Осенью 1875 г. Яковлев, инспектируя в течение нескольких месяцев чувашские школы, установил, что во многих из них положения системы Ильминского были неизвестны. К тому времени особенности использования дидактики в условиях работы чувашской начальной школы еще не были до конца разработаны. Правила 26 марта 1870 г. в ряде учебных округов совершенно игнорировались губернским начальством и проводились в жизнь лишь там, где случайно оказывался человек, знакомый с системой Ильминского; сами же «инородцы, по малому своему развитию, не умели ни просить, ни требовать исполнения этих правил»[3]. Что же касается Министерства народного просвещения, то оно успокоилось на принятии этих правил и не интересовалось, кем и как они исполняются и вообще проводятся ли в жизнь.

Сравнительное изучение опыта школ ряда губерний помогло Яковлеву прийти к важному выводу, что система Ильминского полностью не может одинаково использоваться в различных национальных школах, она нуждается в значительном совершенствовании, в окончательной доработке применительно к родному языку и местным условиям. «Наше дело здесь, Николай Иванович,—писал он 24 июня 1871 года Ильминскому из Симбирска,—возникает совершенно при других обстоятельствах и условиях, чем Ваше в Казани, и нам поэтому приходится сообразно с этим действовать»[4].

---

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11546. Л. 108.

[2] **Ханбиков Я. И.** Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа.— Казань, 1968. С. 53.

[3] **Чичерина С. В.** Положение просвещения у приволжских инородцев.—СПб., 1906. С. 53.

[4] **Яковлев И. Я.** Письма. С. 50.

Организация учебно-воспитательного процесса в чувашских школах, к разработке которой Яковлев вплотную приступил с начала 1876 г. будучи инспектором, тоже опиралась на Правила 1870 г. С другой стороны, Яковлев конкретизировал некоторые положения их. Так, он увеличил срок обучения до четырех лет, расширив сферу пользования родным языком, ввел новые правила приема в народные училища. Эти новшества он ввел согласно «Инструкции инспекторам народных училищ», утвержденной 29 октября 1871 г. «В училищах, состоящих под исключительным наблюдением инспекторов,— гласит ее параграф № 17,—продолжительность учебного периода и время зимних вакаций, а равно число уроков определяется их инспектором применительно к местным условиям, климату и господствующему роду занятий учителей и с утверждения попечителя учебного округа»[1].

Для обсуждения разработанной им дидактики чувашской начальной школы он планирует организовать в 1879 г. временные педагогические курсы в городе Симбирске.

В 1880 г. на съезде инспекторов народных училищ в Казани Яковлев выступил с проектом плана, в котором были намечены пути совершенствования принципов организации учебно-воспитательного процесса в чувашских школах. В своем докладе он подчеркнул, что не только в чувашских, но в других нерусских школах Поволжья продолжительность учебного года и курса обучения, возраст для приема в школу до сих пор не определены. «Учатся от 6 до 8 месяцев в год,—заявил он,—а курс ученья продолжается от 3 до 5 лет. Случается, что при шестимесячном учебном году учащиеся посещают школу в продолжение 3-х лет и оканчивают курс, т. е. учатся не более $1^1/_2$ года. Этого времени инородцу, чувашу, недостаточно для прохождения курса начального народного училища, даже в пределах установленной программы»[2].

Через год, в 1881 г., съезд учителей Московского уезда решил принимать детей в школу с 9 лет[3]; этому последовали затем учителя Калужской губернии[4].

В своем проекте Яковлев предлагал рассмотреть следу-

---

[1] **Анастасиев А.** Народная школа. Ч. 1.—М., 1912. С. 15.

[2] Циркуляр по Казанскому округу. 1880. № 11. С. 337, 340.

[3] Материалы II и III съездов учителей Московского уезда.— М., 1883. С. 6.

[4] **Вежлев А. М.** Учительские съезды и курсы во второй половине XIX в.—М., 1957. С. 237 (канд. дисс.).

ющие пункты: 1) установить четырехгодичный курс учения, учебный год начать 15 сентября и оканчивать 15 мая, 2) принимать в училище детей не моложе 9 лет, 3) учителя должны знать родной язык учащихся, 4) первый год обучения должен происходить на чувашском языке и по книгам на этом же наречии, в последующие годы на чтение книг религиозно-нравственного содержания на том же языке должно быть употреблено не менее 4 часов в неделю, 5) снабжать чувашские училища необходимыми книгами, 6) обучение русскому языку должно начинаться на втором году обучения, но если местные условия позволяют, можно начать во второй половине первого года обучения, руководствуясь пунктом «А» статья 3 Правил 26 марта 1870 г., 7) проводить временные педагогические курсы для учителей, 8) учителя, не знающие родного языка учащихся, должны быть постепенно заменяемы, 9) просить братство св. Гурия выработать руководящие положения для преподавания закона божьего в «инородческих» школах. Съезд утвердил все пункты, кроме второго, счел нужным принимать в школу семи-восьмилетних детей.

Принятие почти без изменений проекта И. Я. Яковлева способствовало распространению его системы среди нерусских народов-христиан Поволжья. При содействии передовых русских педагогов и прежде всего И. Н. Ульянова, А. И. Анастасиева, Н. А. Бобровникова и других она постепенно развивается, находит признание и поддержку со стороны народных учителей всего Казанского учебного округа. С целью быстрейшего внедрения ее в практику народного образования и постоянного совершенствования И. Я. Яковлев совместно с местными земскими деятелями и своими учениками организовывал временные педагогические курсы и съезды, сам руководил их деятельностью. В работе этих курсов и съездов принимали участие русские, чувашские, марийские, мордовские, удмуртские, татарские и калмыцкие учителя. Первые такие курсы были организованы в 1882 г. в Цивильском уезде Казанской губернии, последние — в 1916 г. в Царевом уезде Астраханской губернии. Внедряя свой опыт и опыт передовых учителей, И. Я. Яковлев постоянно совершенствовал принципы организации учебно-воспитательной работы, приемы и методы обучения в чувашских школах с учетом конкретных условий отдельных губерний и даже уездов.

По приглашению директора народных училищ Астраханской губернии с 10 июля по 20 августа 1916 г. И. Я. Яковлев должен был принять участие как руководитель

временных педагогических курсов для учителей начальных училищ Царевского уезда, но в это время его вызвали в Петербург. Вместо себя он командировал в Астрахань опытного учителя русского языка Симбирской чувашской учительской школы В. Никонорова[1].

И. Я. Яковлев поддерживал тесную связь с дирекцией народных училищ Астраханской губернии и всегда старался исполнять ее просьбы. В Симбирской чувашской школе училось немало больных учащихся, страдавших от ревматизма, которых при содействии той же дирекции он направлял на грязелечение в Астраханскую губернию, принимал в свою учительскую школу отдельных представителей Казахского и калмыцкого народов этой губернии. Так, в начале 1900 г. в школу поступил калмык М. В. Баннов.

Наиболее важные вопросы воспитания подвергались коллективному обсуждению. В 1883 г. в селе Бичурино (Чебоксарского уезда Казанской губернии) инспектор чувашских школ организовал съезд учителей. В его работе принимали участие учителя 18 чувашских, 6 марийских и 5 русских школ. Съезд принял следующие решения: 1) поскольку трехгодичного курса для инородцев недостаточно для успешного окончания курса, то растянуть его в инородческих училищах на 4 года, 2) «принять систему двух отделений при четырехлетнем курсе ученья», 3) «начинать обучение инородцев русской грамоте со второго года», 4) «ввести чтение книг на родном языке во всех отделениях»[2].

При обсуждении последнего вопроса марийские учителя И. А. Никольский и Ф. М. Лопатин высказывались за создание более совершенных учебников для марийских школ, за составление букварей на местных наречиях. И. Я. Яковлев рекомендовал им заняться составлением нужных учебников, используя русские и чувашские буквари.

Указанные решения педагогического съезда в селе Бичурино нашли широкую поддержку передовой русской педагогической общественности. Журнал «Народная школа», издававшийся при участии лучших педагогов России Ф. Медникова, Ф. Резенера, В. Водовозова, А. Леве, В. Евтушевского, Д. Семенова, Н. Бунакова, А. Пятковского и других, писал об этом съезде: «Трехлетний курс найден

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1228. Л. 2.

[2] Постановление съезда законоучителей, учителей и учительниц начальных училищ Чебоксарского уезда.—Казань, 1884. С. 24, 27, 32.

также недостаточным и признано полезным принять четырехлетний, как для русских, так и для инородцев.

Многолетний опыт доказал, что ученики из чуваш, особенно в глухих местностях, в течение трехлетнего школьного учения не могут достаточно усвоить русский язык»[1]. Даже для русской начальной школы нужно, по словам Миропольского,— четырехлетнее обучение[2].

В начале 80-х годов Яковлев установил определенную последовательность в изучении языков: родной и русский языки в первом же году обучения изучались не одновременно, как это было у Ильминского, а последовательно — сначала только родной, а затем русский, что полностью соответствовало дидактическим требованиям научной педагогики: от известного — к неизвестному. Весь процесс обучения в первом классе осуществлялся на материнском языке. Так практически реализовал И. Я. Яковлев важнейшие дидактические принципы: сознательность, последовательность, прочность и доступность обучения. Как и К. Д. Ушинский, он считал родной язык орудием мышления и познания, средством духовного развития человека.

Следует отметить, что и в кавказских многонациональных школах еще давно установился порядок — сначала изучать родной язык, затем одновременно и русский. Выдающийся грузинский педагог Я. С. Гогебашвили считал: «Положение русского языка в наших народных школах радикально другое. Ему обязательно обучаются дети еще с середины первого учебного года, когда они только что кончили родную азбуку»[3].

И. Я. Яковлев и Я. С. Гогебашвили пришли к таким выводам независимо друг от друга почти одновременно.

Благодаря поддержке единомышленников Яковлев добивается увеличения продолжительности обучения на родном языке в начальных чувашских школах до двух лет. В 1891 г. на временных педагогических курсах, устроенных в городе Симбирске для учителей, было решено вести во всех чувашских школах процесс обучения в первых двух классах на родном языке. В чувашских и других национальных школах Поволжья постепенно устанавливался четырехлетний курс обучения с двумя отделениями, а про-

---

[1] Народная школа. 1884. № 9. С. 51; № 10. С. 73.

[2] **Миропольский С. И.** Задачи, план и основы устройства народной школы. С. 49.

[3] **Гогебашвили Я. С.** Руководство для учителей и учительниц грузинских начальных школ.—Тифлис, 1889. С. 6.

цесс обучения осуществлялся на родном языке до конца II класса.

Впоследствии преимущество четырехлетней системы обучения вынужден был признать сам Ильминский. «Многолетний опыт инородческих училищ Казанской губернии... убедил нас, что трех зим недостаточно детям для прохождения программы сельских училищ: усвоение русского разговорного языка составляет огромный лишний труд, для которого нужно дать особое время. Инспектор чувашских школ Яковлев давно уже пришел к заключению о четырехлетнем курсе инородческих училищ»[1].

Успехи Яковлева и популярность его системы среди чувашских, марийских и мордовских учителей впоследствии заставили Ильминского пересмотреть многие положения своей системы и даже составить новую программу для «инородческих» начальных школ Восточной России. «Мы вполне разделяем мысль И. Я. Яковлева,—писал Ильминский,—принимать в сельские инородческие школы в 2 года один раз; это ведет к созданию в школах двух только отделений, занятия с которыми идут несравненно успешнее, чем с тремя отделениями. Представляемая при сем программа рассчитана именно на такие четырехлетние училища с двумя отделениями. В младшем отделении преподавательским языком должен служить инородческий язык, в старшем—русский»[2].

Система И. Я. Яковлева была распространена главным образом в министерских и земских школах, но передовые учителя использовали многие ее положения и в школах церковного ведомства, в которых недооценивалось значение родного языка, что даже было закреплено в особом циркуляре: «Согласно циркулярного распоряжения училищного Совета при Святейшем Синоде от 29 мая 1899 г. за № 2965, преподавание русского языка должно начинать с первого года обучения после двух с половиной — трех месяцев чтения на инородческом языке; объяснительное русское чтение вести при помощи инородческого языка только в течение двух первых лет обучения; с 3 года обучения уже не прибегать к помощи инородческого языка. На русском же языке желательно, согласно системе Н. И. Ильминского, вести и обучение счету»[3].

---

[1] **Ильминский Н. И.** Программы школы для крещеных инородцев Восточной России.—Казань, 1896. С. 4.

[2] Там же.

[3] **Машкевич Д. Ф.** О христианском просвещении и русском образовании инородцев Восточной России.— Одесса, 1914. С. 30—31.

Учебный план, составленный И. Я. Яковлевым

Название предметов	Уроки	Сочетание классов. Число недельных часов по годам обучения			
		I	III	II	IV
1. Закон божий	занимаемые учителем	6	6	6	6
	самостоятельные	—	—	—	—
2. Обучение грамоте на родном языке и обучение русской грамоте	занимаемые учителем	13	—	—	—
	самостоятельные	8	—	—	—
3. Русское чтение	занимаемые учителем	—	9	4	4
	самостоятельные	—	7	4	3
4. Письмо и правописание	занимаемые учителем	4	5	2	3
	самостоятельные	8	13	6	6
5. Славянское чтение	занимаемые учителем	—	3	1	2
	самостоятельные	—	1	1	1
6. Арифметика	занимаемые учителем	4	6	3	3
	самостоятельные	6	6	3	3
7. Чтение книг религиозно-нравственного содержания на родном языке	занимаемые учителем	—	4	2	2
	самостоятельные	—	4	2	2
8. Церковное пение		4	4	2	2

Примечание: по субботам и накануне праздничных дней уроков должно быть четыре, с 8 до 12 часов[1].

И. Я. Яковлев разработал также строгий порядок приема в смешанную и национальную школу. Прием осуществлялся поочередно: сначала принимали нерусских детей, так как в 1 классе обучение происходило только на родном языке, а в следующем году, во втором классе, все дети приступали к изучению русского языка по учебнику и потому в том же году к ним присоединялись принятые русские учащиеся. Таким образом, первый год обучения нерусских детей считался подготовительным для совместных занятий с русскими учащимися в последующих классах. Русские учащиеся занимались в школе три года. Как пра-

[1] Отчет о временных педагогических курсах, устроенных при Симбирской чувашской учительской школе в 1891 году. С. 52.

вило, в смешанных школах работали учителя, владевшие двумя языками и более; учителя пользовались «Первоначальными учебниками» для мордвы, марийцев и т. д., изданными в Казани Миссионерским обществом, руководствуясь общим учебным планом, разработанным И. Я. Яковлевым и утвержденным учебным округом для «инородческих» школ.

Учебный план был составлен Яковлевым на основе использования всего лучшего, что было достигнуто в просвещении нерусских народов Поволжья со времени присоединения его к России (XVI в.). Сам И. Я. Яковлев, занятый непрерывным совершенствованием учебного процесса в начальной школе, так оценил его в 1891 г.: «Другой, более лучшей организации учебного дела в инородческих училищах нет и пока не может быть; не может быть потому, что это положение является фактическим выводом из более чем десятилетней практики постановки дела обучения инородцев»[1].

Вся педагогическая деятельность И. Я. Яковлева, как практическая, так и теоретическая, имеет ту научную основу, которая подсказана жизнью, оправдана временем и действительностью. Иван Яковлевич Яковлев самым решительным образом возражал против грубого эмпиризма в педагогике, против рецептуры в воспитании и образовании, против шаблонного применения системы Ильминского в различных национальных школах. Эту мысль он проводит и в статье «О школьном образовании чуваш»: «В России, как известно, инородческий вопрос существует в разных частях ее: в Финляндии, в Остзейском крае, в западном крае, в Крыму, на Кавказе, в Волжско-Камском крае, в Сибири и в Средней Азии. Цель просвещения инородческих племен, населяющих эти области, с русской точки зрения одна — насколько возможно более слить их с коренным русским населением воедино... средства для осуществления этой великой русской цели, в применении почти в каждой данной народности, конечно, должны быть различны»[2].

В своем представлении Яковлев «великую русскую цель» не отделял от задач национального подъема «инородцев». Для достижения «русской» цели в просвещении нерусских народов И. Я. Яковлев считал необходимым учет национальных особенностей, проявляющихся, по его

[1] **Яковлев И. Я.** О школьном образовании чуваш. С. 33—34.

[2] Отчет о временных педагогических курсах, устроенных при Симбирской чувашской учительской школе в 1891 году. С. 28.

мнению, в родном языке, в различиях «прошлых и настоящих условий жизни этих народов». Весь учебно-воспитательный процесс в школе должен учитывать эти особенности, которые обуславливают особую методику обучения и национальное воспитание. Поэтому при единстве цели и различии средств должны быть различны и системы обучения в начальных народных училищах. Подобного указания не было у Ильминского, почти все его последователи тоже не разделяли этого положения. Они утверждали, что просвещение «инородцев» должно протекать по единой схеме. Из общей системы просвещения, разработанной в интересах господствующих классов, Яковлев выделил принципиально новую систему с иными целями и новыми задачами обучения, направленными на сохранение и развитие народностей и наций, что имело чрезвычайно важное значение в условиях царизма.

К такому выводу Яковлев пришел на основе педагогической системы К. Д. Ушинского, указывавшего, что «1) общей системы народного воспитания для всех народов не существует не только на практике, но и в теории... 2) у каждого своя особенная система воспитания»[1].

Педагогическая система И. Я. Яковлева возникла на основе творческого применения учений классиков педагогики и прежде всего Я. А. Коменского, Г. Песталоцци, А. Дистервега, К. Д. Ушинского, Л. Толстого. Последнего он популяризировал всю жизнь, мечтал о личной встрече с ним. Когда Яковлев узнал о неожиданной смерти писателя, глубоко переживал ее. «Смерть Толстого,—писала Е. А. Яковлева 9 ноября 1910 г. сыну Алексею,—на папу произвела удручающее впечатление»[2].

Педагогическая деятельность Яковлева основывалась на тех же принципах воспитания и обучения, какие были введены демократами-классиками педагогики в школьную практику. По его собственному признанию, «Симбирская чувашская школа всегда руководствовалась педагогическими принципами Коменского и Песталоцци, а также позднейших педагогов Редди, Дэмолена и других»[3]. В этой школе первым учебником по педагогике была «Великая дидактика» Коменского.

Плодотворное влияние великого чешского педагога Коменского Яковлев испытал еще в годы учения. Интересно

---

[1] **Ушинский К. Д.** Собр. соч. Т. 2. С. 165.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 2. Д. 49. Л. 1.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 752. Л. 2.

в этой связи свидетельство одного из русских журналов: «Познакомившись из университетских лекций с бойцами чешской народности и восстановителями ее народности (речь в статье шла о Яне Гусе и Коменском.—*И. К.*), г. Яковлев увлекся их деятельностью, пленился их славою и задался мыслью просветить чуваш, поднять их дух и создать для них национальную литературу»[1]. В университете Яковлев написал курсовую работу о Яне Гусе. Учение классиков педагогики, их опыт Яковлев применял в конкретных условиях двуязычных национальных сельских школ, в которых родной и русский языки последовательно и взаимосвязанно выступали как средство и предмет обучения. Процесс изучения должен идти от простого к сложному. Чтобы вооружить учащихся знаниями и умениями, необходимыми для свободного пользования национальным языком народа и для перехода к изучению русского языка, в первом классе необходимо изучать родной язык, что придает дальнейшему процессу обучения сознательный характер. К. Д. Ушинский писал, что «чужой язык мы можем понять только через посредство своего»[2], а работа над духовным обладанием богатствами родного языка, по его мнению, «должна начаться с самых первых дней учения и по своей первостепенной важности для всего развития человека должна составлять одну из главнейших забот воспитания».

Став инспектором, Яковлев активно распространял учебники великого русского педагога К. Д. Ушинского «Родное слово» и «Детский мир», которые служили важными источниками для изучения русского языка и в чувашских школах. О применении этих учебников в своей школе Яковлев писал: «Преподавание русского языка в младшем классе велось посредством чтения «Родного слова» (год 1-й), с объяснением и переводом русских слов и выражений на чувашский язык... Для диктанта употреблялось тоже «Родное слово» (год первый)... Письменные упражнения шли согласно указаниям Ушинского»[3]. Яковлев использовал следующие основные учебники и учебные пособия. Для первого года обучения: букварь и «Первая учебная книга для совместного обучения чуваш и русских» В. А. Ислентьева и др. Для второго года обучения: «Новая азбука», «Первая книга для чтения» Л. Толстого, «Род-

[1] Церковно-общественный вестник. 1883. № 12. С. 3.

[2] **К. Д. Ушинский.** Собр. соч. Т. 10. С. 620.

[3] Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1876. № 3. С. 159—160.

ное слово» для первого года обучения К. Д. Ушинского, «Первая учебная книга для совместного обучения чуваш и русских» В. А. Ислентьева и др. Для третьего года обучения: все остальные три «Книги для чтения» Л. Толстого, «Книга для первоначального чтения в народных школах (часть I)» В. И. Водовозова и др. Для четвертого: «Книга для первоначального чтения» (часть II) Водовозова, «В школе и дома. Книга для чтения» 1—3 части Н. Ф. Бунакова, «Книга для классного чтения» (2 и 3 года обучения) А. Баранова и др.

Эти учебные книги предназначались для изучения родного и русского языков, но многие из них были переведены на языки народов Поволжья, в том числе и на чувашский. Для чувашских школ Яковлев постоянно издавал двуязычные учебные книги. Еще в 1873 г. им был издан первый двуязычный букварь. С 1882 г. он организовал издание сборника на чувашском языке «Хоровые церковные песнопения». Сборник переиздавался несколько раз.

В качестве учебного пособия в чувашских школах использовался учебник классика немецкой демократической педагогики А. Дистервега «Начатки детского школьного обучения», переведенный на русский язык Ушинским.

Отличие организационной системы Яковлева от системы Ильминского выражено в докладной записке, представленной в учебный округ 30 апреля 1893 г., где Яковлев пишет: «До передачи в мое ведение чувашских училищ в последних существовало по 3 отделения: учащиеся учились в каждом отделении по одному году, прием был ежегодный (по системе Ильминского.—*Н. К.*) Такое положение отделений, согласно существовавшим инструкциям, делало то, что из чувашских училищ ученики выходили с плохими знаниями как во всех предметах учебного курса начальных училищ, так и в особенности в русском языке.... Идея о двух отделениях с четырехлетним курсом не принадлежит лично мне, а отчасти взята мною из практики удельных училищ, где ученики учились также по 4 года, и где такая продолжительность курса, несмотря на всю неумелость постановки учебного курса, все-таки имела значение в том отношении, что хоть количеством времени наверстывала пропуски в знаниях и давала возможность узнать кое-что.

Прием учеников в чувашские училища при двух отделениях распределяется таким образом: в первый год принимаются чувашские дети, а на второй год только русские, если таковые поступают. Сообразно с количеством лет

распределяется и весь учебный материал, причем руководящим принципом является то, что он давался учащимся в известной последовательности и чтоб, таким образом, трудности изучения русского языка растягивались на большее количество времени»[1]. В самой Симбирской чувашской школе еще в начале 70-х годов установилось два отделения: младшее (чувашское) и старшее (русское). 30 апреля 1873 г. учитель Г. Ефимов писал Яковлеву в Казань, что он занимался с младшим отделением и русским[2].

Яковлев считал, что одно из центральных мест в национальной школе занимает русский язык, который он называл «органом государственной жизни, науки и цивилизации»[3]. Он разработал методику преподавания русского языка в сравнении с родным. В основе ее лежит принцип сравнительного изучения языковых явлений и аналитико-синтетический звуковой метод, введенный в отечественную педагогику Ушинским. С помощью этой методики учащиеся самостоятельно изучали русский язык, совершенствовали навыки разговорной речи, развивали логическое мышление. «Умение же сравнивать, т. е. подмечать в предметах сходство и различие, точно обозначать это словами,—указывал И. Я. Яковлев,—есть один из верных показателей некоторого логического развития и обладания языком». В школьном обучении он главное внимание уделял изучению родного и русского языков, а не закона божьего. Между тем у Ильминского на первом плане стояло религиозно-нравственное развитие, обучение языкам — на втором.

Следующая отличительная черта педагогической системы И. Я. Яковлева состоит в том, что она гораздо шире защищала языки нерусских народов, чем система Ильминского, в ней родной язык выступал как доступное средство изучения русского языка и орудие приобщения к культуре великого русского народа. Защищая языки, она в то же время отстаивала национальные интересы народов Поволжья. Инородческие языки, как и русский, Яковлев считал средством развития национальной культуры. «Нелитературных наречий нет»,—говорил он[4].

По словам известного советского педагога-историка А. Ф. Эфирова, И. Я. Яковлев перенял от Ильминского лишь идею о необходимости обучения в нерусских школах на родном языке учащихся. Важнейшее же положение сис-

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 2. Д. 20120. Л. 66.
[2] ОРГБЛ. Карт. 17. Д. 24. Л. 12.
[3] Научный архив ЧНИИ. Отд. II. Д. 515. Л. 183.
[4] ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Папка 10. Л. 17.

темы Ильминского о религиозном просвещении не осуществлялось в школах Яковлева, а проводилось лишь в нормах, установленных программами земских и министерских школ[1].

Необходимо иметь в виду, что в дореволюционное время педагогическая система Ильминского получила широкую известность, о ней написана масса книг, хвалебных статей и рецензий. К тому же были изданы все его сочинения, включая письма. Все это создавало необычайную популярность Ильминского в научно-педагогическом мире как в России, так и за границей.

И. Я. Яковлев же, будучи педагогом из «инородцев», не имел возможности опубликовать брошюры или книги о своей системе, его и так обвиняли в том, что он якобы искусственно поднимает и поддерживает давно «разрешенный» в России «инородческий вопрос». Именно за разрешение учителям обучать детей в чувашских школах в I—II классах на родном языке он был снят с должности окружного инспектора. Царское правительство зорко следило за тем, чтобы через школу не проникало ничего вредного для государства и власти, чтобы не появились «инородческие» литературы, не возникали «сепаратизм» и «национализм». В годы царизма даже буквари и другие учебные книги И. Я. Яковлев издавал без указания своей фамилии. Этим объясняется и то, что даже в советское время многие исследователи истории просвещения народов Поволжья пытались судить о положении вещей прежде всего по трудам Ильминского, а И. Я. Яковлева без колебаний относили лишь к числу его учеников и последователей.

И. Я. Яковлев, хотя в известной мере был учеником Ильминского, но уже в начале 80-х годов не просто создал более прогрессивную систему просвещения, но и отличался своими демократическими взглядами на роль и значение просвещения. В культурно-просветительном влиянии на нерусские народы Поволжья система И. Я. Яковлева имела большой успех. Ильминский стремился своей системой к превращению сельской школы в миссионерский очаг со священником во главе, а чувашский просветитель — к превращению ее в культурный центр с огородами, садами и ремесленными мастерскими, которыми руководит учитель. И. Я. Яковлев неоднократно ходатайствовал перед Министерством народного просвещения об открытии для «ино-

[1] **Эфиров А. Ф.** Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. С. 27—28.

родцев» гимназий, ремесленных, технических училищ, сельскохозяйственных школ, чего мы не находим в деятельности Н. И. Ильминского.

В отличие от системы Ильминского, система чувашского просветителя была «...национально своеобразной и по справедливости может быть названа «яковлевской». Свою систему просвещения И. Я. Яковлев создал с учетом общности интересов всех народов России»[1]. Проявление наиболее общего интереса к русскому языку нерусских народов России он видел прежде всего в их стремлении к практическому овладению им, так как «русский язык при теперешнем все увеличивающемся усложнении жизни, все усиливающемся спросе на труд, на рабочие руки, делается для инородцев столь же необходимым, как свет или воздух. Без знания русского языка они осуждены на гибель — это ясно осознают все, кто близко соприкасается с инородческим делом, научить инородцев русскому языку — основная задача...»[2] Именно эта система привела к появлению множества чувашских школ.

В начале 900-х годов под влиянием революционных событий в России усилилось национально-освободительное движение. Царское правительство вынуждено было ввести некоторую свободу пользования родным языком. 1 ноября 1907 г. были утверждены новые правила для нерусских школ Востока России, по которым значительно расширялась сфера применения родного языка в национальных школах, причем срок обучения устанавливался четырехлетний. Правила распространялись на Казанский, Одесский, Кавказский, Западно-Сибирский учебные округа, губернии и области Туркестанского края, а также Иркутское и Приамурское губернаторства. По сравнению с Правилами 1870 г. новые правила явились шагом вперед в развитии национальных школ. Однако время их действия было непродолжительным. В некоторых округах они почти полностью игнорировались. Не распространялись они на армянские, грузинские школы. Власти боялись, как бы не произошло дальнейшее возрождение и без того сильно развитого национального самосознания армян и грузин[3]. Реакционер Кассо, заняв пост министра, добился отмены их.

Правила 1907 г. явились дальнейшим развитием сис-

---

[1] Ульяновская правда. 1964. 29 апреля.

[2] Научный архив ЧНИИ. Отд. II. Д. 61. Л. 13.

[3] Обладзе У. Очерки по истории общеобразовательных школ дореволюционной Грузии.—Тбилиси, 1957. С. 18—19.

темы Ильминского. Директор Казанской «инородческой» учительской семинарии А. А. Воскресенский утверждал, что система Ильминского была узаконена в особых Правилах 26 марта 1870 г. и 1 ноября 1907 г.[1] Между тем Правила 1870 и 1907 годов отличаются друг от друга не только по времени их принятия, но и по содержанию. «Преподавание закона божия для православных,—гласит четвертый пункт Правил 1907 г.,—ведется на родном языке учащихся до окончания одноклассного и двухклассного училища...»[2] А в Правилах 1870 г. на родном языке допускалось лишь первоначальное преподавание.

Утверждению Правил 1907 г. предшествовало бурное обсуждение основных положений национальных школ на особом совещании 1905 г. по вопросам образования восточных «инородцев», на котором неоднократно выступал И. Я. Яковлев с конкретными предложениями по расширению прав родного языка и требовал, чтобы «в начальной инородческой школе преподавание закона божия в течение всего курса обучения происходило на родном языке»[3].

В 1904 г. член Совета министра народного просвещения Будилович приехал в Симбирск для подробного изучения педагогического опыта Яковлева. В том же году он инспектировал чувашские школы Казанского учебного округа, подробно ознакомился с постановкой обучения на родном языке в первых двух начальных классах. «Приезжал в Симбирск и бывал в чувашской школе и у меня на квартире известный славист, профессор Антон Семенович Будилович.

Состоялось высочайшее повеление министру народного просвещения генералу Глазову — произвести официальное расследование. Для расследования и был командирован профессор Будилович, а вместе с Будиловичем—состоявший при Победоносцеве Износков. Предварительно Будилович вызвал меня в Казань. Я пробыл с ним около двух суток, беседуя дни и ночи о деятельности Николая Ивановича Ильминского, о школе. Интересовался Будилович и лично мною, и моей деятельностью»[4]. По завершении инспекции Будилович представил в министерство подробный отчет о сос-

---

[1] **Ильминский Н. И.** О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещенотатарской школе.—Казань, 1913. С. 12.

[2] Там же. С. 18—19.

[3] Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. С. 259.

[4] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 144.

тоянии «инородческих» школ Востока России[1], основные выводы которого частично отразились в Правилах 1907 г. В них сказано: «5) Родной язык детей в первые два года обучения в училищах для инородцев служит языком преподавания. В последующие годы языком преподавания должен быть русский язык, но родной язык учащихся остается и предметом обучения и орудием для облегчения преподавания на русском языке прочих предметов.

6) Обучение русскому языку при помощи родного языка учащихся начинается устными упражнениями в разговорной речи не позднее второго полугодия первого года обучения. Обучение русской грамоте (чтению и письму) начинается не позднее второго года обучения»[2]. Как было сказано, этими положениями чувашские, а затем марийские и мордовские учителя руководствовались еще в начале 80-х годов.

Разработка системы воспитания и обучения для двуязычных школ и введение ее в практику народного образования были чрезвычайно сложным и трудным вопросом времени; говоря словами самого И. Я. Яковлева, «вопрос о просвещении инородцев не так прост, как это может казаться с первого взгляда, чтобы претендовать на общее внимание деятелей просвещения, надо после основательного, теоретического и практического изучения его, а тем более после основательного знакомства с ним предлагать свою систему взамен существующей»[3].

Новое направление, приданное И. Я. Яковлевым чувашским школам, встретило сопротивление со стороны представителей духовенства и дворянства, реакционно настроенных инспекторов народных училищ. Его обвинили в том, что вводит новые приемы обучения, в продолжение двух лет предлагает обучать чувашских детей родному языку. Благочинный Баратынский, член Буинского уездного училищного Совета, представил в 1879 г. в земское собрание доклад о деятельности чувашских школ, в котором выступил против расширения курса обучения на родном языке и категорически заявил, что лишь одно Министерство народного просвещения правомочно установить программу обучения и что краткосрочные учительские курсы, предлагаемые в 1879 г. при Центральной чувашской школе, не

[1] Отчет о командировочной поездке А. С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа (в октябре, ноябре и декабре 1904 года).—СПб., 1905.

[2] **Анастасиев А.** Народная школа. Ч. 1. С. 235.

[3] Симбирские губернские ведомости. 1894. № 83.

могут этого исполнить. В июне 1883 г. казанский архиепископ Палладий, разделявший взгляды реакционных школьных инспекторов на «инородческий вопрос», выразил истинные цели политики царизма в отношении «инородцев»: «Вам самим, инспекторам, следует сговориться, а то у вас один хочет одного, другой другого, вон Яковлев хочет чувашить, а чуваш нужно русить, нынче у нас бог знает что делается на Руси. Грузины, осетины, татары лезут все учиться и каждый хочет по-своему. Нужно по-русски учить. Богослужение инородцам синод дал не ради того, чтобы оно у них совершалось по-своему, а чтобы поскорее обрусить...»[1]

Нападки на Яковлева и его систему исходили от лиц, «вооруженных большими средствами духовной или светской власти».

Первоначальное обучение на родном языке в национальных школах некоторыми инспекторами народных училищ Казанского учебного округа рассматривалось как нечто антирусское и вредное для высших интересов России. Директор народных училищ Казанской губернии А. С. Николич и инспектор В. А. Ислентьев жаловались министру народного просвещения на И. Я. Яковлева, якобы чувашский инспектор в школах устанавливает свои порядки и законы.

Передовые учителя, инспектора и директора народных училищ приветствовали его стремление совершенствовать систему народного образования. Член Совета министра народного просвещения, профессор А. С. Будилович писал, что она «заслуживает признания и благодарности со стороны лиц, понимающих значение для России просветительной системы Ильминского в среде приволжских инородцев»[2].

В начале 900-х годов одна из центральных газет России так оценила педагогическую деятельность И. Я. Яковлева: «В истории культурного развития инородцев не только Симбирской губернии, а и всего Восточного района России, заселенного чувашами, мордвою и прочими инородческими племенами, имя г. Яковлева должно быть поставлено выше имени Николая Ивановича Ильминского»[3]. Эти строки говорят сами за себя.

---

[1] **И. Я. Яковлев.** Письма. С. 97.

[2] Отчет о командировочной поездке А. С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа. С. 79.

[3] С.-Петербургские ведомости. 1908. № 250.

И. Я. Яковлев говорил, что у его родного народа «до Симбирской чувашской школы стремления к просвещению не было, можно сказать, и в зародыше. Школ чуваши боялись, на русскую культуру смотрели как на огромную для себя опасность...

Поворот в настроении чувашского народа в направлении к свету и знаниям начался, хотя и не сразу, но именно со времени основания чувашской школы в г. Симбирске»[1]. К такому выводу он пришел в результате изучения истории родного народа, а также на основе многолетнего личного педагогического опыта. Этот вывод общепризнан. История просвещения Поволжья говорит, что «народности Поволжья начали учиться по-настоящему и с пользой для себя только с 1860-х годов. До этого времени грамотность, наука, литература для них были чем-то чужим, не нужными и даже враждебными. Учась грамоте поневоле, по приказу начальства, по русским книгам и учебникам, чуваши, вотяки, мари и др. чувствовали себя не на месте; все это, как им казалось, нужно русским, а не им, а так как учиться их все же заставляли, то они настраивались враждебно и к учителям, и к книгам. Родители же склонны были считать пребывание их детей в школе повинностью, равной по тяжести воинской»[2].

Всю педагогическую систему Яковлева пронизывают идеи дружбы народов, демократизма, гуманизма и глубокая вера в духовные силы народа. «Русские,— писал он,—питают любовь ко всяким маломощным, вроде чуваш, людям. Наша система внушает питомцам эту идею». И в своем духовном завещании он подчеркнул важность сплочения народов России вокруг русских. Обращаясь к родному народу, И. Я. Яковлев говорил: «Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли... Народ этот не обидел вас в прошлом, он не обидит вас и в будущем. Любите его и сближайтесь с ним. На всяком поле есть плевелы, но мой долгий опыт да будет порукой тому, что среди русского народа вы всегда встретите добрых и умных людей, которые помогут вашему правому делу. Русский народ выстрадал свою правду и, нет сомнения, правдой этой он поделится с вами. Верьте в Россию, любите ее, и она будет вам матерью»[3].

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 784. Л. 1.

[2] **Никольский Н. В.** Основы инородческого просвещения.— Казань, 1919. С. 4.

[3] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 8. Д. 13. Л. 3.

В Симбирской чувашской школе значительное количество воспитанников (до 25%) составляли русские. Здесь же обучались представители всех народов Поволжья, составлявшие как бы одну семью. Многонационален был и коллектив учителей и работников школы, где трудились представители Прибалтики, а также Западной Европы. «В основу всего научного просвещения чуваш положена строго русско-патриотическая идея, отражением которой служит каждая сторона образования чуваш. Эта идея проводится просто, естественно и с воодушевлением. Образ русского человека как в представлении, так и в действительности, при системе христианского просвещения, встает во всем величии старшего сильного брата»[1],— так можно оценить основной смысл системы просвещения, созданной И. Я. Яковлевым. «Великий практик-организатор народного образования»[2], так назвал его А. В. Луначарский, сыграл большую роль в истории просвещения народов Поволжья. Он оставил ценнейшие труды по истории просвещения этого края, еще неизвлеченные на свет. Чтобы судить о их значении и о роли его педагогической системы в целом, необходимо подвергнуть эти труды глубокому историко-педагогическому анализу.

Инспекторская и общественно-просветительская деятельность

После окончания университета 27 августа 1875 г. И. Я. Яковлев был назначен исполняющим должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, а с 21 февраля 1883 г.—инспектором. С этого времени его главная забота, как указывалось в распоряжении попечителя учебного округа о назначении Яковлева окружным инспектором, должна была клониться к тому, чтобы чувашские начальные школы имели учителей подготовленных, знающих язык своих учеников и могущих вести преподавание согласно указаниям Правил от 26 марта 1870 г. Попечитель округа просил также продолжать «полезную деятельность по изданию для чуваш книг религиозно-нравственного содержания», а о средствах для издания этих книг он предлагал обращаться «своевременно с особыми представлениями»[3].

[1] ПГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 72. Л. 21.
[2] Там же. Ф. 447-р. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

Должность инспектора чувашских школ была учреждена в 1867 г. по инициативе Н. И. Ильминского. Учреждение ее, по словам Яковлева, было вызвано не заботой царизма о просвещении народа, а «шаткостью религиозно-нравственного положения и действительностью мысли и жизни между язычеством и христианством, между православием и магометанством у чуваш»[1].

В 1867—1872 годах инспектором чувашских школ был Н. И. Золотницкий, который затем ушел в отставку по состоянию здоровья. В последующие три года эта должность оставалась незамещенной. И только в 1875 г. Министерство народного просвещения назначило окружным инспектором И. Я. Яковлева. На этой службе у него появилась возможность шире и глубже развернуть общественно-просветительную деятельность, начатую еще в годы учения в гимназии, организовать новую сеть народных школ.

В годы его инспекторства округ объединял Астраханскую, Вятскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую и Казанскую губернии. Чувашские школы находились в основном в последних четырех губерниях, а также в Уфимской, которая входила в Оренбургский учебный округ. Местопребыванием инспектора чувашских школ был город Симбирск.

Инспектирование школ Яковлев проводил в два круга. В первый входили школы Симбирской и Казанской губерний, во второй — Самарской и Саратовской. Больше всего времени уходило на объезд по первому кругу, где было больше школ. Он охватывал пункты: Симбирск — Семенчино — Тюрлема — Аттиково—Карачево — Карамышево—Бичурино — Акулево — Чебоксары — Икково — Ишаки — Пихтулино — Тораево — Ядрин — Хочашево — Аликово—Ходары — Яншихово-Норваши — Яльчики — Рунга — Буинск — Кошки-Новотимбаево — Бюрганы — Альшеево—Симбирск. Маршруты постоянно менялись в связи с открытием новых школ. В ряде населенных пунктов Яковлев останавливался подолгу, созывал крестьянские сходы, где решались вопросы открытия новых школ. «Каждая поездка,—сообщал он Ильминскому 27 февраля 1883 г.,—производит на меня сильное и глубокое впечатление, и, по возвращении, долгое время я не могу отрешиться от подавляющего влияния. Поездка приводит меня в близкое столкновение не только со школою, но и чувашским населением, и каждый раз я узнаю многое новое, доселе неизвестное.

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 2. Д. 20120. Л. 65.

Во время поездок я нахожусь в особенном, не в обычном душевном настроении, иногда приятном, восторженном и исполненном различных упований и надежд, а иногда весьма печальном, грустном и мрачном. Не отрадную картину представляет нынешнее житье-бытье чуваш. Приходя в близкое соприкосновение с ними, нельзя смотреть без боли в сердце и мучения на их убожество, невежество, крайнюю бедноту и скудость материальную, а более духовную»[1]. Нередко из таких поездок Яковлев возвращался больным, зараженным трахомой и даже тифом. Случалось и такое. В 1883 г. он попал в полынью на Волге у села Теньки и чуть не утонул вместе с дочерью Лидой.

И. Я. Яковлев не только инспектировал школы, но и открывал новые. По официальным данным, в Казанском учебном округе в 1875 г. насчитывалось 41 «инородческое» училище ведомства Министерства народного просвещения, в том числе 8 чувашских. К 1903 г. в округе находилось 45 чувашских школ. 37 из них было открыто и преобразовано Яковлевым. Все эти школы были в ведомстве Министерства народного просвещения. Яковлев организовывал и земские школы, и школы духовного ведомства. Им же были организованы братские школы, например, в селе Средние Алгаши Симбирского уезда, в деревне Большие Меми Свияжского уезда и другие. К строительству школьных зданий инспектор привлекал лучших мастеров-строителей местного края, например, татарских[2]. Для чувашских братских школ Яковлев составил особую программу, по которой обучение велось сначала на родном языке детей, а затем на русском. Он направлял сельских мальчиков в духовную семинарию в Симбирске. «Мы дорожим образованием, дорожим знанием во всякой форме, во всех видах, дорожим поэтому и тем, что дает духовная семинария»[3]. Дело в том, что ее выпускники имели доступ в университет, а также могли работать учителями.

Чувашское Поволжье по числу братских школ занимало первое место в Волжско-Камском крае. В 1892 г., считавшемся в истории братства св. Гурия годом наивысшей активности, насчитывались 51 чувашская, 3 марийские, 8 удмуртских, одна мордовская и 6 русских братских школ[4]. Между тем, в 1875 г. насчитывалось всего 8 братских школ. Для организации новых школ Яковлев использовал все

[1] **И. Я. Яковлев.** Письма. С. 93.
[2] ГАУО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
[3] ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Папка 10. Л. 12.
[4] Православный собеседник. 1893. № 3. С. 72—73.

возможности и не жалел личных средств. «Мне всегда приходилось и приходится нести по школе некоторые, иногда довольно значительные денежные затраты, на возвращение которых я никогда не рассчитываю»[1]. То же самое он говорил министру народного просвещения: «Я открываю училища на частные и личные мои средства и на них содержал эти училища 2 или 3 года, а затем, упрочив их положение, передавал или в ведение земства, или духовного ведомства; такие, например, училища Старо-Устюмкинское Бугульминского уезда, Старо-Дувановское и Рунгинское Буинского уезда»[2]. Школы первоначально размещались обычно, по словам И. Я. Яковлева, в большой избе, нередко отделенной от жилого помещения хозяев черной избы только сенями.

Немало народных училищ открыл Яковлев и за пределами Поволжья, в частности в Уфимской губернии. Под его руководством и при деятельном участии воспитанников Симбирской чувашской школы там было организовано более 30 училищ, в которых обучались русские, чуваши, татары, башкиры и марийцы. В 1891 г. для организации школ в чувашско-татарских деревнях Яковлев направил в Уфимскую губернию Мевлюта Туктарова, выпускника Симбирской чувашской школы (татарина из деревни Старые Татарские Чукалы Буинского уезда Симбирской губернии).

Следует отметить, что существование чисто «инородческого» училища (чувашского, марийского) было довольно редким явлением. Состав большинства чувашских училищ также был смешанным, как правило, они обслуживали все местное население. Например, в 1879 г. в Шамкинском училище Буинского уезда обучалось трое русских, 14 мордовских и 22 чувашских учащихся[3], а в Петнурском Козьмодемьяновского уезда Казанской губернии, преобразованном И. Я. Яковлевым в 1877 г. в двухклассное училище, почти половину учащихся составляли марийцы. По признанию местного земства, в 1912 г. в Симбирской чувашской учительской школе, в женском училище при ней обучались как русские, так и чуваши и мордва из Симбирского уезда. Но формально эти учебные заведения назывались чувашскими и находились в ведении инспектора Яковлева, который поддерживал их, находил учителей, знавших родные языки учащихся.

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 152. Л. 6.

[2] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 2. Д. 20120. Л. 62.

[3] Журнал Министерства народного просвещения. 1879. № 9. С. 96.

В самой Симбирской школе готовились учителя из русских, мордвы, татар, марийцев, калмыков. В уездах, населенных различными народностями, организовывались смешанные «инородческие» училища. Во время инспектирования чувашских школ Яковлев навещал и другие «инородческие» училища. В 1876 г. он хлопотал перед учебным округом об увеличении средств на содержание Саймановского училища (Сызранского уезда), в котором существовали чувашский и татарский классы[1].

Учащиеся Симбирской учительской школы различались не только по национальному признаку. Они принадлежали и к различному вероисповеданию. В руководимой им учительской школе учились христиане, магометане, хотя по Положению 1890 г. разрешалось принимать на учебу и на работу только первых. В 1903 г. старшина Цой из Приморской области просил Яковлева принять окончившего двухклассное училище корейского мальчика. Решение этого вопроса зависело от попечителя, и поэтому 30 июня И. Я. Яковлев просил его (в виде опыта) принять рекомендуемого Цоем мальчика. Попечитель рекомендовал принять корейца в Казанскую учительскую семинарию.

Немало выпускников Яковлев направлял в инородческие» школы Урала, Сибири и Алтая. Они учительствовали среди народности шори, среди казахов, башкир и т. д. В конце XIX в. в Тетербашевском «инородческом» училище Стерлитамакского уезда Уфимской губернии учительствовал М. Такташкин, в Базиевском Белебеевского уезда — А. Петров, в Сихонкинском Уфимского уезда — Г. Степанов, в Ново-Амекескинском «инородческом» училище Оренбургского уезда — С. Васильев, в Этбулановском того же уезда Сильвестров, в Ордынском женском училище Астраханской губернии — Т. Савельева, в Муравьевском Балагановского уезда Иркутской губернии — В. П. Назарова и т. д.[2] О своей работе ученик Яковлева В. Дмитриев писал: «Здесь обучал детей охотников-шорцев. Упорным трудом в короткий срок изучил шорский язык. С младшими учениками занятия вел на их материнском языке. В этом улусе я прожил три года, позднее три ученика мои: Акушаков Илья, Акушаков Николай и Тотушева Марфа, окончили Бийскую учительскую семинарию и стали учите-

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12697. Л. 13.

[2] Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае.— СПб. 1886. С. 24; ЦГА ЧССР. Оп. 1. Д. 179. Л. 598, 48.

лями в шорских школах»[1]. Воспитанники Яковлева трудились и в Средней Азии. Для организации новых школ среди казахов им были направлены опытные учителя П. М. Миронов, Д. И. Кочуров и др. Д. И. Кочуров работал инспектором в городе Ханская Ставка (Тургайская область). В 1905 г. И. Я. Яковлев составил проект организации Казахской (тогда Киргизской) учительской семинарии в Ханской Ставке и представил его в министерство. В нем он, в частности, предлагал: «...Сделав Ханскую Ставку центром просветительной миссии среди киргизов, учредить в ней Киргизскую учительскую семинарию... просветительное дело могло бы раскинуться оттуда далеко во все стороны: ученики будущей семинарии пошли бы своей просветительной миссией в степь навстречу пятимиллионному единокровному им киргизскому населению в области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую»[2]. Министерство совершенно не отреагировало на этот проект.

Воспитанники Симбирской чувашской учительской школы сами изъявили желание работать по приглашению в дальних краях. В 1906 г. Ф. Григорьев согласился выехать в город Харбин. Кроме преподавания, воспитанники школы Яковлева обязаны были заботиться об улучшении материальных условий жизни крестьян, о пропаганде санитарно-гигиенических знаний, о поднятии их культурного уровня вообще. Трудолюбие, беспредельная преданность делу просвещения учеников Яковлева вызывали восхищение у населения.

В Симбирске на имя Яковлева поступали письма от бедных родителей, родственников и земских начальников с просьбами помочь детям-сиротам. 4 марта 1885 г. общество крестьян села Чирикова Симбирского уезда сообщало: «Мальчик Герасимов — круглый сирота, родственников, кроме престарелого дяди, не имеет, также не имеет никаких средств, а грамоте нигде не обучался... нельзя ли принять его в школу»[3]. В том же году по просьбе земства Яковлев принял еще одного неграмотного мальчика-сироту. Таких детей обучали в начальных училищах, учащиеся которых вплоть до 1912 г. содержались бесплатно, на полном пансионном обеспечении.

Величайшей заслугой Яковлева и его единомышленников, к сожалению, до сих пор не отмеченной, является то, что

---

[1] Подлинник хранится у автора настоящей книги.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 466. Л. 53.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

он добился уменьшения платы за обучение в своей школе. По положению школы, утвержденному в 1890 г. Министерством народного просвещения, плата за содержание и пользование учебными пособиями взималась только в учительских классах. В 1890 г. министр просвещения И. Д. Делянов предложил установить 2 разряда ежегодной платы: 130 рублей за полное содержание (как в учительских семинариях) и 70 рублей за неполное (одежда своя). Такая высокая плата была недоступна для крестьянских детей, поэтому Яковлев возражал и предлагал установить плату только одного разряда — в размере 50 рублей. «Поступившие в I класс, сохранив свое платье,—писал И. Я. Яковлев министру,—не подвергнутся резкой перемене, и в случае неуспешности обучения в I классе, без особого затруднения могут возвратиться в первобытное, крестьянское состояние, перемена же костюма может отдалить и даже оттолкнуть от прежнего быта»[1].

Своевременное ходатайство Яковлева об уменьшении платы за содержание в учительской школе дало положительный результат. Министерство установило 2 разряда: 96 рублей за полное содержание, 50 рублей за неполное, выделив 3200 рублей в год на содержание 40 стипендиатов. Теперь в трех классах чувашской учительской школы на средства министерства содержалось только 40 учащихся, а все остальные должны были учиться на свои средства (своекоштные). В целом же Симбирская чувашская учительская школа получала от царского правительства меньше средств, чем все другие «инородческие» учительские школы России. Своим существованием она обязана прежде всего И. Я. Яковлеву. В школе взималась плата только одного разряда за неполное содержание в размере 50 руб. Благодаря этому в ней обучалось не сорок человек, как было определено министерством, а в три раза больше. Так, в 1911 г. в учительской школе обучалось 135 человек, в мужском и женском двухклассных училищах соответственно — 50 и 119, на женских педагогических курсах — 36 девушек.

Вскоре, однако, управление учебного округа узнало о том, что в школе на одной министерской стипендии содержатся в среднем по два учащихся и о том, что уменьшена плата за содержание для неимущих учащихся. Попечитель округа 4 апреля 1912 г. сделал предупреждение Яковлеву о том, что «педагогический совет школы не имел права

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 18966. Л. 2.

уменьшать размер платы с учащихся. Совершенно недопустимо упорное стремление сохранить институт полусвоекоштных воспитанников, несмотря на состоявшееся по сему делу распоряжение управления округа. В настоящем году число воспитанниц в женском приходском училище и на курсах увеличилось в полтора раза (вместо 101 стало 155) и с чьего разрешения?»[1]

В условиях политической реакции в стране управление Казанского учебного округа чинило Симбирской чувашской школе всякие препятствия, прежде всего стремилось к максимальному сокращению в ней числа учащихся путем повышения платы за обучение, чтобы затем окончательно ее закрыть. Вопреки установившейся традиции бесплатно содержать учащихся в начальных училищах и на женских педагогических курсах при учительской школе в 1911 г. округом был поднят вопрос об установлении платы за обучение и в них. 24 августа 1911 г. попечитель округа писал Яковлеву: «Ввиду того, что ни в законе, ни в существующих распоряжениях не имеется правил взимания платы за содержание частных стипендиатов и стипендиаток, обучающихся в мужском и женском при вверенной Вам школе училищах, слушательниц женских педагогических курсов имею честь просить для упорядочения этого дела высказать свои соображения по настоящему вопросу и представить в управление учебного округа смету по содержанию названных стипендиатов и стипендиаток на один год»[2].

В ответ Яковлев предложил установить плату в размере 40 рублей для воспитанниц женского училища, для остальных — 50 рублей, как и в учительской школе. При этом он подчеркнул, что в школе с частных стипендиатов «всегда взималось 50 рублей в год. В редких случаях допускались полустипендиаты с платой по 25 рублей в год»[3], и напомнил, что по решению особого совещания по вопросам образования восточных «инородцев» Министерство народного просвещения до сих пор выделяло на содержание мужского начального училища 30 стипендий из расчета 50 рублей на каждого учащегося и столько же стипендий для женского училища, но только по 40 рублей на одну ученицу. Напомним, что в это самое время Поволжье переживало голод из-за разразившейся в 1911 и 1912 годах засухи. Положение крестьян ухудшилось. Это и учитывал

[1] ЦГА ЧССР. Оп. 207. Оп. 1. Д. 941. Л. 35.
[2] Там же. Д. 859. Л. 1.
[3] Там же. Л. 2.

Яковлев, болея за судьбу школы и народа. Он просил не повышать плату: повышение платы за обучение могло привести к сокращению числа учащихся.

Несмотря на просьбы инспектора, 9 ноября 1911 г. Деревицкий приказал установить в дальнейшем плату для всех частных стипендиатов в размере 50 рублей, а за выдаваемые свидетельства об окончании женских педагогических курсов собирать дополнительную пошлину по три рубля с каждой выпускницы. Последнее не практиковалось даже в учительских школах и семинариях. Яковлев протестовал против этого, но напрасно. Ему даже было приписано нарушение закона, и округ грозил ему привлечением к строгой ответственности за содержание на одной стипендии двух воспитанников и за снижение платы частным стипендиатам до 25 рублей.

Плата взималась и в сельских училищах, содержавшихся почти полностью на местные средства, размер ее определялся инспектором народных училищ. И. Я. Яковлев установил плату только в двухклассных чувашских училищах. Она взималась с тех детей, родители которых не несли никаких расходов по содержанию этих училищ.

Будучи окружным инспектором, И. Я. Яковлев проверял школы ежегодно по разу, а некоторые — по два: в начале и в конце учебного года. Почти после каждой инспекционной поездки по губерниям Яковлев принимал определенные меры по улучшению в них учебно-воспитательной работы. 17 августа 1876 г. он представил в учебный округ докладную записку «Соображения о мерах к развитию просвещения в чувашском населении Казанского учебного округа», составленную по обозрении всех чувашских школ в течение целого года. По существу это была программа дальнейшего развития школьного образования «инородцев» Поволжья. К записке прилагался проект положения и штатов будущей чувашской учительской школы. Материалы были препровождены в Министерство народного просвещения. В ноябре того же года из Петербурга сообщили, что просьбы инспектора чувашских школ по разным причинам не могут быть удовлетворены. На основании записки министр Д. А. Толстой принял постановление «О мерах развития образования в чувашском населении Казанского учебного округа», по которому строительство школ с первоначальным обучением на родном языке допускалось лишь постольку, поскольку это отвечало интересам русификаторской политики царизма.

Одновременно с инспекторской деятельностью Яковлев

вел и преподавательскую работу в своей школе: преподавал педагогику с психологией, логику, математику, русскую литературу и историю, чтение на чувашском языке; нередко заменял отсутствующих педагогов. Он же руководил педагогической практикой учащихся старших классов Симбирской чувашской учительской школы, учил составлять планы и конспекты уроков, организовывал коллективное обсуждение итогов практики. На таких обсуждениях он часто ставил перед учителями вопрос: «Каким должен быть народный учитель вообще, учитель чувашской школы в частности?» и сам же отвечал: «Учитель, вышедший из народа и получивший образование на его средства, должен вернуться к народу».

Инспектирование школ Яковлев понимал прежде всего как оказание всесторонней педагогической помощи учителям в совершенствовании методов преподавания и воспитания. С этой целью он часто посещал уроки молодых учителей. О действенности такой помощи так вспоминал учитель русской литературы И. С. Никурашин: «Иван Яковлевич своими замечаниями заставил меня коренным образом изменить преподавание, вести урок, а не читать свои «ученые лекции»[1].

Чтобы проверить организаторские способности своих учеников, Яковлев иногда проводил письменные работы на тему: «Задачи учителя инородческой сельской школы, как наставника учащихся и деятеля среди местного населения». В архивах хранится множество сочинений учащихся на подобные темы. Так, выпускник 1903 г. И. Сергеев писал в своем сочинении: «Учитель сельской школы также должен заботиться о материальном состоянии крестьян. В данном случае он не может сделать помощи деньгами, но может оказать пользу крестьянам своим знанием, что, конечно, несравненно важнее денежной помощи. В сельских школах нет возможности преподавать науки по сельскому хозяйству на уроках, но возможно сообщить эти знания при весенних и осенних работах практически... На пришкольном участке занятие по сельскому хозяйству может, во-первых, обеспечить материальное положение самого учителя, во-вторых, способствует распространению среди крестьян полезных и необходимых плодов, овощей и тем самым улучшается материальное состояние крестьян. Деятельность и знания учителя должны направляться на пользу наро-

[1] **Никурашин И. С.** Яковлев И. Я. (рукопись). Л. 3 (из личного архива автора книги).

ду»[1]. Здесь отразились педагогические взгляды не только автора сочинения, но и его учителя, прививавшего своим ученикам чувства долга перед народом. Инспектор чувашских школ внимательно следил за деятельностью своих воспитанников, по возможности помогал им советами и практическими делами. По их приглашению он иногда приезжал в глухие деревни со всем коллективом мужского и женского хоров Симбирской чувашской школы, которые исполняли народные песни перед крестьянами на разных языках.

При инспектировании сельских школ И. Я. Яковлев проводил беседы с учителями. Его ученик, учитель Ходарской школы П. Ф. Скворцов, вспоминал об одной из таких бесед. Закончив инспектирование Ходарской школы, Яковлев навестил больного учителя, вскипятил для него молоко, а затем, собрав всех учителей, провел беседу. «Он требовал от учителей,— пишет Скворцов,— организовать любительские хоры при участии питомцев школы, сообщать и проводить в массу сельскохозяйственные и другие полезные сведения, собирать народные песни, сказки... рекомендовал разводить фруктовые сады, образцовые огороды, пасеки... располагать крестьян к осушке болот, к защите полей и водных источников путем древонасаждения, содействовать покупке земли крестьянскими обществами у помещиков и т. д.». Скворцов часто встречался с Яковлевым. В своих воспоминаниях о чувашском просветителе он пишет: «Пользуясь подходящими случаями и фактами из жизни, Иван Яковлевич старался внушить учителю идею простоты в костюмах, пище и образе жизни, требуя в то же время чистоты, опрятности и разумного отношения ко всему»[2].

И. Я. Яковлев обязан был также следить за тем, чтобы учителя и местные инспектора* соблюдали все пункты Правил 26 марта 1870 г. и других положений о народных училищах.

В сельских школах во время инспектирования Яковлев давал показательные уроки с широким применением наглядных пособий и разнообразных методов, приемов обучения, на которых присутствовали учителя соседних школ. По рассказу ученика Тораевской школы М. Н. Николаева,

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 374. Л. 47.

[2] ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Папка 8. Л. 28—29.

* В педагогическом ведомстве учебного округа инспектора классифицировались на участковых (уездных), губернских и окружных. В каждом учебном округе существовало, как правило, три окружных инспектора, входивших в Совет попечителя.

в 1902 году в их классе И. Я. Яковлев провел урок литературного чтения на тему: «Мир пернатых». В классе сидело много учителей. «Инспектор живо и образно рассказал о жизни разных птиц, их повадках и прочее. Оказалось, что дети не представляют себе филина, не видели его даже на картинке. Яковлев подробно рассказал о жизни птицы, где она обитает, чем питается, какая у нее окраска перьев и т. д. При описании клюва он пальцами изобразил клюв филина и сказал: «Сăхма пултарать вĕт-ха вăл» (а ведь он может клюнуть). В последующие издания чувашского букваря И. Я. Яковлев включил слово «филин», позднее К. В. Иванов сделал к нему рисунок.

При проведении итогов проверки школ И. Я. Яковлев долго беседовал с учителями. Он говорил: «Одно дело наука — педагогика, другое дело — ее исполнители, практические педагоги. Какой бы учитель ни был, он должен знать лучшие способы и приемы преподавания, чтобы достигнуть цели. Но какой бы ни был метод, старый или новый,—самое главное это то, чтобы им умело пользоваться в соответствии с народными интересами»[1].

И. Я. Яковлев организовал для учителей курсы и по сельскому хозяйству. Например, осенью 1894 г. на ферме Симбирской чувашской школы — бесплатные курсы по садоводству и огородничеству для 30 учителей, где они совершенствовали свои знания, обменивались опытом, слушали лекции специалистов по сельскому хозяйству и самого Яковлева о роли народного учителя в улучшении благосостояния крестьян. «Сельское хозяйство,—повторял он часто,—является таким предметом, на котором народный учитель ближе всего может сойтись с крестьянином и своими познаниями, разумными советами, своим примером может принести ему посильную пользу и вызвать доверие к научным знаниям»[2]. С целью установления контактов с населением он рекомендовал учителям проводить среди крестьян беседы о земледелии, о скотоводстве, приглашать их на пришкольный участок, в свой дом. Одним словом, учителя должны учить крестьян, сельскую молодежь всему новому, культуре вообще. Сельское хозяйство он считал связующим звеном между интеллигенцией и населением. Благодаря этой связи «с одной стороны, обеспечивается будущность школы, а с другой стороны, получается возможность влиять через школу на население»[3]. «Было бы очень хорошо,

[1] И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. С. 89.
[2] Отчет фермы школы за 1912 год. С. 93.
[3] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 2. Д. 20120. Л. 62.

если бы каждая школа имела свой, хотя бы небольшой, земельный надел, где учитель мог бы вести по возможности образцовое полевое хозяйство, применяя свои научные знания на практике. Эти школьные наделы были бы своего рода опытными полями для окрестного населения»[1].

Пример бескорыстного служения Яковлева народу вдохновлял крестьян. Крестьяне принимали активное участие в укреплении материальной базы училищ, в организации при них учебных мастерских, кружков трудовой помощи, народных библиотек, в устройстве образцово-показательных пришкольных садов и огородов.

В 1883 г. крестьяне деревни Устимкино Бугульминского уезда Самарской губернии на свои средства построили здание школы, учителем в нее Яковлев назначил выпускника школы Филиппа Семенова, которому из личных средств выделил с 1 октября 1883 г. по 10 рублей в месяц[2]. Открыть школу Яковлев поручил бывшему своему ученику Симбирской школы — учителю соседней деревни Г. Перепелкину, который в первый же день принял в начальный класс 19 чувашских, 12 мордовских и 5 русских мальчиков.

Духовенство, намеревавшееся в этой деревне организовать церковную школу, впоследствии подняло большой шум и причинило И. Я. Яковлеву и Г. Перепелкину ряд неприятностей. В течение почти пяти месяцев школа не получала денег, а учителя — жалованья. В конце концов в 1886 г. Устимкинская школа была закрыта. Такая же судьба постигла и немало «инородческих» школ, открытых и содержавшихся Яковлевым и крестьянскими обществами на собственные средства.

В 1887 г. Малояльчиковское крестьянское общество на ремонт и расширение школы выделило лес, который предназначался для строительства церкви. Консистория потребовала от И. Я. Яковлева объяснения по этому делу и наказания учителя, использовавшего стройматериалы церкви, на что инспектор ответил: «Малояльчиковское общество обязано поддерживать в приличном виде училище, в котором обучаются исключительно дети местных крестьян. Если общество и дало шесть бревен, то это слишком незначительная помощь, т. к. учитель Веков сени к училищу пристроил лично за свой счет и употребил на это 35 рублей»[3].

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 201. Л. 44.
[2] Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 79. Л. 5.

Инспектор Яковлев по своей инициативе организовывал в различных губерниях Казанского учебного округа особые строительные комиссии, в состав которых входили штатный учитель, старшина волостного правления, священник и пять уполномоченных крестьян. Комиссии готовили материалы, находили средства для строительства училищ. Члены комиссии обязаны были в необходимых случаях временно жертвовать и личные средства и склонять к этому состоятельных крестьян. Впоследствии, впрочем, благодаря стараниям Яковлева все расходы компенсировались учебным округом. Авторитет чувашского просветителя в народе был так велик, что не только члены комиссии, но и простые крестьяне без лишних слов вкладывали свои деньги в строительство школьных зданий. Это ускоряло строительные и организационные работы.

Но быть или не быть новой школе зависело и от церковных властей, прежде всего от архиепископа. Без его согласия не открывалось ни одно училище. Инспектор Яковлев должен был своевременно уведомлять церковные власти об открытии того или иного учебного заведения. Одно из уведомлений он направил казанскому архиепископу Павлу 9 декабря 1887 г.: «Малояушевское волостное правление Ядринского уезда препроводило ко мне приговор общества крестьян Больших Яуш Сугут-Торбиковского прихода о желании открыть в этой деревне одноклассное инородческое Министерства народного просвещения училище. Ввиду этого до возбуждения ходатайства перед попечителем Казанского учебного округа я осмеливаюсь почтительнейше просить сообщить мне, не планируют ли открытие в деревне Больших Яушах церковноприходской школы, вообще не имеется ли препятствий с Вашей стороны к открытию одноклассного инородческого училища в деревне Больших Яушах. При этом считаю долгом присовокупить, что деревня Большие Яуши находится среди чисто чувашского глухого населения, где, по моему мнению, весьма было бы желательно открыть училище»[1].

Духовенство нередко настраивало крестьян против инспектора, призывало их открывать церковноприходские школы. Когда в деревне Богдашкино Симбирского уезда открыли училище Министерства народного просвещения, крестьяне, подстрекаемые местным священником, написали жалобу губернатору, будто И. Я. Яковлев открыл школу без согласия крестьянского общества. «Мы, крестьяне,—пи-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 52. Л. 107.

сали они,—для обучения наших детей желаем открыть церковноприходскую школу и учителем просим назначить священника нашего прихода»[1]. Проверка жалобы показала, что строительная комиссия поступила правильно — приговор об открытии училища подписали $^2/_3$ населения деревни. Богдашкинское училище продолжало функционировать и во главе его был поставлен не священник, а воспитанник Симбирской чувашской учительской школы.

В должности окружного инспектора Яковлев состоял с 1875 по 1903 год. В начале века родной язык начали изгонять из «инородческих» школ Министерства народного просвещения, первоначальное обучение на родном языке считалось признаком «национализма», «сепаратизма», которые якобы в конечном итоге могут привести к отделению «инородцев» от Русского государства. Чтобы не допустить этого, в Казанский учебный округ, где зарождались и развивались системы просвещения «инородцев», направлялись чиновники министерства для борьбы с национально-педагогическим движением. Особой реакционностью отличались Спешков, Деревицкий, Кульчицкий. «С прибытием в Казанский учебный округ в качестве помощника попечителя, бывшего окружного инспектора Рижского учебного округа Спешкова,—отмечал И. Я. Яковлев,—обнаружилось новое течение. Спешков, не дав себе труда побывать в инородческих местностях, приписал восточным инородцам те тенденции, розыском которых он выдвинулся в Рижском округе. Сузив вопрос о просвещении инородцев до вопроса о введении того или иного метода преподавания русского языка, он игнорировал духовный мир инородцев. Наши инородцы так отстали от окружающего их русского народа, настолько бедны духовно и материально, что ни о каких мечтаниях, существующих у инородцев Западной России, с их стороны не может быть и речи... Спешков тотчас по прибытии в Казанский округ... вступил в оппозицию с установившейся уже системой инородческого образования»[2].

Именно в этот период в школах вводился так называемый натуральный (наглядный) метод. В мае 1902 г. Министерство народного просвещения постановило: «Применение наглядного метода обучения в инородческой школе может лишь в первый год ученья сопровождаться, в случае

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 74. Л. 20.
[2] Там же. Д. 52. Л. 2.

необходимости, разъяснениями со стороны учителя на природном языке учащихся, а остальные же два или три года должно происходить исключительно на русском языке»[1]. Несколькими годами раньше, 19 ноября 1889 г., министр просвещения Деляпов издал особое распоряжение о том, что «училища, устраиваемые для чуваш, должны подчиняться по всем частям директорам и инспекторам народных училищ, независимо от существования особого инспектора чувашских школ»[2]. Это распоряжение открывало возможность усилить контроль, иначе говоря, слежку за служебной деятельностью неугодных правительству деятелей просвещения. Именно с этого времени в Поволжье начинается пересмотр системы просвещения «инородцев». Забегая вперед, скажем, что распоряжение Делянова явилось бомбой замедленного действия, взорвавшейся в 1903 году. Оно положило начало кампании против должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа. Согласно распоряжению Делянова деятельность единственного окружного инспектора из «инородцев» могла быть проверена четырьмя директорами и более чем десятью инспекторами народных училищ четырех губерний Казанского учебного округа.

Весной 1899 г. симбирский епископ Никандр инспектировал мужские и женские начальные училища при Симбирской чувашской учительской школе. Об одном из визитов епископа Яковлев сообщил в учебный округ: «Владыка сам давал вопросы и требовал объяснения от трех вызванных к классной доске воспитанниц, затем этих же воспитанниц заставлял читать по-русски и делать грамматический разбор, а также обратился к воспитанницам с несколькими вопросами по географии[3]. В мужском училище епископ присутствовал на уроках арифметики, спрашивал учащихся таблицу умножения, заставлял читать по-русски и разбирать предложения по частям речи.

На третий день ревизии Никандр направил в чувашскую школу преподавателя Симбирской духовной семинарии Гавриловского, который в течение трех дней подробно изучал учебные программы, присутствовал на уроках почти во всех классах. Было очевидно, что Гавриловский явился в школу с предвзятым мнением.

По завершении ревизии в учебный округ был представ-

[1] Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1902. № 7. С. 461.
[2] Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1890. № 5. С. 243.
[3] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 24605. Л. 1—2.

лен подробный отчет, где его авторы, в частности, рекомендовали «усилить количество уроков по закону божию, уничтожить уроки чистописания в среднем отделении»[1]. Они отметили, что учащиеся имеют недостаточные знания по закону божию, что программа по этому предмету якобы изучается поверхностно и не полностью, настаивали на изучении закона божьего на русском языке и т. д.

К счастью, отчет епископа Никандра и преподавателя Гавриловского по результатам ревизии Симбирской чувашской школы был забракован. Попечитель Казанского учебного округа 4 июня 1899 г. ответил епископу: «Я не могу согласиться ни с общим выводом сего ответа, ни с большинством его частных заключений... От новокрещеного киргиза я не требую того, что от русского или крещеного инородца Казанской или Симбирской губерний, но и к инородцам из различных местностей сих губерний я не применю одну и ту же мерку. Статский советник Яковлев подробно знает быт чуваш и направляет Симбирскую учительскую и другие вверенные ему чувашские школы Казанского учебного округа применительно к особенностям отдельных местностей»[2]. Вместе с тем попечитель Попов сделал замечание епископу за то, что ревизия Симбирской чувашской школы была проведена без санкции учебного округа.

Но Никандру урок пошел не впрок. Осенью он выступил с большой анонимной статьей в центральном миссионерском журнале против просветительной деятельности Яковлева, назвав его «пестуном инородческой обособленности, образованным хранителем своего родного племени» и т. д. Он призывал просвещать чувашей не с целью развития их самобытной национальной культуры, а для прочнейшей христианизации и русификации всего народа, что отвечало политике царизма. «По нашему пониманию,—писал епископ,—нельзя назвать истинным благодетелем инородческого племени того человека, который бы намеренно обособлял свое племя от главной народности в государстве; для племени, утратившего навсегда возможность самостоятельного политического существования, что всего главнее, с ложною верою, отсутствием науки и плодов просвещения,—единственное счастье — это свободно, с открытым сердцем, воспринять истинную веру главной народности, унаследовать его духовное богатство, скорее и теснее войти

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 24605. Л. 1—2.
[2] Там же. Д. 24605. Л. 30.

в состав ее семьи»[1]. Центральный миссионерский совет предоставил епископу возможность выступить против просветительной деятельности Яковлева сразу в двух номерах своего журнала (№№ 11—12). Это не случайно. Содержание статьи епископа «К вопросу о более желательной и целесообразной постановке церковноприходской и школьной миссии среди населения инородческого Среднего Поволжья» полностью отвечало политике миссионерского совета.

Епископ Никандр неоднократно ездил в Петербург с жалобами на инспектора чувашских школ. Об этом мы узнаем из письма Яковлева Рекееву от 1 февраля 1900 года: «Приехал из Петербурга наш владыка Никандр, как говорят, торжествующий. Он ведь не скрывал, что ездил меня и инородческое дело уничтожить»[2].

И. Я. Яковлев в ответ на действия анонимщика подготовил большую статью «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье», в которой подчеркнул: «Когда автор предлагает ломать нашу систему, разрушать убеждения всей нашей жизни, мы защищаем то, что мы любили, любим, и то, во что мы верили и будем верить до могилы, мы стараемся доказать неразумие насильственного разрушения дела чужой мысли и чужого сердца. Когда автор бросает в нас упреки, выдвигает против нас в конце концов обвинения в сепаратизме, равносильные обвинению в государственной измене, когда он бросает в нас грязью, мы по необходимости стараемся доказать неосновательность упреков и обвинений... Но когда нас упрекают в равнодушии к страданиям народа, из которого мы сами вышли, народа, за который мы всю нашу жизнь болеем душою, когда нас упрекают не только в равнодушии, а в сознательном пренебрежении такими страданиями, при виде которых наше сердце обливается кровью, когда нас упрекают в жестокости по отношению к тем, чьему бесконечному горю мы всегда старались помочь, а помочь до конца далеко не были в силах, каким оправданием, какими словами, чем, кроме молчания, мы можем на это ответить?»[3].

Зная об отношении учебного округа к своей деятельности, Яковлев не выступил в печати с этой статьей.

Прогрессивная педагогическая общественность не могла равнодушно отнестись к анонимщику из духовного ведомства. Официальный ответ был дан директором Казанской

[1] Миссионерское обозрение. 1899. Ноябрь. С. 587.
[2] И. Я. Яковлев А. В. Рекееву. Научный архив ЧНИИ. Отд. 2. Д. 517.
[3] ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Папка 10. Л. 14.

«инородческой» учительской семинарии Н. А. Бобровниковым. В этой статье указывалось, что епископ «незнаком с этнографией инородца и даже, очевидно, не читал сочинения создателя нынешней системы просвещения инородцев и не имеет их под руками»[1].

Статья Н. А. Бобровникова была опубликована с продолжением в январском, февральском номерах «Миссионерского обозрения» за 1900 г., а в последующем номере редакция поместила еще одну (небольшую) статью без указания автора и свое заключение.

Однако под давлением общественности в конце года журнал опубликовал третью статью[2] против взглядов епископа Никандра.

В чувашской научной литературе вслед за А. И. Яковлевым (см. его книгу, изданную в 1948 г., с. 77) исследователи наследия Яковлева по сей день продолжают необоснованно утверждать, что ответ епископу Никандру якобы к печати не был допущен. На самом же деле возможность защищать свое правое дело И. Я. Яковлев предоставил другим.

В редакцию журнала «Миссионерское обозрение» поступило немало писем и статей в защиту Яковлева. Но редактор, боясь осложнений, опубликовал лишь некоторые однако и по ним можно судить о провале миссии епископа. Его не поддержал даже небезызвестный К. П. Победоносцев, так как епископ выступал за организацию вместо начальных школ дорогостоящих «инородческих» монастырей. Студент Московской духовной академии П. Анисимов писал И. Я. Яковлеву 22 января 1901 года: «Моя статья не принята редакцией «Миссионерское обозрение» для печати и прислали обратно, редакция считает «бесполезным и неудобным продолжать полемику»[3].

К началу 900-х годов популярность И. Я. Яковлева среди общественности учительства Поволжья была настолько велика, что выступления в печати против его деятельности не имели успеха и потому чиновники учебного округа впредь предпочитали вредить ему исподтишка, организуя всевозможные доносы, анонимные статьи, угрозы. Попечитель Казанского учебного округа С. Ф. Спешков с министром просвещения Зенгером решили ликвидировать должность инспектора чувашских школ. Эта идея была про-

[1] Миссионерское обозрение. 1900. Январь. С. 62.

[2] **Рыбаков С.** Духовенство среди крещеных инородцев. //Миссионерское обозрение, 1900, С. 711—722.

[3] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 11. Д. 37. Л. 11 (публикуется впервые).

ведена через Государственный Совет в мае 1903 г. Летом того же года Спешков пригласил к себе Яковлева и объявил: «Вашей должности больше нет!»

Реакция добилась своего, приостановлено было открытие и преобразование новых чувашских школ, в то же время население Поволжья лишилось защитника их родных языков во всевозможных губернских и окружных органах. Вопрос о ликвидации должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа был подготовлен чиновниками Министерства народного просвещения под руководством управляющего Г. Э. Зенгера, ставшего в апреле 1903 г. министром. В 1902 г. он подготовил специальный вопросник в виде анкеты с 12 вопросами для выяснения отношения местного учебного начальства, учителей к системе Н. И. Ильминского (через 12 лет после его смерти). Вопросники поступали в те учебные округа, где применялась система Н. И. Ильминского. Результаты опроса резюмировал попечитель, по-своему ответив на последний вопрос — нужны ли особые инспектора инородческих школ. 25 ноября 1902 г. попечитель Оренбургского учебного округа Ростовцев сообщал Зенгеру: «В настоящее время учебно-окружное управление не подготовлено к тому, чтобы оно могло обойтись без окружного инспектора инородческих школ, т. к. в округе между директорами и инспекторами народных училищ только один обладает практическим и теоретическим знанием инородческих языков»[1]. Попечитель Казанского учебного округа Спешков обосновал необходимость упразднения должности инспектора чувашских школ с точки зрения государственной политики и экономики. «Учреждение особых инородческих инспекторов не может принести ожидаемой пользы в деле просвещения инородцев. Один инспектор для всех чувашских школ и в особенности один инспектор для татарских, киргизских и башкирских школ оказались недостаточными. Чуваши живут в четырех губерниях Казанского учебного округа — в Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской, а татары во всех шести губерниях округа.

В настоящее время почти в каждом уезде имеется свой инспектор. При учреждении должностей директоров и инспекторов народных училищ в Казанском учебном округе ни те, ни другие не были освобождены от заведывания инородческими школами и в их районах. При такой поста-

[1] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 72. Д. 2075. Л. 7 (публикуется впервые).

новке заведования народными училищами существование особых инородческих инспекторов сделалось совершенно излишним. Вследствие чего высочайше утвержденным 27 ноября 1889 г. мнением Государственного Совета должность инспектора татарских, киргизских и башкирских школ, как наиболее неудачная, была упразднена. Должность инспектора чувашских школ, хотя и не была упразднена, но высочайше утвержденным 6 февраля 1890 г. положением о Симбирской чувашской учительской школе инспектор чувашских школ призван был к управлению этой школой. Несомненно, управление учительской школой и интернатом должно было прикрепить деятельность инспектора к определенной местности и еще более затруднить для него исполнение обязанностей по наблюдению за чувашскими школами Казанского учебного округа.

Из вышеизложенного явствует, что существование в настоящее время должности инспектора чувашских школ не только бесполезно, но и нежелательно, ибо эта должность в организации управления начальными народными училищами стоит вне всякой связи с другими органами управления и без определения взаимного с ними отношения и даже без точного определения ее обязанностей. Двойное заведование чувашскими школами в лице директоров народных училищ, с одной стороны, и в лице инспектора чувашских школ, с другой, нередко порождает или недоразумение, или же упущения... Нежелательно существование должности инспектора чувашских школ и по соображениям политического характера. Если сближение инородцев с русским народом составляет задачу государственной важности, то учреждение особой должности инородческого инспектора (чувашского, черемисского и татарского) не соответствует цели, для коей учреждается эта должность. Всякое соединение и сплочение инородцев, разбросанных по разным губерниям в особую единицу, хотя в отношении заведования их школами, скорее будет пробуждать в них национальное чувство и обособленность, чем слиять их с коренным населением империи. Для целей государственных нет даже надобности, чтобы инспектора народных училищ, заведывающие инородческими школами, знали инородческий язык, т. к. преподавание в этих школах должно проходить на государственном языке.

На основании вышеупомянутых фактов и соображений я имею честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство об упразднении должности инспектора чувашских школ и об обращении за утверждением этой должности ок-

лада ее содержания в 3000 рублей на учреждение третьей должности окружного инспектора при управлении Казанского учебного округа»[1].

Спешков просил также учредить особую должность инспектора чувашской учительской школы на одинаковых основаниях с должностью инспектора Казанской татарской учительской школы и об исключении из штата чувашской учительской школы вознаграждения в 200 рублей, которое ныне выдавалось одному из преподавателей, работавшему в качестве помощника инспектора чувашских школ и заведующего чувашской учительской школой.

Зенгер двинул это письмо подальше, вверх. 23 февраля 1903 г. Госконтроль, Департамент гражданской отчетности сообщили Министерству народного просвещения, что они согласны с предложением Казанского учебного округа. 26 февраля Министерство финансов также дало согласие. 10 марта Зенгер составил проект решения по данному вопросу для представления в Государственный Совет. «Существование инородческой инспектуры,—подчеркивал он,—поддерживает в местном инородческом населении сознание обособленности этого населения от русского по самому устройству школ... Нежелательно дальнейшее существование должности инспектора школ и по соображениям общеполитического характера»[2].

Зенгер предложил упразднить должности не только инспектора чувашских школ, но и инспектора инородческих школ Оренбургского учебного округа, что «давало бы экономии 6000 рублей в год».

5 мая 1903 г. общее собрание Госсовета утвердило проект Зенгера, а 19 мая это же решение подписал император Николай II.

Из высших чиновников столицы первым запротестовал против упразднения должностей инспекторов инородческих школ К. П. Победоносцев, тогда еще обер-прокурор Святейшего Синода. 14 августа 1903 г. он написал письмо товарищу (заместителю) министра народного просвещения С. М. Лукьянову. «С глубокой скорбью мы видим, что Министерство народного просвещения признает нужным разорять великое дело инородческих школ в Приволжской области, дело громадного значения для России и народа, дело, возведенное Министерством народного просвещения при гра-

---

[1] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 72. Д. 2075. Л. 9—11 (публикуется впервые).

[2] Там же. Л. 35 (публикуется впервые).

фе Толстом, совокупно с церковным управлением, дело, воспитанное и устроенное человеком великого ума и сердца Н. И. Ильминским. Министерство до сих пор вело его совокупно с нами в полном согласии, и много жертвовало на него своих средств духовное ведомство. Вот это близко было к жизни и сердцу гр[афа] Толстого и И. Дав. Делянова. Ну и вот, видно, исчезла связь со всеми этими преданиями, а в Казани, после всех попечителей, сердечно сочувствовавших этому делу, к сожалению, во главе округа Спешков, прямо делу этому враждебный. И ныне мы узнаем, что конечно, по внушению его уничтожена призванная необходимой для дела должность Симбирского инспектора чувашских школ — старого известного деятеля Яковлева»[1].

Победоносцев как обер-прокурор Св. Синода потребовал объяснить, почему этот вопрос решен без согласования с Синодом. Товарищ министра С. М. Лукьянов ответил, что упразднение должности инспектора чувашских школ не связано с Яковлевым, а есть «естественное последствие развития той системы школьного надзора, которая установлена положением 1874 г. Если г. Яковлев — ныне лицо уже довольно преклонного возраста, еще сохраняет надлежащие силы для должности, то он и впредь найдет способы приложения этих сил. Во всяком случае, по мнению Министерства народного просвещения, нельзя связывать дело устройства инородческого образования, касающегося не одних чуваш, исключительно с существованием лица, посвятившего себя делу просвещения чуваш, но если это лицо полезно, то его подлежит приспособить к новому положению вещей»[2].

Ответ Лукьянова все же не вскрывает причин, приведших к упразднению должности инспектора чувашских школ. С другой стороны, из него явствует, что Спешков сделал все, чтобы лишить И. Я. Яковлева возможности трудиться на поприще народного просвещения. Именно с этой целью им была упразднена также должность заведующего Симбирской чувашской учительской школой. Вместо этого была учреждена должность инспектора этой школы. Причем первым на эту должность округ назначил В. Н. Никифорова (летом 1903 г.), затем И. Я. Яковлева (в начале сентября 1903 г.).

---

[1] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 72. Д. 2075. Л. 86—87 (публикуется впервые).

[2] Там же. Л. 92—93 (публикуется впервые).

К. П. Победоносцев хорошо знал деятельность И. Я. Яковлева: в 1891 г. он посетил Симбирскую чувашскую школу и даже пожертвовал деньги в пользу голодающих крестьян.

Голос протеста К. П. Победоносцева, его позиция в инородческом вопросе вообще имели важное значение в созыве Особого совещания деятелей просвещения национальных меньшинств. Как известно, такое совещание состоялось в 1905 г. Кроме того, министр Зенгер не без вмешательства Победоносцева был изгнан из столицы и направлен в Одесский учебный округ. Министерство народного просвещения внесло в III Госдуму предложение об учреждении с июля 1909 г. 64 новых должностей инспекторов народных училищ в разных губерниях, в том числе в Казанской — 2, в Симбирской — 1. Хотя этот законопроект был принят, но инспектура по национальным школам в Среднем Поволжье не была восстановлена[1]. А после упразднения должности инспектора чувашских школ Казанского губернского учебного округа была введена в том же округе третья должность окружного инспектора, т. е. предложение Спешкова прошло.

И. Я. Яковлев верно определил смысл и цель ликвидации должности инспектора: «Эта мера не представляла из себя чего-нибудь обособленного и вызвана была не соображениями административной техники или денежной экономии, а явилась симптомом усиленно и издалека подготовлявшегося поворота в инородческом деле, с целью изменения тех основных начал, на которых инородческое дело развивалось до сих пор»[2]. По словам Яковлева, в 1868 г. не было двух правильно поставленных чувашских школ, а к 1903 г. их насчитывалось несколько десятков. В этом была и его заслуга. В 1910—1911 годах, по подсчету историка Н. В. Никольского, в Поволжье имелось 926 чувашских школ, из них земских было 307, церковноприходских с миссионерскими — 573, министерских — 46[3].

После ликвидации должности инспектора чувашских школ деятельность Яковлева должна была ограничиться рамками только одной школы — Симбирской. Ликвидация должности окружного инспектора чувашских школ в немалой степени затормозила рост числа школ.

---

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографический отчет 1909 г. Сессия 2-я. Ч. IV.—СПб., 1909. С. 287.

[2] Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. С. 301.

[3] ЦГАОР. Ф. 3964. Оп. 1. Д. 8. Л. 222.

Но решение правительства не осталось незамеченным. Народные учителя, участковые инспектора народных училищ и даже отдельные высокопоставленные петербургские чиновники выражали протесты, требовали восстановления «инородческой» инспектуры.

Будучи инспектором чувашских школ Яковлев принимал участие в различных совещаниях по «инородческим» вопросам. 21—28 августа 1876 г. в Петербурге состоялся III Международный съезд ориенталистов. В дни его работы И. Я. Яковлев встречался со многими учеными. В одной из бесед кто-то спросил: «Что же можно выразить на чувашском языке? У чуваш, наверное, и слов-то нужных нет!» На это Яковлев ответил: «Если, Ваше превосходительство, у человека нет ни мыслей, ни чувств, ни достаточного знания предмета, то и на богатом словами языке он ничего разумного не может высказать. Но если у бедного народа, высокомерно считаемого диким, есть мысли, чувства, совесть и разум, то, поверьте, он сумеет найти и нужные слова для их выражения»[1].

Приходилось вести борьбу не только с представителями великодержавного шовинизма, но и местного национализма. Чувашские националисты обвиняли Яковлева в «русификации» своих сородичей, в «измене родному народу» и т. д. Особенно не понравилось им активное участие Яковлева в переселении безземельных чувашских крестьян в Томскую, Тобольскую, Семипалатинскую и другие сибирские губернии и приглашение русских учителей в чувашскую учительскую школу и сельские училища. Великодержавные шовинисты выступали в печати с крайне оскорбительными и унизительными статьями. В 1880 г. в журнале «Дело» (№ 7) был опубликован фельетон «Яков Иваныч — из чуваш», автор которого (Плавский) называет Симбирскую чувашскую учительскую школу чувашской прогимназией, рассадницей чувашского «сепаратизма», «национализма» и т. д.

По утверждениям русского писателя В. Н. Назарьева и Н. И. Яковлева, младшего сына И. Я. Яковлева, памфлет был написан старшим сыном А. И. Баратынского—Николаем. Он хорошо знал Симбирскую чувашскую школу, И. Я. Яковлева. Н. Баратынский еще в годы учебы в Симбирской духовной семинарии (1871—1874) был активным читателем журнала «Дело». Первый штатный учитель Симбирской чувашской школы В. А. Калашников расска-

[1] Иван Яковлевич Яковлев (1848—1930). Под ред. проф. Ф. Н. Петрова.— Чувашгосиздат, 1948. С. 116.

зывал: «Он предложил мне войти к ним в долю и выписать журнал, тогда самый либеральный — «Дело». Я внес свою долю денег, и скоро мы стали получать толстые тома этого журнала»[1]. Позднее, в годы учебы в университете Н. Баратынский установил тесную связь с редакцией этого журнала, что и помогло ему опубликовать фельетон об И. Я. Яковлеве, о чувашах вообще. В 1892 г. вместе с типографом Бреслиным Баратынский начал издавать газету «Оренбургский край» (1892—1894). И здесь он продолжал писать о чувашах, в частности Уфимской губернии, укорял их, что живут грязно и т. д.[2] В 1895 г. он вернулся к родителям, работал сельским учителем. Авторство Н. Баратынского подтверждается следующими фактами: 1) в тексте А. И. Баратынский (отец Николая) заменен Фаворским, который поддерживает молодого Яковлева, вдохновляет его на дальнейшее учение. 2) Плавский цитирует письма И. Я. Яковлева к А. И. Баратынскому, которые хранятся ныне в архивах чувашского просветителя. После смерти А. И. Баратынского И. Я. Яковлев забрал свои письма к себе.

Подобные анонимные пасквили появились на страницах местных газет Симбирской губернии, авторами которых были руководители чувашских националистов Г. Ф. Алюнов и другие. Алюнов в 1906 г. в газете «Симбирские вести» (№№ 168—169), а затем в 1907 г. в газете «Вести» (№ 6) опубликовал статьи под названиями — соответственно: «О двух генералах» и «Сплошная драма», в которых И. Я. Яковлев изображен деспотом, жестоким человеком по отношению к учащимся своей школы и назван «Ванькой Бешеным», служащим в ведомстве инородческого затемнения».

В 1907 г. в газете «Симбирские вести» (№№ 336, 352, 354) появилась статья Д. Петрова «Современная бурса», в которой Симбирская школа показана как чуждое интересам народа учебное заведение.

Для травли просветителя использовался любой «подходящий» случай. Когда в марте 1907 г. по распоряжению попечителя учебного округа Деревицкого был исключен весь 1 учительский класс за организацию забастовки в Симбирской чувашской школе, педагогический совет школы получил официальное извещение от летучей боевой дружины партии чувашских социал-революционеров, в котором сообщалось о вынесении ими смертного приговора И. Я. Яков-

[1] Известен всей России.—Саратов, 1974. С. 287.
[2] Оренбургский край. 1893. 5 марта.

леву, Д. И. Кочурову, В. Н. Никифорову, Н. Я. Яковлевой. В этом же извещении содержалась угроза: «Рука мстителя отыщет их во всякое время и на всяком месте. Приговор может быть отменен в том случае, если все пострадавшие в нынешнем году будут приняты обратно в школу»[1]. Националисты готовы были прибегнуть к насилию и террору. Еще в январе того же года И. Я. Яковлев получил анонимную записку: «Если даже один из Ваших воспитанников пострадает, то жди вот чего»[2]. К записке была приложена похоронаня принадлежность — венчик, накладываемый верующими на лоб покойного. Есть свидетельства, что исполнение приговора злоумышленники поручили ученику учительского класса Константину Ферулеву[3], который длительное время поддерживал связь с чувашскими социалистами-революционерами.

Чувашские националисты, поддерживаемые и подстрекаемые симбирскими октябристами и кадетами, в течение ряда лет вели усиленную кампанию травли и угроз в адрес И. Я. Яковлева. Только с 1906 по 1912 год ему более 10 раз приходилось защищать себя перед местным и окружным судами от клеветников в печати и их подручных. Процессы были настолько сложны, что для собственной защиты он вынужден был пользоваться услугами знаменитого русского адвоката Ф. Н. Плевако. Впоследствии один из лидеров чувашских националистов Г. Ф. Алюнов, перешедший в годы гражданской войны в стан белогвардейцев, вынужден был признать безуспешность попыток врагов вызвать ненависть трудящихся масс к имени И. Я. Яковлева: «Я должен сознаться, что кампания против Яковлева была в общем неудачна, по крайней мере, по форме... Добился ли я чего-нибудь, этого не знаю, т. к. оторван от той среды, интересы которой я защищал»[4]. Алюнову же принадлежит анонимная брошюра «Легендарный чувашский юбиляр» с приложением очерка Плавского «Яков Иваныч — из чуваш» (Казань, 1911), где он голословно приписал И. Я. Яковлеву подражательство Ильминскому. Алюнов приветствовал упразднение должности инспектора чувашских школ. Фактически он и его компания своими действиями скатывались на позиции реакционеров и потому не могли получить поддержки со

---

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7567. Л. 26.

[2] Там же. Л. 24.

[3] Он носил при себе револьвер. Однако вскоре это было обнаружено, и Ферулева немедленно удалили из школы (ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7567. Л. 30).

[4] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. Д. 6. Л. 2.

стороны народа. Некоторые из первых чувашских националистов впоследствии отказались от своих взглядов на деятельность Яковлева. Например, Д. Петров, но он впал в другую крайность — начал безмерно восхвалять его, называя «национальным гением, героем». Г. Ф. Алюнов также отказался от своих высказываний. Об этом в 1972—1974 гг. рассказала мне А. В. Никольская. В те годы она была уже в преклонном возрасте, но память сохранилась, жила она одна на улице Баумана, в центре Казани. В это время я усиленно занимался в архивах города, а вечерами захаживал к А. В. Никольской для выяснения многих вопросов. Иногда я помогал ей покупками продуктов. Я много расспрашивал у нее о том времени, о лидерах ЧНО, об Алюнове и других. По ее словам, в 1919 г. Алюнов находился в тюрьме, так как оказался на стороне белых. Никольские часто навещали его, приносили продукты, одежду. При последней встрече Алюнов просил А. В. Никольскую передать Яковлеву свою просьбу о ходатайствовании об освобождении из тюрьмы. Яковлев не держал зла на своего ученика и начал собирать документы в защиту Алюнова, но не успел. Алюнова расстреляли в 1919 г.

Во время этой же встречи Алюнов каялся в своих ошибках, просил сказать об этом Яковлеву и простить за все. По словам Никольской, когда время свидания кончилось и солдаты уводили Алюнова в камеру, он продолжал кричать: «Передайте Ивану Яковлевичу...» А. В. Никольская рассказала обо всем этом Ивану Яковлевичу. Услышав это, Яковлев долго молчал, а потом заявил: «Талантливый человек был, хотел я его видеть ученым, а пошел вон куда!»

Потерпели полное поражение в 1918—1920 гг. и лидеры чувашских националистов А. П. Прокопьев, С. Н. Николаев и другие, усилившие свои нападки на И. Я. Яковлева в годы гражданской войны. Телеграммы В. И. Ленина и постановление Совета Народных Комиссаров с подписью основателя Советского государства о назначении усиленной пенсии гарантировали Яковлеву заслуженный отдых до конца жизни.

И. Я. Яковлев был не только опытным педагогом-новатором, известным земским, но и крупным общественным деятелем. Он занимал более 30 служебных и почетных должностей.

Особенно активизировалась его общественно-просветительная деятельность после упразднения должности инспектора чувашских школ. Он не переставал поддерживать деловые связи с учителями сельских школ, в необходимых случаях оказывал им помощь в строительстве и ремонте зда-

ний, снабжал новыми учебниками и учебно-педагогической литературой. К нему обращались по самым различным вопросам. Он всегда готов был помочь, в своих письмах нередко предлагал не стесняться и обращаться к нему во всех тех случаях, где потребуются разъяснения с его стороны. В архивах сохранились письма крестьян, учителей к И. Я. Яковлеву, материалы его переписки с учреждениями и частными лицами по учебным, хозяйственным, служебным делам. Вот несколько фактов вмешательства Яковлева в дело обиженных сородичей.

Настоятельница Александровской женской общины выселила из общежития трех чувашей. Яковлев добился вселения их через Казанскую судебную палату.

В 1905 г. из деревни Тоншерма Тетюшского уезда он получил сообщение о беззаконии помещицы Н. В. Терениной, которая, пользуясь поддержкой местных властей, отняла у крестьян часть земли. Яковлев лично ездил к помещице, пытался доказать правоту крестьян, но безуспешно. Тогда он нанял адвоката Н. И. Миролюбова и через суд добился того, что незаконно отнятые земельные участки были возвращены крестьянам. Своему адвокату он писал: «Земля крестьян дер. Тоншермы граничила с владениями Терениной, которая совершенно произвольно и вопреки плану владельной записи оттянула у них, хотя и небольшой, вообще, но имеющий немаловажное значение для бедных крестьян кусок земли около 8 десятин»[1]. Вопиющая несправедливость, существовавшая более 30 лет, прекратилась благодаря решительным действиям И. Я. Яковлева. Он вспоминал: «В Симбирске с 1887 по 1893 годы был губернатором М. Н. Теренин. Жена его, Надежда Валериановна, его пережившая, отличалась чванством, самодурством, крепостническими наклонностями.

Имение Терениной Яшевка (Тетюшского уезда Казанской губернии) примыкало к имению мужа ее Кияти (Буинского уезда Симбирской губернии). После смерти мужа Теренина захватила около 15 десятин у чувашей-крестьян соседней деревни Тетюшского уезда Тончерино, присоединив к своему имению Яшевка. Так как чуваши, иногда самых отдаленных мест, привыкли обращаться ко мне за помощью в случаях, если их кто-либо обижал, то и теперь крестьяне этой деревни прислали ко мне уполномоченного ходока с планами и документами, рассмотрев которые, я как бывший мерщик пришел к заключению, что крестьяне пра-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 468. Л. 2.

вы, что Теренина их обижает. Тогда мною было написано Н. В. Терениной письмо, в котором я писал ей в вежливой форме о том, что мужики в данном случае правы, что судиться с ней я им не советую, рассчитывая на то, что она сама, убедясь в своей ошибке, не захочет обижать крестьян, удовлетворит их справедливое требование и т. д. (К письму я приложил и копию крестьянского плана.) Все это было послано Терениной в имение мужа, где она тогда жила.

Прошло довольно много времени. Наконец губернаторша приехала и остановилась в Симбирске у дочери своей, бывшей замужем за Николаем Федоровичем Беляковым. Теренина приглашает меня к себе туда. Являюсь. Вхожу. Застаю Теренину и другую, ее дочь, девицу. Теренина сидит такая важная, надутая. Она не приглашает меня садиться, кивком головы отвечает на мой поклон и не подает мне руки. Так что я все время моего объяснения простоял. Едва я вошел, как она начинает бранить меня за мое вмешательство в ее тяжбу с крестьянами, грозит, что напишет на меня В. К. Саблеру и другим лицам, которых знает, и т. п. Выслушав ее, я говорю: «Эко удивительно, что вы, имея связи, сумеете отомстить, повредить. Я не удивляюсь... Вредить ничего не стоит. Недаром в отместку ваш хлеб в имении сожгли крестьяне... Вы меня за этим только и призвали?..» — «Только за этим». Тогда я молча повернулся и ушел, с ней не прощаясь. Писала ли она на меня кому-либо жалобу и кому — мне неизвестно. Последствий же эта история для меня не имела. Удовлетворить крестьян Теренина отказалась»[1].

В 1897 г. по просьбе крестьян деревни Старое Ганькино Самарской губернии он взялся за расследование сложного и запутанного дела. Еще в 1840 г. по неизвестной причине ганькинцы лишились большого участка земли с дубовым лесом. Трижды они обращались к царю с прошениями и каждый раз оставались без ответа. Это обстоятельство придавало ганькинскому делу загадочный характер. Тем не менее Яковлев вместе со своим поверенным постепенно распутывал его как длинную нить со множеством узелков. Это дело стоило ему более 1000 рублей, истраченных на получение плана, документов и пр. Однако дело не удалось выиграть, довести до благополучного для крестьян решения, так как этому помешал министр финансов С. Ю. Витте, дав заключение, что не согласен идти навстречу крестьянам[2].

---

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 139—140.
[2] Там же. С. 119.

В 1888 г. при размежевании земель крестьяне села Мусирмы Цивильского уезда и Старо-Урмарского сельского общества оказали сопротивление представителям власти, за что 50 крестьян были арестованы, 17 человек — приговорены к смертной казни. И. Я. Яковлев добился освобождения крестьян и отмены смертного приговора.

По просьбам жителей различных деревень Яковлев проверял налоговый сбор, вкладывал их деньги в банк, возбуждал против злоумышленников судебные дела и т. д. «1893 г., февраля 12 дня, я, нижеподписавшийся коллежский секретарь Иван Яковлев,—говорится в одном из документов,—дал сию расписку уполномоченным от общества крестьян д. Новых Алгашей Николаю Яковлевичу и Никите Алексеевичу в том, что я, Яковлев, получил от них деньги сто сорок три рубля (143), из них 130 руб. на капитал... Деньги эти я, Яковлев, обязуюсь вложить в Симбирский городской общественный банк или же приобрести на них процентные бумаги»[1].

В 1890 г. в Поволжье был неурожай, а последующие три года здесь свирепствовала эпидемия холеры. Ежедневно смерть уносила несколько сот жителей, особенно страдали дети. Известный чувашский писатель-педагог Г. А. Кореньков, живший в те же годы на Волге, вспоминал: «Хорошо помню жуткие 1891—1892 годы, когда по берегам Волги валялись трупы умерших от холеры; помню также, как в те годы перевелись раки в этой великой реке»[2]. В эти годы Яковлев со своими учениками и единомышленниками, благодаря помощи земств, развернул широкую кампанию по сбору средств в пользу голодающих больных. В Симбирской чувашской школе установили такой порядок, при котором все ее почетные посетители —такими были бывшие воспитанники, теперь уже учителя—вносили определенные суммы в фонд помощи голодающим.

Приехавший сюда в июле 1891 г. К. П. Победоносцев не смел нарушить установленный в эти трагические годы порядок школы и тоже внес 200 рублей. В помощь голодным и нищим И. Я. Яковлев и другие учителя ежемесячно отчисляли 2% из своего жалованья. В архивах хранятся подписные листы, списки и другие документы, свидетельствующие о бескорыстной помощи всего коллектива Симбирской чувашской школы многодетным семьям, больным и нищим. На собранные школой средства уездные земства и

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 501. Оп. 1. Д. 57. Л. 12.
[2] Из личного архива автора книги.

учителя покупали муку и раздавали ее детям по 30 фунтов в месяц, причем правильность выдачи проверял лично Иван Яковлевич.

Многие крестьяне, зная щедрость Ивана Яковлевича, приходили к нему в Симбирск из дальних деревень. Летом 1891 г. явился к нему крестьянин А. Р. Романов. В удостоверении личности, выданном Белярским волостным правлением Ставропольского уезда Самарской губернии, было сказано, что Романов очень беден, что «в пожаре, бывшем в пригороде Большой Яр 2 июля с. г., сгорели у него дом и имущество, в числе 280 домов, так что Романов в настоящее время живет на квартире с четырьмя малолетними детьми и пришел в самое бедственное и жалкое положение»[1]. Через несколько дней после прихода Романова, 17 августа, в Симбирск пришел крестьянин-батрак С. Некрасов, у которого тоже «сгорел дом, в такое трагическое время нечего есть, жить негде, надеть нечего и купить не на что»[2].

Яковлев оказывал единовременную помощь крестьянам-ходокам. Но не ограничивался этим, а задумывался над тем, как предупредить пожары в деревнях, как производить такой строительный материал, который был бы дешев и одновременно огнеупорен. Чтобы ознакомиться с производством такого материала, он даже направил выпускников чувашской школы Е. Сорокина, М. Скалкина и рабочего школьной фермы С. Хотеева в Нижний Новгород на Всероссийскую промышленную выставку. В ее XVII-м отделе демонстрировались образцы новых видов несгораемых построек. Командированным предстояло здесь работать почти год. «Вы должны усвоить технику означенных построек,—писал им И. Я. Яковлев 3 июня 1895 г.,—дабы впоследствии, заняв штат учителя в селе, могли познакомить с ними крестьян и учеников сельских школ»[3].

В 1896 г. командированные, вернувшись в Симбирск, представили Яковлеву подробное описание процесса изготовления саманного кирпича и строительства глинобитного и решеточного дома, чамурной (несгораемой глиносоломенной) постройки и глино-плетневого дома. Скалкин, Сорокин и Хотеев писали, что изготовление саманного кирпича доступно каждому крестьянину. По просьбе Буинской уездной земской управы Скалкин был назначен учителем в село Новые Айбеси, а Сорокина пригласили в Курмышский

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 91. Л. 86
[2] Там же. Л. 70.
[3] Там же. Д. 160. Л. 4.

уезд; оба передавали крестьянам опыт по сооружению различных построек из несгораемых материалов. В 1896 г. Яковлев на Всероссийской промышленной выставке сам увидел огнестойкие постройки. В 1898 г. вместе со всеми учениками он перевел и выпустил на чувашском языке брошюру о строительстве несгораемых крыш. Скалкин научился делать кафель для печей и черепицы для крыш, но его забрал к себе, в свое имение, предводитель дворянства Симбирской губернии В. Н. Поливанов. Летом 1914 г. Яковлев запланировал строительство небольшого кирпично-черепичного завода на территории фермы школы с целью распространения опыта по подготовке несгораемых, огнеупорных строительных материалов и производству огнеупорных построек. Однако начавшаяся империалистическая война помешала осуществлению плана.

В 1877 г. он организовал в Симбирской чувашской школе сбор средств в пользу раненых и детей воинов, погибших в русско-турецкой войне: сам лично внес 7 руб. 50 коп., учителя — 5 руб. 50 коп., учащиеся — 1 руб. 2 коп., И. Н. Ульянов — 10 руб[1]. Когда же в следующем году Министерство народного просвещения распространило подписные листы по сбору средств на приобретение крейсеров для русского флота царской армии (ежемесячно листы печатались в «Циркулярах по Казанскому учебному округу»), в этих списках не было фамилии ни И. Н. Ульянова, ни И. Я. Яковлева.

В архивах хранится «Подписной лист для спасения больных и раненых», начатый 1 июня 1877 г. в Симбирской чувашской школе. И. Я. Яковлев внес 13 рублей, Н. М. Охотников (ученик) — 10 коп., Д. Ф. Филимонов — 1 р. 25 коп.[2]

В подготовке технических специалистов большую роль сыграли столярные и сапожные мастерские, открытые И. Я. Яковлевым во всех чувашских двухклассных училищах. В 1903 г. таких училищ насчитывалось 15. В мастерских учащиеся шили для себя обувь, изготовляли табуретки, столы, оконные рамы и другие предметы. Некоторые мастерские выполняли заказы крестьян. Особенно выделялась мастерская при Кошкинском двухклассном училище Буинского уезда, на базе которой возник прославившийся во всей Симбирской губернии кружок трудовой помощи крестьянам. В 1889 г. И. Я. Яковлев организовал здесь для взрослого населения кружок трудовой помощи, где крестьяне из мест-

[1] Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1877. № 4. С. 311.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

ного и окрестного населения обучались столярному, кузнечному и токарному ремеслам. Еще в 1880 г. при этой школе была устроена кузница «с целью обучать местных крестьян кузнечному делу, но с правом принимать заказы и производить кузнечные и слесарные работы из собственного материала»[1]. В кружке трудовой помощи ежегодно обучалось около 20 крестьян, занимавшихся по 11 часов в день в те же месяцы, что и школьники. Срок обучения, в зависимости от успеваемости и прилежания слушателей, продолжался 1—2 года, после чего выдержавшие установленное испытание получали свидетельство профессионального столяра или слесаря. Преподавателями сначала работали специалисты из Симбирска, затем бывшие слушатели того же кружка. Кружок содержался на членские взносы, получаемые за обучение профессиональным умениям, на доходы от реализации продукции мастерских, от выполнения хозрасчетных договоров, на средства, собранные по подписным листам.

В конце XIX в. в больших городах Поволжья возникли народные университеты. В 1894 г. либерально настроенные профессора Казанского университета организовали для просвещения взрослого населения публичные лекции, о чем широко писали в педагогической печати[2]. В 1899 г. на своей родине Яковлев организовал народный университет технических знаний (кружок трудовой помощи), в котором обучались крестьяне многих деревень, старшие учащиеся двухклассного местного училища. В 1905 г. в Кошках-Новотимбаеве проживали: столяры — 8; пильщики—5; шерсточесальщики—2; кузнецы—1; слесаря—2; портные—1; сапожники—2 и т. д.[3]. Для своей родины И. Я. Яковлев сделал очень много: открыл мужское и женское училища с учебно-производственными мастерскими, церковь, почтовое отделение, кузницу, ясли (сезонные), общественную столовую. Им же было запланировано организовать сельскохозяйственную школу, фельдшерский пункт и базар, но по разным причинам, не зависящим от него, реализовать намеченное не удалось.

Когда кружок достиг значительных успехов в подготовке технических кадров из числа местных крестьян, Буинское уездное земское собрание стало ежегодно ассигновать

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4. Л. 141.

[2] См. **Локтин А.** Народные университеты в провинции //Русская школа. 1907. № 12.

[3] **Воробьев А.** Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии.— Симбирск, 1916. С. 90.

определенные суммы (100—200 рублей) на содержание его младших учеников. В числе добровольно жертвовавших в пользу кружка был сам И. Я. Яковлев. Он призывал представителей дворянства, земских деятелей поддерживать кружок материально, например, просил заведовать кружком В. Л. Персиянова, занявшего позднее должность председателя Буинской уездной земской управы. Благодаря поддержке некоторых земских деятелей материальная база кружка значительно укрепилась; в частности, было построено общежитие для его учеников.

Кружок имел свою библиотеку, земельный участок. Здесь изготовляли и ремонтировали улья разных конструкций, мебель, сельскохозяйственные орудия и другие предметы быта, от реализации которых впоследствии кружок получал большие доходы, поступившие в кассу трудовой помощи и в фонд поощрения старших учеников. Кружок помогал неимущим крестьянам в планировании хозяйства, в строительстве домов, выдавал им деньги в кредит.

В январе 1907 г. Яковлев представил в учебный округ проект дальнейшего развития общественной трудовой помощи населению Буинского и Курмышского уездов Симбирской губернии. В нем он предлагал построить при сельских школах здания для мастерских и указал 12 населенных пунктов, занятых русскими, чувашами, мордвой и татарами, где необходимо было организовать общественную трудовую помощь. Но учебный округ не поддержал этого проекта.

И. Я. Яковлев принял деятельное участие в покупке для чувашских, русских и мордовских крестьян более 5 тысяч десятин земли, на что им было затрачено немало личных средств. Летом 1906 г. он помог мордовским крестьянам села Старые Сулеметевки приобрести 60 десятин земли.

Еще в 1908 г. при посредничестве Яковлева приобрели земли крестьянские общества: 1) с. Кошек — 1186 десятин, 2) с. Рунгино и Отрадино—430 десятин, 3) с. Большие Аксы (русские и чуваши)—700 десятин, 4) дер. Еково 400 десятин, 5) с. Кильны (русские) — 225 десятин, 6) с. Старое Кульментево (русские) — 41 десятину, 7) с. Средние Алгаши — 46 десятин, 8) с. Пимурзино — 520 десятин, 9) с. Богдашкино — 220 десятин, 10) дер. Нижние Тимерсяны—500 десятин (сб. «На память о 40-летии Симбирской чувашской школы». Симбирск. 1910. С. 98). В 1911 г. Яковлев помог женской трудовой общине с. Медянка Курмышского уезда приобрести более 20 десятин земли[1].

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 858.

Об участии Яковлева в покупке земель крестьяне рассказывали: «Он при первой возможности сам приезжал к нам, чтобы поговорить с хозяином об условиях продажи, не раз и не два бывал вместе с нами в отделении Крестьянского поземельного банка и ходатайствовал за нас. Хотя дело наше надолго затянулось, он всегда с любовью принимал нас у себя, не обращая внимания на наши грязные лапти. Полагаясь на него, некоторые из нас не побоялись даже лишиться последних овец и коров, чтобы накопить к означенному сроку нужные для уплаты за землю деньги»[1]. Для крестьянских обществ Яковлев выписал из Германии четырехлемешный плуг «Идеал», из Америки — насос «Ниагара» и т. д. По его воспоминаниям, сначала крестьяне отказывались от покупки даже одно- и двухлемешных плугов, ссылаясь на слабость своих лошадей, но к концу XIX в. они признали эти орудия и поняли их большое преимущество перед сохой. Только тогда крестьяне сами начали выписывать плуги.

Яковлев иногда отдавал в аренду русским крестьянам деревень Белый Ключ, Кременюк Симбирского уезда земельные участки, принадлежавшие школе, и луга на один укос. Те же крестьяне охраняли ферму Симбирской чувашской школы. К 1912 году он имел в личной собственности около 44 десятин земли в окрестностях села Старые Айбеси и деревни Мордовские Тюки Буинского уезда, которую отдавал за небольшую плату в пользование на ряд лет чувашским и мордовским крестьянам этих населенных пунктов.

Крестьяне благодарили Яковлева за организацию бесплатных библиотек, народных читален при начальных училищах в Средних Тимерсянах, Новых Алгашах, Кошках-Новотимбаеве и других населенных пунктах. В 1884 г. по просьбе мордовских и чувашских крестьян Самарской губернии Яковлев организовал при сельских школах несколько народных библиотек, выхлопотал 100 рублей на приобретение книг, сам же составил и представил попечителю учебного округа «список книг на мордовском и чувашском языках, потребуемых для инородческих училищ Самарской губернии...»[2]

Большую заботу он проявлял прежде всего о нуждах родного ему уезда. Местная земская газета отмечала: «... г. Яковлев особенно заботливо относится к образованию ино-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 602.
[2] Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 16. Л. 89.

родцев Буинского уезда. Сообразно с субсидией в 600 рублей, получаемой от Буинского земства, может содержаться в Симбирской чувашской школе 12 воспитанников буинских, между тем число их доходит до 30, на содержание которых, за недостатком имеющихся средств, г. Яковлев жертвует собственные деньги в довольно значительном размере. Постановлено: согласно докладу управы, г. Яковлеву выразить искреннюю благодарность земства Буинского уезда»[1].

Непосредственное знакомство Ивана Яковлевича с крестьянским бытом привело его к мысли о необходимости учреждения в каждом уезде особых юрисконсультов, которые специально руководили бы крестьянами в ведении ими дел как гражданских, так и уголовных. Земство не поддержало эту идею.

В 1905 г. Яковлев собрал в своей школе 80 рублей в пользу Красного Креста и детей-сирот, родители которых погибли в русско-японской войне. В то же время он ходатайствовал перед учебным округом об устройстве в Симбирскую школу детей солдат. Действительно в школу было принято несколько солдатских детей-сирот.

В 1911—1912 годах в Волжско-Камском крае свирепствовала засуха, в результате чего только в Белебеевском уезде Уфимской губернии голодало более пятнадцати тысяч детей[2]. Не лучше обстояло дело и во многих центральных губерниях России. Именно в эти годы в одном из залов музея Петербурга появилась известная картина Н. П. Богданова-Бельского «У дверей школы». Особенно страдали «инородческие» губернии Поволжья. Многие школы были закрыты. В эти годы крестьяне писали Яковлеву: «Опять недород, опять голод, опять долги... Наше благосостояние настолько пошатнулось, что мы совсем обнищали и содержать на свои средства обучающихся дочерей не можем. А посему усерднейше просим Вас, не признаете ли возможным деньги за содержание наших детей взыскать впоследствии из их жалованья, когда они по окончании курса займут учительские места[3].

Для оказания помощи голодающим детям и с целью приостановить закрытие школ Яковлев организовал общественные столовые в сельских населенных пунктах и прежде всего в наиболее многонациональном уезде Симбирской губернии — Буинском. С осени 1911 и до конца 1912 года по этому вопросу он вел активную переписку с учебным ок-

[1] Симбирская земская газета. 1880. 17 августа.
[2] Русская школа. 1912. № 3. С. 77.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 901. Л. 15.

ругом, с Министерством народного просвещения, а также с разными благотворительными обществами Петербурга и Москвы. Весною 1912 года Яковлев добивается от Московского общества грамотности выделения на организацию помощи голодающим детям родного края 3000 рублей.

Московское общество грамотности назначило Яковлева своим уполномоченным по организации школьных столовых в Буинском уезде, где в 1912 г. было более 30 «инородческих» училищ из 142 по всей губернии. Буинское земство приветствовало благородное стремление Яковлева и оказывало ему всяческое содействие.

Общество грамотности образовало особую комиссию по организации столовых в населенных пунктах Буинского уезда. В конце апреля Яковлеву сообщили из Москвы: «Комиссия по организации столовых выражает уверенность, что благодаря Вашему знакомству с местными условиями и сочувственному отношению к устройству школьных столовых дело это в Буинском уезде получит наиболее целесообразное развитие»[1]. Эти столовые, организованные по инициативе и под руководством И. Я. Яковлева совместно с земством, сыграли значительную роль в спасении детей от голодной смерти, в возобновлении деятельности закрытых сельских школ. Следить за их работой Яковлев поручил своим бывшим ученикам — учителям народных училищ Буинского уезда, с которыми он поддерживал постоянную связь.

К Яковлеву обращались за советами даже земские деятели. В селе Средние Алгаши земство открыло женское училище, но родители не отпускали своих дочерей учиться. Земство обратилось к Яковлеву: «Что надобно делать в данном случае?.. просим Вашего совета по этому предмету»[2]. К нему поступали письма с различными вопросами. Так, чувашские крестьяне, переселившиеся при его содействии в Сибирь, в 1907 г. просили сообщить, будет ли дальше издаваться газета «Хыпар» (Весть). 3 февраля 1907 г. И. Я. Яковлев ответил им, что издание «Хыпар» приостановлено на неопределенное время.

Газета «Симбирянин» (1907, № 327) опубликовала рецензию некоего Романова на 5 книжечек чувашских народных сказок, собранных И. Юркиным, в которой особо было подчеркнуто: «Издания эти... являются дополнением к освободительным листкам и рассчитаны на развращение

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 934. Л. 7.
[2] Там же Ф. 501. Оп. 1. Д. 23. Л. 23.

нравственности мирных и трудолюбивых чуваш». Губернское начальство потребовало от Яковлева внести ясность в политическую оценку брошюр Юркина, изданных на чувашском языке. В своем официальном ответе Яковлев писал: «С этим мнением г. Романова я совершенно не согласен. По моему мнению, Юркин вовсе не задавался какими-либо пропагандистскими целями, а просто неумело собрал и неумело издал некоторые чувашские народные произведения, примешав к ним, и тем обесценил их, частью кое-что переведенное, а частью, может быть, даже и свое собственное. На эти сказки, которые, повторяю, не сочинены Юркиным, а по-видимому, записаны со слов народа, и указывает г. Романов, называя их «дикими описаниями братоубийства, матереубийства и прелестей двоеженства!» Чего нет в русских сказках? Стоит только развернуть сборник сказок А. Н. Афанасьева, чтобы убедиться в этом. А главное то, что нигде нет выражения со стороны Юркина сочувствия всему этому, нигде не встречается даже его суждений по поводу этих сказок.

Вообще ничего предосудительного в брошюрах Юркина я не нахожу и уж совершенно не усматриваю никакой связи с теми «освободительными листками», на которые указывает г. Романов»[1].

С политической принципиальностью рассеял Яковлев сомнения губернского начальства в благонадежности чувашского писателя-самоучки, благодаря чему изданные брошюры не были изъяты, а стали достоянием народа.

Яковлеву приходилось защищать книги не только отдельных писателей, но и целых народов. Так, 23 декабря 1897 г. из Казанского учебного округа на его имя прислали такое отношение: «Попечитель Черногородской бесплатной народной читальни им. А. С. Дорошенко обратился в Учебный комитет Министерства народного просвещения с просьбой о допущении в означенную читальню некоторых книг на армянском языке.

При рассмотрении настоящего ходатайства в особом отделе Ученого комитета возник общий вопрос о том, насколько представляется уместным и полезным допущение к обращению в народных читальнях книг на местных инородческих наречиях. При этом, ввиду важного значения вопроса и желательности всестороннего рассмотрения его, особый отдел полагал, предварительно до окончательного разрешения дела, передать означенный вопрос на обсуждение со-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 577. Л. 10.

ветов, состоящих при попечителях учебных округов.

Вследствие приложения г. министра народного просвещения от минувшего 3 сентября за № 26302, препровождая при сем в копии выписку из журнала Ученого комитета министерства за № 643, заключающую суждения членов особого отдела по изъясненному предмету, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сообщить по настоящему предмету Ваше заключение с возвращением приложения»[1].

«...Такое допущение,—подчеркивается в выписке,—могло бы неблагоприятно отразиться на народных читальнях наших окраин в том отношении, что материал для чтения в них легче и прежде всего пополнялся бы сочинениями на местных инородческих наречиях, а уже затем на русском языке, что нежелательно»[2]. Такое допущение книг на «инородческих» языках в народные читальни «препятствовало бы ускорению среди туземного населения языка государственного, а наблюдение за читальнями сделалось бы весьма затруднительным»[3].

Управление Казанского учебного округа, куда входило множество народностей, просило Яковлева как опытного, крупного специалиста по «инородческим» вопросам Поволжья дать официальное заключение по этому вопросу. 28 февраля 1898 года он без колебаний ответил, что нужные народу книги «беспрепятственно и с пользою могут быть допущены в народные читальни, которые, конечно, со временем будут открываться и среди чувашского населения»[4]. Этот ответ во многом характеризует Яковлева как поборника дружбы между народами и верного защитника их национальных и культурных интересов в условиях царизма.

И. Я. Яковлев как просветитель и общественный деятель защищал интересы трудового народа не только словами, но и практическими делами в самых различных формах, для чего ему приходилось преодолевать царскую бюрократию, действия реакционных чиновников в низших и высших инстанциях, жертвовать немало личных средств. Министерство не выделяло средств на строительство новых учебных заведений, приходилось самому изыскивать возможности. В 1879 г. Яковлев построил себе в кредит деревянный флигель, а затем передал его в распоряжение муж-

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 202. Лл. 8—9.
[2] Там же. Л. 10.
[3] Там же. Д. 202. Л. 10.
[4] Там же. Л. 11.

ского училища при Симбирской Центральной чувашской школе. После получения собственного здания оно стало самостоятельным учебным заведением. В 1884 г. И. Я. Яковлев построил «для своей семьи» в долг трехэтажное здание, где разместились женское отделение и первый класс мужского училища. Здесь же для нужд школы он открыл фельдшерский пункт и аптеку. В 1891 г. благодаря щедрой помощи И. Я. Яковлева и Е. А. Яковлевой женское отделение преобразовалось в училище, а в 1901 г. были открыты женские педагогические курсы. Организовав два самостоятельных учебных заведения для девочек, в 1906 г. Яковлев все же добился компенсации всех расходов, затраченных на строительство трехэтажного дома и устройство сада вокруг него. Эта сумма (более 30 тыс. рублей) впоследствии понадобилась для организации дома отдыха для воспитанниц Симбирской чувашской школы, построенного на его земле на реке Варак-Сарк Буинского уезда. В этом красивом уголке природы позднее организовалась сельскохозяйственная трудовая община женщин-одиночек и инвалидок. Они принимали посильное участие в сельскохозяйственном производстве. В ее распоряжении находились более 30 десятин земли, водяная мельница и хозяйственные постройки.

Женское трудовое общежитие финансировалось Святодуховским братством, организованным Яковлевым в 1898 г. при домовой церкви Симбирской чувашской школы. Братство преследовало прежде всего религиозные цели в воспитании учащихся, но призвано было также заботиться «об оказании им материальной и медицинской помощи, как во время учения, так и по окончании его»[1]. С целью укрепления материального положения своей школы И. Я. Яковлев привлекал в члены этого общества высокопоставленных чиновников губернского управления, слушателей церковного ведомства и учителей, побуждал их к пожертвованиям. К 1917 г. оно располагало капиталом около 10 тысяч рублей. Средства братства использовались также на содержание в школе бедных учащихся, на лечение больных воспитанников.

В 1899 г. ученику М. Игнатьеву для кумысного лечения выдали 40 руб., на грязелечение были направлены в Астраханскую губернию: в 1908 г. П. Искандеров, 1913 г. О. Васильева, в 1910 г. ученица женского училища К. П. Ива-

[1] Устав Православного Святодуховского братства при церкви Симбирской чувашской школы и женского при ней училища.—Симбирск, 1898. С. 3.

нова лечилась в Москве, живя около месяца у дочери И. Я. Яковлева Лидии Некрасовой[1].

В начале 900-х годов на средства того же братства Яковлев пытался организовать в своей школе лечебный пункт. В ней к этому времени обучалось около 200 учащихся и работал штатный врач, преподававший школьную гигиену. Учебный округ не разрешил открыть больницу даже тогда, когда число обучающихся в школе достигло более 350 человек. Отсутствие больницы и лечащего врача в школе затрудняло борьбу с болезнями учащихся, особенно трахомой, которая ежегодно заносилась в школу с вновь поступавшими. Больным этой болезнью делались прижигания, и болезнь частично излечивалась. В остальных случаях учащихся лечили в земских больницах за высокую плату, на что ежегодно уходило много средств.

В других подобных учебных заведениях, например, в Бирской учительской школе, существовали больницы. И. Я. Яковлев много раз пытался организовать больницу, но учебный округ запрещал.

Яковлев, как истинный гуманист, заботился о военнопленных. В 1915—1917 годах на ферме Симбирской чувашской школы работали военнопленные итальянцы, хорваты, чехи, немцы из Германии и Австрии, представители других национальностей Западной Европы. Он требовал от подсобных рабочих гуманного обращения с пленными, лично проверял условия их жизни на ферме, больных отправлял в больницу или вызывал к ним врача. За добросовестную работу он выдавал военнопленным вознаграждение, например, в декабре 1915 г. итальянцы Гунзе Мио, Антон Шулигай, Комар Эмедио, Антон Ружич, чех Петр Чепец, хорват Богумил Вашичек получили по шесть рублей каждый. Яковлев часто беседовал с военнопленными, рассказывал им о своих служебных поездках по странам Западной Европы, где его интересовали прежде всего постановка учебно-воспитательной работы в народных школах, подготовка учителей в семинариях.

В 1910—1915 гг. И. Я. Яковлев принимал активное участие в строительстве Гончаровского дома в Симбирске. В 1911—1912 гг. он входил в состав жюри конкурса. В строительстве этого дома участвовали также учащиеся Симбирской чувашской учительской школы, столярные работы выполнялись в ее мастерских.

В 1915 г. он решил организовать приют для детей во-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 287. 626. 740.

инов и инвалидов империалистической войны. Ему удалось уговорить московских купцов Коншиных выделить 20 тысяч рублей. И. Я. Яковлев обратился в департамент Министерства народного просвещения, чтобы найти поддержку своему начинанию. По предложению департамента Яковлевым был выработан в общих чертах воспитательно-образовательный план для приюта на 120 питомцев. В нем должны были жить инвалиды войны, для которых намечалось строительство ремесленных мастерских и сельскохозяйственной фермы. Он хотел «организовать приют — земледельческую колонию на строго трудовых началах с самым скромным крестьянским укладом призреваемых, но с энергично поставленными на первый план образовательными и воспитательными задачами»[1].

В 1916 г. Яковлев добился согласия московских богачей А. Ф. Дерюжинского и Н. А. Цветкова пожертвовать средства на строительство зданий и мастерских для приюта, а от Министерства земледелия и Главного управления уделов выхлопотал 136 десятин земли.

Идея Яковлева об организации приюта поддерживалась общественностью и после Великой Октябрьской революции. Весною 1918 г. Центральный чувашский совет «Канаш» просил его ускорить это дело, на что Яковлев ответил: «В настоящее время меня удаляют от исполнения должности директора Чувашской учительской семинарии. Это обстоятельство ставит меня в невозможность принять какое-либо активное участие в устройстве приютов для детей и мастерских для инвалидов. Не найдется ли среди членов «Канаш» бескорыстного человека, который с преданностью занялся бы устройством приютов и мастерских, изучил бы этот вопрос основательно, я же со своей стороны всегда готов помочь чем и как могу»[2].

Но организовать приют Яковлеву так и не удалось: началась гражданская война в Поволжье. В дальнейшем он продолжал участвовать в культурно-просветительных мероприятиях. 14 мая 1918 г. в Казани в актовом зале мужского коммерческого училища заседал I Общечувашский съезд учащих, где Яковлев выступил с докладом на тему: «Основные принципы школьного воспитания чуваш». На съезде чувашского духовенства и мирян, происходившем в том же городе с 20 по 24 мая 1918 г., сделал сообщение на тему: «История перевода на чувашский язык священных и бого-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1156. Л. 62.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

служебных книг»[1]. Это были последние выступления Яковлева перед общественностью, проходившие накануне его 70-летия.

В начале ноября 1918 г. И. Я. Яковлев принимал участие в работе совещания представителей мелких народностей Поволжья в Казани, где обсуждались проблемы народного образования, отдельные вопросы, связанные с деятельностью чувашской учительской семинарии в Симбирске. Яковлев присутствовал здесь как почетный гость—консультант по вопросам организации новых педагогических учебных заведений, издания учебной литературы.

Общественно-просветительная и инспекторская деятельность И. Я. Яковлева, продолжавшаяся более полувека, была наиболее важной и плодотворной стороной его жизни. Она началась в 60-х годах XIX в. и продолжалась до 1922 года, с каждым годом становясь все шире и многограннее. От создания чувашской национальной школы к разработке и внедрению в практику педагогической системы просвещения нерусских народов Поволжья — таков размах этой деятельности. Ее характерной чертой была глубокая внутренняя согласованность службы просветителя с общественной работой, подчинение личных интересов интересам народа. С другой стороны, эта деятельность И. Я. Яковлева по содержанию была демократична и гуманна, а по характеру — многонациональна. В то же время нельзя забывать о том, что она была основана на религиозном убеждении, на отрицании радикальных мер в переустройстве общества, стремлении к благотворительности, оказанию помощи бедным и страждущим, что, разумеется, не могло привести к быстрым и коренным изменениям жизни трудового народа.

И. Я. Яковлев — издатель и переводчик

Еще в гимназии И. Я. Яковлев пытался переводить на родной язык отдельные произведения немецких и французских классиков. Письма к друзьям, переводы иностранных текстов окончательно убедили его в недостаточности знаков русского алфавита для обозначения всех чувашских звуков. Это побудило его к созданию нового алфавита, что и было осуществлено после знакомства с Ильминским и руководимой им группой исследователей тюркских языков. И. Я. Яковлев примкнул к этой группе и под руководством ка-

[1] Канаш. 1918. № 18.

занских ученых начал переводить религиозную и учебно-педагогическую литературу. В работу постепенно вовлекались учащиеся Симбирской чувашской школы, которые с помощью студента Яковлева переводили учебники русских педагогов. Он внимательно следил за работой своих учеников. В начале февраля 1872 г. Яковлев спрашивал одного из них: «Переводит ли Климентий «Родное слово», год первый?...»

Свои переводы учащиеся высылали в Казань, где их совершенствовал и дополнял Иван Яковлевич, а затем они издавались отдельными книжками или использовались для составления чувашских букварей и других учебников. По окончании школы воспитанники продолжали помогать своему учителю в переводе и издании учебных книг, хотя находились вдали от Симбирска. А. Рекеев, например, вспоминал: «Кроме школьных занятий, конечно, и в Тимерсянах, я должен был продолжать свои занятия переводами, для чего присылались ко мне рукописи, литографированные экземпляры, а иногда и корректурные листы». К слову сказать, свою школу в Тимерсянах Рекеев за короткий срок превратил в педагогическую лабораторию, где по просьбе Яковлева оценивались для издания все чувашские учебники и учебные пособия с точки зрения доступности для учащихся сельских школ. Работая в селе, он имел возможность советоваться по языковым вопросам непосредственно с крестьянами. «Мое желание такое,—писал ему И. Я. Яковлев 24 ноября 1872 г.,—чтобы все наши переводы проходили окончательно через твои руки, и чтобы ты, а не кто-нибудь другой, оставил след на наших переводах»[1]. Рекеев в совершенстве владел чувашским, татарским языками.

Иван Яковлевич Яковлев считал, что «направление школы, кроме учителя и священника, создается книгами и учебниками». Поэтому он стремился дать народу как можно больше книг на родном языке, для чего не жалел ни времени, ни средств. Известно, что первые чувашские буквари были изданы на его скромные средства. Чтобы ускорить переводческие работы и составление учебников для чувашских школ, по его просьбе из Казанской крещенотатарской школы в Симбирск переехал ученик и переводчик группы Ильминского С. Н. Тимрясов. В то время в школе обучалось около 30 учащихся. Вместе с ними Тимрясов переводил на чувашский язык с русского и татарского языков, одновременно готовился к сдаче экзаменов на звание сельского учи-

[1] **Яковлев И. Я.** Письма. С. 156.

теля. С его помощью Рекеев, Бюргановский и другие старшие ученики занимались переводом Евангелия, составлением текстов для издания новых чувашских букварей. Из Казани на имя А. Рекеева все поступали новые и новые задания для группы молодых переводчиков, образовавшейся в Симбирской чувашской школе. В октябре 1872 г. И. Я. Яковлев писал ему: «Вместе с этим письмом посылаю тебе посылку, в которой заключается 7 экземпляров «Букваря для чуваш»... три книги Н. Ф. Бунакова «Уроки для чтения», при них особая книжка под названием «Обучение грамоте по звуковому способу в связи с предметными уроками».

Прочитавши и усвоивши эту последнюю книжку Бунакова, ты узнаешь и поймешь, как пользоваться «Букварем для чуваш», потому что наша чувашская азбука для первоначального обучения по-чувашски грамоте составлена по системе Бунакова»[1].

Второе издание чувашского букваря 1872 г. было составлено на основе первой и второй книг «Уроков для чтения» Бунакова. И. Я. Яковлев вместе со своими учениками продолжал работать над составлением и русской части чувашского букваря и книги для чтения на родном языке. «Из посылаемых материалов на чувашском языке,—указывал он Рекееву,—нужно составить по-чувашски книжку, которая соответствовала бы третьей книжке Бунакова «Уроки для чтения»[2].

Выше было сказано, что с 1873 г. все буквари Яковлева издавались с чувашской и русской частями. Для дальнейшего изучения русского языка необходимо было составить две книги: для чтения и развития разговорной речи. Но из-за отсутствия средств издание их задержалось на несколько лет. Первая вышла только в 1892 г. под названием «Первоначальный учебник русского языка для чуваш». Это был учебник для изучения русского языка по образцу «Книга для чтения» Н. Ф. Бунакова, которую Яковлев считал наиболее подходящей для сельских школ. Поэтому инспектор чувашских школ широко распространял учебники Бунакова среди учителей Поволжья, на временных педагогических курсах проводил показательные уроки их применения. После ознакомления с русской частью чувашского букваря учащиеся переходили к изучению «Первоначального учебника русского языка для чуваш».

В 1904 г. Яковлев вместе со своим учеником, учителем

[1] ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Инв. 9903/6. Л. 50.
[2] Там же. Л. 51.

русского языка Симбирской чувашской школы Д. И. Кочуровым выпустил отдельной книгой вторую часть чувашского букваря под названием «Русские разговорные уроки». Этот учебник состоит из уроков русского языка и предметных, проводимых на основе сравнительного изучения языков. В нем также даны руководства по методу сравнительного обучения родному и русскому языкам.

Вторая часть чувашского букваря составлена на основе системы предметных уроков Бунакова. В ней представлены методические разработки — конспекты 35 уроков. По мнению И. Я. Яковлева, методика проведения предметных уроков существенно отличается от методики проведения разговорных уроков тем, что предметные уроки, во-первых, «основаны на строгой наглядности, которая способствует точному обозначению понятий словами и болеее прочному запоминанию этих слов» и, во-вторых, тем, что «темой для каждого урока служит один предмет». «Цель предметных уроков: 1) сообщить ученикам русские слова и обороты; 2) упражнять их в устной речи; 3) приучить вникать в предметы, хорошо им известные и потому кажущиеся очень простыми, через что, между прочим, должна в учениках развиваться наблюдательность; и 4) путем составления систематических (по определенному, хотя и простому плану) описаний предметов, в каковой работе главная роль принадлежит самим ученикам (учитель только руководит ими), содействовать сознательному, логически правильному мышлению их»[1].

Учащиеся изучали на предметных уроках прежде всего предметы быта и орудия труда, знакомились с устройством и применением их. Вот, например, в какой последовательности описывается коса: «Коса—земледельческое орудие. Коса состоит из двух частей: из самой косы и косья (черена). Сама коса сделана из стали. Длиною коса в аршин, а шириною в два вершка. К концу коса сужена, заострена и немного согнута. Коса имеет лезвие и обух. Тупой конец косы называется пяткой. Пяткой коса присажена к косью. Для присадки употребляется железное кольцо, деревянная подмога и деревянный клинок. Косье имеет вид круглой палки. Длиною косье в два с половиною аршина, а толщиною около вершка. По середине у косья есть ручка. Косье и ручка березовые. Коса сделана на заводе, а к косью присажена самим косцом. Косой косят траву и хлеб»[2].

---

[1] Букварь для чуваш 1904 года. Ч. II. С. 121.
[2] Там же.

За описанием косы следуют вопросы для упражнения в устной речи и для письменной самостоятельной работы. Эти вопросы и упражнения призваны развивать навыки устной речи и письма.

В конце второй части букваря в виде опыта даны пять уроков по сравнительному изучению предметов, уже известных учащимся из предыдущих предметных уроков. Цель таких уроков — «сосредоточить внимание учеников на рассматриваемых предметах, приучить сопоставлять предметы один с другими, сравнивать их (сопоставлять предметы в отношении устройства, материала, формы, цвета, величины, иногда и других свойств, а также употребления)»[1]. В дальнейшем этот раздел букваря Яковлев хотел расширить и даже выпустить отдельный учебник по сравнительному изучению предметов и явлений окружающего мира, но это сделать не удалось.

По признанию широкой общественности вторая часть чувашского букваря являлась лучшим учебником русского языка среди подобных учебников для национальных школ Поволжья[2]. Ее достоинство заключалось прежде всего в максимальной доступности, систематизированном построении материала, в этом букваре претворялся один из важных дидактических принципов — принцип сознательности обучения.

В начале 70-х годов Яковлев задался целью составить чувашский букварь на верховом-диалекте, называемом «виръял». Как известно, первый букварь был издан на низовом диалекте, который чуваши называют «анатри». Между ними существует определенная разница. Во введении к букварю подчеркнуто: «...Как бы мала ни была разница между наречиями анатри и виръял, по нашему мнению, для первоначального обучения в школе необходимо составлять учебники на том и на другом наречии»[3]. Однако отсутствие времени и прежде всего средств для напечатания будущего учебника заставило прервать начатую работу.

После окончания университета (1875) И. Я. Яковлев для проверки доступности переводов букварей для верховых чувашей в июне 1875 г. командировал А. В. Рекеева в Ядринский уезд. 7 июня тот писал в Симбирск своему учителю, что он продал на ярмарке 9 чувашских книг. «Митрофан Димитриевич (учитель) учил читать чувашские пе-

[1] Букварь для чуваш 1904 года. С. 122.
[2] Сотрудник. 1911. № 23. С. 356.
[3] Тъваш адизене сырьва вьренмелли книге (букварь).—Казань, 1872. С. 4.

реводы перед учащимися, но после инспектора Леонтьева и он оставил [это], потому что на него священники нападают и Леонтьев строго запретил ему учить по-чувашски. А в других местах эти переводы почти нигде не употребляются.

Здесь чуваши действительно говорят совершенно иначе: как-то скоро и отрывисто, ударение делают почти во всех словах на первом слоге...»[1]

После этого И. Я. Яковлев вместе с А. В. Рекеевым внесли некоторые изменения в язык переводов и учебников, а именно: отказались от слов и форм, употреблявшихся только в низовом диалекте.

Вскоре опыт школ четырех губерний показал, что чувашские дети с помощью букваря, составленного в низовом диалекте, повсеместно успешно овладевают основами грамоты. Поэтому в дальнейшем И. Я. Яковлев отказался от создания особого букваря на верховом диалекте, а в 1875 г. выпустил общий учебник под названием «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки». Этот букварь стал единым учебником, той самой золотой серединой между двумя чувашскими диалектами, которая сделала его подлинно народной учебной книгой.

Возникновение двух диалектов в чувашском языке вызвано историческими и географическими условиями жизни народа. В будущем они могли бы превратиться в самостоятельные языки, в которых значение и произношение слов все больше и больше отличались бы друг от друга. Появление и распространение единого букваря и других учебных книг для народов, создание общего культурного центра, каким была Симбирская чувашская школа, преградили путь к дальнейшей дифференциации диалектов и создали объективные условия для появления единого национального языка. Бесспорно, сближению диалектов во многом способствовала и полувековая издательско-переводческая деятельность Яковлева, благодаря чему чуваши, в отличие от своих соседей марийцев и мордвы, у которых по сей день существует по два литературных языка, остались одноязычными. В этом—одна из величайших исторических заслуг И. Я. Яковлева перед чувашской культурой.

Будучи убежденным в том, что создателем и носителем национального языка является сам народ, И. Я. Яковлев в букварях и других учебниках широко использует устное народное творчество. Под его руководством учащиеся Сим-

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 25. Д. 5. Л. 30 (публикуется впервые).

бирской чувашской школы и учителя сельских школ принимали активное участие в составлении хрестоматийной части букваря, где помещались собранные ими образцы устного народного творчества, лучшие сочинения учащихся на свободные темы. В Симбирской школе воспитанникам предлагалось, например, описать: «Памятные случаи в моей жизни». «Языческие верования в нашей деревне» и «Бытовые народные обряды в нашей деревне». В некоторых изданиях букваря хрестоматийная часть составляла около 100 страниц. Любопытны названия сочинений учащихся: «Смерть Маруси», «Как горел наш дом», «Смерть моей мамы», «Как я заблудился в лесу»—они говорят сами за себя: темы указанных сочинений отражают жизненные переживания детей. Это была своеобразная антология детских произведений. Опубликование сочинений лучших учащихся повышало интерес других к сознательному изучению родного языка, развивало литературное творчество и поиски. Стремление Яковлева к коллективному созданию первых школьных учебников считается одной из характернейших черт его просветительства вообще, издательско-переводческой деятельности в частности или, как справедливо заметил Г. В. Плеханов, создание первых учебников есть отражение просветительской направленности в деятельности ученых, названных им «главными деятелями во всей истории нашей общественной мысли»[1].

Учебники И. Я. Яковлева и прежде всего буквари глубоко отражали принцип народности в воспитании, понятие о человеке в представлении родного народа в известный период его развития.

И. Я. Яковлев не представлял своей жизни в отрыве от народа. Как выходец из самых его глубин, он рано испытал на себе влияние народной мудрости, народной педагогики и психологии, что впоследствии и сам использовал в своей практической деятельности. По его мнению, жизнь человека во многом зависит от него самого, от ее умелой организации. Основным критерием такой организации он считал рациональное использование времени для самообразования. Каждый человек должен стремиться организовать свою жизнь так, чтобы не оставалось свободного времени для безделья и праздности, которые рано или поздно ведут к опустошению личности. «Безделье—мать всех пороков»,—гласит народная мудрость. Эту идею И. Я. Яковлев проводил и в чувашских букварях, используя пословицы, пого-

[1] Плеханов Г. В. Литература и эстетика.—М., 1958. Т. 2. С. 30.

ворки, императивные выражения типа: «Ахаль ан тăр» (не сиди без дела), «Ахаль тăриччен кĕрĕк аркине те пулин йăвала» (чем сидеть без дела, разминай полы шубы)[1], «Кирек ăçта пырсассăн та, икĕ алла пĕр ĕç, теççĕ» (везде руки должны быть заняты одним делом), «Йăлхавăн ялан уяв» (у лентяя всегда праздник), «Ваттисем хут вĕренмен çынна суккăр çын теççĕ»[2] (необразованный человек слеп) и т. д.

Учебники Яковлева служили ценным средством умственного, нравственного, эстетического воспитания детей, прививали им любовь к труду и чувство долга перед народом и отечеством.

Чувашские буквари получили высокую оценку педагогов и общественности, их считали образцовыми для нерусских школ всего Волжско-Камского края, поэтому их рекомендовали для обучения в школах. В протоколе съезда деятелей «инородческого» образования Вятской, Казанской, Пермской, Симбирской, Пензенской, Оренбургской, Уфимской, Астраханской и Самарской епархий, состоявшегося в 1899 г., записано: «При рассмотрении вопроса об учебниках съезд (27 августа) постановил ввести букварь по образцу букваря для чуваш, изданного в 1897 г. в Симбирске... Букварь в сокращенном виде по образцу такого же «Букваря для чуваш», изданного в Казани в 1897 г.»[3]

Букварь и учебные книги И. Я. Яковлева и его учеников широко использовались известными мордовскими педагогами М. Е. Евсевьевым, Ф. Ф. Советкиным, марийскими — Г. Яковлевым, П. Степановым, удмуртскими — М. С. Михеевым, И. В. Яковлевым и другими. Кроме того, И. Я. Яковлев по поручению учебного округа принимал непосредственное участие в составлении различных методических пособий для учителей национальных школ. «В настоящее время,—сообщал ему Бобровников в январе 1892 г.,—приготовлены к печати, а отчасти и напечатаны букварь и первая учебная книга русского языка для черемис, вотяков, киргиз, калмыков. Предполагается напечатать для учителей краткие методические указания. Прежде чем напечатать таковые, я очень хотел бы, чтобы Вы, как опытный в деле инородческой школы человек, прочли эти указания... Прилагаю при этом корректуру-оттиск первого листа учебника для вотяков. Азбука составлена с небольшими изме-

[1] Сокращенный букварь для чуваш. Казань, 1880. С. 10, 17.
[2] Букварь для чуваш.—Казань, 1883. С. 11, 14, 16.
[3] Русская школа. 1899. № 7—8. С. 142, 150.

нениями, по образцу, выработанному Вами для чувашских школ»[1].

В учебниках И. Я. Яковлева правила излагались последовательно, в порядке нарастающей трудности, применительно к условиям родного языка. Вся система языка изучалась в сравнительно-сопоставительном плане, «за исключением разве чуваш, для которых существует вторая часть «Букваря для чуваш»[2].

В связи с всеобщим усилением в России реакции в начале 900-х годов из национальных школ изгонялся родной язык, чувашские буквари начали выпускаться в сокращенном виде. Теперь «инородческие» книги, признававшиеся до этого времени безвредными, оказались для правительства опасными, крамольными. И. Я. Яковлев, лишенный в таких условиях возможности выпускать усовершенствованные буквари, ищет пути создания новых учебников. Вместе со своим учеником К. В. Ивановым он приступает к составлению нового учебника для внеклассного чтения «Первая книга для чтения после букваря на чувашском языке», которая была выпущена в 1909 г. в объеме 110 страниц. Это была первая хрестоматия для чувашских школ. Она выдержала несколько изданий. В ней широко использованы материалы народного устно-поэтического творчества, имеющие большую воспитательную и образовательную ценность. С первых же страниц читаем: «Ученье—свет, неученье—тьма... Чтобы понимать мир, нужно учиться».

Новая книга для чтения на чувашском языке была составлена по образцу «Книга для чтения» Л. Н. Толстого и должна была выходить в четырех книгах, т. е. по одной на каждый год обучения. Вышла, однако, только первая, издание остальных было запрещено учебным округом. Для составления первой книги широко были использованы детские произведения Л. Н. Толстого из «Новой азбуки», «Книг для чтения», из «Родного слова» К. Д. Ушинского и т. д.

Вообще творчество Л. Н. Толстого занимает особое место в издательско-переводческой деятельности чувашского просветителя. Его учебники И. Я. Яковлев считал наиболее доступными для крестьянских детей как по содержанию, так и по языку, способствующими развитию их любознательного ума, любви к природе и бережного отношения к ней. Поэтому Яковлев рекомендовал своим ученикам — будущим учителям, детям, внукам больше читать произве-

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 501. Оп. 1. Д. 119. Л. 41, 88.
[2] Сотрудник. 1911. № 23. С. 356.

дения Толстого. В семье самого Яковлева Толстой был высокочтимым культом. В часы недомогания он читал сочинения Толстого как успокоительное средство. 14 января 1919 г. Е. А. Яковлева писала своему внуку Ивану, чтобы он приехал в Симбирск читать дедушке после обеда рассказы Толстого, «которого дедушка очень любит и от которых скоро засыпает»[1].

Известно, что в 1897 г. сын Яковлева Алексей, будучи студентом Московского университета, посетил Толстого, рассказал ему о переводе и издании отцом учебных книг на чувашском языке. Позднее Алексей переписывался с сыном Толстого Сергеем и его внуком Николаем[2]. Материалы переписки хранятся в личном архиве А. И. Яковлева.

В целом для изучения чувашского и русского языков И. Я. Яковлев и его ученики составили, выпустили следующие учебники: 1) Букварь для чуваш, изданный, по нашим подсчетам, в 33-х вариантах, включая сокращенные. 2) «Первоначальный учебник русского языка для чуваш» (издавал с 1892 г.). 3) «Первоначальные разговорные уроки русского языка» (издавались с 1902 г. как приложение к букварю). 4) «Предметные уроки» (издавались с 1902 г. как приложение к букварю). 5) Уроки сравнительного изучения предметов (издавались с 1904 г. как приложение ко второй части чувашского букваря). 6) «Первая книга для чтения после букваря на чувашском языке» (издавалась с 1909 г.) На этих учебниках воспитывалось несколько поколений чувашского народа. Они сыграли значительную роль в развитии культуры и просвещения чувашей, или, как говорил сам И. Я. Яковлев, эти «дешевые чувашские издания сделали большое дело, они эту массу одухотворили и подняли»[3].

Центральной частью указанных учебников оставалась задача умственного и нравственного развития детей на простом, понятном для них материале описания окружающей среды и жизни крестьян. Во всех учебниках преобладали реалистические сведения, рассказы о жизни людей, животных, растений, о предметах и явлениях природы, немало места отводилось произведениям чувашских писателей и устно-поэтического народного творчества.

По словам члена-корреспондента АПН СССР М. Я. Сироткина, «буквари и учебные книги, издававшиеся И. Я. Яковлевым на протяжении всей второй половины XIX в.,

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 515. Оп. 2. Д. 67 (публикуется впервые).
[2] МО архива АН СССР. Ф. 65. Оп. 1. Д. 302.
[3] Начальное обучение. 1907. № 10. С. 366.

были почти единственным способом публикации произведений чувашских писателей, в том числе и самого И. Я. Яковлева, поэтому они являлись не только букварями, но и первыми хрестоматиями чувашской литературы»[1].

Действительно, в условиях подавления царизмом национальной культуры чувашская литература могла развиваться только на страницах учебных книг. Понимая это, И. Я. Яковлев не ограничивался изданием букварей и учебников. Чтобы отвлечь внимание цензуры, он издавал под видом учебных пособий отдельные сборники, например, «Сказки и предания чуваш», «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним» в двух книгах. Следует заметить, что издание сборника народных песен противоречило его высказыванию на совещании по вопросам образования восточных «инородцев» в 1905 г. в Петербурге о том, что «в школах для христиан, а равно в школах для язычников, расположенных к христианству, должно быть только одно церковное пение»[2]. Другими словами, издание этого сборника есть не что иное как попытка использовать любую возможность, чтобы сохранить и развивать культуру родного народа.

В сборнике «Сказки и предания чуваш» были опубликованы оригинальные произведения чувашской художественной литературы: «Арзюри» (Леший) М. Федорова, поэма «Нарспи» К. В. Иванова, «Яндрак яндравĕ» Н. В. Васильева-Шубоссинни. Опасаясь запрета цензуры, Яковлев опубликовал их как произведения устно-поэтического народного творчества.

Оба сборника широко использовались в учебно-воспитательной работе Симбирской чувашской учительской школы. Учащимся особенно по душе была поэма «Нарспи», которую почти все знали наизусть: еще до выхода в свет И. Я. Яковлев раздавал ученикам корректурные листы поэмы. Чувашская писательница Марфа Трубина вспоминала: «Иван Яковлевич вынул из своего кармана пахнущие типографской краской листы и подал одной ученице для чтения перед классом. Мы прекратили свои занятия. Звучные стихи Иванова с первых же слов поразили нас. Впервые мы слышали чтение напечатанного художественного слова на родном языке. Это нас радостно взволновало»[3]. На основе соб-

---

[1] Ученые записки ЧНИИ. Вып. 42. 1969. С. 88.

[2] Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев.—СПб., 1905. С. 57.

[3] И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. С. 64.

ранных материалов по устному народному творчеству И. Я. Яковлев выпустил и другие учебные пособия.

Для собрания народных песен И. Я. Яковлев часто направлял учителей пения и музыки своей школы в разные губернии Поволжья. Учитель церковного пения В. И. Колпаков в своих воспоминаниях писал: «В 1898 г. Иван Яковлевич командировал меня с техническим помощником Р. Н. Идобаевым в Симбирский и Буинский уезды для собирания чувашских мотивов. Техническая работа протекала так: Идобаев заготовлял мне текст, а я, вставая в хороводы, подпевал молодежи и быстро писал ноты. Идобаев же переписывал набело. Помню, мы привезли Ивану Яковлевичу что-то около 80 песен, особенно «такмаксем». В результате сборник неожиданно для нас издан был почти без упоминания наших с Идобаевым фамилий. Наши современники, конечно, должны помнить этот факт» (В. И. Колпаков, И. Я. Яковлев. Рукопись хранится у Н. Г. Краснова).

К сожалению, до сих пор не установлено, о каком сборнике народных песен писал В. И. Колпаков. Первый сборник песен на чувашском языке И. Я. Яковлев издал в Казани в 1883 г. под названием «Хоровые церковные песнопения» (переизданы в 1888, 1894, 1898, 1903 гг.)

И. Я. Яковлев как педагог-новатор широко использовал достижения отечественных педагогов по составлению и изданию учебников и учебных пособий. Чтобы перенять все лучшее в этой области, он постоянно переписывался с инспекторами учебных округов. Его интересовали прежде всего учебники русского языка для грузинских, армянских, азербайджанских, украинских и других народных школ. «Имею честь покорнейше просить центральную книжную торговлю,—писал И. Я. Яковлев в Тифлис в 1892 г.,—выслать для вверенной мне Симбирской чувашской учительской школы... следующие книги: 1) Мартыновский. Русские писатели в выборе и обработке для школ. Том I (20 экземпляров); 2) Тер-Давтян. Русское слово. Руководство для армянских училищ, год I и III; если есть, то и III, 1 экземпляр; 3) Тер-Акопяни. Начальная книжка русского языка для армянских училищ, 1 экземпляр; 4) Его же. Учебник русского языка для армянских училищ, 1 экземпляр; 5) Агниашвили. Первый шаг для изучения русского языка для грузинских школ, 1 экземпляр...

Если имеются новейшие учебники или пособия по изучению русского языка для кавказских народов, то тогда прошу выслать по одному экземпляру»[1].

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 501. Оп. 1. Д. 119. Л. 23.

И. Я. Яковлев регулярно следил за изданием и переизданием школьных учебников на Кавказе и выписывал их для школы. Архивные материалы подтверждают, что эти книги хранились в библиотеке чувашской школы и широко использовались преподавателями, воспитанниками, особенно в период проведения педагогической практики.

Яковлев переписывался с некоторыми педагогами Грузии. 29 марта 1894 г. он написал письмо директору Тифлисской мужской гимназии В. А. Мартыновскому, автору учебников по русской словесности, пожертвовавшему в том же году чувашской учительской школе 20 экземпляров своей книги «Русские писатели в выборе и обработке для школ». «Не можете ли также выслать,—говорится в этом письме,— по одному экземпляру следующих книг для инородцев закавказского края, а именно: 1) Агниашвили. Первый шаг для изучения русского языка для грузинских школ, 40 коп. 2) Тер-Акопяни. Начальная книжка русского языка для армянских училищ, 45 коп. 3) Его же. Учебник русского языка для армянских училищ, 60 коп. 4) Тер-Давтян. Русское слово. Руководство для армянских училищ, год I и II, 50 коп.

Может быть, есть и другие, имеющие значение в деле обучения инородцев русскому языку. Тогда и их просил бы Вас выслать»[1].

Интерес Яковлева к изданию учебников и методических пособий углублялся с каждым годом. К концу XIX в. особое внимание он проявил к книгам выдающегося грузинского педагога Я. Гогебашвили, который по образцу «Родного слова» К. Д. Ушинского выпустил учебник и методические пособия для изучения русского языка в грузинских школах. В своих письмах к педагогам Тифлиса чувашский просветитель запрашивал книги не только по дидактике начальных школ, но и по истории, этнографии народов Кавказа. Так, в письме от 30 марта 1899 г. он просил прислать ему следующие книги: «1) Я. С. Гогебашвили. Русское слово, или учебное руководство к русскому языку для грузинских школ. Часть I, (последнее издание); 2) Его же. Руководство для учителей и учительниц грузинских начальных школ к преподаванию русского языка по «Русскому слову»; 3) Его же. Разбор руководства по обучению инородцев русскому языку (в двух экземпл.); А. О. Черняевский. Книга для учителей, преподающих по учебнику «Русская речь». Дидактические и методические указания, необходимые для ус-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 501. Оп. 1. Д. 150. Лл. 7—8.

пешного преподавания русского языка в инородческих школах; 5) К. А. Гартман. Применение естественного метода преподавания новых языков во Франции и методы Гуэна и Каррэ». И далее добавил: «Весьма желательно бы иметь и полный каталог центральной книжной торговли, если такого нет, то по крайней мере и подробный список изданий (всевозможных), касающихся обучения русскому языку в кавказских школах и этнографии Кавказа»[1].

Совсем недавно в одной из больших библиотек Чувашии обнаружили хранящийся до сих пор в хорошем состоянии учебник Я. С. Гогебашвили «Руководство для учителей и учительниц грузинских школ к преподаванию по книге «Русское слово» (Тифлис, 1889). Он пользовался большим спросом среди учителей нерусских школ, в том числе и чувашских. В архивах хранится также конспект 1902 г. учителей Малояльчиковского училища В. Федотова и М. Гудимова по тому же учебнику Гогебашвили, несомненно, выписанному в свое время И. Я. Яковлевым. Авторы конспекта указывали, что Гогебашвили составил специально для преподавания русского языка в грузинских школах две части «Русского слова» и руководства к ним. Само собою разумеется, что учебники эти всецело не могут быть приложены в какой-нибудь другой инородческой школе. Составляя учебники, автор принужден был сообразоваться с взаимным отношением русского и грузинского языков, с природой, правами, жизнью, бытом, словесностью и развитием грузинских детей. Но поучиться у Гогебашвили, усвоить его идеи, его взгляды на обучение инородцев русскому языку полезно для всякого инородческого учителя»[2].

По делу издания чувашских книг Яковлев, находясь в Петербурге, часто встречался с видными русскими педагогами, композиторами и общественными деятелями. Он не раз советовался с директором Петербургского учительского института, видным педагогом России, членом Ученого Комитета Министерства народного просвещения К. К. Сент-Иллером, который помог ему в преобразовании Симбирской чувашской школы в учительскую в разработке Положения о ней. В 1895 г. в учебных мастерских его института совершенствовал свое мастерство учитель труда Симбирской чувашской учительской школы С. Васильев. По вопросам

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 275. Л. 4.

[2] ЦГА ЧССР. Ф. 501. Оп. 1. Д. 290. Л. 110 (публикуется впервые).

издания чувашской литературы, совершенствования методики преподавания музыки и пения в школе Яковлев обращался к русским композиторам-музыковедам М. А. Балакиреву, Г. А. Ломакину, С. В. Смоленскому и другим. В начале апреля 1884 г. он трижды побывал у М. А. Балакирева. В переложении чувашских песен на ноты участвовал преподаватель церковного пения Казанской «инородческой» учительской семинарии С. В. Смоленский, ставший затем директором Московского синодального училища церковного пения. Здесь он подготовил трех регентов для Симбирской чувашской школы из числа ее воспитанников, которые впоследствии организовали замечательные хоры (мужской, женский и смешанный); они же участвовали в собирании чувашских народных песен, издании их отдельными книгами.

В связи с осуществлением постановки оперы «Иван Сусанин» силами учащихся Симбирской чувашской школы газета «Симбирянин» писала 26 февраля 1913 г.: «Утонченность подготовки хора и оркестра такова, что слух чувствует ее сразу. Каждый хор, каждая ария вызывают бурные аплодисменты «Чуют правду...» поет г. Павлов. Голос не громовой, но удивительно обработанный. «Не о том грущу, подруженьки...»,— изнывает Антонида (г. Эсливанова), и гром аплодисментов покрывает голос. А буря оркестра при исполнении «Славься...»! В зале чувствуется общий подъем духа. Забыто, что все это ученическое и самодельное. В числе гостей есть самые тонкие ценители. И все растроганы, увлечены.

Удивительный слух у этих чуваш!»

И. Я. Яковлев организовал перевод русских учебников, содержавших произведения классиков литературы. Необходимость их издания он объяснял тем, что четырехлетнего курса обучения в «инородческих» начальных школах недостаточно для основательного изучения русского языка, которое позволило бы учащимся и взрослым свободно читать произведения классиков русской литературы и педагогики. Поэтому он предлагал переводить их на родной язык. С этим предложением он выступил и на съезде инспекторов и директоров народных училищ в 1907 г., где заявил, что «Министерство народного просвещения должно содействовать распространению грамотности на инородческих языках, переводя избранные сочинения на языки инородцев и снабжая этими сочинениями училища и народные библиотеки. Эти издания будут полезны как для православных, так и

для инородцев»[1]. Осенью 1907 г. И. Я. Яковлев официально обратился в учебный округ с просьбой выделить 2000 рублей на издание для чувашских школ учебников Л. Н. Толстого, А. Баранова, Е. Водовозовой и др. Попечитель округа ответил, что ассигнование средств на издание чувашских книг «...не представляется возможным»[2]. Но даже и это не ослабило стремления Ивана Яковлевича дать родному народу лучшие русские учебники. Вместе со своими учениками он перевел и издал для чувашских школ «Рассказы из русской истории» А. Ф. Петрушевского (Казань, 1879. 1-е издание), «Книгу для классного чтения в начальных школах» А. Баранова (Симбирск, 1907. 1-е издание), «Русскую книгу для чтения» Л. Толстого (все четыре книги), причем «Кавказский пленник» (из четвертой книги) был издан отдельной книжкой. Еще в 1882 г. Яковлев перевел на чувашский язык «Новую азбуку» Л. Толстого.

Яковлев не издал на чувашском языке отдельной книгой «Родное слово» К. Д. Ушинского, хотя первая книга была переведена. Дело в том, что этот учебник использовался учителями на уроках русского языка как руководство при устных беседах и ознакомлении учеников с окружающими предметами.

И. Я. Яковлев организовал также перевод и издание отдельных классических произведений русской и зарубежной литературы. Вместе со своими учениками К. В. Ивановым, Н. В. Васильевым (Шубоссинни), которых он содержал в Симбирской чувашской школе на свои средства с осени 1907 г. до лета 1909 г., выплачивая им в то же время жалованье за переводы, он выпустил отдельными книжками на чувашском языке «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова, «Дикие лебеди» Х. К. Андерсена, «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и другие стихотворения М. Ю. Лермонтова». В последней книжке были помещены следующие стихи Лермонтова «Ангел», «Парус», «Волны и люди», «Утес», «Горные вершины», «Чаша жизни», «Узник», «Три пальмы», «Спор», «Казачья колыбельная песня», «Ветка Палестины». Перевод «Песни про купца Калашникова» был снабжен предисловием. Его составитель К. В. Иванов дал подробный обзор исторической деятельности Ивана Грозного. К. В. Иванов перевел также поэму А. С. Пушкина «Медный всадник». Переводу был предпослан подробный исторический анализ

---

[1] Начальное обучение. 1907. № 10. С. 366.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 596. Л. 4.

деятельности Петра. Переводчик видел основную заслугу Петра I в том, «что он прорубил для России «окно» в Европу: завоевал берега Балтийского моря — этот важный путь для сношения с западной Европой, построил на Неве свой столичный город Петербург и через это «окно» пропустил в душную «избу» России струю свежего европейского воздуха».

Переводы служили одновременно учебными пособиями в воспитании молодого поколения, способствовали развитию национального самосознания, приобщению народа к русской и мировой культуре. По просьбе И. Я. Яковлева учителя Тораевской школы Артемьева перевели на чувашский язык статьи для просвещения крестьян «Наследство», «Немилая жена».

Большой вклад внес Яковлев и в развитие санитарно-гигиенической культуры, в пропаганду медицинских знаний среди населения, в организацию профилактических мер борьбы с болезнями. Важным средством этой борьбы он считал издание на родном языке научно-популярной литературы по медицине—брошюр, плакатов, листовок и т. д. Переводами отдельных статей по медицине И. Я. Яковлев начал заниматься еще в начале 80-х годов. 6 декабря 1883 г. он писал Рекееву, что выслал на просмотр перевод статьи «О чуме». По подсчетам историков-медиков, силами воспитанников Симбирской чувашской школы под непосредственным руководством И. Я. Яковлева переведено и опубликовано на чувашском языке более 40 названий медицинской литературы. Среди них особое место занимает «Сборник популярных листков по медицине», изданный на 156 страницах. Он содержит 17 статей, многие из которых еще раньше были выпущены отдельными брошюрами. В предисловии подчеркнуто, что «благодаря соединенным усилиям Симбирской губернской управы Пироговского общества и И. Я. Яковлева на чувашском языке существует теперь целая популярно-медицинская литература, без сомнения, составляющая эпоху в жизни чуваш»[1]. Сборник начинается с особого предисловия на чувашском языке «Здоровье, питание, чистый воздух, чистота тела, баня и заразная болезнь». Оно составлено Яковлевым и представляет собой краткое учение об основах гигиены, в котором в то же время содержится призыв к разумному чередованию труда и отдыха, к постоян-

[1] Сборник популярных листков по медицине Пироговского общества врачей, переведенных на чувашский язык—Симбирск, 1904. С. 1.

ной борьбе с такими врагами здоровья человека, как болезнь, знахарство и нищета. Подробно описываются принципы организации яслей, детских приютов, подчеркивается необходимость устройства их, особенно в летний период.

Иван Яковлевич многократно переиздавал на чувашском языке следующие брошюры, медицинские листовки и плакаты: «Глазная болезнь — трахома» (1893, 1898, 1912), «О чуме» (1893, 1898), «Советы матерям при оспопрививании детям» (1893, 1897), «Для чего доктора делают операции и какая от того бывает польза больному» (1902, 1904) и другие. В выборе статей и издании их значительную помощь оказывали земские врачи. 11 апреля 1908 г. по этому вопросу он писал известному тюрколога Н. И. Ашмарину: «Покорнейше прошу Вас, Николай Иванович, перевести на татарский язык лично или при участии лиц, которых Вы признаете полезным привлечь, и затем напечатать татарским и арабским — это для татар-мусульман Симбирской губернии шрифтом, в количестве 4000 экземпляров, затем мне пришлите счет из типографии, но на имя Симбирской губернской земской управы, ручаюсь за немедленную уплату по счету денег. За перевод на татарский язык и за корректуру, в случае необходимости, я обязуюсь лично заплатить[1]. Осенью того же года эта брошюрка вышла в свет.

И. Я. Яковлев, как член-корреспондент Симбирского общества сельского хозяйства (с 1893 г.), организовал перевод и издание сельскохозяйственной литературы на чувашском языке. В это благородное дело он вовлек своих учеников, учителей сельских школ и земских деятелей. Издание ее преследовало прежде всего цели распространения сельскохозяйственных знаний, передового опыта среди крестьян, выработки у них сознательного и правильного отношения к окружающей природе.

При непосредственном участии Яковлева и его воспитанников на чувашском языке были выпущены следующие брошюры: «О почве», «О правильной обработке земли», «О хлебных семенах и посеве», «О травосеянии», «Как растет хлеб в поле», «Как собирать молочный скот», «Сельский скотолечебник», «О пчеловодстве», «Три беседы о земледелии» и другие.

Переводом сельскохозяйственной литературы Яковлев занимался вплоть до последних лет пребывания в Симбирске. Осенью 1919 г. он приступил к переводу «Руководства к разумному пчеловодству» А. Андрияшева, которое счи-

---

[1] Научный архив ЧНИИ. Отд. IV. Д. 151. Л. 102.

талось одним из важных учебных пособий в процессе обучения в Симбирской чувашской учительской школе. Как известно, здесь пчеловодство изучалось с 1894 г. Воспитанники школы полученные знания распространяли среди крестьян Поволжья, организовывали для них пчеловодческие общества. В 1901 г. Ачакасинское пчеловодческое общество избрало И. Я. Яковлева своим почетным членом.

Ухудшение состояния здоровья не позволило ему завершить работу по переводу указанного руководства. Он поручил ее А. В. Рекееву, которому 19 декабря 1919 г. писал: «Ты этим руководством окажешь чувашскому народу огромную услугу, они ведь любят пчеловодство. Укажи, какие лучше улья...»[1]

В 1921 г. Яковлев усердно читал сочинения одного из основоположников русской агрономической науки А. Г. Болотова с целью перевода на чувашский язык. Однако по состоянию здоровья он не приступил к переводу, а поручил это А. Рекееву.

И. Я. Яковлев руководил также составлением и изданием чувашских календарей, в которых помещались статьи о государственно-политическом строе России, о земствах, о тяжелой жизни трудового народа и т. д. Так, в календаре 1908 г. в сравнительном плане приводятся некоторые статистические данные о доходах царского дома, о нуждах народа и т. д. Эти публикации вызвали большой политический шум. Симбирский губернатор и попечитель Казанского учебного округа потребовали от И. Я. Яковлева официального объяснения. В своем письме попечитель указал: «В календаре для инородцев-чуваш более чем неуместно трактовать о доходах царского дома, о сравнительной состоятельности народов с указанием о неудовлетворительности и русского народа, точно также о неудовлетворительности земского строя»[2].

Несомненно, издание этого календаря имело большое общественно-политическое значение.

После соответствующей цензурной проверки с разрешения губернского управления календарь был издан. И. Я. Яковлев ответил попечителю, что он не предвидит значительного вреда от распространения календаря среди чувашей.

В календаре были отдельные статьи по сельскому хозяйству, медицине и т. д.

В течение своей 50-летней общественно-просветительной

---

[1] ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Папка «Письма Рекееву». Л. 113.
[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 636. Л. 4.

деятельности И. Я. Яковлев вместе со своими учениками и единомышленниками составил, перевел и издал свыше 100 названий книг и брошюр, начиная с букваря и кончая Библией. Среди них были учебники, сборники литературных произведений, народных песен, книги по медицине, сельскому хозяйству, а также отдельные брошюры на общественно-политические темы. В 1896 г. как член Симбирской губернской переписной комиссии он перевел и издал в Симбирске на чувашском языке брошюру «Первая всеобщая перепись населения Российской империи».

Отпечатанные брошюры были разосланы в чувашские народные училища для распространения среди населения правительственных взглядов на цель переписи. Одновременно он же как член губернской переписной Комиссии готовил учителей к проведению переписи. За все это Яковлев был награжден медалью «За усердие в переписи 1897 года».

Для учебников Яковлев писал детские рассказы, многие из которых представляют собой переработки народных сказок. Эти рассказы по сей день не сходят со страниц современных чувашских учебников и детских книг*.

Опираясь на достижения педагогической науки, И. Я. Яковлев составил и издал методические разработки, какие требовались для успешного проведения учебно-воспитательного процесса в условиях двуязычных сельских школ. По его инициативе было создано два чувашских издательско-переводческих центра: в Симбирске и Самаре. Во главе Самарского центра стоял Д. Ф. Филимонов, оказавший И. Я. Яковлеву огромные услуги в переводе религиозной литературы. Симбирским центром руководил Яковлев. Оба эти центра провели огромную работу по совершенствованию стиля чувашского языка. Здесь же работала целая школа даровитых и бескорыстных переводчиков из числа воспитанников Симбирской чувашской школы и ее учителей. Наиболее выдающимися из них были А. Рекеев, К. Макаров, А. Петров (Туринге), Д. Филимонов, В. Никифоров, Д. Данилов и другие. В 1882 г. И. Я. Яковлев вместе с А. Петровым (Туринге) составил на чувашском языке сборник «Церковные хоровые песнопения», названный им «чувашской партитурой». В следующем году сборник был издан в Казани.

---

* Сборник рассказов И. Я. Яковлева неоднократно переиздавался на русском и чувашском языках. Последнее издание (Чебоксары, 1968) содержит 51 рассказ.

Яковлев считал религию средством воспитания. Поэтому в своих учебниках чувашский просветитель помещал молитвы и рассказы религиозно-нравственного содержания, без которых, разумеется, в то время немыслимо было издание учебных книг для «инородческих» школ, хотя по сравнению со светской частью религиозным текстам в них отводилось значительно меньше места.

Благодаря организации И. Я. Яковлевым и его учениками переводческих центров в Симбирске и Самаре чувашские издания занимали одно из первых мест среди изданий на других языках Поволжья.

Так, с 1893 по 1899 было выпущено на чувашском языке 115 названий, на татарском — 57, на русском—25, на мордовском—12, на вотском—20, на марийском—27[1]. Всего за период с 1872 по 1917 год на чувашском языке было издано 678 названий книг[2].

---

[1] ЦГА ТССР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 201. Лл. 27—28.

[2] Печать Чувашской ССР за 50 лет (1918—1968). Статистические материалы.—Чебоксары, 1971. С. 4.

Глава VI

И. Я. ЯКОВЛЕВ ЗА РУБЕЖОМ

Любовь к отечеству совместима
с любовью ко всему миру.

К. ГЕЛЬВЕЦИЙ

Иностранные корреспонденты И. Я. Яковлева

Будучи в гимназии Яковлев мечтал побывать в тех странах, языки которых он изучал: в Германии, Франции и других. Изучение иностранных языков продолжалось и в университете в более широком плане. В учебные программы университетских курсов историко-филологического факультета входили латинский, греческий, немецкий, французский, английский и итальянский языки. На первом и втором курсах обучения у студента Яковлева появилась возможность посетить Швейцарию, Германию, но из-за работы по составлению нового чувашского алфавита и первого букваря он вынужден был отказаться от поездки. Летом 1871 г. ему удалось побыть несколько дней в Петербурге. Здесь же он сфотографировался на память.

В годы пребывания в университете И. Я. Яковлев неоднократно встречался с иностранными учеными, направлявшимися в Сибирь, на Дальний Восток. Некоторые из них специально приезжали в Казань для изучения культуры народов Среднего Поволжья, их этнографии, религиозных традиций и т. д. С начала XIX в. Казанский университет являлся научным центром Востока России, продолжал традиции русского просветительства, начатого еще в XVI в., после завоевания Казани. Прежде просветительные миссии осуществляли духовно-миссионерские школы при монастырях. В 1722 г. была открыта славяно-латинская школа, преобразованная в 1732 г. в духовную семинарию, в 1797 г.— в академию. В 1804 г. в Казани появился университет. Он поддерживал широкие связи с учеными Западной Европы,

особенно Германии. Так, в 1829 г. университет посетил всемирно известный немецкий ученый А. Гумбольдт.

Первые встречи И. Я. Яковлева с иностранными учеными состоялись по рекомендации Н. И. Ильминского, которого знал тогдашний ученый мир как крупного ориенталиста. В 1874 г. французский этнограф и путешественник А. Пинар разыскал Яковлева в университете, чтобы выяснить подробности создания новой чувашской письменности, исторические корни многих чувашских поговорок и пословиц. Студент подарил французскому ученому свои первые чувашские буквари, переводы религиозных книг. К сожалению, о дальнейших связях Яковлева с Пинаром нам пока неизвестно. В университете Яковлев близко познакомился с венгерским ученым Г. Балинтом (1844—1913), исследовавшим венгеро-чувашские исторические связи. Как известно, древние венгры в течение ряда столетий жили по соседству с предками современных чувашей и имели с ними культурно-экономические сношения. Известный венгерский ученый З. Гомбоц считает, что такие связи поддерживались в течение VII—IX вв.[1] Одинаковые географические условия, торгово-экономические связи оставили глубокий след в духовной жизни обоих народов, что издавна являлось предметом исследования лингвистов, этнографов и историков. Они установили, что в венгерском языке есть слова, по своим фонетическим особенностям свойственные только чувашскому языку. Кроме того, словарный состав этих языков содержит множество сходных слов как по значению, так и по произношению: «Около трехсот чувашских слов, вошедших в венгерский язык, относится к скотоводству...».[2]

Изучение чувашской культуры венгерскими учеными углублялось с каждым десятилетием. Постепенно между ними и представителями чувашской интеллигенции устанавливаются деловые контакты, перешедшие позднее в непосредственный обмен информацией, печатной литературой и т. д. Впервые в истории венгеро-чувашской дружбы такие деловые связи установили И. Я. Яковлев и Габор Балинт. В течение ряда лет чувашский просветитель регулярно высылал в Будапешт по два экземпляра издававшихся в Симбирске и Казани чувашских книг, что по сей день хранятся в библиотеке АН Венгрии. Занимаясь в этой библиотеке, я, действительно, обнаружил там много чувашских книг, из-

[1] Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter. Helsinki, 1912. S. 12.

[2] История Чувашской АССР. Т. 1. 2-е изд.—Чебоксары, 1983. С. 34.

данных И. Я. Яковлевым. На них нет никаких дарственных надписей, что характерно было для него: он не засорял страницы книги никакими записями.

В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве в личном фонде И. Я. Яковлева хранится «Список лиц, которым отправлены книги в Венгрию в Астрийской империи: «Священная история Ветхого и Нового Завета», «Букварь для чуваш», «Пасхальная служба». В конце списка проставлена дата: 24 октября 1874 г.[1] Эти книги изданы И. Я. Яковлевым в 1873—1874 гг. в Казани.

В 1885 г. АН Венгрии командировала в Россию для изучения прародины мадьяр профессора Б. Мункачи (1860—1937). Его поездка началась в марте по маршруту Будапешт—Варшава—Минск—Москва—Казань. Перед выездом он отправил письмо Н. И. Ильминскому, в Москве написал ему еще одно письмо. В апреле 1885 г. Мункачи по Волге прибыл в Казань. 30 апреля он написал трогательное письмо академику Й. Буденцу (1836—1892), своему учителю и наставнику: «15 сего месяца был очень важный день в моей жизни. Мое давнее сновидение исполнилось тогда, когда мне довелось увидеть г. Казань — место страстного желания и любознательности моих юношеских лет. Трудно мне описать мое возвышенное впечатление того момента, когда мне на террасе волжского парохода «Государь», находившегося при восходящем солнце, в первый раз посчастливилось увидеть блестящие купола и минареты города. Слезы собрались в моих глазах, и мое сердце наполняли чувства глубочайшей благодарности Всеблагому, кто судьбу мою так определил...

Первый визит я нанес господину директору Ильминскому 16 сего месяца. Он очень любезно принял меня и расспрашивал (говорил по-русски) о моих намерениях, представил мне моего будущего вотского учителя по имени Николай Иванович Иванов (около 20 лет), из Сарапулского уезда, в нынешнем году окончит семинарию.

Я ежедневно посещаю Ильминского, в его же кабинете занимаемся 2 часа. Ильминский почему-то не получил моего письма, но читал в газетах о моем путешествии»[2].

Далее Мункачи пишет, что в Казани он дважды навестил консула Австро-Венгрии, который продлил ему паспорт на один год. В заключении письма он просит Буденца писать в Казань на имя Н. И. Ильминского. В течение ле-

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 8. Д. 16. Л. 1 (публикуется впервые).
[2] Архив АН Венгрии. MS 5449/81—1 (публикуется впервые).

та 1885 г. Б. Мункачи съездил со своим гидом Н. И. Ивановым к удмуртам и вогулам в Екатеринбургскую губернию. В начале сентября он вернулся в Казань. Н. И. Ильминский порекомендовал ему съездить в Симбирск к И. Я. Яковлеву. 11 сентября 1885 г. Ильминский написал ему письмо: «Рекомендую венгерца доктора Бернгардта Мункачи, который приехал в наш Приволжский край для изучения финских языков, особенно же вотского и чувашского. Прошу, окажите ему содействие в исполнении его научных поручений»[1].

Мункачи прибыл в Симбирск 25 сентября, долго искал квартиру. Так и не устроившись, через день явился к И. Я. Яковлеву. Коллектив преподавателей Симбирской чувашской школы принял его радушно. Яковлев экстренно созвал педсовет школы в честь приезда венгерского гостя. До 30 сентября Мункачи жил в чувашской школе, а затем Яковлев помог ему устроиться в гостином доме Дмитриева. Мункачи был доволен оказанным приемом и условиями жизни в Симбирске. 28 сентября 1885 г. И. Я. Яковлев сообщил Н. И. Ильминскому в Казань: «Вчера после обедни был у меня Мункачи, о нем так я ничего не могу сказать, первое впечатление неопределенное. Он здесь хочет пробыть для изучения чувашского языка всю зиму, вообще не менее 7 месяцев»[2]. Это письмо не было датировано. Определить дату нам помогло письмо самого Б. Мункачи, написанное 30 сентября того же года из Симбирска в Будапешт на имя Й. Буденца. Это письмо хранится в архивах Венгрии. В нем дан краткий отчет о пребывании Мункачи в Симбирске. Письмо написано на венгерском языке и занимает 8 листов большого формата. Мы цитируем лишь те места, которые представляют определенный интерес для широкого круга читателей. «27 сентября,—писал он из Симбирска,— я представился Ивану Яковлевичу Яковлеву, господину инспектору, который вместе с находящимися в его кругу преподавателями и священниками встретил меня радушно, предоставил в мое распоряжение свое учебное заведение и предложил услуги для выполнения моей научной работы. Всем известно, что он чуваш.

Я пока занят самоподготовкой, мне необходимо сначала восстановить и совершенствовать знания по чувашскому языку. Н. И. Ильминский просил передать Вам сердечный привет. Он хотел Вам написать письмо на немецком языке.

---

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 18. Д. 55. Л. 1 (публикуется впервые).
[2] Яковлев И. Я. Письма.— Чебоксары. 1985. С. 106.

но потом передумал. Ильминский — замечательный человек. Вечером, накануне моего отъезда, пришел ко мне и принес с собой кучу книг и рекомендательное письмо Яковлеву. После длительных разговоров обнимались и благословляли друг друга, а затем попрощались»[1]. Далее ученый пишет о результатах своей поездки к вогулам: «Через 5—10 лет вогулов совсем не будет, их осталось примерно 2000 человек. Пока я не могу писать о них научного труда, для этого надо жить в России довольно долго.

В настоящее время живу среди чувашей. У них собрано много памятников устного народного творчества: сказки, поговорки, пословицы, а также древние слова. Поэтому мне тут легко работать. Мои выводы не совпадают с данными Г. Балинта. Тоскую по родине...»

Мункачи был убежден в необходимости глубокого изучения культуры вогулов и для этого предложил Буденцу направить еще раз экспедицию в Сибирь. «Среди учащихся Симбирской чувашской школы я нахожу представителей разных губерний. Скоро появится в печати,— продолжал Мункачи,—большая чувашская книга с пословицами, сказками, загадками, которые собрали учащиеся и преподаватели различных чувашских краев в течение многих лет». Несомненно, Мункачи имел в виду букварь 1886 г., богатый примерами из чувашского фольклора (объем букваря — 160 стр).

В том же письме Мункачи оценивает книгу В. К. Магницкого «Материалы к объяснению старой чувашской веры» (Казань, 1881), с которой он подробно ознакомился в Казани и Симбирске. «Все 264 страницы книги содержат материалы о старой чувашской вере без всяких анализов, сравнений, выводов и даже субъективных оценок. Стоило ли все это траты большого труда, да еще средств 200—300 рублей на издание?»

В ближайшее время Мункачи планировал исправить и несколько расширить «Корневой чувашско-русский словарь» Н. И. Золотницкого с помощью виръялских учащихся Симбирской чувашской школы, а затем составить отдельный словарь для виръялского диалекта. «Чуваши живут,— указывал он,—очень разбросанно, их территория больше, чем Венгрия. По мнению И. Я. Яковлева, не следует заниматься составлением словарей чувашских диалектов. Мне кажется, что составление грамматики другого диалекта есть напрасный труд. Все же надо попробовать. Запланированные рабо-

[1] Архив АН Венгрии. MS 5449/81—1 (публикуется впервые).

ты я намерен завершить с божьей помощью к марту 1886 г. После пасхи, т. е. после целого года, проведенного здесь, я намерен вернуться в Венгрию, на родину».

До наступления морозов Мункачи совершил поездку по деревням Симбирской губернии. Его сопровождал преподаватель Симбирской чувашской школы П. В. Васильев. Зимою Мункачи занимался в библиотеках, часто приходил к И. Я. Яковлеву и в его школу. В архивах АН Венгрии нам удалось обнаружить 5 писем Мункачи, написанных им из Симбирска. Все они на венгерском языке и адресованы Й. Буденцу. В них отразился большой аналитический ум исследователя. Мункачи пытался объяснить исторические корни многих чувашских поговорок и пословиц, народных сказок. О своих открытиях он регулярно сообщал Й. Буденцу. Так, 16 октября 1885 г. он писал: «Носители чувашских диалектов виръял и анатри отличаются друг от друга не только по языку, географическому расположению, но и по форме одежды, соблюдению культурно-религиозных традиций»[1]. Такой вывод подтвердили И. Я. Яковлев и П. В. Васильев. Эти особенности Мункачи объяснял историческими условиями жизни чувашского народа. В Симбирске же он начал собирать слова мишарского языка. В нем ему удалось выявить много сходных с венгерскими слов как по произношению, так и по значению. В собирании принимали участие и симбирские нумизматы, писатели и даже помещики, с которыми он установил дружественные отношения, а затем переписывался по возвращении на родину. В его личном фонде хранятся письма казанских ученых: Н. А. Бобровникова, И. Н. Смирнова, Н. Ф. Катанова и др. Из Симбирска ему писали И. Я. Яковлев, А. А. Мотовилов (помещик) и другие. Здесь же хранятся фотографии Й. Буденца, Д. Мессароша, Я. Хорвата и других ученых. К сожалению, письма И. Я. Яковлева к Мункачи не сохранились, но мы обнаружили его письмо к чувашскому просветителю (см. фотокопию). «Месяца три подряд,—вспоминал Яковлев,—Мункачи очень усердно приходил в чувашскую школу, беря уроки у меня и у учителей по чувашскому языку. Жил он где-то в Симбирске на частной квартире. Уроки ему давались бесплатно. По словам его, он не преследовал каких-либо политических целей, а просто хотел с научной целью изучить чувашский язык как лингвист. В то время я не был женат, жил не в нынешней квартире, а в чувашской школе, но внизу, в другом здании. Помню, как, явившись ко мне в первый раз,

[1] Архив АН Венгрии. MS 10275/dd (публикуется впервые).

Мункачи обратился ко мне с приготовленной заранее заученной фразой: «Вас, чувашей, венгерский народ в высшей скромности приветствует...» Надо заметить, что прежде чем приехать в Симбирск, этот Мункачи побывал у вогулов, вотяков. В чувашском языке он сделал за время пребывания в Симбирске большие успехи»[1].

Изучение венгеро-вогульских связей Мункачи продолжал и в последующие годы. В 1888 г. он вновь приехал в Россию и до 1889 г. находился среди вогулов в Сибири. В настоящее время вогулы живут в Свердловской и Тюменской областях, число говорящих на родном языке 3,7 тыс. человек (по данным переписи 1979 г.). Северные и южные диалекты вогульского языка исчезли, но Мункачи успел собрать множество данных о них.

Б. Мункачи поддерживал с чувашскими учеными деловые связи до 1917 года. 23 февраля 1903 г. Н. И. Ашмарин писал Яковлеву: «Не так давно я получил письмо от Б. Мункачи, которому я отправил перед тем книжку «Болгары и чуваши». По-видимому, он очень заинтересовался предметом, т. к. пишет мне о своем намерении сделать о посланной ему книге пространное сообщение в нескольких венгерских периодических изданиях». В эти годы Мункачи работал редактором журнала АН Венгрии «Oriental Revue» (Известия Востока). Из Симбирска редактор выписал такие книги: «Сказки и предания чуваш» (Симбирск, 1908); «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним». Часть 1 (Симбирск, 1908); «Песни чуваш Ядринского и соседних уездов». Записаны И. А. Никитиным (Юрки). (Казань, 1908) и др.

Не все собранные материалы Мункачи успел обобщить и издать. В 1986 г. другой венгерский ученый Б. Кальман, систематизировав эти материалы, издал большой словарь вогульского языка. В предисловии указано, что после смерти Мункачи (1937 г.) был создан его личный фонд. Для этого АН Венгрии приобрела у частных лиц много его рукописей, писем. К сожалению, во время второй мировой войны его архив хранился в подвалах, в результате чего он частично пострадал[2]. Заметим, что АН Венгрии и ее архивы находятся у самого берега Дуная, на улице Черчилля.

Яковлев бывал в этих местах неоднократно, путешествуя по Австро-Венгрии. Первая его поездка в Западную Европу состоялась в 1906 г. Он давно собирался посетить род-

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 12. Д. 14 (публикуется впервые).

[2] Muncacsi — Kalman. Wogulesches Wörterbuch.— Budapest, 1986 S. 8.

ные места классиков педагогики Я. А. Коменского. Ж. Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, А. Дистервега. Ведь многие их идеи и опыт десятилетиями он творчески использовал в чувашских школах. 20 апреля 1906 г. И. Я. Яковлев обратился в управление Казанского учебного округа с просьбой командировать его за рубеж. 10 мая 1906 г. попечитель А. Деревицкий подписал распоряжение за № 5214: «Вследствие прошения Вашего превосходительства я командирую Вас за границу, в Австрию, Швейцарию и Германию, сроком с 20 мая по 16 июля сего года для ознакомления с постановкой учебного дела в начальных училищах и разрешаю на время Вашей командировки заведование Симбирской чувашской школой поручить наставнику школы священнику Василию Никифорову»[1]. В командировку Яковлев выехал вместе с женой Е. А. Яковлевой, затем к ним присоединились их сын Николай, находившийся тогда во Франции, а также почетный попечитель школы Н. Я. Шатров с женой. Купец Шатров еще до этого установил торговые связи со швейцарскими коммерсантами. Находившись за границей, И. Я. Яковлев часто писал сыну Алексею и в Симбирскую чувашскую школу — В. Н. Никифорову. «...В Женеве, куда мы едем часа через два,—писал он сыну Алексею 24 июня 1906 г.,— я надеюсь получить более подробные известия из Москвы и из Симбирска... Большое неудобство путешествовать без языка, хотя Коля и выручает нас с своим французским, но это все не то, без собственного знания»[2].

И. Я. Яковлев и его жена вернулись из заграничной поездки 22 июля 1906 г. О своей командировке он представил отчет в учебный округ. Несколько позднее, в 1907 г., на съезде директоров народных училищ и руководителей учительских школ и семинарий Яковлев выступил с докладом о подготовке педагогических кадров в Швейцарии, о руководстве народными школами в этой стране. В докладе он подробно останавливался на анализе деятельности учительской семинарии в г. Сионе[3].

Е. А. Яковлева лечилась на курортах Австро-Венгрии. Поэтому Яковлев планировал еще одну поездку в Западную Европу, которая состоялась позднее, в 1911 г. «В первую поездку,—рассказывал он,—лечилась она, а во вторую — мы оба. Когда мы были во Франценсбаде, то сын наш Коля

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 527. Л. 1 (публикуется впервые).
[2] **Яковлев И. Я.** Письма. С. 248.
[3] Начальное обучение. 1907. № 10. С. 387—399.

приезжал к нам туда из Лиона и Сент-Этьена, сопровождая меня потом в Швейцарию. Жена моя и жена Шатрова оставались во Франценсбаде, а я, Шатров и Коля совершили путешествие по Швейцарии и Северной Италии (где были в Милане, на северных итальянских озерах — Лугано, Лаго-ди-Комо, Лаго-Маджоре»[1].

После первой поездки И. Я. Яковлева за границу к нему приехал венгерский ученый Д. Мессарош (1883—1957) для продолжения изучения венгеро-чувашских исторических связей. Он путешествовал по многим губерниям Среднего Поволжья. За весь период пребывания в России Мессарош вел дневниковые записи (1906—1908 гг.). Он посетил Симбирскую чувашскую школу, встретился с учителями. «После смерти Н. И. Ильминского,—вспоминал Иван Яковлевич,— около 1900 года приехал в чувашскую школу другой венгерец, Мессарош, до того совершивший ряд поездок по чувашским деревням. Он знал хорошо чувашский язык, но как ученый был куда слабее Мункачи. Он рассказывал мне о том, что при объезде чувашских деревень имел разные неприятности, столкновения с местными властями. Заходил он и ко мне. Пробыл он и в Симбирске с неделю»[2].

Первоначально в некоторых уездах местное начальство не доверяло Мессарошу, опасаясь возможности с его стороны политической агитации среди крестьян. После революции 1905 г. в России свирепствовала политическая реакция, которая задела и Мессароша. Тем не менее ему удалось собрать много ценных материалов по истории прародины мадьяр. Мессарош состоял членом Комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Его отчет о поездке в Россию представляет исключительно большой интерес не только для читателей, но и исследователей истории чувашской культуры. Приведем его с небольшими сокращениями.

«Осенью 1906 г. я был командирован Венгерским Комитетом на Волгу с целью изучения столь важного для венгерской филологии чувашского языка и народа, говорящего на этом языке, главным же образом для собирания чувашского лексического материала на возможно более обширной территории.

Для необходимых подготовительных работ я сначала поселился в Казани, где и прожил до весны 1907 г., пока дороги в Приволжье стали доступны и я мог покинуть зимние квартиры и познакомиться с чувашами в их собственных

---

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 198—199.
[2] Там же. С. 143—144.

жилищах. Изучение чувашского языка я начал уже в Казани, занимаясь с учениками тамошней учительской семинарии грамматикой, запасами слов и чтением текстов. По мере того, как подвигались занятия, все более выяснялась необходимость ближе ознакомиться с языком приволжских татар, тем более, что чувашский язык в продолжение столетий находился под его влиянием: оно продолжается и поныне, так что без знания татарского языка невозможно основательно изучить чувашский. Итак, еще в Казани я принялся за записи и изучение татарского языка и освоился, как с разговорным, так и с литературным языком; до конца путешествия я не прерывал сношений с татарами. Для завершения моих занятий и записей по татарскому языку я отправился ранней весной в татарскую деревню Тюбень-Корса, в 75 верстах от Казани, и провел там полтора месяца. В продолжение этого времени я дополнил материал для словаря и собрал много образцов народной поэзии, татарских суеверий и формул заклинаний. Отсюда через Казань я направился вниз по Волге в область распространения чувашского языка, в деревню (Симбирской губ.) Тайба-Таушево; она лежит приблизительно в центре южночувашского диалекта (Анатри), главным образом того наречия, которое выработалось в литературный язык чувашей и, по сравнению с северочувашским диалектом (Виръял), в наиболее чистом виде сохранило первобытные особенности. Большая часть лета прошла в записях для словаря и собирания образцов народной поэзии, я часто делал поездки в окружения деревни по реке Свияге, пользуясь каждой возможностью пополнить мой татарский словарь и собрание народной поэзии, когда случалось попадать в татарские деревни, рассеянные, как островки. Я делал это тем охотнее, что у симбирских татар в языке и обычаях сохранилось много древних особенностей, общих с чувашами, и которые мы напрасно стали бы искать у татар казанских. У татар-мусульман здесь сохранились древние жертвоприношения и молитвы языческого времени, которые русские исследователи до настоящего времени встречали только у татар-христиан.

В конце лета я передвинулся дальше на юг Симб. губ., все еще в пределах диалекта Анатри, в деревню Улгаш к чувашам-язычникам, которых теперь можно очень редко встретить. В языке их встречается мало уклонений от обыкновенного произношения Анатри, но зато у них сохранилось много первобытного и остатков язычества и волшебства. Отметим, эти остатки — настоятельный долг современного исследователя, ибо они исчезают один за другим, и даже среди

стариков начинают исчезать воспоминания о прошлом. Остатки язычества у южных чувашей особенно интересны потому, что первобытная религия народа сохранилась здесь в самом чистом виде; на севере же с давнего времени сказывалось влияние ислама и православия. Я здесь записал весь строй чувашской мифологии с преданиями, молитвами и жертвоприношениями, а так как мне удалось привлечь к моим занятиям чувашского знахаря, то в моих руках оказался богатый и интересный материал по колдовству, о котором мы до сих пор имели недостаточные и неверные представления. Наряду с записью языческих обрядов и церемоний чувашей при свадьбе, рождении и погребении, я пополнил мое прежнее собрание народной поэзии новым богатым материалом.

После этого я покинул область наречия Анатри и, пересекая короткими остановками всю область расселения южных чувашей в северном направлении, вернулся в Казань, частью, чтобы отдохнуть, частью, чтобы сохранить в безопасном месте мое значительное собрание рукописей. Меж тем наступила уже поздняя осень, и я поспешил уехать из Казани, чтобы до морозов успеть подняться вверх по Волге в Чебоксары. Отсюда я хотел начать мою зимнюю экспедицию. План мой был: из Чебоксарского уезда направиться на запад к реке Суре и изучить всю область распространения Вирьялского наречия, в особенности те места, где еще не работали собиратели и исследователи.

В Чебоксарском уезде я прожил более двух месяцев и объездил все деревни, на которые указывали полученные мною там сведения, как на наиболее интересные, и в которых лучше всего сохранились воспоминания о язычестве и о старине.

Дольше всего я прожил в Вомбу-кассы и Pichek Kagachewo. В области северного чувашского языка я имел случай наблюдать поразительное богатство отдельных наречий; почти каждая деревня отличается в каком-нибудь отношении от соседней, и я особенно тщательно записывал эти различия и провинциализмы.

Отсюда я направился на запад, в Козьмодемьянский уезд, и по дороге остановился на 2 недели в Чандере (на карте Сундырь), где уже замечается влияние черемисского языка, которое все усиливается, чем дальше подвигаешься на северо-запад. Пограничным пунктом чувашского языка служит Пошкырт вблизи Суры; язык здесь в грамматическом строе и фонетике представляет столько уклонений от Анатри и Вирьялского, что его почти можно считать за

отдельный диалект; черемисское и татарское влияние сильно сказываются в нем. Собрав богатый материал по наречиям и образцы народной поэзии, я из Пошкырта направился на юг, в Ядринский уезд, где язык почти не представляет уклонений от обыкновенного Виръялского наречия. Я проехал весь уезд с более или менее долгими остановками и затем перешел в Цивильский уезд, где пробыл несколько дней в Чутее (на карте — Чутеево); здесь опять область наречия Анатри и приблизительно проходит граница между северными и южными чувашами. Оставался еще Симбирск и знаменитая чувашская школа в Симбирске, ученики которой служат представителями всех чувашских наречий, включая сюда уфимских и самарских колонистов. Меня интересовали главным образом последние, п. ч.* я имел намерение познакомиться, если это стоило, с уфимскими чувашами, но собранные мною сведения и личные наблюдения показали мне, что язык уфимских и самарских чувашей ничем не отличается от языка родины чувашей — правого берега Волги. Чуваши стали селиться на левом берегу только после Пугачевского бунта. т. е. 100 — 120 лет тому назад**, таким образом, все эти поселения недавние и в языке и обычаях сходны с коренной областью.

В Симбирске окончились мои филологические и этнографические исследования среди чувашей, а вместе с тем закончилась и моя миссия, и я стал собираться домой. Захватив оставленные в Казани рукописи, я вернулся в Венгрию в конце февраля 1907 года (должно быть 1908—*Н. К.*)

Теперь перехожу к отчету о собранных мною материалах. Чувашский лексический материал обнимает все диалекты этого языка и дает полное представление об их разветвлениях. Я придавал особую важность изучению диалектов и записи слов, так как оно и было целью моей экспедиции и важнейшей задачей ее. Собрание чувашской народной поэзии обнимает все роды проявления народного духа и распадается на следующие группы: 507 пословиц, 224 загадки, 787 песен. Последние носят исключительно лирический характер; от эпического творчества в чувашской народной поэзии не осталось и следа, но это еще не служит доказательством, что его вовсе не было. В различных местностях мне довелось слышать от стариков, что существовала длинная-длинная песня о взятии Казани, но теперь ее никто не

---

* потому что.

** Наши далекие предки еще в Болгарском государстве, в период Золотой Орды, жили на левом берегу Волги. Вообще не все выводы Мессароша убедительны.—**Н. К.**).

знает. По всей вероятности, это была длинная эпическая поэма о последних войнах и падении татарского царства. Это было важным и печальным событием в жизни чувашей, потому что вместе с русским завоеванием и чуваши лишились возможности продолжать тот более независимый образ жизни, который вели при татарских ханах. Легенды, которые я слышал в Цивильском и Буинском уездах, служат, вероятно, отрывками из древней эпической поэмы, так сказать, эпилогами забытого эпоса. Один из вариантов повествует следующее: «Когда русские полчища уже взяли Казань, татарский патша попросил русского патша исполнить его последнее желание; русские согласились, и татарский патша пожелал в мечеть, взял свою лютню и, стоя на вышке мечети, стал играть песню; она была такая жалостная и печальная, что тронула сердце всех воинов: русские и татары пали на колени и плакали; тогда патша начал играть другую песню — веселую, и все воины начали плясать. И третью песню он запел, и опять все плакали и рыдали. Тогда патша разбил свою лютню о стену, обратился в лебедя и улетел на юг, берег «молочного озера». Внуки его живы и доныне, они ждут не дождутся вернуться в Казань и изгнать русского патша (Senelpus — Цивильский уезд).

Это как бы заключительный аккорд утраченной поэмы о взятии Казани. Лирические песни распадаются на: 1) песни общественные, 2) свадебные, 3) пивные, 4) солдатские, 5) прядильные, 6) песни поминальные, 7) песни во время масленицы, 8) пасхальные, 9) рождественские и 10) детские. Чуваши вообще охотники до пения, но родиной настоящих и лучших песен надо считать Анатри — чувашскую область, особенно местность около Буинска. У виръялов лирические произведения хуже: они по большей части напевают или мурлычат без слов, но если и есть текст в песне, то в нем мало чувства и огня, а содержание большей частью неприличное. Самые интересные — это оригинальные пивные и поминальные песни. Хмель от выпитого меда и печаль при погребении будят в душе чуваша звуки, в которых горячее чувство и тоска разлуки сливаются с наивной непосредственностью и житейской мудростью.

Есть еще разряд стихотворных произведений — это такмак, свадебные и детские песни, которые по красоте и наивности должны занять первенствующее место в народной поэзии чувашей; у меня есть образцы их, причем наиболее непосредственные принадлежат чувашам-язычникам.

Сказками чуваши богаты: я записал их 50, длинных и коротких из различных местностей; между ними есть ска-

зания о героях, сказки о плешивых и басни. Рассматривая их содержание и действующих лиц, поражаешься сходством их, в большей части случаев даже полной тождественностью с татарскими. С венгерским миром сказок чувашский имеет также много общего.

Наиболее ценным отделом чувашской народной поэзии является собрание текстов, относящихся к первоначальной вере их. Я занимался этим вопросом с особенной любовью и изучал возможно подробнее эти скрытые, но зато самые ранние сокровища народного духа. Я собирал сказания и легенды о мифических существах, предания о стихиях, небесных телах, явлениях природы, о животном и растительном царстве. Я записал порядок и последовательность языческих жертвоприношений и праздников и молитвы, конечно, в оригинале. Смерть, погребение, празднества в честь мертвых, загробный мир, народные верования и обычаи, связанные с ними, составляют следующую главу в моем собрании. Знахарством и колдовством я также подробно занимался; различными путями мне удалось сойтись со многими знахарями, которые посвятили меня в свою науку, и я записал около 100 заклинаний и магических молитв. Глава о предсказаниях и толковании снов дополняет собранный мною материал по древней чувашской вере.

Что же касается собрания народной поэзии приволжских татар, то я укажу кратко в цифрах, что я записал: 272 пословицы, 74 загадки, 390 песен, 12 (эпических) поэм, 36 сказок, 5 анекдотов. Кроме того, я изучал и суеверие среди татар, собирая в различных местностях относящийся сюда материал и по той же системе, как у чувашей. В Симбирске у татар-мусульман я нашел остатки жертвоприношений и молитв из языческой эпохи, о которых мы до сих пор не имели сведений; в этой области некоторые следы были найдены русскими исследователями только у татар-христиан.

Я имею богатые записи слов и даже для целого татарского словаря, причем мною обращено внимание на различные диалекты, так как во время поездок к чувашам я не упускал случая записывать татарские слова и тексты на всяком встреченном мною татарском островке.

В заключение спешу выразить благодарность Венгерскому Комитету Международного Союза, который своей нравственной и материальной помощью в течение $1^1/_2$ лет способствовал успеху моей экспедиции. С благодарностью вспоминаю всех, в ком встретил доброжелательную поддержку моим научным стремлениям, и прежде всего уче-

ных: гг. Радлова, Катанова и Ашмарина, которым и приношу мою искреннюю благодарность за дружеское отношение и содействие»[1].

Мессарош собрал много интересных материалов и часть из них оставил в Симбирской чувашской школе. В чувашских селениях он останавливался у священников и учителей, которые помогали ему в собирании нужных материалов. Собранные им материалы Академия наук Венгрии выпустила в двух томах, которые в ближайшие годы будут изданы и в Чебоксарах. После Мессароша в Симбирскую чувашскую школу должен был приехать еще один венгерский ученый Морис Силаши, собиравший материалы для чувашского словаря. Он активно переписывался с Н. И. Ашмариным, который и рекомендовал ему приехать в Симбирск. Однако в 1911 г. Яковлев сам выехал на Запад. В этот раз основной целью поездки было лечение. По определению врача, он страдал артериосклерозом, перерождением сердца и нуждался «в лечении углекислыми ваннами Наугейма в течение весеннего сезона»[2]. Учебный округ предоставил ему отпуск с 15 мая по 15 июня 1911 г. В начале мая он выехал вместе с женой в Москву, а оттуда — в Германию, где они лечились, а в свободное время посещали школы. И. Я. Яковлева особенно удивляли школьные сады, огороды. Почти все сельские школы имели богатый живой уголок, за животными ухаживали сами учащиеся даже во время летних каникул. В Берлине они посетили университет, выставки немецких художников. Здесь Яковлеву предложили изготовить визитные карточки с его фотографией на обороте. Но он отказался. Вообще он не любил фотографироваться, позировать художникам. Дело в том, что в 1908 г. в дни празднования 40-летия Симбирской чувашской школы его фотографировали корреспонденты, а художники нарисовали его портрет. Через некоторое время одна из казанских газет поместила карикатуру на тему «Наш сад». Екатерина Алексеевна Яковлева держит зонт, а Иван Яковлевич нагнулся и смотрит на молодые цветы. Внизу картинки стоит подпись: «А пока вырастут наши цветы, надо газоны украсить бумажными»[3]. Эта газета открыто обвиняла И. Я. Яковлева в «национализме и сепаратизме». С тех пор Яковлев настороженно относился к попыткам запечатлеть его для истории.

---

[1] Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.— СПб., 1909. № 9. С. 60—66.

[2] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 818. Л. 12.

[3] Казанский телеграф. 1910. № 5158.

И. Я. Яковлев дважды выезжал за границу, но нигде, ни с кем не фотографировался даже на память. В литературе существует неправильное утверждение, будто в Германии он тиражировал свой портрет. Вот его опровержение: «Портрет мой (фотогравюра Брукманна) сделан в Мюнхене по заказу моей снохи, жены сына моего Алексея, урожденной Приклонской, художницы. Она нарисовала мой портрет по фотографии (1903 г.—*И. К.*) И уже с этого художественного воспроизведения была сделана за границей фотогравюра в небольшом количестве (250) экземпляров»[1]. Эта фотогравюра (12x18) получила широкое распространение. С левой стороны внизу на ней отмечено «Photogravure Bruckmann». Несколько экземпляров ее до сих пор хранится в музеях нашей республики. О. П. Яковлева сделала очень удачный портрет Яковлева и соответственно получилась хорошая гравюра. В этом большая заслуга и немецкого гравера Брукманна.

По предписанию врачей Яковлев должен был поехать в Германию на лечение еще раз, через 4—5 лет. Однако третья поездка не состоялась из-за начавшейся в 1914 г. войны. Но переписки с иностранными учеными он не прерывал, она продолжалась и в годы Советской власти. Последними его корреспондентами были англичане, выступавшие в качестве спонсоров в издании религиозных книг на чувашском языке. До перехода к этой теме все же отметим, что чувашский просветитель получал письма из многих стран. Обо всех случаях писать нет необходимости. Интересное письмо написал ему французский ученый из Цивильска: «Позвольте французу, искренне любящему Россию, члену этнографического общества в Париже, осмелиться Вас спросить, если желаете ему послать Ваши работы про инородцев Казанской губернии, а именно про чуваш. Гостивши вот уже три месяца в Цивильске, я заинтересовался ими и хотел бы про них кое-что написать, но хочу, чтобы все это было верно. Желал бы я узнать: нет ли у чуваш предания о письменности, не писали ли они когда-нибудь характерными (вроде руническими) какими-нибудь знаками; откуда они происходят, что они про это рассказывают; нельзя ли их разделить по племенам? Не смесь ли они двух, трех монгольских, туркменских, финских племен? Нет ли у них каких-нибудь памятников старины? Правда ли, что в селе Яншихово сохраняются щит и меч основателя деревни Яншихово? Кто он был и что про него рассказывают?

---

[1] **Яковлев И. Я.** Воспоминания. С. 241.

Будьте так добры, пошлите мне ответы на эти вопросы. Никто как вы не может мне лучше сделать это одолжение. Ваше имя с благодарностью будет записано в моей работе, и если позволите, я напишу тоже про Вашу школу. Будьте так добры, пошлите мне тоже полную библиографию книг, статей и брошюр, написанных про чуваш, песни чувашские при жатве, благословении пива, колыбельные песни, свадебные, лирические, сказки, шуточные, если можно и с нотами, и назначение — какого уезда и волости? Приложите также фотографии типов костюмов, хотя бы подержанных. Я весною вернусь в Россию, в Казанскую губернию. Могу ли я Вам кое-что привезти из Парижа? Сделаю по Вашему желанию. Уверен, что Вы мне ответите. Благодарю Вас, прошу ответ и посылку послать на любой Ваш адрес в России или в Париже. Лучше бы было прямо в Париж, если это Вас не затруднит.

Я на будущую неделю уезжаю во Францию. Позвольте мне в знак благодарности послать Вам из Парижа мои книги на французском языке: «Русские сказки», переведенные и иллюстрированные, и историю русской литературы.

Примите, господин директор, мое глубокое уважение.

Леон Сиклер — писатель и художник.

Цивильск, Казанская губерния. Его высокоблагородию воинскому начальнику Ивану Филипповичу Столбину (для передачи господину Леону Сиклеру) Monsieur Leon Sichler 16 Rue d' Seine France Paris) Франция, Париж[1].

К сожалению, мы не располагаем ответом Яковлева на письмо Леона Сиклера, неизвестно также, приезжал ли он еще раз в Россию.

И. Я. Яковлев поддерживал также деловые связи с немецкими учеными, издателями книг. 9 августа 1896 г. известный немецкий книгоиздатель в Лейпциге Филипп Реклам написал ему письмо, в котором просил прислать для его книгохранилища все издаваемые чувашские книги. Действительно, в архивах Симбирской чувашской школы есть документы, подтверждающие высылку чувашских книг в Лейпциг. Недавно из этого города нам сообщили, что в том же книгохранилище до сих пор хранятся чувашские книги, изданные в Симбирске.

Наиболее плодотворно было сотрудничество чувашского просветителя с Британским и Иностранным Библейским Обществом в Лондоне (сокращенно БИБО). Оно возникло в начале XIX в. и имело свои филиалы, отделения во многих

[1] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 26. Д. 13 (публикуется впервые).

странах мира. В России такое общество возникло в 1812 г., но просуществовало недолго — до 1826 г. При его финансовой помощи в 1820 г. было издано Евангелие на чувашском языке, текст которого печатался русскими буквами. И. Я. Яковлев составил новую чувашскую письменность, которая постепенно совершенствовалась и становилась более доступной. На ней издавались школьные учебники и древняя религиозная литература. В 1872 г. были изданы буквари, «Начальное учение православной христианской веры», а в следующем году появилось Евангелие от Матфея. Это привлекло внимание английского консула в Казани В. Салмена. Он просил секретаря агентства БИБО в России Вильяма Николсона поинтересоваться этими изданиями. 14 ноября 1873 г. он сообщил в Лондон: «В. Салмен прислал мне перевод Евангелия от Матфея на чувашский язык, выполненный неким мистером Яковлевым, который в настоящее время переводит Священное Писание на этот же язык. Я намереваюсь представить этот перевод кому-нибудь из членов Санкт-Петербургской Академии Наук, чтобы удостовериться, что перевод годится для практического пользования»[1].

Вскоре, в июне 1874 г., состоялась встреча Яковлева с В. Николсоном «Во время моего пребывания в Казани,— записано в дневнике представителя БИБО,—у меня была возможность благодаря мистеру Антуану Шифнеру из Академии Наук России переговорить с доктором Радловым, профессором Готвальдом — библиотекарем университета, и профессором Ильминским, большим авторитетом по вопросу о татарских языках. Профессор Ильминский перевел Евангелие от Матфея на язык казанских татар с использованием русского алфавита для крещеных татар... Я также познакомился с прекрасным молодым человеком Яковлевым, который с подлинно христианской филантропией посвятил себя переводу Священного Писания и других священных книг на язык своего народа — чувашей. Он уже закончил перевод Евангелия от Матфея, экземпляр которого послан в Лондон. Этот перевод в настоящее время проверяет академик А. Шифнер на предмет его соответствия греческому тексту. Когда это будет закончено, Обществу (БИБО.— *Н. К.)* будет предложено издать Евангелие на чувашском и татарском языках...»

---

[1] England. Cambridge. Bible Society's Library. Section—Russian—Chuvash. В настоящее время архивы БИБО хранятся в Кембриджском университете. Присланные материалы публикуются впервые.

Публикуемые в этой главе материалы переписи чувашского просветителя с БИБО по нашей просьбе прислали из архивов Кембриджского университета при содействии МИД СССР. Кембриджский университет — центр исследования Востока СССР. Среди полученных нами материалов: письмо И. Я. Яковлева, отрывки из дневника В. Николсона, протоколы различных комитетов и отделов БИБО (в копии). В библиотеке университета находится личный фонд И. Я. Яковлева с крайними датами 1874—1922 гг. В нем имеются его личное дело, все изданные Чувашским книжным издательством сочинения просветителя: «Воспоминания» (Чебоксары, 1982, 1983), «Письма» (Чебоксары, 1985), «Из переписки» (Чебоксары, 1989), его письма на русском и английском языках, корректуры Евангелия, а также все переведенные на чувашский язык части Ветхого Завета. Здесь же оказались книги о самом Яковлеве. Например, «И. Я. Яковлев и его школа» (Чебоксары, 1971) и др.

Большой интерес представляют дневники сотрудников БИБО в России В. Николсона и В. Кина, с которыми И. Я. Яковлев находился в дружеских отношениях, часто встречался с ними. К сожалению, нам не прислали копии дневника В. Кина, а также писем сына Ивана Яковлевича Алексея, который также переписывался с БИБО и не раз встречался с его сотрудниками. Есть сведения, что с материалами личного фонда чувашского просветителя знакомились военнопленные из чуваш, оставшиеся на Западе. По данным каталогов Кембриджского университета, в его библиотеке хранятся рукописи английских путешественников по Волге в Персию, Индию. Как известно, Великобритания установила дипломатические отношения с Россией в 1553 г. Кембриджский университет — один из старейших в мире— основан в 1206 г. и имеет богатейшие традиции.

Для И. Я. Яковлева БИБО являлось, как теперь говорят, спонсором при издании Библии на чувашском языке. Качество издаваемых переводов чувашских религиозных книг проверяли специалисты по тюркским языкам из АН России. Так, 30 октября 1874 г. В. Николсон сообщил в Лондон тогдашнему завотделом переводов Р. Гердлстону: «Я получил отчет академика А. Шифнера о переводе Евангелия на чувашский язык, экземпляр которого я ранее послал Вам. Перевод в целом хороший. Я отошлю Вам копию, как только получу рецензию».

На местах (в Казани, Симбирске) части Библии издавались после одобрения Цензурного комитета при Святейшем Синоде. Однако БИБО доверяло только Академии

Наук России и переводы издавало лишь после положительного отзыва. Проверка качества переводов не волновала И. Я. Яковлева. С присущей ему преданностью и честностью он продолжал переводить и издавать религиозные книги. По окончании университета он перевел и издал «Священную историю Ветхого и Нового Завета» (Симбирск, 1876), «Главные церковные праздники Господни и Богородичны» (Издание 2-е, Казань, 1877) и др. Одновременно продолжалась работа по переводу четвертой книги Евангелия от Иоанна. «Что касается Евангелия на чувашском языке,—писал В. Николсон 18 апреля 1878 г. в Лондон,—я получил письмо от инспектора Яковлева из Симбирска, в котором он сообщает, что готов перевод Евангелия от Иоанна. Он будет напечатан летом издательством Казанского университета, после чего Евангелие будет отредактировано и предоставлено в наше распоряжение. Я предложил ему по 150 рублей за каждое Евангелие, чтобы ускорить работу. Однако он отказался от денег до завершения редактирования».

Таким образом, предстояло перевести еще 25 глав (Евангелие состоит из 29 частей). В переводе этой исторической книги принимали участие преподаватели и учащиеся Симбирской чувашской школы. Гонорар от издания поступал в общую кассу школы. Евангелие от Иоанна было издано в Казани в 1880 г. тиражом 1200 экземпляров. Конкретные вопросы издания Библии И. Я. Яковлев решал и во время пребывания в Петербурге. Здесь он встречался с представителями БИБО в России. В 1896 г. секретарем БИБО в России стал В. Кин, выпускник университета г. Глазго, поддержавший тесные связи с Яковлевым. Он неоднократно приезжал в Симбирскую чувашскую школу, встречался с преподавателями и учащимися — переводчиками книг, продолжая традиции своего предшественника В. Николсона, скончавшегося в 1897 г. и похороненного в Петербурге.

Доктор богословия В. Ф. Кин работал секретарем агентства БИБО в России до 1918 г. И. Я. Яковлев высоко ценил его заслуги как честного и преданного службе человека. «Кин был очень образованный, благовоспитанный человек, довольно хорошо говоривший по-русски, так как долго жил в России. Он бывал у меня в Симбирске, в чувашской школе, приезжая в Симбирск по делам своего Библейского общества. Когда ему сообщил о моем проекте посылать выдающихся чувашей в английские университеты, то он к этой мысли отнесся сочувственно. Но заявил, что Лондонское библейское общество, как преследующие лишь чисто мисси-

онерские цели, оказать мне тут материальную помощь в виде какого-нибудь пособия не может. Однако он обещал мне дать ход моему заявлению, если я его сделаю на бумаге, оказав мне возможное действие. Но разные обстоятельства помешали мне дать ход такому начинанию. Оно осталось лишь в виде моего пожелания».

Отметим, что к идее обучать чувашей за границей Иван Яковлевич пришел после того, как один из выпускников Симбирской чувашской учительской школы Степан Акимов в 1905 г. успешно окончил курс по естественным наукам в Парижском университете. Империалистическая война 1914 г. помешала осуществлению плана Яковлева посылать на учебу чувашских юношей в английские вузы.

В начале 900-х годов Иван Яковлевич значительно расширяет издательско-переводческую деятельность в связи с появлением в школе талантливых преподавателей и учащихся. Группа переводчиков под его руководством одновременно переводила Ветхий Завет и Евангелие. «Предпринял шаги к изданию Нового Завета на чувашском языке. Что касается Ветхого Завета, он (И. Я. Яковлев.—*Н. К.*) боится,—писал В. Кин 3 марта 1909 г.,—что рукопись в ее нынешнем состоянии не может считаться удовлетворительной. Русские редко готовят хорошую рукопись для наборщика, но проделывают большое количество работы на первом экземпляре гранок. Инспектор Яковлев признает такое состояние рукописи. Он считает, что идеальная рукопись является излишней работой. Остальная часть перевода может быть завершена, если будет решение об издании, все исправления могут быть сделаны на первом экземпляре гранок. Он проявляет большое желание напечатать первое издание в небольшом количестве, чтобы привести перевод в соответствующий вид. Он уже напечатал за свой счет несколько книг из Ветхого Завета, и мы напечатали Псалмы. Но у него нет достаточных финансовых возможностей напечатать Ветхий Завет целиком».

В протоколе заседания правления БИБО записано по этому поводу: «Доктор Кин не знает, что предложить. Он хотел бы не только увенчать 30-летний труд инспектора Яковлева, но и получить текст, который в случае необходимости может пойти в печать без серьезной доработки. Он предлагает в то же время использовать для оплаты фонд Кокера, (неустановленная личность.— *Н. К.*), но не знает, может ли какой-нибудь проект прибегать к средствам этого фонда, не обещая значительного распространения издания. Максимально оно составит около 500

экземпляров в год при продажной цене около $^2/_3$ себестоимости.

Постановили: рекомендовать издание Ветхого Завета на чувашском языке».

Незадолго до этого В. Кин помог И. Я. Яковлеву издать на чувашском языке отдельной книжкой все четыре части Евангелия под названием «Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна» (Симбирск, 1898). Оставшиеся части Евангелия было решено перевести к 1908 г., к 40-летию Симбирской чувашской школы, о чем свидетельствует письмо В. Кина и заключение доктора богословия управляющего издательско-переводческим отделом БИБО Р. Килгора. Последний писал Кину: «Мы хотели получить от вас вполне определенную информацию о том, как Вы можете договориться с инспектором Яковлевым. Не должно быть неясности по поводу финансовых условий. Мы боимся, что его система работы может привести нас к большим расходам, против чего мы должны принять меры предосторожности. Уплатить ему установленную сумму, но не слишком большую».

Перевод Евангелия был завершен к юбилею школы, но печатание продолжалось долго. Работа завершилась в начале 1911 г. 1 апреля 1911 г. В. Кин послал в Лондон преподобному Р. Килгору такое письмо: «Я только что получил последний лист и титульный лист Нового Завета на чувашском языке из Симбирска. Таким образом, все издание теперь отпечатано. Но я обнаружил, что мистер Яковлев добавил к титульному листу предисловие на русском и чувашском языках. Он сделал это по собственной инициативе, не поставив меня в известность и без моего согласия.

Я написал профессору Машанову, президенту Комиссии по переводам Ортодоксального Миссионерского общества, попросив сообщить его мнение по поводу желательности распространения книги с этим предисловием.

Я также представляю это предисловие на Ваше рассмотрение. Прилагаю копию оригинала, чтобы Вы могли посмотреть распределение страниц, также прилагаю перевод предисловия.

Искренне Ваш В. Кин
Екатериновский проспект 12, Санкт-Петербург».

Предисловие к чувашскому изданию Евангелия правление БИБО первоначально рассматривало как нарушение исторических традиций. Для И. Я. Яковлева Евангелие на

чувашском языке было необычайной книгой и потому он решил объяснить читателю цель издания, ее назначение. Издательский комитет продолжал настаивать на своем. «Уважаемый доктор Кин,—писал Р. Килгор из Лондона 5 мая 1911 г.,—рад был получить от Вас известия. Спасибо за посланное мне предисловие Нового Завета на чувашском языке и его перевод. Это одно из тех добавлений, которое наш комитет не может допустить в наших изданиях. Каким бы превосходным ни было обращение, оно должно быть исключено согласно нашим правилам. Будьте любезны сообщить мистеру Яковлеву об этом как можно более тактично».

И. Я. Яковлев понимал, что Евангелие издается не для БИБО, а для родного народа и потому просил оставить его предисловие. Он даже готов был издать Евангелие на свои средства, но с предисловием. В конце концов БИБО согласилось с ним. В протоколе издательской Комиссии от 5 июня записано: «Доктор Кин получил от губернского издательства Симбирска 20 тысяч экземпляров Нового Завета, первое полное издание Нового Завета на чувашском языке. Настоящее издание является результатом большой работы по исправлению и доработке переводов отдельных книг, изданных ранее. Главный переводчик и редактор — мистер И. Яковлев, инспектор чувашских школ и Почетный иностранный член Общества по распространению Библии. Надо его поздравить с достижением поставленной цели, которой он посвятил себя в последние 30 лет, а именно переводу Священного Писания на язык своего народа».

До сих пор мы не обнаружили документальных данных о времени принятия Ивана Яковлевича в число Почетных членов БИБО. По данным протокола издательской Комиссии, процитированного выше, такое звание ему присвоили в 1911 г., т. е. после издания Евангелия. Диплом о присвоении звания оказался у Жиркевича, но по требованию Яковлевых был им возвращен[1]. Только по предъявлении этого диплома АРА (Американская администрация помощи) передала Яковлеву те средства, которые поступили от БИБО, о чем мы писали выше. Возможно, почетного звания Иван Яковлевич удостоился после завершения перевода и издания Евангелия, а диплом ему выписали позднее (в 1913 г.). Появление этой книги на чувашском языке было большим достижением не только для И. Я. Яковлева, но и всей чу-

[1] ОРГМТ в Москве. Дневник А. В. Жиркевича от 23 августа 1921 г.

вашской культуры. Она окончательно рассеяла мнение о бедности чувашского языка. Огромное значение имел и тот факт, что книга впервые была издана не за границей, а в тогдашнем центре чувашской культуры — Симбирске, где Яковлев организовал национальную школу, выпускал литературу на родном языке по самым различным отраслям знаний, готовил кадры и т. д. Написанное Яковлевым предисловие на русском и чувашском языках содержало глубокий смысл — жить мирно и дружно, приобщаться к духовной культуре русского народа, чтение Евангелия — «радость наша, но здесь же и огромная ответственность, ибо теперь не остается для религиозного неведения нашего никакого оправдания»[1]. Подобные же мысли Яковлев проводил и в своих учебниках, изданных также на русском и чувашском языках. Даже к изданию Евангелия на родном языке он подошел творчески с учетом требований жизни.

И. Я. Яковлев не остановился на достигнутом. Он поставил задачу завершить перевод Ветхого Завета и привлек к этой работе целую группу переводчиков. В их число входил молодой чувашский поэт и художник К. В. Иванов. Во время пребывания в Петербурге Яковлев поделился своими планами с В. Кином, который незамедлительно сообщил об этом референту БИБО А. Тэйлору: «Мистер Иван Яковлев из Симбирска, переводчик Священного Писания на чувашский язык, был в Санкт-Петербурге несколько дней тому назад. Он зашел на склад и вручил мне письмо, перевод которого прилагаю. Вам будет интересно увидеть его образ мыслей и чувств.

Он сообщил мне, что предварительное издание Ветхого Завета, которое он сейчас печатает за свой счет, почти готово». Письмо было написано 12 ноября 1912 г. Заметим, что в эти дни И. Я. Яковлев находился в столице по вызову министра Кассо.

16 декабря 1912 г. Р. Килгор ответил В. Кину: «Ваше письмо от 3 ноября мистеру Тэйлору было доложено на последнем заседании издательской Комиссии. Вы сообщили, что мистер Яковлев заходил к Вам и сообщил, что предварительное издание Ветхого Завета, которое он сейчас печатает за свой счет, почти готово. Это первое упоминание о таком издании Ветхого Завета, но так как Вы сообщили, что «он печатается за свой счет», я понял, что ранее у Вас не было какой-либо информации на сей предмет. Я пола-

---

[1] Новый завет Господа Нашего Иисуса Христа.—Симбирск, 1911. С. II. (на чув. яз.)

гаю, что нет каких-либо намерений просить нас напечатать это издание. Очевидно, это лишь частное предприятие, и оно представляет собой перевод, выполненный по собственной инициативе. Если же книга будет опубликована, буду рад, если Вы приобретете один экземпляр и пришлете его для нашей библиотеки.

Прилагаю небольшой меморандум, содержащий список различных изданий на чувашском языке, о существовании которых мы знаем, но на наших полках нет их образцов. Буду рад, если Вы сумеете попросить инспектора Яковлева или любого другого предоставить недостающие книги».

Являясь инициатором и организатором перевода и издания Библии на чувашском языке, Яковлев выполнял его со своими учениками, не спрашивая у кого-либо помощи и средств на издание. Наоборот, заинтересованные в распространении Библии лица сами предлагали ему свои услуги. «Несколько недель тому назад мы получили от печатников Симбирска издание Псалмов на чувашском языке, стереотипное с недавно напечатанным Новым Заветом. Так как у нас еще имеется некоторый запас старого издания Псалмов,—писал Кин 21 декабря 1912 г. Р. Килгору в Лондон,—мы в настоящее время не собираемся выпускать новое издание отдельно, а только вместе с Новым Заветом. Посылаю Вам экземпляры Нового Завета и Псалмов почтой, которая только что отправилась в Дом Библии.

Что касается Ветхого Завета на чувашском языке, предварительное издание которого инспектор Яковлев сейчас печатает, то я имел переписку о нем с мистером Шарпом в 1908 г., но дело не подвинулось. Не думаю, что есть какая-либо особая необходимость для Общества предпринимать издание Ветхого Завета на чувашском языке. Вероятно, мне не составит особого труда получить один экземпляр предварительного издания для библиотеки».

Равнодушие БИБО к переводу Ветхого Завета не смущало Яковлева, и он самостоятельно продолжал начатое дело. «Мы также зарегистрировали Ваше сообщение о Ветхом Завете Яковлева,—сообщили из Лондона В. Кину 8 августа 1913.—Мы будем с нетерпением ожидать поступления экземпляра от него, когда он будет закончен». Между тем произошло недоразумение. Один из чиновников БИБО, приехавший в Петербург, решил проверить доступность и качество чувашских переводов. И с этой целью обратился к читателям... тюрем. Результат был неутешительный: заключенные не понимали прочитанного, что насторожило чиновника БИБО (Подина). Неприятная весть быстро до-

шла до Лондона. Управление БИБО попросило В. Кина объясниться. 18 сентября 1913 г. Килгор писал в Петербург Кину: «Когда на днях мистер Подин посетил Дом Библии, я побеседовал с ним о переводах. Он упомянул, что ему попался малоиспользуемый перевод на чувашский, когда он имел дело с тюремными заключенными. Кажется, он считает, что по общему впечатлению перевод был неважным. Возможно, Вы о нем уже слышали».

Однако мудрый В. Кин рассеял сомнение столичных англичан, чиновников БИБО. Он нашел чувашских студентов в столичных учебных заведениях и наглядно убедил всех сомневавшихся в доступности переводов. 25 декабря 1913 г. он доложил Р. Килгору о результатах своей проверки: «Кем бы ни был мистер Адам Подин, он не является экспертом по качеству переводов на чувашский язык. Он не знает этого языка. Я спросил у него, откуда у него впечатление, что перевод плохой. Он не мог дать определенного ответа. Я спросил у него, должен ли я понимать так, что он нашел общее впечатление о переводе плохим. Нет, сказал он на своем английском, «Вы преувеличиваете это слишком». Самое большое, что мистер Подин мог сказать, что большинство заключенных чувашей были не в состоянии, будучи неграмотными, узнать свой собственный язык в напечатанном виде. Я спросил у мистера Подина, знает ли он что-нибудь о трудах Яковлева, чуваша, инспектора чувашских школ, как, с одной стороны, он добился того, что чувашские дети более не растут неграмотными, и как, с другой стороны, вместе с людьми, которых он собрал вокруг себя в течение 30 лет, он переводил и редактировал книгу за книгой Нового Завета, пока в конце концов он смог сказать, что работа доведена до наивысшего совершенства, которого он с помощниками мог добиться. Мистер Подин об этом ничего не знал, как бы много ни знал о других вещах. Ему не следует ехать в Лондон и говорить о вещах, в которых он абсолютно невежественен».

К счастью, Яковлев не знал о таких неприятностях. Кин не хотел его огорчать. Между тем из Лондона продолжало поступать много писем, в которых повторялся один и тот же вопрос: «Есть ли какие-либо сведения о Ветхом Завете Яковлева». Надо заметить, что в 1913—1914 гг. переводческая работа в Симбирской чувашской школе замедлилась в связи с многократными ревизиями учебного округа. Однако она приостановлена не была. До сих пор переводная литература на чувашском языке успешно выдержала критику и проверку времени. Мнение А. Подина было безос-

новательным и опровергнуто правлением БИБО. «Думаю, что я достаточно правильно оценил мистера Адама Подина,— писал Р. Килгор В. Кину 9 февраля 1914 г.,—когда он был у нас. Без сомнения, он человек полон энергии и евангелического рвения, но я ставлю под сомнение тот факт, что его знания и мудрость соответствуют другим качествам его натуры. После Ваших слов, я думаю, мы можем забыть о его замечаниях по поводу чувашского перевода».

В дальнейшем, в связи с началом империалистической войны, переписка И. Я. Яковлева с БИБО временно прекратилась. После революции в 1918 г. агентство БИБО в нашей стране было закрыто и только летом 1921 г. прерванная связь возобновилась, благодаря инициативе А. И. Яковлева, который обратился к представителю Британской торговой миссии в Москве и сообщил ему о бедственном положении отца. 9 августа 1921 г. Монтгомери Гроув написал в БИБО письмо: «Сэр, по прибытии нашей миссии я встретил некоего мистера Яковлева, в прошлом профессора Московского университета. Во время беседы он говорил о своем отце, мистере Иване Яковлеве, который был замечательным лингвистом и считался большим авторитетом в чувашском языке — одного из племен-аборигенов, разбросанных по России и Сибири.

Мистер Яковлев сообщил мне, что между Вашим Обществом и его отцом была значительная переписка, так как Ваше Общество почти решило издать Библию на чувашском языке, и я понял, что мистер Яковлев-старший должен был подготовить перевод.

Мистер Яковлев сказал мне, что в настоящее время он не получает зарплату профессора и почти не имеет средств к существованию, в то время как его отец потратил почти все, что имел, на исследование чувашского языка, а сейчас лишен того, что у него оставалось. Профессор сказал, что он не может обеспечить пропитание своему отцу сейчас, что он наверняка умрет от голода зимой, если не получит какой-либо денежной помощи. Он поинтересовался, не могли бы Вы, принимая во внимание длительные отношения его отца с Вашим Обществом, оказать ему такую денежную помощь». Не дождавшись ответа от БИБО, 26 сентября 1921 г. М. Гроув сообщил дополнительные данные о деятельности И. Я. Яковлева: «Сэр, по поводу моего письма Вам от 9 августа относительно мистера Ивана Яковлева, могу сообщить Вам, что он был избран Почетным членом Вашего Общества в мае 1913 г. Его сын сообщает, что Ваше Общество ранее предлагало его отцу деньги за его ра-

боту, но он отказывался от них, так как в то время он был хорошо обеспечен и был рад оказать свои услуги. Сейчас он лишен почти всего и, возможно, умрет от голода зимой, если не получит помощи».

В 1921 г. в Среднем Поволжье свирепствовал голод. Тяжелое положение было и у Яковлевых. 12 октября 1921 г. управляющий издательским отделом БИБО Р. Килгор ответил М. Гроуву: «Ваше письмо от 9 августа дошло к нам в период отпусков, поэтому оно попало на рассмотрение комиссией с опозданием.

Мы в Доме Библии всегда с очень большим уважением относились к мистеру Ивану Яковлеву. Он был хорошим другом одного из наших секретарей в России (В. Кина.— *Н. К.*) и, как Вы напоминаете в своем письме от 26 сентября, которое мы только что получили, он является Почетным членом Общества. Основная трудность в оказании финансовой помощи заключается в том, что мы не знаем, как ее послать. Однако, если бы Вы смогли израсходовать, скажем, 10 фунтов стерлингов и впоследствии получить их от нас, или сообщите, как мне отправить их Вам или выплатить Вам, я был бы Вам очень признателен и с радостью перевел бы эту сумму.

Большое спасибо, что написали нам. Будьте добры, заверьте мистера Яковлева и его семью в наших глубоких симпатиях».

Английские друзья серьезно беспокоились о судьбе И. Я. Яковлева и стремились оказать ему возможную помощь. Между тем в те времена местная власть при подстрекательстве бывших членов ЧНО продолжала глумиться над просветителем. По ложным доносам его вызывали на допросы, обыскивали квартиру, выгоняли из школы, которую он основал и бессменно ею руководил более 50 лет. Когда не удалось ни в чем обвинить И. Я. Яковлева, те же националисты ночью взломали замок от двери хлева и увели его корову на десятки километров от Симбирска. Все это совершалось при попустительстве передового отряда — членов местной симбирской секции большевиков и их единомышленников. Англичане, знавшие о последствиях засухи, сразу пришли на помощь чувашскому просветителю. 7 ноября 1921 г. М. Гроув сообщил в Лондон Р. Килгору: «Профессор Яковлев покинул Москву более месяца назад. Однако я постараюсь выяснить, где он живет. Если мне удастся сделать это, я выплачу ему аванс в сумме 10 фунтов, который, по получении Вами его расписки, Вы сможете перевести на мой счет в банк».

Обещанная помощь поступила по назначению, о чем будет сказано несколько ниже. М. Гроув разыскал адрес А. И. Яковлева и сразу же написал ему письмо (7 декабря 1921 г.) Ведь в то время А. И. Яковлев находился в Симбирске и оттуда же 10 января 1922 г. написал на английском языке письмо М. Гроуву: «Сэр, подтверждаю получение Вашего письма, датированного 7 декабря 1921 года (рег. № 31—6). Мой отец просит меня передать Вам и Британскому и Иностранному Обществу по распространению Библии его глубочайшую благодарность за великодушную помощь, направленную ему благородными английскими друзьями, с которыми он имел честь сотрудничать так много лет. Нельзя переоценить ценность этого шага как в его материальном, так и в моральном аспекте, который, наверное, гораздо важнее. Просим Вас переслать Обществу письмо моего отца, которое будет отправлено на днях.

Что касается присланных денег, мой отец просит Вас разделить их между людьми, которые находятся в еще большей нужде, чем он сам, и им самим через Американскую миссию следующим образом: через посылочную почту, организованную американцами (одна посылка стоимостью 10 долларов).

1) Одну посылку через Американскую Миссию в Казань 80-летней вдове известного поборника христианской веры Ильминского, адрес: Казань, 2-ая Солдатская, дом Терновской, Екатерине Степановне Ильминской.

2) Одну посылку миссис Лидии Некрасовой*, Москва...»

Копия этого письма выслана также в Лондон в управление БИБО. К сожалению, конца у этого письма нет. Через несколько дней, 24 января 1922 г., И. Я. Яковлев написал в Лондон следующее**: «Россия, Симбирск, Чувашский институт.

Уважаемые господа, весть о том, что Вы направили мне Вашу щедрую помощь, дошла до меня накануне русского Рождества. Примите самую сердечную благодарность от меня и моей семьи не только за солидную материальную помощь, но и за то, что еще более ценно, моральную поддержку, которую оказало мне послание Британского представителя в Москве. В нашей бедной, богом забытой стране этот знак внимания невозможно переоценить.

Я распределил направленную мне сумму (10 фунтов) среди тех, кто находится в еще большей нужде, чем я и моя

---

* Л. Некрасова — дочь И. Я. Яковлева.

** Письмо написано на английском языке.

семья — примите также сердечную благодарность от вдовы великого Николая Ильминского, моего любимого учителя (Катерины Ильминской, Казань) и Лидии Некрасовой (Москва, Петровская-Разумовская). С Вашего позволения осмелюсь отметить, что восьмидесятилетняя Катерина Ильминская является человеком, который заслуживает помощи более любого другого русского, известного мне, за ту поддержку, которую она оказывала в прежние дни. Она была не только любящей женой, но и настоящей соратницей Николая Ильминского, поддерживая огонь в очаге, который нес тепло и свет тысячам его учеников и последователей. Имя Ильминского как апостола христианства среди различных нерусских племен, будучи священным для миллионов русских и особенно для различных нерусских племен на Востоке России, возможно, неизвестно англичанам — позвольте мне указать статью[1] о деле всей его жизни, принадлежащую перу профессора Московского университета доктора Алексея Яковлева (моего сына) в «Восток и Запад», 1913, июль. № 43.

Свыше 30 лет я имел честь поддерживать связи с Британским и Иностранным Обществом по распространению Библии, и я предполагаю, что для Вас краткий отчет о судьбе моей работы в последние печальные (трагичные) годы русской жизни представит для Вас некоторый интерес. Издание Нового Завета и Псалмов на чувашском языке, напечатанное Британским и Иностранным Обществом по распространению Библии в 1910 году, имело, смею сказать, хороший успех у чувашей, будучи доступным простым людям в деревнях. Большая часть экземпляров (отпечатано 20000) была отправлена из Петрограда в Финляндию для переплетения и находится, надеюсь, в безопасности.

Последние 25 лет я работал над переводом Ветхого Завета. В 1914 г. я предпринял издание Пятикнижия, которое в результате события 1917—1922 гг. было остановлено на 19-м листе, набор 20-го был разобран в 1918-м (19-я глава книги Чисел). Конец книги Чисел и Второзаконие содержатся в рукописи, будучи готовыми к печати. 19 уже отпечатанных листов я направляю Вам с просьбой сохранить их — это один из трех экземпляров, которые у меня имеются. Хочу добавить, что я бы охотно передал все издания, в настоящее время хранящиеся в различных местах, Британскому и Иностранному Обществу по распространению Библии*.

[1] The West and East. 1913. Voll. II. Nr. 43. July.

* Ранее мною были напечатаны переводы книг Иова, Иисуса, Руфи. (Прим. И. Я. Яковлева.—Н. К.).

В течение 5 лет я был почти полностью лишен возможности завершить эту работу из-за недостатка средств и условий. Когда сейчас последнее постепенно улучшается, работа над переводом может быть возобновлена. В конце 74-го года своей жизни я не осмеливаюсь ставить перед собой больших планов, но если бы мне могли обеспечить дружескую поддержку, дело могло бы быть практически быстро приведено в движение. Что касается практической стороны дела, нужны не деньги, а посылки с продовольствием (1 посылка была направлена Американской Администрацией Помощи, штаб-квартира которой в Москве на Спиридоновке, секция в Лондоне, руководимой Американской миссией здесь, стоимость ее № 10 долларов). Примерно 3—5 посылок в месяц было бы достаточно, чтобы штат сотрудников взялся за дальнейший перевод Ветхого Завета под моим руководством (для начала в рукописи).

Примите еще раз сердечное выражение благодарности от Ивана Яковлева.

Иван Яковлев».

В целом Иван Яковлевич вместе со своими учениками, в особенности с К. В. Ивановым, перевел на чувашский язык 5 частей Ветхого Завета. В настоящее время в Книжной палате Чувашской ССР хранятся корректурные экземпляры перевода Пятикнижия Моисея: Пултарни (Бытие), Тухни (Исход), Левит (Левит), Хисеп кĕнеки (Числа). Перевод обрывается на 304 странице. Все переводы И. Я. Яковлев печатал в трех экземплярах: для себя, Н. И. Ашмарина и БИБО. В Книжной палате хранится его личный экземпляр, переданный в 1959 г. внуками О. А. Яковлевой и И. А. Яковлевым. По нашим подсчетам, для полного издания Ветхого Завета на чувашском языке необходимо перевести еще 640 страниц.

1 февраля 1922 г. М. Гроув сообщил в Лондон управляющему издательским отделом Р. Килгору: «Вы написали мне письмо о профессоре Иване Яковлеве, авторитетном специалисте по чувашскому языку. Я получил копию его письма, переданную мне его сыном, профессором Алексеем Яковлевым. Получаемые его письма я быстро отошлю Вам». На это письмо Р. Килгор ответил 24 февраля 1922 г. Монтгомери Гроуву, что он выслал из Лондона письмом чек английского банка для передачи Ивану Яковлеву. В тот же день, 24 февраля, из Москвы М. Гроув сообщил в Лондон Р. Килгору: «Сэр, при сем я прилагаю письмо от профессора Яковлева, специалиста по чувашскому языку, а также пере-

вод Пятикнижия на чувашский язык. Как я понял, имеются лишь 3 экземпляра этого перевода, и поэтому профессор Яковлев посылает Вам этот экземпляр для хранения». Следующее письмо Р. Килгора от 14 марта 1922 г. радует нас тем, что хранящийся корректурный экземпляр Пятикнижия в Книжной палате Чувашии соответствует тому, что имеется в архиве БИБО. 14 марта 1922 г. Р. Килгор сообщил М. Гроуву: «Получил Ваше письмо от 24 февраля с вложенным письмом от профессора Яковлева и переводом Пятикнижия до 304 страницы на чувашский язык».

Наконец-то обещанная Ивану Яковлевичу помощь от БИБО поступила в Москву. «Получил Ваше письмо от 24 февраля, содержащее чек на 10 фунтов для профессора Яковлева, чувашского ученого. Его сын,—пишет М. Гроув 3 апреля 1922 г. из Москвы в БИБО,—зашел сегодня ко мне. Я оформил на него чек и вручил ему. Он говорит, что его отец был глубоко тронут этим знаком внимания Вашего Общества.

Я возвращаю расписку, должным образом подписанную».

После закрытия в 1918 г. агентства БИБО в России переводы Библии на языки народов нашей страны издавал финский филиал того же общества в г. Гельсингфорсе. Не случайно сюда для переплетения были перевезены несколько тысяч книг изданного в Симбирске Евангелия. Раньше секретарем этого филиала состоял Коэн, а в 1922 г.—В. Дэвидсон. Оба хорошо знали труды Ивана Яковлевича и высоко ценили его вклад в переводческую литературу. 21 апреля 1922 г. Р. Килгор сообщал В. Дэвидсону: «Я посылаю Вам копию письма, которое я отправил профессору Яковлеву. Вы должны помнить, что он почетный пожизненный член правления общества. Д-р Коэн часто о нем лестно писал. Мы опубликовали его перевод Нового Завета. В то время у него были хорошие условия и он предложил перевести Ветхий Завет. Не думаю, чтобы Ветхий Завет широко распространялся (расходился) в последнее время, но вполне вероятно, что может появиться способ использовать этот перевод в дальнейшем. Хотелось бы, чтобы Вы сообщили нам свое мнение по этому вопросу. Уверен, если нет возможности использовать книгу, наш Комитет будет рад оказать финансовую помощь профессору Яковлеву, чтобы получить этот перевод.

БИБО стремилось воспользоваться опытом и знаниями И. Я. Яковлева для завершения перевода Ветхого Завета. Поэтому управление БИБО поддерживало его морально и материально. Конечно, при этом учитывались и прошлые за-

слуги чувашского просветителя. 22 апреля 1922 г. управляющий издательским отделом БИБО Р. Килгор обратился с письмом: «Профессору Ивану Яковлеву. Чувашский институт. Симбирск.

Уважаемый профессор Яковлев!

Было приятно получить Ваше письмо от 24 января. Мы были рады узнать, что та маленькая помощь, которую мы Вам смогли предоставить, была Вами так высоко оценена. Мы давно знаем о Вашей работе над переводом Ветхого Завета на чувашский язык и благодарны за гранки Пятикнижия до № XIX, которые Вы напечатали за свой счет. Великодушно с Вашей стороны предложение передать и эти отпечатанные экземпляры нашему Обществу. Когда появятся пути для их пересылки, мы будем рады получить их, но в настоящее время обстановка такая неспокойная, что невозможно что-либо организовать.

Я бы хотел продолжить, что, хотя мы и не можем в настоящее время платить Вам какое-либо содержание, Вы могли бы продолжить работу по подготовке Ветхого Завета, которой Вы были заняты, сохраняя рукописи у себя или отсылая их нам для сохранения. Я прошу нашего секретаря, мистера Дэвидсона, рассмотреть (изучить) вопрос о возможности распространения Книги, и если он сможет заверить нас, что в ней есть потребность, мы будем рады использовать ее. Мистер Дэвидсон подготовил также доклад по всему вопросу. Заверяю Вас в наших симпатиях.

Искренне Ваш
Управляющий издательства».

К сожалению, мы не располагаем данными, какой ответ последовал от Ивана Яковлевича в БИБО. Как уже говорилось, в дальнейшем издание Библии на чувашском языке занимался финский филиал БИБО, где в 1973 г. было переиздано Чувашское Евангелие тиражом в 10 тысяч экземпляров с тем же предисловием, которое составил И. Я. Яковлев в 1911 г.

В начале апреля 1922 г. БИБО стало известно, что в Германии также занимаются переводом Библии на чувашский язык. 17 мая того же года Дэвидсон сообщил в Лондон: «Я позволю себе навести справки о чуваше, который в настоящее время занимается в Библейском колледже в Вернигероде. Этот человек также сделал переводы одного —двух Евангелий, и я разговаривал недавно по этому поводу с графом Паленом».

Это письмо было адресовано Р. Килгору, который ответил Дэвидсону 15 июня 1922 г. кратким письмом: «Я рад, что Вы одобрили мое письмо профессору Яковлеву. Благодарю за сообщение о другом чуваше, занимающемся переводами Библии». Несомненно, БИБО искало другого чуваша—переводчика из Вернигерода для того, чтобы привлечь его к завершению перевода Ветхого Завета. Выяснить личность искомого чувашского переводчика поручено было корреспонденту финского филиала БИБО в Германии. Очевидно, таковым являлся упомянутый выше Пален. 17 июля 1922 г. Дэвидсон доложил Р. Килгору: «Ответ не получен пока от моего корреспондента в Германии относительно чуваша. Дам Вам знать, как только получу его письмо».

Пока выясняли личность чувашского переводчика в Германии, БИБО продолжало переписываться с Иваном Яковлевичем, как и прежде, через Британскую торговую миссию в Москве. Материалы переписки убеждают нас в том, что в дальнейшем И. Я. Яковлев должен был курировать финский филиал БИБО в Гельсингфорсе. Копии всех его писем, адресованных в Лондон, оттуда непременно пересылали в Гельсингфорс, где должно храниться немало материалов переписки чувашского просветителя.

В дальнейшем Британская торговая миссия в Москве являлась посредником И. Я. Яковлева в переписке с БИБО. О своих переводческих делах он писал представителю торговой миссии, а последний переправлял его письма в Лондон. «Некоторое время тому назад,—писал представитель торговой миссии М. Гроув 30 ноября 1922 г. в Лондон,—Вы передали через меня письмо профессору Ивану Яковлевичу, в котором Вы выразили надежду, что он продолжит свою работу по подготовке перевода Библии на чувашский язык. Профессор Яковлев просит меня сообщить, что он готов заняться этим, если Вы можете заплатить текущие расходы, т. е. зарплату секретарю, письменные принадлежности и т. д. Я могу добавить, что ему около 80 лет, и он не может выполнить эту работу без поддержки. У него есть жилье и пища, но нет денег на указанные мною расходы. Это известие я получил от его сына». 18 декабря 1922 г. на это письмо Гроува управляющий издательским отделом БИБО Р. Килгор ответил так: «Господину Монтгомери Гроуву. Британская торговая миссия. Москва.

Уважаемый сэр, я получил Ваше письмо от 30 ноября. Если Вы взглянете на мое письмо от 22 апреля к профессору Яковлеву, на которое Вы ссылаетесь, то обнаружите, что я со всей определенностью отметил, что в настоящее время

мы не можем выплачивать ему какое-либо содержание, хотя, конечно, если он желает, он мог бы продолжить подготовку перевода Ветхого Завета. В настоящих обстоятельствах мы не только не получаем каких-либо заявок на Священное Писание на чувашском языке, но и насколько нам известно, нет никаких возможностей его распространения, даже если бы оно было в наличии.

Я напишу нашему секретарю в России (т. е. торговой миссии.—*Н. К.*) еще раз по этому вопросу, и передам ему то, что Вы сообщили.

Я буду рад, если Вы передадите профессору Яковлеву и его сыну наши сердечные приветствия.

В то время в нашей стране шла борьба с «религиозными предрассудками» и условия для распространения религиозных книг были более чем неблагоприятными. Тем более, что тираж изданного Евангелия на чувашском языке еще не был реализован. Поэтому правление БИБО решило временно отложить издание Ветхого Завета. Секретарь финского филиала БИБО Дэвидсон согласился с таким решением. Вот отрывок из его письма: «Я давно писал графу Палену о переводе, которым был занят некий чуваш в Германии, но не получил от него никакого ответа. У нас есть довольно хороший запас Священного Писания на этом языке в Петрограде и Вы совершенно правы, я думаю, что нужно оставить этот вопрос, пока дела не пойдут в верном направлении в России, не предпринимая каких-либо дальнейших действий.

Между тем БИБО получило письмо от чувашского переводчика в Германии Романа Иванова. Сотрудники архива БИБО прислали нам отрывок из его письма, который и предлагается вниманию читателей. Письмо было написано 20 октября 1924 г. на немецком языке, затем его перевели на английский, а с него — на русский. Вот его содержание: «В настоящее вассальное государство чувашской нации включена только половина всего чувашского народа; там около 230 греческих православных церквей. Все еще остается некоторое количество чувашей-язычников или сохранивших шаманизм; многие перешли в мусульманскую веру.

Есть признаки огромного стремления народа к более высокой цивилизованности; цели просвещения направлены на подготовку учителей и священников, но еще многое нужно сделать, т. к. число охваченных все еще невелико. Начальное образование из-за малого количества школ доступно немногим; добрая половина мужского и почти все женское население до настоящего времени не умеют читать и

писать; другими словами, полностью неграмотно. Таким образом, лишь немногие чуваши могут общаться на русском языке, да и то ломаном; среди женщин очень редко можно встретить говорящую на русском языке.

Чувашский алфавит основан на русском с несколькими исключениями, которые служат для передачи звуков, характерных для чувашского языка. Несколько школьных учебников переведены на чувашский, некоторые религиозные книги и Жития Святых. Переведена только часть Ветхого Завета — Псалмы, Книга притчей Соломоновых и две апокрифические книги, все остальное еще не переведено.

Население по данным (неполным) Переписи 1897 года, составляло 843 000; в 1910 г. оно было 1 240 000 душ. Более поздние данные дают цифры 1 500 000, другие 1 800 000. Чувашский язык принадлежит к тюркско-татарской группе.

Принимая во внимание все вышесказанное, я хотел бы предложить свои услуги Британскому и Иностранному обществу по распространению Библии для перевода полной Библии на чувашский язык. Лично я считаю, что с божьей помощью и при наличии постоянного желания работа эта может быть закончена при условии, что БИБО выделит некоторые средства на мои расходы.

Я слышал из разных источников, что БИБО издало Библию на 300 различных языках; как счастлив был бы я перевести и предложить верующим чувашам Библию на их родном языке, таким образом добавив еще один — 301-й — язык к Вашему длинному списку!

. . . . . .

Переходя к вопросу перевода Библии на чувашский, если БИБО примет мои условия, я считаю, что мог бы завершить перевод Ветхого Завета за три-четыре года, рассчитывая переводить в среднем по 1 главе в день. Нужно предусмотреть время на редактирование (при наличии помощников его потребуется немного меньше).

Думаю, что, вероятно, сумма в 100 золотых рублей в месяц покроет все расходы, включая канцелярские принадлежности и переписку рукописи. (Для этого языка нельзя использовать пишущую машинку). Я бы также предложил некоторый гонорар по завершении каждой книги или даже группы книг.

Моим основным справочным изданием будет, конечно, лондонское (1920 года) издание Библии на русском, а также издание, выпущенное в Берлине в 1917 г.; издание Святейшего Синода славянской Библии и издание Библии на немецком БИБО-м.

Все остальные условия оставляю в руках и на совести БИБО».

Автор письма, давно оторванный от Родины не по своей воле, недостаточно хорошо знал об истинном положении вещей. К тому времени он даже ничего не знал об издании на чувашском языке Евангелия, отдельных глав Ветхого Завета, что составляло по счету 300-й язык Библии, а не 301-й.

По данным иностранных литературных источников, Роман Иванов был военнопленным первой империалистической войны. Он окончил духовное учебное заведение и получил сан пастора. Часть образованных и способных чувашей-военнопленных немцы привлекали даже к творческой работе. Так, в Австрии в результате подобной работы с группой чувашей из 20 человек, большинство из которых были уроженцы Ядринского уезда, Р. Лах опубликовал в 1940 г. книгу: «Песни русских военнопленных». Т. 1. Финно-угорские народы. Часть IV. Чувашские песни. Транскрипция и перевод чувашских оригинальных текстов К. Кропбеха». Книга содержит 216 чувашских песен. Дальнейшая судьба чувашей — помощников Лоха неизвестна. Но имена установить удалось: Ларион Васильев, крестьянин из дер. Верхнего Кукшума, Иван Яковлев, крестьянин из дер. Такинская Поляна; Федор Зайцев, крестьянин из дер. Енеркассы. Все перечисленные крестьяне были из Ядринского уезда[1]. Известно также и то, что во время второй мировой войны, пользуясь услугами чувашских военнопленных, немецкое военное командование выпускало книги для военных целей. В послевоенное время, в 70—80-х годах нынешнего столетия на Западе был издан для пропагандистских целей ряд книг на чувашском языке: «Тулăх пурнăç» («Жизнь в изобилии»), «Пирĕн Çĕршыв» («Наша родина») и др. Сочинения такого рода также принадлежат чувашским военнопленным.

В дальнейшем упомянутый Роман Иванов сотрудничал с финским филиалом БИБО, чтобы завершить перевод Библии. Об этом же свидетельствует письмо Р. Килгора от 24 ноября 1924 г., адресованное Дэвидсону: «К настоящему прилагаю перевод нескольких отрывков из письма, полученного через Лондон от священника Романа Иванова. Копия перевода направлена также д-ру Дж. г. Ритсону (неустановленная личность.—*Н. К.*).

---

[1] Lach Robert. Gesänge russischer Kriegsgefangenen. I. Band. Wien—Leipzig. 1940. S. 5.

Этот Иванов работал с пастором Джеком в Вернигероде в течение 2-х лет, оттуда он обратился ко мне с просьбой о Новом Завете на чувашском языке, который я отправил ему через покойного графа Палена. Свыше 3 тысяч экземпляров Нового Завета находятся у людей Проханова в Петрограде; мы сталкиваемся с большими трудностями в их распространении. Я написал Иванову, что в настоящее время мы не можем питать каких-либо надежд на использование его услуг в соответствии с его предложениями. Тем не менее, я считаю данные, приведенные в его длинном письме, очень ценными, о чем я сообщил ему.

Вероятно, Вы помните Вашу переписку с профессором Яковлевым через генерального консула мистера Монтгомери Гроува. Я подошью к ней эти материалы, Вы, очевидно, поступите так же».

Р. Иванов занимался сравнительным изучением чувашских изданий Евангелия 1820 и 1911 гг. В результате такой работы, очевидно, он обнаружил кое-какие «несоответствия» греческому тексту и потому предложил БИБО переиздать чувашское Евангелие. Однако БИБО отнеслось к его предложению осторожно. «Перед тем, как принять услуги Иванова,--писал Р. Килгор 1 января 1925 г. Дэвидсону,— мы должны получше узнать о его квалификации, а также убедиться в необходимости переработки издания».

К сожалению, Р. Иванову не удалось внести существенного вклада в дело перевода и издания Библии на чувашском языке. Заслуга И. Я. Яковлева в том и заключается, что он положил начало этому делу. Но ныне, как это ни грустно сознавать, оно находится на том же уровне, что и 80 лет назад.

По данным зарубежной справочной литературы Библию в России переводили при содействии БИБО украинцы, эстонцы, грузины и чуваши[1]. В архивах общества хранятся корректурные экземпляры переведенных и изданных частей Библии на чувашском языке. То же самое имеется в библиотеках и Книжной палате Чувашии.

Таким образом, благодаря неутомимой деятельности И. Я. Яковлева и его верных учеников чувашский язык, объявленный еще в недалеком прошлом неперспективным и бедным, стал языком современной жизни самой древней книги — Библии.

---

[1] The stady of Russian History from British archival sources Edited by Janet M. Hartley. London—New Jork, 1986. P. 163.

И. Я. Яковлев в оценках зарубежных ученых

В отечественной и зарубежной литературе Иван Яковлевич Яковлев является самым признанным и непревзойденным ученым и выдающимся деятелем культуры из чуваш. Его же имя находится на первом месте и по числу изданных о нем работ как в нашей стране, так и за границей. Наследие чувашского просветителя интересует более всего ученых Западной Европы и США. И это не случайно. В их библиотеках и архивах хранится немало рукописей и книг Яковлева. Среди них есть не известные нам до сих пор рукописи, что подтверждают дневниковые записи бывших сотрудников БИБО в России В. Николсона и В. Кипа, а также каталоги национальных музеев, библиотек и архивов Венгрии, Великобритании и Германии. Пока нам удалось извлечь лишь небольшое количество материалов из архивов БИБО и Академии наук Венгрии. Научные сотрудники одного из архивов г. Лейпцига обещали прислать копии писем И. Я. Яковлева.

Вообще выявлением материалов переписки И. Я. Яковлева, его рукописей, а также сбором зарубежной информации о чувашах должен заниматься Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской ССР, который издает многотомное собрание сочинений чувашского просветителя (пока издано три тома). Мы неоднократно предлагали дирекции института организовать в нем особый сектор или отдел, а затем вовлечь в это дело и иностранных ученых, всех заинтересованных лиц. Однако такой отдел до сих пор не создан. В зарубежной печати, между тем, нам уже неоднократно приходилось встречать весьма отрицательные отзывы и рецензии зарубежных ученых на издания этого института. Ведь там независимо от наших ученых зачастую изучают те же проблемы. Поэтому учет состояния исследований за рубежом является одной из важнейших методологических основ научного анализа. Это касается также изучения наследия и чувашского просветителя И. Я. Яковлева.

Иностранная литература, посвященная И. Я. Яковлеву, довольно богата. О нем писали историки, философы, филологи, педагоги, писатели, религиозные деятели. При этом они широко пользовались литературными источниками, изданными в нашей стране. Тем не менее их взгляды на деятельность И. Я. Яковлева не совпадают. К настоящему времени за рубежом установилось два направления в оценке исторических заслуг просветителя. Почти все представители

обоих направлений главные исторические заслуги Ивана Яковлевича видят прежде всего в создании им национальной школы, подготовке народных учителей.

Первое направление объективно оценивает и признает И. Я. Яковлева как прогрессивного деятеля в истории культуры чувашского народа, второе считает его русификатором, проводником идей христианства в среду своих сородичей.

Вообще в современной и зарубежной литературе о чувашском просветителе положительная оценка, данная его деятельности, преобладает. Справочники, энциклопедические словари отмечают, например, что «современная чувашская письменность была создана И. Я. Яковлевым в 1871 г.»[1]

Имя Ивана Яковлевича встречается также в словарях-указателях выдающихся личностей. Словари типа «Кто есть кто» издаются регулярно в западных странах, но имя чувашского просветителя с них не сходит. В них каждая личность и ее деятельность характеризуются наиболее подробно и строго объективно. В одном из них написано: «Яковлев Иван Яковлевич (1848—1930)—чувашский педагог, основатель национальной школы, издатель учебников и других книг»[2].

Некоторые ученые-тюркологи почему-то не признают Яковлева как создателя нового чувашского алфавита. Так, профессор Тюбингенского университета И. Бенцинг, составитель немецко-чувашского разговорника на случай оккупации фашистами Среднего Поволжья, писал, что чуваши до 1938 г. пользовались алфавитом Н. И. Ашмарина[3]. Это, пожалуй, единственный случай непризнания И. Я. Яковлева среди западных ученых как создателя новой чувашской письменности.

Многие исследователи истории чувашской культуры отмечают, что приспособление русского алфавита к чувашскому языку началось вместе с колонизацией Среднего Поволжья. Оно продолжалось веками, начиная с XVI в. Русскими буквами писались тексты к чувашским народным песням, переводились разные религиозные книги, включая Евангелие, а Н. И. Золотницкий составил даже учебники для первоначального обучения грамоте, но русский алфавит так и не привился чувашам. Школьное образование, осуществляемое на чужом языке, также не привлекало чувашскую молодежь, хотя для нее вводились различные льготы. Такие

[1] Brockhaus Enziklopädie in 20 Bände. 19-er Band. Wiesbaden, 1974. S. 89.

[2] Meyers Grosses Personenlexikon. Maheim—Zürich, 1968. S. 682.

[3] Benzing J. Keine Einführung in die Tschuwaschische Sprache.—Berlin, 1943. S. 9.

эксперименты продолжались более 300 лет и завершились только в начале 70-х годах XIX в. «изобретением чувашского алфавита. Его изобрели сами чуваши»[1]. Создание самим народом нужного для себя алфавита, письменности ученые считают важнейшим показателем его жизнеспособности. С таким выводом нельзя не согласиться. Действительно, народ способен создавать такую духовную силу, которая прокладывает ему дорогу для будущего. По ней движется грядущее поколение. Такую дорогу для чувашского народа проложил И. Я. Яковлев.

Зарубежные ученые знают о добровольном вхождении чувашей в состав России. Это историческое событие совершилось довольно быстро и не требовало особых усилий. В противоположность этому событию добровольно, или, как пишут ученые, «свободное приобщение» чувашей к русской культуре началось не сразу, а через столетия. По утверждению многих ученых, этот процесс начался именно после создания Яковлевым национальной школы. Э. Саркисянц считает даже, что после этого чуваши начали добровольно русифицироваться[2]. Причину такого стремления к русской культуре некоторые ученые объясняют тем, что чуваши от природы «тихие, смирные», не терпят насилия и легко поддаются влиянию[3] и т. д.

Зарубежные историки пишут, что среди чувашей еще в XIX в. было множество русификаторов из своих сородичей, особенно среди представителей духовенства. Они не только христианизировали язычников, но и объективно способствовали сближению их с русскими. На использовании родного языка чувашей в качестве орудия воспитания и образования была основана система просвещения Н. И. Ильминского, которого в свое время обвиняли в русификации инородцев.

Некоторые зарубежные ученые обвиняют также и Яковлева в русификации своих сородичей. По их мнению, он разработал новый чувашский алфавит на основе русской графики, а в Симбирске организовал школу с той же целью — русификации. Ряд ученых трактует многогранную деятельность И. Я. Яковлева с политических позиций. Особенно отличается В. Коларц, сочинения которого «Коммунизм и колониализм», «Национальная политика Совет-

---

[1] Osteuropa. 1953. Nr. 6. S. 415.

[2] Srkisjanz Emanuel. Geschichte der orientalischen Völker Russlands.—München, 1961. S. 270.

[3] Reader's Digest. Great Illustrated Dictionary in 2 Volumes. Vol. I. London, New York, Sydney, Cape Town, Montreal, 1984. P. 321.

ского Союза» и другие, разошлись в тысячах тиражей на многих языках Западной Европы. «Чуваши,—писал он,—обладают сильной националистической идеологией, которая в свое время оказала серьезное сопротивление Советам»[1]. Однако в пользу такого суждения Коларц не приводит никаких фактов. Далее он пишет, что чуваши являются предками болгар. После революции 1917 г., «чувашские коммунисты требовали, чтобы г. Симбирск (теперь Ульяновск) был оставлен чувашам. Симбирск был в прошлом самым важным национальным центром чувашей. Здесь были изданы на чувашском языке первые чувашские книги, создана первая чувашская средняя школа». По мнению Коларца, требование чувашей Коммунистическая партия не удовлетворила, т. к. Симбирск был всегда русским городом.

Несомненно, Коларц склонен выдавать желаемое за действительное. Известно, что никто из чувашей, кроме И. Я. Яковлева, не мог поднимать вопрос об административно-географическом статусе Симбирска как чувашском городе. Но Яковлев никогда не различал ни национальных, ни географических границ между народами, поэтому и не ставил этот вопрос в ряду главных для чувашского народа. Наоборот, он был поборником дружбы между народами.

В отличие от других зарубежных ученых Коларц по-своему оценивает деятельность И. Я. Яковлева. «Сближение чувашей с русскими,—подчеркивает он,—усилилось после создания педагогом-русификатором И. Я. Яковлевым в 1872 г. чувашского алфавита на основе русской графики»[2]. Благодаря созданной в Симбирске школе, а также в других местах «чуваши с большим желанием изучали русский язык, вступали с русскими в брак, посылали своих детей в русские школы. Чувашская молодежь, получив образование, возвращалась в деревню же. Так среди чувашей появились священники, учителя и все они были активными борцами за русскую культуру»[3].

Как отмечалось выше, в свое время чувашские националисты тоже обвиняли Ивана Яковлевича в русификаторстве. Неизвестно, знал ли Коларц о них что-нибудь: он не ссылается на их труды. Напротив, англичанин Х. Варрен упоминает решения съезда ЧНО 1917 г., но не обвиняет И. Я. Яковлева в русификаторстве[4].

---

[1] Kolarz Walter. Die Nationalpolitik der Sowjetunion. Frankfurt am Main, 1956. S. 60—61.

[2] Kolarz Walter. Die Nationalpolitik der Sowjetunion. S. 63.

[3] Там же.

[4] Warren H. Turkism and the Soviet.— London, 1957. P. 44.

В той же книге «Национальная политика Советского Союза» В. Коларц делает такой общий вывод о чувашском просветителе: «Чуваши всегда считали Яковлева благотворителем и национальным героем. Однако Коммунистическая партия долго не соглашалась с такой оценкой, т. к. Яковлев был религиозным деятелем, к тому же не примкнул к революционному движению 1905 г. Однако после второй мировой войны отношение к нему изменилось в лучшую сторону. В периодической печати появились статьи о Яковлеве как о верном соратнике отца Ленина, инспектора И. Н. Ульянова»[1].

На эту книгу Б. Коларца официальную рецензию написал известный на Западе советолог, специалист по национальным вопросам Лео Билас в журнале «Восточная Европа». Рецензент полностью соглашается с выводами Коларца и добавляет, что «национальные меньшинства Советской империи все больше и больше теряют свою самобытность и заслуживают внимательного изучения их культуры, пока они еще не исчезли»[2].

В период холодной войны на Западе вышло немало таких книг. К сожалению, в них почти не находим ничего нового о чувашском просветителе. Новые сведения и факты о жизни и деятельности И. Я. Яковлева содержатся в английских изданиях. Авторы используют материалы его переписки с БИБО. Как известно, она продолжалась почти 50 лет (1874—1922). Возможно, что и после выезда из Симбирска И. Я. Яковлев продолжал поддерживать связь с БИБО. Находясь в Москве, он мог непосредственно встречаться с представителями Британской торговой миссии в этом же городе, с которыми переписывался с 1921 г.

Недавно в Лондоне вышла книга о русской истории. В ней находим интересные данные о переводческой деятельности И. Я. Яковлева. Оказывается, в архивах БИБО хранятся не только корректурные экземпляры переведенных на чувашский язык частей Библии, но и рукописные переводы Второзакония в объеме около 38 страниц и конец книги Числа (количество страниц неизвестно) из Пятикнижия Моисея. Причем рукописи не подписаны и до сих пор не определен переводчик[3]. Предположительно, переводчиком мог быть классик чувашской литературы К. В. Иванов, автор поэмы

---

[1] Kolarz Walter. Die Nationalpolitik der Sowjetunion. S. 63.

[2] Osteuropa. 1959. Nr. 4. S. 257.

[3] The Stady of Russian History from British archival sources. Edited by Janet M. Hartley. London and New York. 1986. P. 163.

«Нарспи». Осенью 1914 г. он заболел и в ноябре выехал домой на лечение в с. Слакбаш, взяв с собой по просьбе И. Я. Яковлева свои переводы Пятикнижия для проверки и продолжения перевода.

В марте 1915 г. К. В. Иванов умер, не завершив перевода Пятикнижия. После его смерти рукопись с переводами И. Я. Яковлев получил от брата поэта Квинтилиана Иванова. Квинтилиан учился тогда в Симбирской чувашской школе. Так переводы К. В. Иванова остались не подписанными и в таком же виде были отправлены в Лондон. Теперь необходимо получить эти рукописи из архива БИБО, хотя бы в копиях.

В зарубежной научной литературе иногда совершенно неожиданно находишь рецензии на изданные в Чувашской республике книги. Так, английские ученые вполне справедливо критикуют местных ученых за то, что ни в одной из изданных до сих пор книг о Яковлеве не затрагивается вопрос о его сотрудничестве с иностранцами, в частности с БИБО. Такая критика содержится в отзыве на книгу «И. Я. Яковлев и его школа» (Чебоксары, 1971)[1]. Несомненно, сотрудниками библиотеки Кембриджского университета, где хранятся архивы БИБО, написаны рецензии на другие книги о чувашском просветителе, особенно «Воспоминания» (Чебоксары, 1982, 1983), «Письма» (Чебоксары, 1985), «Из переписки». Часть 1. (Чебоксары, 1989), но они еще не дошли до нас. Издание IV тома собрания сочинений И. Я. Яковлева, а именно второй части «Из переписки» приостановлено по той причине, что для ее издания необходимо извлечь его письма из архивов БИБО и его филиала в Гельсингфорсе, из фондов Франции, Германии.

Таким образом, имя И. Я. Яковлева известно далеко за пределами нашей страны. Исследованию наследия Яковлева посвящено немало трудов зарубежных ученых, которых, к сожалению, мы знаем недостаточно. Существование за рубежом различных оценок деятельности чувашского просветителя свидетельствует о его международном признании.

[1] Batalden Stephen K. Revolution and Emigration: the Russian Society.—Aforecited. P. 63.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ПРОСВЕТИТЕЛЯ

Последние годы жизни И. Я. Яковлева явились серьезной проверкой его политических взглядов, испытанием на верность интересам Родины. Эта преданность проверялась в суровые годы гражданской войны, когда Симбирск стал ареной ожесточенных военных действий противоборствующих сторон. Как известно, с 22 июля по 12 сентября 1918 г. город находился в руках белочехов. Весною 1919 г. город снова оказался в опасности, к нему рвался Колчак. Вместе с белочехами и колчаковцами Симбирск покинули некоторые его старожилы, не верившие в успех Советской власти. Среди них были и коллеги И. Я. Яковлева, в частности, почетный попечитель Симбирской чувашской школы купец-миллионер Н. Я. Шатров, бывший директор народных училищ Симбирской губернии И. В. Ишерский и другие. Они пытались склонить и И. Я. Яковлева к эмиграции. И. В. Ишерский, отступая с белочехами, скончался в Бугульме. Его могилу нашел проживавший там В. Н. Никифоров. 28 октября 1930 г. он писал И. Я. Яковлеву: «Здесь на кладбище похоронен Иван Владимирович Ишерский, могила с оградой и надписью. Близких здесь, видимо, нет. летом могила обросла крапивой. Я вычистил»[1].

На все уговоры покинуть Симбирск, Россию Яковлев отвечал кратко, но решительно: «Я всегда был и останусь с народом». Он не представлял своей жизни без народа и Родины. Таким он был в юности и таким оставался до конца жизни. Многолетний, бескорыстный труд на поприще просвещения закалил его характер, укрепил веру в могучие силы родного народа. В 1918 г., в день празднования 50-летия своей педагогической деятельности, на вопрос корреспондентов о выдающихся событиях в жизни за этот период он заявил: «Не было никаких выдающихся событий. За все 50

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 752. Л. 2.

лет был сплошной труд, сплошная травля и сплошное страдание за народ»[1]. Но ни преследования царских чиновников, ни угрозы и ложные доносы не смогли изменить его убеждений, основанных на беспредельной преданности интересам народа. В письме В. И. Ленину 12 ноября 1919 г. он писал: «Зато могу сказать с чистой совестью по отношению к Родине и родному мне народу, что, дожив до 72 лет, лучшую часть жизни отдав делу народного просвещения, сейчас без всяких средств существования и даже без пенсии со службы, оторванный от любимого мне дела, бывшего для меня много лет и утешением, и гордостью, я остался до конца верен моим заветным идеалам юности»[2].

21 ноября 1918 г. Симбирский губоно циркулярным письмом пригласил И. Я. Яковлева на общее собрание учителей Симбирска «для рассмотрения тех вопросов, которые возникают в связи с реформой существующей школы в единую трудовую школу, прося изложить эти вопросы в письменной форме». Ввиду болезни он не смог присутствовать на собрании, но несколько позднее на двенадцати листах изложил свои пожелания и взгляды на будущую реформу школ. По его мнению, Симбирская чувашская учительская семинария и впредь должна оставаться трудовым учебным заведением с мастерскими и сельскохозяйственной фермой. Без них он считал невозможным создание в учебном заведении нормальных условий подготовки учителей для единой трудовой школы вообще, для сельской школы в частности. «Смело можно предсказать,—писал И. Я. Яковлев,—что воспитанники, окончив семинарию, в подобной ненормальной, нездоровой обстановке, заразившись пороками городской жизни, усвоившие себе барские замашки, т. е. совершенно оторвавшись от родной среды, из которой вышли, отвыкнув от труда, нахватавшись верхушек всевозможных знаний, не нужных им ни в жизни, ни в педагогической деятельности, или не пожелают возвращаться в деревню на должность скромного учителя, или, если и пожелают вернуться туда, то занесут с собою вместо полезных знаний и навыков сомнение, верхоглядство порока, лень, презрение к своему брату-крестьянину, неуважение к власти, равнодушие к Родине и самое поверхностное, неверное с нею знакомство»[3]. Эти слова с особой силой звучали в первые годы Советской власти, когда страна остро нуждалась в прогрессивных учителях.

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 752. Л. 2.
[2] И. Я. Яковлев и его школа. С. 275.
[3] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 7. Д. 5. Л. 6.

Казалось бы, что в период реформы школьной системы образования Симбирской губоно широко использует полувековой опыт И. Я. Яковлева по организации и руководству народным просвещением в губернии. Однако получилось наоборот. 23 ноября 1919 г. Симбирская газета «Заря» опубликовала статью под названием «Яковлев и чуваши», автор которой, признавая заслуги чувашского просветителя в прошлом, призвал общественность отказаться от него по той причине, что он является старорежимцем. Подобный призыв отнюдь не способствовал созданию нормальных условий для дальнейшего развития чувашского учебного заведения в той сложной политической обстановке. Фактически выступление в печати видного члена Симбирской организации РКП(б), редактора губернской газеты, усилило нападки на Яковлева со стороны ответственных работников Симбирского губоно, что в конечном итоге привело к закрытию Симбирской чувашской учительской семинарии. Только благодаря вмешательству из центра ситуация изменилась, и мечты Яковлева о создании в новых условиях трудового педагогического учебного заведения начали осуществляться. На базе закрытой Симбирской чувашской учительской семинарии были организованы педагогические курсы, институт народного образования, сельскохозяйственный техникум и даже музей, и Яковлев был восстановлен на работе, но впоследствии, как уже отмечалось, ввиду преклонного возраста отказался от руководства учебным заведением и ушел на заслуженный отдых. «Я считаю особое счастье для чуваш,— писал Н. А. Бобровников,— что они доселе имеют во главе главного очага своего просвещения то же лицо, которое положило первый камень этому просвещению и сумело в течение полустолетия объединять и направлять работу большого племени»[1].

И. Я. Яковлева и его жену приглашали к себе на постоянное жительство их сыновья Алексей, Николай и дочь Лида. По воспоминаниям Е. А. Некрасовой, Яковлев не хотел никуда уезжать из Симбирска, не желал он выехать ни в Москву (к Алексею и Лиде), ни в Петроград (к Николаю). Прогрессирующая болезнь глаз все же заставила его оставить Симбирск. Но он надеялся на возвращение в родной город после излечения у высококвалифицированных врачей.

---

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1011. Л. 18.

Из Симбирска Яковлевы выехали в Москву в октябре 1922 г. с сыном Николаем, а отсюда через несколько дней переехали на станцию Елизаветино, близ Петрограда, где в то время жил их сын, инженер-конструктор Николай Яковлев. Шла регулярная переписка с другим сыном, Алексеем, который бережно сохранил весь перевезенный архив отца. В нем находились также письма И. Я. Яковлева к И. Н. Ульянову, Ильминскому, Рекееву и др. 6 февраля 1923 г. он писал Алексею: «С. Ф. Платонов спросил меня: «Пишу ли я воспоминания о Николае Ильминском?» Я ответил, что написано, что можно было и передано уже все Леле. Я разумел автобиографию, написанную через Жиркевича, собственное жизнеописание Николая Ивановича Ильминского и свои личные воспоминания, но, к сожалению, все это не отделено...

Живу я, должно быть, более 5 месяцев здесь... Я живу у Коли хорошо: питаюсь, имею хорошее помещение, тепло, отлично, гуляю; маме тоже дали хорошее удобное помещение. Съездил один раз в Петроград, совещался о глазах, признавали ненужным делом мне операцию по случаю катаракты»[1].

Н. И. Яковлев неоднократно консультировал своего отца у опытных специалистов, ученых, которые ничего опасного не нашли и не предсказали. Летом 1923 г. Яковлевы переехали в Москву. Где бы ни находился Иван Яковлевич, он не переставал думать о своем детище — Симбирской чувашской школе. Он был привязан к своей внучке Екатерине Алексеевне Некрасовой, воспитывавшейся в его семье до 17 лет. В то время она тоже жила в Москве. По ее рассказам, И. Я. Яковлев неоднократно пытался выехать из Москвы в Симбирск. 6 февраля 1924 г. он писал завхозу Симбирского чувашского педтехникума Н. В. Никифорову: «Я собираюсь возвратиться в г. Симбирск и прошу Вас сообщить мне сведения о квартире, в которой я могу поместиться... Кто теперь управляет школой? Сколько у вас учеников и учениц всех? Кто учителя и учительница? Как называется в настоящее время наша школа? Сколько вы получаете на содержание школы денег? Я просил бы вас очень позаботиться о сохранении в целостности всего имущества»[2].

В столице Иван Яковлевич и его жена Екатерина Алексеевна сначала жили у сына Алексея, а затем — у дочери

---

[1] Научный архив ЧНИИ. Отд. 2. Д. 848. Л. 1.
[2] НА ЧНИИ. Кн. 7. Инв. 3572.

Лиды. Здесь часто навещали их бывшие ученики и учителя Симбирской чувашской школы.

Летом 1923 г. в здании бывшей Симбирской чувашской школы состоялась встреча учителей, которые решили обратиться к И. Я. Яковлеву с просьбой вернуться в Симбирск. Один из бывших ее учителей И. С. Степанов даже писал: «В нынешнее лето в чувашской школе были курсы, где много было бывших воспитанников, и все они жалеют, что Иван Яковлевич оставил школу. Я предложил им такую мысль — просить Ивана Яковлевича вернуться в Симбирск, причем взять на себя обязательство содержать стариков так, чтобы они ни в чем не нуждались.

В августе у меня были Михаил Петрович и Наталья Яковлевна, и вот мы решили развить эту мысль среди чувашской массы. Петров взялся вести агитацию по Казанской губернии, Наталья Яковлевна — по своему уезду, я лично — по Симбирской губернии, по Самарской, Саратовской, Уфимской...»[1].

Находясь вдали от родного города, И. Я. Яковлев часто получал письма с просьбами вернуться в Симбирск, Чебоксары, что свидетельствует о популярности его имени среди народа и общественности. 13 сентября 1923 г. областной комитет РКП(б) Чувашской автономной области принял решение «считать настоятельно необходимым перевезти И. Я. Яковлева, старого ветерана чувашского просвещения, в Чебоксары и содержать на средства облисполкома»[2].

Но Екатерина Алексеевна и дети возражали против возвращения Яковлева в Симбирск и Чебоксары. Ему шел уже восьмой десяток, и такой переезд мог неблагоприятно отразиться на здоровье старца. Яковлеву пришлось остаться в Москве.

Живя у своих детей, он продолжал поддерживать связь с чувашским учительством. «Патриарха чувашской культуры» часто навещали представители интеллигенции, студенты и рабочие, его приглашали на встречи, собрания. 16 сентября 1927 г. его избрали почетным членом Общества изучения чувашской культуры[3].

Выдающимся событием последних лет жизни для Яковлева явилось празднование 80-летия со дня рождения и 60-летия Симбирской чувашской школы. Осенью 1928 г. эти знаменательные даты отметила вся наша страна как

---

[1] ЧРКМ. Ф. И. Я. Яковлева. Инв. 10131/13. Л. 1.
[2] Партархив Чувашского ОК КПСС. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9. Л. 92.
[3] ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 9. Д. 6. Л. 1.

большой общенациональный праздник народов Советского Союза. Центральные газеты и журналы поместили статьи с портретами чувашского просветителя. Газеты «Известия ВЦИК» назвала его «одним из замечательных культурных работников XIX в.»[1].

14 октября 1928 г. в Москве в клубе НК РКИ было организовано торжественное заседание Общества изучения чувашской культуры и Наркомпроса РСФСР с участием представителей партийных, профсоюзных организаций, московского землячества чувашских студентов, рабочих и служащих по случаю 60-летия Симбирской чувашской школы и 80-летия ее основателя. На заседании с яркой речью выступил А. В. Луначарский. Свой большой доклад он начал словами: «Мы собрались подвести итоги исключительно важной для всех народов работы чувашской школы, являющейся источником возрождения чувашской культуры. Мы чествуем и организатора школы — 80-летнего пионера чувашского просвещения Ивана Яковлевича Яковлева»[2].

Первую часть доклада Луначарский посвятил анализу сущности национальной политики новой власти, во второй — остановился на истории возникновения и развития Симбирской чувашской школы. «Некоторые специальные приемы царского правительства, совпавшие 60 лет назад с интересами просвещения чувашского народа,—заявил докладчик,— помогли Ивану Яковлевичу организовать в Ульяновске школу с преподаванием на чувашском языке. Царские чиновники полагали, что при помощи родного языка легче будет обрабатывать чувашей в духе глубочайшего раболепства и верноподданничества»[3].

«Иван Яковлевич Яковлев будучи сам чувашским крестьянином-бедняком, носил в себе горячую любовь к своему народу. Он проявил богатырские жизненные силы».

Торжественное празднование в столице Советского государства по значению выходило далеко за пределы национальных рамок. По словам Луначарского, оно явилось большим политическим событием, «праздником всех народов СССР, колониальных народов мира, которые в этом празднике видят свободное развитие».

Говоря о значении деятельности И. Я. Яковлева, докладчик охарактеризовал его как «великого организатора и практика, беззаветно преданного своему обездоленному на-

[1] Известия ВЦИК. 1928. 14 октября.
[2] Там же. 16 октября.
[3] Там же.

роду». Он сказал: «Иван Яковлевич — не просто просвещенец, но и культурный вождь своей нации»[1].

Участники этого торжественного заседания послали приветственные телеграммы в ЦК РКП(б), И. Я. Яковлеву и в Ульяновский чувашский педтехникум, носивший имя основателя.

Торжественные собрания прошли в те дни в Ульяновске, Чебоксарах, в других городах и селах, что явилось показателем широкого признания новым поколением и государством исторических заслуг чувашского просветителя.

В год празднования своего 80-летия И. Я. Яковлев жил у своей дочери, Л. И. Некрасовой. Ее муж, известный советский биолог, профессор сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева А. Д. Некрасов, в Соломенной Сторожке имел дачу, недалеко от той же академии (улица Ивановская, 16). Здесь в 1928 г. сняли первый фильм о жизни и деятельности выдающегося чувашского педагога-просветителя. К сожалению, история не сохранила до наших дней этого фильма. Дошло лишь несколько кадров, впоследствии использованных режиссером студии «Центрнаучфильм» Д. Э. Дубинским в новом фильме об И. Я. Яковлеве под названием «Дело его жизни».

В Соломенной Сторожке за Яковлевым ухаживали не только его дети, но и родственник А. А. Анастасьин, специально вызванный из Кошек-Новотимбаева. И. Я. Яковлев в последние годы жизни особенно тосковал по Симбирской чувашской школе и часто собирался на железнодорожный вокзал, чтобы выехать в родной город. В 1860 г. он прибыл в этот город учиться в лаптях, с бураком за спиной, а в 1922 г. оставил в нем целый комплекс учебных заведений — институт народного образования, сельскохозяйственный техникум и другие. Трудно было расстаться с Симбирском, где провел он около 60 лет жизни, из которых более 50 лет посвятил созданию и развитию культурного центра в нем. Даже будучи прикованным к постели, он не переставал интересоваться судьбой школы, спрашивал о жизни и деятельности ее воспитанников, о благосостоянии чувашского народа.

Умер И. Я. Яковлев в Соломенной Сторожке 23 октября 1930 г. от миокардита и был похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище, на северной стороне.

Газета «Известия» 25 октября 1930 г. опубликовала некролог: «Всероссийское общество изучения чувашской куль-

[1] ЦГА ЧССР. Ф. 447-р. Оп. 1. Д. 4. Л. 6—7.

туры с глубокой скорбью извещает о смерти своего почетного члена — известного деятеля по просвещению Ивана Яковлевича Яковлева. Вынос тела сегодня, 25 октября, с 14 часов 30 минут — Петровско-Разумовское, Соломенная Сторожка, Ивановская улица, дом 16. Похороны на Ваганьковском кладбище в 17 часов».

После смерти И. Я. Яковлева его жена Е. А. Яковлева продолжала жить у своей дочери Лиды. Она регулярно переписывалась со своими сыновьями Алексеем и Николаем. 4 ноября 1936 г. она жаловалась Алексею на бессонницу. Е. А. Яковлева скончалась 15 ноября 1936 г. в квартире своей дочери Лиды в Москве (Савельевский переулок, 15, квартира 10) и была похоронена рядом с И. Я. Яковлевым.

В настоящее время в Москве проживают внуки И. Я. Яковлева: заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор А. А. Некрасова, профессор МГУ, доктор физико-математических наук И. А. Яковлев, доцент О. А. Яковлева, а во Франции, три правнучки, два правнука и несколько праправнучек. В Москве также живет много правнуков.

Деятельность И. Я. Яковлева носила многонациональный характер, он много сделал для просвещения народов Поволжья, сближения их с русским народом, приобщения к его культуре. Эта деятельность в то же время была глубоко демократична, «способствовала формированию национальной интеллигенции, открыла народу путь к культуре, науке, создала условия для национально-освободительного движения» [1].

Большую педагогическую помощь оказал чувашский просветитель одному из первых марийских учителей Г. Яковлеву в составлении букваря на луговом диалекте, в организации сельских школ. Эту помощь высоко ценят наши современники. Марийские историки особо отмечают, что И. Я. Яковлев добивался «создания в ряде мест национальных школ для чувашей, марийцев и удмуртов» [2].

Признавая неоценимые заслуги И. Я. Яковлева в создании национальных школ среди народов Поволжья, марийский учитель Вавилов писал ему: «Вы, как истинный просветитель, вывели нас, многих инородцев, из мрака, невежества и этим пробили дорогу для проникновения света» [3].

Известный мордовский просветитель М. Евсевьев, воспитанник чувашской школы в селе Шерауты, был личным другом И. Я. Яковлева, собрал по его примеру много мате-

[1] Ислюков С. М. Школа в Симбирске. Известия. 1968. 26 ноября.
[2] Очерки истории Марийской ССР.— Йошкар-Ола, 1965. С. 258.
[3] ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 602. Л. 150.

риала по устному народному творчеству мордвы. На основе букварей И. Я. Яковлева в 1885 г. он выпустил первый мордовский букварь , а в 1888 г.— первоначальный учебник русского языка для эрзи и мокши. По словам И. К. Ижеватова, известного исследователя наследия М. Евсевьева, на формирование мировоззрения мордовского просветителя большое влияние оказали «просветительские взгляды ученого и педагога чувашского народа И. Я. Яковлева»[1].

Педагогическое наследие Яковлева является ценным источником познания культуры прошлого и в то же время составляет одно из важных средств воспитания молодого поколения в духе преданности интересам народа и Родины. Это наследие изучается студентами педагогических институтов нашей страны, учителями, и учащимися общеобразовательных школ Чувашской ССР. Его детские рассказы неоднократно переиздавались отдельными книгами и по сей день составляют неотъемлемую часть современных учебников для чувашских школ. Взгляды И. Я. Яковлева на воспитание и образование во многом приближаются к современным, в основе которых лежит идея всестороннего развития человека. Некоторые педагогические опыты и идеи вполне применимы и в наши дни, ибо воспитание современного человека не исключает использования наследия прошлого.

По словам профессионального революционера Ф. Н. Петрова, «деятельность Ивана Яковлевича Яковлева имеет историческое значение... Образ его имеет черты не только исторические, но полон тех черт, которые так близки и нужны современному советскому педагогу и общественному деятелю. На примере жизни, трудах и отношения к людям мы учимся у таких людей, как И. Я. Яковлев: как достойно прожить жизнь и как надо воспитывать молодое поколение»[2].

Близость его педагогических идей к нашим дням, значимость их для современности показало празднование в 1968 г. 100-летия Симбирской чувашской школы и 120-летия ее основателя, которое вылилось во всенародный праздник нашей страны. Газеты «Правда», «Известия», «Советская Россия», а также ряд центральных журналов посвятили свои статьи этим знаменательным датам. На объединенном торжественном собрании ученых АПН СССР, высших учебных

---

[1] Педагогическая энциклопедия. Т. 1.—М., 1964. С. 823.

[2] Цитируется по сб.: И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников — Чебоксары, 1968. С. 130.

заведений, научно-исследовательских институтов и общественности г. Москвы министр просвещения РСФСР, проф. А. И. Данилов заявил: «Каждое новое десятилетие приносит доказательства тому, что дела и труды чувашского просветителя принадлежат не только истории, но и являются большим вкладом в сокровищницу передовых педагогических традиций всей нашей страны».

По случаю этого славного юбилея поздравительные телеграммы прислали президент АПН СССР, академик М. В. Хвостов, президент Болгарской Академии наук, академик Ангел Балевский, украинский писатель, Герой Советского Союза Юрий Збанацкий, ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик И. Г. Петровский и другие видные ученые, писатели и общественные деятели.

Наследие И. Я. Яковлева стало предметом специальных исследований и для зарубежных ученых. На страницах энциклопедических словарей, педагогических журналов и книг многих стран мира мы находим статьи с различными оценками его деятельности.

Ныне в столице Чувашской ССР, в Чебоксарах, воздвигнут памятник И. Я. Яковлеву, в педагогическом институте, носящем его имя, открыт мемориальный музей просветителя. Именем И. Я. Яковлева названы средние общеобразовательные школы в Чувашии, улицы в Чебоксарах и Ульяновске. Самое крупное высшее учебное заведение республики — государственный университет — носит имя его верного друга И. Н. Ульянова. В городе Ульяновске намечается открыть государственный музей И. Я. Яковлева.

№ 1

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЧУВАШСКОМУ НАРОДУ

Во имя Отца и Сына и Святого духа! Обращаюсь к вам первым, друзья и родичи мои чуваши. О вас болел я душой, к вам в этот час обращается мысль моя, и вам первым хочу сказать мои последние пожелания.

Крепче всего берегите величайшую святыню — веру в Бога. Вера окрыляет силы ума и сердца, дарует внутренний мир, утешает и одобряет душу в часы несчастья и горя, очищает и просветляет ее в счастье и удаче. С верой в Бога не страшны жизненные испытания; без веры в него холодно и мрачно на земле. Веруйте, что есть мздовоздатель за добро и за зло, что есть высшая правда, есть Божий суд, грозный и праведный.

Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. Народ этот принял вас в свою семью, как братьев, не обидел и не унизил вас. Ведомый Провидением к великим, нам незримым целям, народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него. Трудна была жизнь этого народа, много горестей и несчастий встретил он на своем долгом и скорбном пути, но он не угасил в себе светочей духа и не утратил понимания своего высокого призвания. Да будут его радости вашими радостями, его горести вашими горестями, и вы приобщитесь к его светлому и грядущему величию. Народ этот не обидел вас в прошлом, он не обидит вас и в будущем. Любите его и сближайтесь с ним. На всяком поле есть плевелы, но мой долгий опыт да будет порукой тому, что среди русского народа вы всегда встретите добрых и умных людей, которые помогут вашему правому делу. Русский народ выстрадал свою правду, и, нет сомнения, правдой этой он поделится с вами. Верьте в Россию, любите ее, и она будет вам матерью. Залогом и путеводной звездой да послужит бессмертное имя моего учителя Николая Ивановича Ильмин-

ского, олицетворяющего для меня все величие и всю красоту русского народного характера.

Обращаюсь к тем из вас, кому выпало счастье получить образование. Помните, что вы сами должны помогать своим бедным и обездоленным сородичам, не надеясь на то, что помощь к ним придет откуда-нибудь со стороны. Помните, что долг работать над просвещением чувашей лежит прежде всего на вас, на людях, которые вышли из их среды. Возвращайтесь же к своим соплеменникам с сокровищем научного знания, насаждайте среди них понятия гражданственности, учите их закону и праву: заботу об этом должны взять на себя вы, выходцы из народа. Не гнушайтесь бедности, слабости и невежества своих сородичей: из них вы вышли и для них вы должны поработать, чтобы заплатить ваш долг за полученное за счет народа образование. Любовь народная вознаградит вас за то, что вы не забудете вашего долга перед своими младшими братьями. Помните, что владеть сердцем народным вы сможете, только если не будете чуждаться языка народного. В обращении к народному языку нет измены русскому делу: служить великому русскому Отечеству можно, не забывая родного языка, воспринятого от матерей ваших. Доделайте то, что, может быть, не удастся закончить мне: дайте чувашскому народу Священное Писание, полностью завершив перевод Ветхого Завета. Послужите делу христианского просвещения, распространяя свет Евангелия среди многочисленных народностей, населяющих русский Восток: по языку и духу вы ближе к этим народностям, чем сами русские. Работой на этой обширной ниве вы заплатите русскому народу часть того великого долга, которым вы обязаны ему, получив из его рук свет веры Христовой.

Берегите семью: в семье опора народа и государства. Семейные заветы всегда были крепки среди чувашей. Охраняйте же это сокровище. В семейном счастье — защита от жизненных испытаний. Крепкой и дружной семье не страшны внешние житейские невзгоды. Берегите целомудрие, бойтесь вина и соблазнов: если обережете семью, обережете детей и создадите крепкую опору для мирного и спокойного труда.

Будьте дружны между собой, избегайте мелких счетов и распрей, помните о великом завете Спасителя: любите ненавидящих вас и твердо надейтесь на жизненную силу уступчивости и снисхождения.

Верьте в силу мирного труда и любите его. Делайте самое маленькое дело терпеливо и с любовью, не ропщите на

размеры жизненной задачи. Самое малое дело можно осветить и осмыслить любовным к нему отношением и самое большое можно уронить и обезглавить отношением небрежным и нерадивым. Счастье и успех придут ко всякому, мирно и с любовью совершаемому делу. Бойтесь путей кривых и обходных: успехи, достигаемые нечистыми средствами, непрочные и временные.

Вот что я хочу сказать вам, готовясь предстать перед Высшим судьей. Если в ком есть память о вольной или невольной обиде, мною причиненной, прошу простить меня и помолиться обо мне. Сердечно благодарю за тепло и ласку, которыми не по заслугам моим дарили меня вы, мои соплеменники и многие русские люди, приходившие с открытым сердцем на помощь моему делу. Горячую благодарность приношу всем товарищам и сотрудникам моим по работе: без их бескорыстного усердия был бы невозможным и мой труд. Шлю привет непосредственным ученикам моим. Учебные часы, среди них проведенные, были отрадными часами моей жизни. Да сохранит и да обережет вас Бог в жизненных путях ваших.

Иван Яковлев.

г. Симбирск, 4 августа 1921 г.

ОРГБЛ. Ф. 361. Карт. 8. Д. 13.

№ 2

ОБЪЯВЛЕНИЕ
об открытии Землемеро-Таксаторских классов при Симбирской гимназии

Вследствие отношения г. Управляющего Межевым Корпусом, от 24 октября за № 3605, от г. Исправляющего должность Директора училищ Симбирской губернии объявляется, что, во исполнение Высочайшего повеления 28 октября 1859 года, опубликованного в С.-Петербургских Сенатских Ведомостях 15 апреля сего года, в № 31, об учреждении в Губернских городах Землемеро-Таксаторских классов, при Симбирской Гимназии должны быть открыты немедленно Землемеро-Таксаторские классы, с целью образовать людей, которые бы могли заниматься производством съемок и таксацией поземельной собственности, в чем, при настоящем развитии вопроса об улучшении быта крестьян, представляется ощутительная надобность.

1) В Землемеро-Таксаторские классы принимаются ученики всех сословий не моложе 15 лет; кончившие курс в 4 или в одном из высших классов гимназии без экзамена, а все прочие по предварительном испытании в русской грамматике, общем географическом обозрении всех частей света и в особенности России, арифметике, логиметрии и рисовании.

2) Ученики Землемеро-Таксаторских классов, поступившие в оные из гимназии, могут продолжать носить одежду, присвоенную воспитанникам гимназии, для прочих же особой формы не полагается; но они должны являться в классы в приличном и опрятном виде.

3) Желающие посещать Землемеро-Таксаторские классы должны ныне же подать прошения о том Исправляющему должность Директора училищ, с приложением надлежащих документов (метрического свидетельства и документов о происхождении и звании).

4) Курс учения Землемеро-Таксаторских классов, согласно вышесказанному Высочайшему повелению продолжается 2 года, по одному в каждом классе.

5) Ученикам старшего курса Землемеро-Таксаторских классов, стесненным в способах своего существования, согласно Высочайшему повелению, состоявшемуся 28 октября 1859 года, назначаются, с утверждения Управляющего Межевым Корпусом, стипендии от 5 до 8 р. в месяц, если они будут заслуживать по успехам учения и своему благонравию. Впрочем, это пособие, по особо уважительным причинам, может быть оказываемо и ученикам младшего курса. Ученики, оставшиеся на другой год в классе, ни в коем случае не могут пользоваться стипендией.

6) Все успешно окончившие курс учения в Землемеро-Таксаторских классах, по выдержании экзамена и по удостоении Управляющего Межевым Корпусом, приобретают звание частных Землемеров и Таксаторов, и получают на то диплом за подписью Директора Гимназии и Инспектора Землемеро-Таксаторских классов.

7) Частным Землемерам и Таксаторам, получившим образование в занимаемых классах землемерия и таксации при Губернских Гимназиях, предоставляются следующие права и преимущества:

А) Происходящим из состояний, имеющих право на поступление в гражданскую службу.

1) Частные Землемеры и Таксаторы, по выпуске из Землемеро-Таксаторских классов, тогда же зачисляются на действительную службу.

2) До получения 14 класса они пользуются зауряд правами, сопряженными с сим чином.

3) Они производятся в чин 14 класса, если представят законные удостоверения о действительных занятиях по званию Частного Землемера и Таксатора, в следующие сроки: а) происходящие из потомственных дворян, если они поступили в сии классы из 4-го, а не из высших классов Гимназии, через 2 года; б) из детей личных дворян, потомственных почетных граждан, купцов 1-й гильдии, священнослужителей православного и армянского исповеданий и из детей Евангелическо-Лютеранских и Реформаторских пасторов, через 3 года и в) из детей канцелярских служителей, ученых и художников, не имеющих чинов, через 5 лет.

Для лиц, успешно окончивших курс в Гимназиях и равных им заведениях, но не получивших однако при выпуске из сих заведений прав на классные чины, равно как и для лиц, поступивших в Землемеро-Таксаторские классы из 5 и высших классов Гимназий, срок производства в чин 14 класса сокращается одним годом.

4) Получив чин 14 класса, Частные Землемеры и Таксаторы, на том же основании, т. е. с условием предоставления свидетельств о занятиях, могут быть производимы в чины до 8 класса включительно, на общих правилах о гражданской службе, считая однако же срок на выслугу в следующие чины годом более противу определенного законом, ибо полевые занятия их могут продолжаться не более 8 месяцев в году.

5) Те же из частных Землемеров и Таксаторов, которые будут определены на штатные или сверхштатные должности при межевых учреждениях, пользуются относительно чинопроизводства, правами и преимуществами, присвоенными занимаемым ими должностям.

Б) Происходящим из состояний, не имеющих права на поступление в гражданскую службу:

1) По окончании с надлежащим успехом курса учения, они могут приписываться только для счета к какому-либо городу.

2) Они освобождаются от платежа податей, от телесных наказаний и от рекрутской повинности.

3) Им выдаются временные свидетельства с означением сих прав на 6 лет, по истечении коих сии права утверждаются за ними навсегда через выдачу им окончательных аттестатов от тех мест, где они получили свое образование, но только в том случае, когда лица сии представят упомянутые выше удостоверения, что они в течение означенно-

го срока, действительно занимались исполнением обязанностей по званию Частных Землемеров и Таксаторов и при том не менее шести месяцев в каждом году. Ежели сии лица по истечении 6 лет и одного льготного года не представят удостоверений, то выданные им временные свидетельства отбираются от них, и взамен того им выдаются новые свидетельства с дарованием прав, присвоенных воспитанникам учебных ферм Министерства Государственных Имуществ, т. е. с причислением их к первобытному податному состоянию с освобождением лично от рекрутской повинности, доколе они будут вести себя честно и добропорядочно.

4) Те Частные Землемеры и Таксаторы, которые со дня получения окончательного аттестата, пройдут в действительных занятиях по сему званию, не менее 10 лет и представят законные удостоверения в том, что они исполняли обязанности с знанием дела, честно и добросовестно, приобретают право на получение личного почетного гражданина.

5) Частных Землемеров и Таксаторов из податного состояния дозволяется также определять в гражданскую службу на штатные или сверхштатные должности и в этом случае по истечении 10 лет службы они получают чин 14 класса, в дальнейшем же повышении чинами пользуются общими правами, изложенными в настоящих правилах.

Симбирские губернские ведомости.

12 ноября. 1860. № 46.

№ 3

ПРАВИЛА
которыми следует руководствоваться моим воспитанникам при своих занятиях, в домашней жизни и во всех других случаях

§ 1. В праздничные дни ходить в ближайшую церковь или в другую какую к обедне, и накануне — ко всенощной.

§ 2. Утром и вечером все должны помолиться богу вместе, а иногда отдельно, точно так же перед обедом и до обеда.

§ 3. Накануне праздников, после всенощной, заниматься чтением Евангелия, Библии на русском языке, с переводом непонятных мест на чувашский язык, тем самым должны заниматься и после обедни до обеда.

§ 4. Никто не может пропускать классы без серьезных причин.

§ 5. Надзор за всеми, за домашним порядком и за точным исполнением правил возлагается на Алексея Рекеева.

§ 6. Алексею Рекееву подчиняются все безусловно, никто не смеет уходить никуда, не спросясь Алексея Рекеева.

§ 7. Алексей Рекеев имеет право наказывать кого следует за проступок.

§ 8. В отсутствие Алексея Рекеева обязанности его исполняет Иван Исаев.

§ 9. Каждый день должен быть дежурный, чтобы наблюдать за чистотою. Дежурный обязан ходить в класс и готовить уроки, как и другие. От дежурства освобождается один Алексей Рекеев.

§ 10. Утром вставать в $6^1/_2$ часов, никто не смеет спать после $6^1/_2$ часов; вечером ложиться в $9^1/_2$ часов. Всякий может вставать раньше и ложиться позже означенного времени.

§ 11. Алексей может отпустить гулять троих и двоих мальчиков под руководством Ивана Исаева.

§ 12. За непослушание, ссору, брань, еще более за драку между собою виновные наказываются самым строгим образом.

§ 13. Алексей Рекеев по делам, касающимся себя и всех других мальчиков, ходит и объясняется с кем следует.

§ 14. Алексей Рекеев ведет данную ему приходно-расходную книгу, получая и расходуя деньги по мере надобности.

§ 15. Алексей Рекеев поставляет мне отчет по прошествии каждого месяца в получении и расходовании денег.

§ 16. Каждые две недели Алексей Рекеев, мальчики, которые могут, пишут мне письма на русском языке, первый обо всем касающемся мальчиков, последние о себе.

§ 17. Обедать в $2^1/_2$, не раньше и не позже — всегда.

§ 18. Объясняется, ведет счет и делает замечания, если следует, хозяйке квартиры только один Алексей Рекеев.

ЦГА, ЧССР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1
(полностью публикуется впервые).

№ 4

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою начертано: «Быть по сему».

В С.-Петербург,
6-го февраля 1890 г.

ПОЛОЖЕНИЕ
о Симбирской чувашской учительской школе

1. Симбирская чувашская учительская школа имеет целью приготовление учителей для начальных чувашских училищ в видах распространения религиозно-нравственного, православно-русского просвещения среди чувашского населения.

2. Чувашская школа есть заведение закрытое.

3. В школе обучаются крещеные и некрещеные чуваши в количестве сорока казеннокоштных воспитанников.

4. Кроме казеннокоштных воспитанников допускаются, насколько позволяют помещение и педагогические условия школы, стипендиаты земства, сельских обществ, частных учреждений и лиц, а также своекоштные воспитанники, которые должны жить в школе вместе с казеннокоштными воспитанниками на одинаковых с ними условиях.

5. Для практики в русской речи и для сближения инородцев с русскими в школу могут быть принимаемы, как казеннокоштными воспитанниками, так и частными стипендиатами, русские мальчики в числе, определяемом педагогическим советом школы (§ 14 п. б).

6. Средства школы составляют: а) суммы, отпускаемые ей из казны по штату; б) плата за содержание частных стипендиатов и своекоштных воспитанников (§ 4) и в) случайные пожертвования в пользу школы от обществ и частных лиц. Суммы, поступающие на основании п.п. б) и в) причисляются к специальным средствам школы.

7. Школа состоит в ведении попечителя Казанского учебного округа.

8. Управление школой возлагается на инспектора чувашских школ Казанского учебного округа. В помощь ему назначается попечителем округа один из штатных преподавателей наук, который называется заведующим школою и получает по этой должности особое добавочное вознаграждение.

9. Наставники избираются инспектором чувашских

школ: законоучитель по предварительному соглашению с епархиальным начальством, из духовных лиц, получивших богословское образование в духовной академии или семинарии, а преподаватели наук — из лиц православного исповедания, природных чуваш, основательно знающих русский язык, или из русских, свободно говорящих по-чувашски. Те и другие должны иметь звание учителей городских или начальных училищ. Все наставники утверждаются в должности попечителем учебного округа.

10. Врач избирается инспектором чувашских школ с утверждения попечителя учебного округа, а учителя церковного пения, чистописания, черчения и рисования, гимнастики и ремесел, а равно и эконом и смотритель дома определяются инспектором.

11. Законоучитель и преподаватели наук пользуются правами и преимуществами по службе, а равно пенсией и единовременными пособиями, предоставленными учителям городских училищ Министерства Народного Просвещения.

12. При школе имеется домовая церковь, настоятель которой избирается попечителем Казанского учебного округа по соглашению с епархиальным архиереем.

13. Совет школы образуется под председательством инспектора чувашских школ, а в его отсутствие — заведующего школой учителя, из законоучителя, прочих наставников школы и учителя пения. По вопросам гигиеническим и врачебным приглашается в заседание совета, с правом голоса, состоящий при школе врач.

14. К обязанностям совета относятся: а) прием и увольнение воспитанников; б) определение числа русских учеников как казеннокоштных, так и своекоштных (§ 5); в) выдача окончившим курс свидетельств на право учителей начальных училищ; г) выбор учебников и руководств из числа одобренных Министерством Народного Просвещения и духовным ведомством по принадлежности; д) распределение учебных предметов между наставниками; е) распределение по классам учебного курса преподаваемых предметов; ж) выбор и выписка книг для фундаментальной и ученической библиотек; з) составление предположений о размере платы за содержание частных стипендиатов и своекоштных воспитанников; и) составление ежегодно сметы расходов по содержанию воспитанников; й) расходование штатных сумм согласно счетному уставу Министерства Народного Просвещения; к) определение расходов, производимых из специальных средств школы; и л) изыскание мер, могущих вообще служить благоустройству и успехам

заведения в учебно-воспитательном, административном и хозяйственном отношениях. Постановления совета, касающиеся предметов, обозначенных в п.п. д, е, ж, и, к, л, представляются на утверждение попечителя учебного округа, а предположения о размере платы за содержание частных стипендиатов и своекоштных воспитанников (п. з) представляются чрез попечителя округа на утверждение Министра Народного Просвещения.

15. В школе преподаются: Закон Божий, русский и церковно-славянский языки и арифметика с методическими указаниями в конце курса относительно преподавания двух последних предметов в начальных сельских училищах, главные основания геометрии с элементарными сведениями из землемерия, русская история, краткая всеобщая и более подробная русская география, необходимейшие сведения по естествоведению, чистописанию, черчение и рисование, церковное пение, сверх того воспитанники обучаются по мере возможности, гимнастике и ремеслам по выбору совета, а в летнее время занимаются огородничеством и садоводством.

16. Полный курс учения продолжается шесть лет и распределяется по трем классам с двухгодичным курсом в каждом классе.

17. Последний год шестилетнего курса назначается на практические занятия учеников по преподаванию под руководством наставников в одном из чувашских начальных училищ в гор. Симбирске.

18. Прием учеников допускается только в первый и второй классы, причем в первый класс принимаются дети не моложе 12-ти лет от роду со сведениями не ниже курса начальных училищ, а во второй ученики соответствующего возраста, оказавшие на испытаниях достаточные сведения в пройденном на первом курсе.

19. В число казеннокоштных воспитанников зачисляются по определению совета на имеющиеся вакансии ученики, оказавшие при испытаниях лучшие успехи.

20. Воспитанники, окончившие с успехом курс, получают, по удостоению совета, свидетельства на звание учителя начального училища и за все время служения своего в этой последней должности освобождаются от всех личных повинностей.

21. Казеннокоштные воспитанники, окончившие курс с званием учителя, назначаются учителями в сельские чувашские училища с обязательством прослужить шесть лет в должности учителя в начальных чувашских школах Казанского учебного округа. Те же, которые за недостатком

учительских вакансий или по особым уважительным обстоятельствам не будут определены на учительские должности, освобождаются, по ходатайству педагогического совета школы и с разрешения попечителя учебного округа, от обязательной службы без всякого денежного взыскания за полученные им стипендии.

22. Воспитанники школы, по отбыванию воинской повинности, пользуются льготами, предоставленными воспитанникам учительских семинарий.

23. Школа имеет печать утвержденного для губернских установлений образца, с надписью вокруг государственного герба: «Симбирская чувашская учительская школа».

24. Льготы, которыми пользуется школа относительно платежа пошлин, гербового и иных сборов, а также по отправлению государственных, земских и городских повинностей, определяются в надлежащих уставах.

Председатель Государственного Совета «Михаил».

Отпечатано в типографии И. С. Хапкова в Симбирске в 1900 г.

* * *

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою начертано: **«Быть по сему».**

В С.-Петербург.
6-го февраля 1890 г.

Ш Т А Т
Симбирской чувашской учительской школы

	Число лиц	Содержание в год			Классы и разряды		
		Одному		всего	по должности	по шитью мундир.	по пенсии
		жалов.	столов.				
		Рубли					
1	2	3	4	5	6	7	8
Законоучителю при казенной квартире	1	400	200	600	—	—	По учебной
Учителям	4	400	200	2400	IX	IX	службе
Одному из преподавателей за заведование школой добавочных	—	—	—	200	—	—	

1	2	3	4	5	6	7	8
Учителю пения	1	—	—	300	—	—	
Учителю чистописания и рисования	1	—	—	240	—	—	—
Врачу и на расходы	1	—	—	360	VIII	VIII	По медицин. службе
Эконому при казенной квартире платы	1	—	—	240	—	—	—
На расходы по обучению огородничеству, садоводству, гимнастике и ремеслам	—	—	—	400	—	—	—
На содержание 40 воспитанников казенных стипендиатов, по 80 р. каждому	40	—	—	3200	—	—	—
На наем писца и канцелярские расходы	—	—	—	360	—	—	—
На библиотеку и прочие учебные пособия, а также на награды воспитанникам	—	—	—	400	—	—	—
На хозяйственные расходы по содержанию и ремонту дома и на наем прислуги	—	—	—	2000	—	—	—
На содержание церкви	—	—	—	240	—	—	—
ИТОГО	—	—	—	10940	—	—	—

Председатель Государственного Совета «Михаил»

Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1890. № 4

№ 5

ПРОГРАММА ПО ТРУДУ

1. Все воспитанники школы в продолжение первых четырех лет обучения должны пройти курс ручного труда по дереву и металлу по программе учительских семинарий и институтов. В задачу по обучению вообще должно быть положено систематическое предложение приемов ремесла по обработке дерева и металла, приноровление к обиходу сельской крестьянской жизни.

Воспитанники Симбирской чувашской учительской школы по обработке дерева и металла должны знать: а) по сто-

лярному ремеслу, поперечное и продольное пиление дерева, обстругивание брусков разного сечения; высверливание и долбление отверстий в дереве, разные виды соединения брусков, склеивание дерева, так, чтобы могли сделать стол, стул, табуретку, кружок, полочку, шкафчик, колотушку, топорище, валек для белья, сбить ящик, приделать ручку к косе и проч.; б) по токарному: обтачивание дерева; вытачивание разного рода ручек и балясин и проч., что достигается и в настоящее время; в) по слесарному: нарезывание болтов, гаек, сверление отверстий, склеивание железных частей; обрубить зубилом железо, производить работы подпилком, приготовление разных шарниров; г) по кузнечному: ковку железа для придания ему требуемой формы, начиная от гвоздей с круглыми головками до разных болтов квадратных, шестигранных и проч., загибать железо под прямым, острым и тупым углами; сваривать железные части, паваривать железо сталью; д) по жести: делать ведра; рукава для железных печей, ковш, лейку, воронку. Также научить по малярному ремеслу: приготовлять замазку, краски, шпаклевать, грунтовать и производить окраску.

2. В классах ручного труда, кроме практических занятий, сообщить сведения и по технике обработки дерева и металла.

3. Занятия в классах ручного труда происходят круглый год, за исключением воскресных и праздничных дней.

4. Перерыв для воспитанников в занятиях во время летних и зимних каникул устанавливается в зависимости от перерыва учебных занятий в школе; причем часть воспитанников, по усмотрению начальства, а также воспитанники, которые сами пожелают, могут быть оставлены для прохождения положенного по программе и для дальнейших усовершенствований и на вакационное время.

5. Кроме воспитанников школы, в классы ручного труда для обучения могут быть принимаемы и специальные ученики, как это практиковалось до настоящего времени в учебно-столярной мастерской школы.

6. Прием специальных учеников производится в начале учебного года, осенью, а затем, если имеются свободные места, и в течение года, в зависимости от хода работ и степени подготовки поступающих.

7. Учащиеся, в зависимости от рода их подготовки и цели обучения, могут быть допущены на более сокращенный курс, а равно и к изучению лишь одного вида труда: по дереву или металлу.

8. При классах ручного труда могут открываться с над-

лежащего разрешения и временные летние курсы, как для практических занятий, так и для сообщения необходимых теоретических сведений.

9. Учащиеся, прошедшие полный курс обучения, а равно временно занимавшиеся на курсах, получают о том свидетельства с обозначением пройденного вида ручного труда и степени успехов...

10. Классы ручного труда могут устраивать, с надлежащего разрешения, выставки изделий, инструментов, материалов и показательных работ.

11. Заведование классами ручного труда может быть поручаемо учителю общеобразовательного предмета школы или особым лицам, и в том, и другом случае необходимо, чтобы заведующий классами ручного труда обладал специальной подготовкой в объеме ремесленных или других промышленных учебных занятий, или же по своей предшествовавшей практике мог не только руководить работами, но и преподавать графические искусства и технику ремесла.

12. В классе ручного труда как по обработке дерева, так и по обработке металла должны быть мастера-специалисты, которые также не только могли бы руководить работами, но и преподавать графические искусства и технику ремесел с соответствующим техническим образованием или практикой.

13. Заведующий классами ручного труда избирается и утверждается инспектором Симбирской чувашской учительской школы, который наблюдает за всем ходом учебно-воспитательной части и несет ответственность за ведение дела.

14. Устройство внутреннего распорядка классов ручного труда, расходование денежных средств, ведение материальной и денежной отчетности, а равно и порядок избирания и утверждения мастеров и подмастерьев устанавливается инспектором школы.

15. Доход от продажи исполненных изделий или от выполненных заказов составляет специальные средства классов ручного труда и расходуется на его нужды, а также на вознаграждение лиц, участвовавших в исполнении заказов или изделий.

ЦГА ЧССР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 883.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРА — Американская администрация помощи.
Архив МО АН СССР — Архив Московского отделения АН СССР.
БИБО — Британское и Иностранное Библейское Общество.
ГАУО — Государственный архив Ульяновской области.
НА АН Венгрии — Научный архив Академии наук Венгрии.
НА ЧНИИ — Научный архив Чувашского Научно-исследовательского института при Совмине Чувашской ССР.
ОРГБЛ — Отдел рукописей государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
ОРГМТ — Отдел рукописей государственного музея Толстого в Москве.
ОРГПБ — Отдел рукописей государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.
СУ — Сборник уложений.
Ф — Фонд.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
ЦГА РСФСР — Центральный государственный архив РСФСР.
ЦГА ТССР — Центральный государственный архив Татарской ССР.
ЦГА ЧССР — Центральный государственный архив Чувашской ССР.
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР.
ЧНО — Чувашское национальное общество.
ЧРКМ — Чувашский республиканский краеведческий музей.
с. с.— статский советник.
т. с.— тайный советник.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Детство и первые ученические годы . . . 8
Детство . . . . . —
В удельном училище 13
В уездном училище и землемеро-таксаторских классах 22
Начало публицистической деятельности . . 34
В гимназии 38
В университете 48
Глава II. Создание нового чувашского алфавита и первых учебных книг 67
Глава III. Становление и развитие чувашской национальной школы 82
Из истории школьного образования чувашей . —
Зарождение школы родного языка . . . 91
Частная школа гимназиста 94
И. Н. Ульянов и Симбирская чувашская школа 114
Преобразование Симбирской чувашской школы в центральную и учительскую 126
Учительская семинария 159
Глава IV. Создание первого чувашского вуза . . . 181
Националисты против Яковлева . . . —
Педагогические курсы 206
Институт народного образования 213
Историко-этнографический музей 217
Симбирский чувашский педагогический техникум 233
Глава V. Педагогическая система И. Я. Яковлева и его общественно-просветительская деятельность . . 236
Мировоззрение . . . . . —
Педагогические идеи И. Я. Яковлева и его система просвещения 253
Инспекторская и общественно-просветительская деятельность 283
И. Я. Яковлев — издатель и переводчик . . 326
Глава VI. И. Я. Яковлев за рубежом 347
Иностранные корреспонденты И. Я. Яковлева . —
И. Я. Яковлев в оценках зарубежных ученых . 385
Последние годы жизни просветителя 391
Приложения 401
№ 1. Духовное завещание чувашскому народу . . —
№ 2. Объявление об открытии землемеро-таксаторских классов при Симбирской гимназии 403
№ 3. Правила, которыми следует руководствоваться моим воспитанникам при своих занятиях, в домашней жизни и во всех других случаях 406
№ 4. Положение о Симбирской чувашской учительской школе 408
№ 5. Программа по труду 412
Список сокращений 415

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

стр.	строка	напечатано	следует читать
20	снизу 10	1853—1855 гг.,	1853—1856 гг.,
91	сверху 5	Зарождене	Зарождение
97	снизу 1	14 сенмября	14 сентября
261	сверху 7	их молока	из молока
309	сверху 10	похоронаня	похоронная
329	сверху 15	болеее	более
385	сверху 4	из чуваш	из чувашей
396	сверху 3	Газеты	Газета
416	снизу 20	Мировоззрение	Мировоззрение И. Я. Яковлева

Н. Г. Краснов. Выдающийся чувашский педагог-просветитель. Заказ № 1323. Тираж 2000 экз.